

«Любовь мстителя»

Нэнси Хавиленд

Серия: Разыскиваемые #1

Перевод: Евгения Гладышева

Редактор и оформитель: Вероника Филонюк,
Екатерина Урядова (с 19-й главы)

Вычитка: Ксюша Попова

Русификация обложки: Александра Волкова

Переведено специально для группы:

[Книжный червь / Переводы книг](#)

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!**

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Оглавление:

Глава 1.....	4
Глава 2.....	9
Глава 3.....	21
Глава 4.....	27
Глава 5.....	38
Глава 6.....	51
Глава 7.....	62
Глава 8.....	73
Глава 9.....	88
Глава 10.....	99
Глава 11.....	106
Глава 12.....	114
Глава 13.....	122
Глава 14.....	135
Глава 15.....	142
Глава 16.....	150
Глава 17.....	160
Глава 18.....	166
Глава 19.....	174
Глава 20.....	186
Глава 21.....	193
Глава 22.....	198
Глава 23.....	206
Глава 24.....	213
Глава 25.....	222
Глава 26.....	230
Эпилог.....	234

Аннотация:

Однажды самый опасный член криминальной семьи итальянской мафии возвращается в Нью-Йорк по просьбе своего наставника, российского криминального авторитета Василия Тарасова. Василию нужен человек в Сиэтле, которому можно доверить безопасность своей дочери, Евы Якобс, пока сам Василий будет мстить убийце ее матери. Габриэль неудержим в бою, использует ли он кулаки, лезвия или пули. Но невинная Ева с волосами цвета оникса может оказаться самым опасным и прекрасным созданием, с которым он когда-либо сталкивался. Искры напряжения проскаивают между ними, соблазняя Габриэля совместить работу с удовольствием, пока он находится в Изумрудном Городе. Но как только прошел слух, что Габриэль появился в Нью-Йорке, Стефано — его мстительный брат и по факту глава семьи — решает, что Ева это ключ к прекращению вражды между ними... надолго. В этом захватывающем дух романтическом триллере, разворачивающемся на фоне легендарного преступного мира Нью-Йорка, лояльность будет проверена, секреты раскрыты, и справедливость восторжествует.

Глава 1

СЕМЬ НЕДЕЛЬ НАЗАД...

Впервые за долгие разрушительные двадцать четыре часа Василий Тарасов ощущал, как спадало напряжение в спине и шее. Он оглядел эксклюзивный ночной клуб на Манхэттене: наблюдал, как тает лед в водке, и чувствовал, как скривились губы, поймав внезапную тишину среди постоянных гостей. Это ненадолго. Яростный ропот нахлынул волной.

- Дерьмо, это он...
- Господи... это еще один...
- О боже, он прекрасен...
- Ад замерз? Не слышал...
- То ли я усох, то ли он больше, чем я помню?..
- Я сваливаю отсюда на хрен. Ты знаешь, кто это?..

Страх и уважение преобладали в голосах, когда все глаза, включая его собственные, наблюдали за вошедшим, командовавшим у входа. Его с двух сторон окружили Куан и Джак — здоровенные мужчины, выглядевшие так, словно без труда могли нанести максимумувечий.

И они были способны на такое. Василий подтвердит. Он видел, как эти двое вырубили полдюжины вооруженных врагов, а потом вскочили на ноги в поисках новых. Троица на входе выглядела довольно устрашающе. Все они, но особенно человек в центре.

Габриэль Моретти.

Босс.

Или, Василий исправил себя с тихим смешком, тот, кто *должен быть боссом*.

Он еще больше расслабился, наблюдая, как Габриэль изучает шикарное окружение, и теплое чувство расцветало в его полной печали груди от встречи с любимчиком. Так его в шутку прозвали другие ребята, но это было правдой. Габриэль всегда занимал особое место в его сердце. Словно брат, хотя и с разными родителями. Настолько велико было его доверие к Габриэлю. По этой причине Василий и вызвал его сегодня вечером.

Василий поднялся, когда троица окружила его столик. Даже понимая, что смущает их, он все же тепло обнял и поцеловал в щеки вставшего перед ним Габриэля.

После обычных слов, наподобие «рад тебя видеть», «я тоже», они сели. Василий кивнул Куану и Джаку, и громилы направились к бару.

— Хорошо долетел?

— Шесть часов совершенно свободного времени. Я взял в полет достаточно работы. Одна из членов экипажа тоже оказалась весьма занимательна. — На лице Габриэля промелькнуло веселье.

Василий понимающее кивнул. Приятная внешность и хорошие деньги были приманкой для легкого секса. Габриэль обладал и тем и другим.

— Ты не рад, что я попросил прилететь.

— Не особо, — признался итальянец. — Когда оказываюсь в аэропорту «Кеннеди», то сразу хочется надеть бронежилет и вооружиться до зубов. Сиэтл так на меня не действует.

— Уверен, что нет. — Василий действительно не мог припомнить случая, когда бы не находился под невидимым прицелом. Для Габриэля же дела должны обстоять еще хуже. Он махнул официантке, чтобы та принесла два освежающих напитка. — Ты поговоришь с парнями? Расскажешь, что приехал?

— Они придут чуть позже. Я разговаривал с Винсентом, когда приземлился. — Они откинулись на спинки стульев, пока полураздетая официантка ставила перед ними напитки, после чего ускользнула. Габриэль продолжил: — Он сообщил, что их направили поработать в Браунсвилл. — Его челюсти сжались, и Василий мог догадаться почему.

Габриэль и Винсент Романи были близкими друзьями. Пять лет назад Габриэль отвернулся от семьи Моретти, семью, которую по праву рождения должен был возглавить, а Винсент остался. Теперь он был доверенным лицом Стефано, брата Габриэля, который по умолчанию стал во главе группировки. Габриэль и его брат, мягко говоря, не ладили, и любое упоминание о ставшем чужим родном брате обычно заставляло его замыкаться в себе.

Рот Василия скривился, когда он представил насильников и головорезов, которые, наверняка, собирались в каком-нибудь темном месте в надежде, что их выберут на место новых участников группировки Моретти. Чем дольше Стефано руководил семьей, тем больше росло смущение Василия. Все, что делал этот парень, не имело смысла.

Свет стробоскопа сверкнул на тяжелом платиновом кольце на большом пальце Габриэля, когда он опрокинул залпом половину выпивки и стукнул стаканом по столу.

— Почему я здесь, брат?

Василий почувствовал нарастающее волнение и почти рассмеялся от незнакомого ощущения.

Серьезно? Я гребаный король замка, главарь, руковоюжу самой могущественной российской преступной группировкой на восточном побережье... и нервничаю, прося об услуге?

Дерьмо.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, — бросил Василий.

Габриэль поднял брови.

— Да? А я уж подумал, ты изголодался по компании.

Василий не обратил внимания на дерзость. Они все были временами бесцеремонными, и если бы обижались на каждую мелочь, между ними не было бы ни минуты покоя.

— Мне нужно знать, что ты в деле. Прямо сейчас.

В глазах Габриэля мелькнуло любопытство, он откинулся на спинку и скрестил мощные руки на широкой груди.

— Уже дважды ты просишь о том, о чем не нужно просить. Если это в моих силах, ты знаешь, черт побери, что я сделаю для тебя все что угодно.

Василий коротко кивнул и потянулся во внутренний карман пальто, вытащил тонкий бумажный конверт и толкнул его через столик.

— Я уезжаю в Россию после того, как мы с тобой закончим, — объявил он. — Не знаю, как долго меня не будет. Может, несколько недель, а может, несколько месяцев. Как получится. Но ты нужен, чтобы защитить кое-кого в мое отсутствие. Своей жизнью, если

понадобится. Я позабочусь о ней, как только уничтожу ублюдка, который убил ее мать прошлой ночью.

— Чью мать?

— Моей дочери.

Габриэль замер, ноги смешно зависли в воздухе, так как в этот момент он пытался закинуть ногу на ногу. Грубые ботинки сорокового размера грохнули об пол, словно бомба.

— *Твоей* дочери? Ты меня, на хрен, разыгрываешь? — недоверчиво спросил он. — Когда, *черт побери*, у тебя появился ребенок? И как я об этом не узнал?

Ребенок, о котором шла речь, на самом деле выросла взрослой женщиной. Эванджелина была такой же красивой и соблазнительной, как ее мать, хотя внешне больше походила на Василия, чем на Кэтрин.

— Никто не знал о ней. До недавнего времени. — Напоминание, что его враги теперь знают о существовании Евы, сжало грудь. — Я просветил парней, поэтому, если по какой-нибудь причине понадобится помочь, они в курсе.

Габриэль наградил его тяжелым взглядом.

— Если ты не хочешь лицезреть, как взрывается мой мозг, возможно, стоит начать сначала.

Он определенно ощущал негодование. Вероятно, разозлился, что узнал обо всем последним. Василий попытался, но не смог сдержать улыбку. Он позволил ей показаться на несколько секунд. Как можно найти что-либо забавным в такой момент? Когда женщина...

Его челюсти сжались от новой вспышки ярости. *Обгоревшие останки* женщины, которую он любил, и которая много лет назад родила прекрасного ребенка, теперь лежали в холодном безмолвном морге Сиэтла.

Он грубо прочистил горло.

— Я поясню необходимые детали буквально за минуту. Но сначала хочу заручиться твоим словом, что ты поможешь.

Габриэль нетерпеливо махнул рукой.

— Оно у тебя есть. — Как будто это была глупая просьба. — Но бли-и-ин, Василий. Ребенок? Любопытства ради, почему ты оставляешь его на меня? Как насчет Максима или Алека? Или любого из твоих парней? Мы оба знаем, что они более чем способны на это. Не говоря уже о том, что они *здесь*. Она же в Нью-Йорке, верно? Кто заботится о ней сейчас? Сколько ей лет? Она хотя бы выросла из подгузников? И опять же, только ради *бешеного* любопытства, которое на хрен раздирает меня, почему, черт возьми, она не в твоей жизни?

Ха. Неплохо. Он как раз ожидал ответного допроса в ближайшие минуты. Чувствуя, как грудь распирает от любви к этому человеку, по которому он дьявольски скучал, Василий начал:

— В любое другое время я бы доверил это своему племяннику. Но в последнее время он не в форме после расставания с Сашей. Максим? Разумеется, но я просто не хочу. — Идиот попытается переспать с Евой, которая в двадцать четыре года очень даже выросла из подгузников, и Василию придется регулярно его калечить. Возможно, даже кастрировать. Ему не хотелось ни того, ни другого. — Кто-то может привести Байковых прямо сюда, поэтому они исключены. Остаешься ты.

— Байковы. — Взгляд Габриэля застыл. — Алек говорил, что у тебя не было выбора, кроме как прирезать нескольких членов. Не могу поверить, что они все еще с тобой пересекаются. — Противостояние между семьями Тарасовых и Байковых длилось еще с детства Василия.

— Я тоже. — Независимо от причин, желание, чтобы именно Габриэль занялся этим делом, сводилось к одному. Никто в мире не мог сравниться с мужчиной, сидящим напротив, он был вне конкуренции. Инстинкты Габриэля были хорошо отточены, он владел беспрецедентными уличными навыками боя и был неумолим в драке, будь то кулаки, пули или лезвия. Он мог прочесть ситуацию в мгновение ока и так же быстро среагировать. Его интеллект был почти таким же впечатляющим, как и у Максима, но это, должно быть, потому, что ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) Максима, наряду с дефицитом внимания, ставили его в невыгодное положение.

Придвинувшись ближе, Василий небрежно положил татуированные руки на стол, решив намеренно не отвечать на вопрос, почему дочь живет не с ним. Он оставит это на день, когда трагедия не будет столь свежей.

— Да, она здесь, в Нью-Йорке, учится в Колумбийском, если уж на то пошло, — заявил он с отцовской гордостью.

— Подожди. Она достаточно взрослая, чтобы учиться в университете? — Габриэль покачал головой. — Как, черт побери, ты смог держать это в секрете так долго?

Сохранение существования Кэтрин и Евы втайне не было таким уж трудным делом. Но точно необходимым.

— Похоже, ты удивлен, что я вообще могу хранить секреты, Габриэль.

— Конечно, нет. Но...

Василий мог бы рассказать, что он до сих пор озадачен новостями, но время подгоняло. Он сможет объяснить все «как» и «почему», когда Байковы больше не будут представлять угрозу.

— Ее зовут Ева. Ей двадцать четыре года. Через несколько недель она закончит учебу и вернется домой в Сиэтл, где тебе будет комфортно. К счастью, у тебя есть возможность и ресурсы для поездок туда и обратно сколь угодно часто, пока она не выпустится. Также, когда ты не сможешь присутствовать здесь, тебя сможет подменить Винсент. — Вся необходимая Габриэлю информация была в конверте. — Помимо всего прочего, я хочу, чтобы ты был рядом с ней, Габриэль, потому что доверяю тебе так, как не доверяю большинству людей. — Их взгляды встретились, и между ними промелькнуло глубокое понимание. — Это моя дочь.

Слабая улыбка коснулась кончиков губ итальянца.

— Ладно. А теперь, пока мы окончательно не распустили нюни, давай двигаться дальше.

Василий без колебаний так и поступил.

— Максим установил, как он утверждает, не отслеживаемую электронную почту. Я был бы признателен за еженедельный отчет обо всех деталях ее жизни: люди рядом с ней, места, где она бывает. У нее не так много друзей, и очень простая жизнь, поэтому у тебя будет мало работы. — Василий выпрямился, с любопытством наблюдая за реакцией друга, когда тот посмотрел на фотографию его дочери.

Ноздри Габриэля слегка затрепетали, как будто у него сбились дыхание. Он приблизил фотографию, чтобы лучше рассмотреть, и выражение лица мгновенно стало нечитаемым. Он оторвался от фотографии и холодно посмотрел на Василия.

— Немного друзей? Ведет простую жизнь? — Его тон говорил о неверии, но вскоре он сам убедится. — Скажи, мой брат со своей гребаной вендеттой может использовать ее в своих целях? Я предполагаю, принимая во внимание, что она... она выглядит так, ты должен это учитывать.

Конечно, он учитывал. Он всегда принимал к сведению способность Габриэля держаться на расстоянии от своей прекрасной подопечной и сосредоточиться на выполнении задания.

— Если каким-то образом Стефано пронюхает об этом и нацелится на нее, *не узнав*, что она моя дочь? — У Василия похолодела кровь. — Последствия будут серьезными. Чтобы избежать любых проблем, я бы лучше предупредил его. Но это может привлечь внимание к тому, чему он изначально может не придать значения. Винсент в курсе всего, накажи ему держать уши и глаза открытыми, чтобы ты мог устраниить опасность до того, как она окажется рядом с моей дочерью. Понятно?

Несостоявшийся босс еще раз изучил фотографию, и когда заговорил, то в голосе ясно сквозила угроза:

— Я сделаю все возможное, чтобы никто не причинил ей вреда под моим присмотром, брат. Даю слово.

Василий спокойно пожал протянутую руку, осознавая, что его дочери гарантирована безопасность от любой угрозы.

Глава 2

НАШИ ДНИ

Ева Якобс захлопнула коленом дверь машины, балансируя с неудобной коробкой с вещами друга.

— Буду через минуту. Подождете, ладно? — спросила она, думая о чемодане и сумке в багажнике.

Худой египтянин нетерпеливо кивнул.

— В аэропорт, да?

— Да. Сейчас вернусь.

Когда она отвернулась и пересекла оживленный тротуар Вашингтон-Хайтс, зазвонил телефон. Ева быстро вытащила его из кармана, входя в дом Калеба.

— Хэй, — поприветствовала она лучшую подругу. Экран показал фото с Никой, где они сидели в «Старбакс» прошлым летом. Девушка локтем нажала разбитую кнопку лифта и подождала, плечом прижимая телефон к уху.

— Привет. У меня плохие новости.

Приглушенный голос Ники погасил улыбку Евы.

— Ты не сможешь прийти, — предположила она, опустив плечи.

— Нет. Кевин сказал, что у него есть для нас планы, и он не может их изменить. Он не сказал какие, но, видимо, чем бы мы ни занимались завтрашней ночью, начало в то же время, что и у приема.

Сколько Ева себя помнила, мама всегда помогала организовывать ежегодный благотворительный прием для фонда помощи детям, больным раком. В этот раз изменились две вещи. Во-первых, вместо Конференц-центра Вашингтона прием пройдет в «Кроун Джевел» — одном из самых эксклюзивных отелей Сиэтла. Во-вторых, теперь Ева пойдет на него одна. И она надеялась, что Ника поможет ей этого избежать.

Она проглотила волну эмоций и, войдя в лифт, заставила голос звучать легко:

— Не волнуйся. Я понимаю. — Она понимала, что виноват Кевин и его привычка строить внезапные планы на Нику. Но только тогда, когда эти планы мешали Нике делать что-то не в его интересах.

Поэтому Ева не пригласила Кевина на вечер.

Она изо всех сил старалась понять их брак. С того самого момента, когда Калеб, брат Ники, их познакомил, девушка считала Кевина Ноллана каким-то жутким. Он был слишком тихий, словно всегда наблюдал. Или зло смотрел в ее сторону, что заставляло волосы вставать дыбом и гадать о его мыслях. Не помогло и то, что темные глаза впились в Нику сразу, как та вошла в комнату, и не отрывались до ухода. Но, по-видимому, ее лучшая подруга увидела в Кевине то, чего не видел больше никто. И ей это понравилось, потому что восемь месяцев назад Ника позвонила и объявила, что они с Кевином поженились в Вегасе. Ева была в шоке. После показного энтузиазма подруги она повесила трубку и позвонила Калебу. Девушка не была уверена в реакции на новость, когда он разговаривал с Никой, но стоило Еве спросить, что за хрень происходит, тот взбесился. А когда почти двухметровый байкер, ревнивый до чертиков, психует, разумнее всего

попытаться быстрее его успокоить. По сей день они с Калебом с трудом говорили об этой паре, и разговор всегда заканчивался разочарованием.

— Я хотела бы пойти. Знаю, как это тяжело для тебя.

Раскаяние в голосе Ники вернуло Еву обратно к их разговору.

— Эй, я же сказала, не беспокойся. Схожу, проведу немного времени с мамиными друзьями, сделаю пожертвование от ее имени и пойду домой. Да и скорее всего я слишком устану для чего-то еще, завтра ведь почти весь день буду распаковывать вещи. — Не далеко от истины. — Рада, что вы, ребята, выходите в люди, — заставила себя добавить Ева. Хотя и «выход», вероятно, означал поход до мусоропровода в подъезде дома, но тем не менее.

— Ага, — сказала Ника без энтузиазма. — Ты в аэропорту?

— Пока нет. Иду к Калебу, чтобы отдать кое-какие вещи, которые он оставил у меня. Должен был забрать их прошлым вечером, но так и не объявился. — Итак, она здесь, доставляет всякое дерьмо брату Ники, когда должна бы устроить что-то вроде церемонии закрытия в знак окончания своей жизни в Нью-Йорке перед переездом домой в Сиэтл.

— На него не похоже. Что-то, наверно, произошло.

Ева усмехнулась.

— Вероятно, одна из их байкерских группировок прижала его к стенке, и он потерял счет времени.

Калеб Пейн никогда не испытывал недостатка женского внимания. Он великолепно выглядел: короткие темные волосы и озорные глаза кофейного цвета. Жилет на его широких плечах гордо заявлял о парне, как о брате мотоклуба «Обсидиановые Дьяволы», что ставило его в категорию небольшой знаменитости.

Рано оказавшись в роли защитника — рак забрал жизни их с Никой родителей до того, как девушке исполнилось восемнадцать — братское тронь-девчонку-и-умрешь крыло защищало и Еву. Предложенная защита всегда была утешением. Хотя и превратила все знакомства в старшей школе в настоящий кошмар.

— Ты права, должно быть, его отвлекли. Скажи, чтобы позвонил мне, ладно? — неуверенно произнесла Ника. — Так во сколько ты будешь дома?

— После полуночи. После девяти вечера по твоему времени. — Она вышла из ветхого, но чистого лифта, и направилась по длинному коридору, шлепая сандалиями. — Я возьму такси из Ситака. Надеюсь, увижу тебя завтра? — Если Кевин позволит.

— Постараюсь приехать пораньше, чтобы помочь с уборкой. Если смогу выбраться вечером, то проветрю дом. Там, наверное, душно.

Ева использовала ручку двери Калеба, как опору, чтобы дать рукам отдохнуть.

— Было бы здорово, спасибо. Не могу дождаться, когда увижу тебя. — Они не виделись с маминых похорон.

Она оборвала мысль. Не собираясь думать об этом сейчас. И так было достаточно плохо от осознания, что она едет домой, который больше не настоящий «дом», а пустой одинокий коттедж, который перешел к ней по наследству. Она не могла заставить себя думать об этом.

— Я тоже, дорогая. Погибаю тут без тебя, — произнесла Ника с тихим вынужденным смешком.

Они с Никой дружили со средней школы. Даже вместе поступили в старшую школу, а затем в Тихоокеанский университет Сиэтла. Ника получила диплом по

бухгалтерскому учету и сразу после выпуска устроилась на работу. Ева ждала получения специальности, но после продолжила обучение. По настоянию матери она приехала в Нью-Йорк, чтобы поступить в Колумбийский университет, где только что получила степень магистра. Бесполезное достижение. Она даже не пришла на выпускную церемонию. Ева размышляла, не пожалеет ли когда-нибудь о решении. В итоге девушка не смогла представить, как проходит этот этап жизни — ее однокурсники смотрят в гордые лица близких, пока она тщетно ищет взглядом... никого. Конечно, Калеб был бы там ради нее, но не мама. Она ушла навсегда.

— Слушай, мне пора, — сказала она Нике напряженным голосом. — Увидимся утром, хорошо? — Она завершила звонок, как только услышала согласие, и засунула телефон в задний карман.

Ее губы сжались от досады. Она должна прекратить. Да, думать о маме можно и нужно, но не без попытки пережить эту часть процесса скорби. По крайней мере, так сказал психолог в университете, к которому она заставила себя сходить.

Пять этапов. Она преодолела первый, отрицая и отказываясь признавать, что трагическая автомобильная авария унесла жизнь ее матери... пока не увидела обгоревший кузов того, что когда-то было их «Мини-Купером». Стоматологическая экспертиза подтвердила, что ее мать была одна в машине.

Вернувшись в Нью-Йорк после похорон, она пережила второй этап — злость. Готовилась, как чемпион, к выпускным экзаменам, сдала на отлично каждый, чтобы не подвести маму, но закипала от гнева, что это произошло именно с ними. Ладно. С ней. Это произошло с ней, потому что только она продолжила страдать.

Она быстро перешла к третьему пункту списка — торг. С Богом или еще кем-то свыше, о ком она думала в тот период, предлагая свою жизнь, если они вернут маму. Они этого не сделали, а она все еще одна. Ева пообещала приложить больше усилий. Но могла ли она? Сомнительно. Кажется, это все, что она делала в жизни. Пыталась. Быть идеальной дочерью. Могла ли она расслабиться и насладиться какими-нибудь глупостями вместо стремления к идеалу во всем, что делала? И она не подразумевала под этим «делать все как можно лучше». Нет. Этого никогда не было достаточно для Евы. Когда она говорила об идеале, то имела в виду именно его. Совершенство. Безупречность. Даже в чем-то настолько незначительном, как заправление постели по утрам. Если бы уголки не были выровнены и виднелись складки, действительно ли это имело такое огромное значение для мамы? Конечно, нет. Но она все равно прикладывала дополнительные усилия. Почему она не могла просто принять бескорыстную любовь, которую ей давали? Если бы она была неудачницей, оставила бы комнату в беспорядке или отказалась делать то, что ей говорили? Разве бы мать вспылила и в итоге обвинила бы ее за русскую кровь? Снова нет. Биологический отец Евы, русский, покинул их, когда Еве было всего несколько месяцев.

Она нахмурилась. Он посещал ее мысли за последние несколько месяцев чаще, чем за все годы. В основном, потому что она продолжала гадать, было ли ему вообще дело до того, что его дочь осталась одна во всем мире. Вероятно, нет. Она почти хотела знать о нем больше. Почти. Мама как-то случайно упомянула пару деталей: он был русским и состоятельный, но на этом все. Ева даже не знала его имени. И сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Что привело ее к четвертому пункту списка — депрессия. В этом она преуспела и лишь надеялась, что пятый пункт — смирение, был не за горами.

Заставив себя шевелиться напоминанием, что таксометр отсчитывает доллары, Ева достала из кармана ключи Калеба. Она открыла дверь и тихо вошла в мужскую берлогу. С тех пор, как брат Ники переехал в Нью-Йорк несколько месяцев назад, она проводила здесь довольно много времени.

Ева огляделась, разглядывая знакомые кожаные кресла и почерневшие запчасти к мотоциклу, разбросанные по столам; каркас «Харлея» перед балконной дверью — последний проект Калеба. Она была в правильном месте.

Проблема в том, что ни один из двух пугающих незнакомцев в комнате не был Калебом. Она не придала этому большое значение: большинство друзей Калеба пугали, и всегда кто-то ошивался в его доме. Разве что она никогда не видела его друга так официально одетым. Ева начинала понимать, что парень в кресле не обладал аурой байкера.

Она наклонилась и медленно поставила коробку под ноги.

— Доброе утро, — вежливо начала она, пытаясь уловить звуки Калеба в спальне или ванной. — Калеб здесь?

Сидящий мужчина лет тридцати пяти или чуть больше подался вперед. Он был привлекателен в своей манере итальянского гангстера: с черными волосами, оливковой кожей и шоколадными глазами. Но его черты носили отпечаток жестокости, разрушающий любую женскую симпатию, которую она могла бы почувствовать.

— Ты это видел, Винсент? — пробормотал он вместо ответа на вопрос.

Она оглядела мужчину, с которым он разговаривал, и отметила скульптурные, если не зловещие, черты. Его полуночный взгляд сконцентрировался где-то над ее правым плечом. У него были длинные черные волосы, кожаная куртка, потертые джинсы и тяжелые сапоги. Все это покрывало крепкое натренированное тело.

Прекрасный, но до ужаса пугающий. Ева с легким содроганием решила надеяться, что они ошиблись.

Но странно знакомый. Почему? Она снова осмотрела потертую черную кожу, но не увидела нашивки «Обсидиановых Дьяволов» — знак того, что он был одним из братьев Калеба, которого она могла видеть в клубе.

— Где Калеб? — спросила она снова, пытаясь игнорировать то, что мужчина в костюме теперь разглядывал ее. Боковым зрением она видела, как его темный взгляд надолго задержался на ее груди. Она удержалась от желания закатить глаза. Ева ненавидела подобное бесстыдное внимание со стороны мужчин, с которыми имела дело большую часть своей взрослой жизни. Без малейших усилий он заставил ее чувствовать себя неприличной в удобных джинсах и простом черным топе, который она натянула утром.

— Как твое имя, bella? — спросил он.

Очевидно, он был главным. Может длинноволосый парень не разговаривал.

— Ева, — ответила она. — А вы?..

Удивив ее, он встал и медленно пересек комнату, остановившись только тогда, когда их разделяли всего пара шагов. Вблизи он, без сомнения, хорошо выглядел, но что-то в нем было неправильным. Его глаза были пустыми. Бездонными. Как будто у него не было души. И ей показалось или другой парень тоже придвигнулся? Затылок покалывало в предупреждении, но она слишком сосредоточилась на мужчине перед собой, чтобы проверить.

— Я Стефано Моретти.

Он назвал себя, явно ожидая, что она должна узнать это имя. Она не узнала. И даже не хотела пожимать протянутую руку. Вообще не хотела прикасаться к нему. Но было бы очень грубо не сделать этого, поэтому она отлепила ладонь от талии и сразу ощутила, как по коже пробежали мурашки, когда его сильные пальцы сжались вокруг ее.

— Приятно познакомиться, мистер Моретти, — соврала она, дернувшись, потрясенная и озадаченная странным светом, вспыхнувшим в его глазах. Но он держался уверенно.

— Да. Мне тоже очень... приятно встретиться с тобой, Ева.

О, Господи. Она дернула руку на этот раз сильнее, и он отпустил. Сердце тяжело стучало, когда она сдерживалась, чтобы не вытереть вспотевшую ладонь о джинсы.

— Занимаешься доставкой с утра? — спросил он.

Она проследовала за его взглядом на коробку под ногами.

— Да. Я говорила Калебу, что закину его вещи по пути... — Почему она разбрасывается информацией? Калеб надает ей по заднице. Они с Никой прошли через кучу предупреждений и советов по безопасности и самозащите, всех не упомнишь. Он был очень дотошным. — Почему вы здесь, мистер Моретти?

— Пожалуйста, зови меня Стефано, — велел он и, более ничего не сказав, вернулся на свое место.

Она оглянулась на дверь позади. Как бы сильно ей ни хотелось сбежать, она не могла. А если они что-то сделали с Калебом? Ника никогда ей не простит, если девушка уйдет, не попытавшись узнать, где ее брат. Она сама себя никогда не простит.

Ева скрутила пальцы, чтобы сдержать глупую привычку щелкать ногтями.

— Где Калеб, Стефано? — попробовала она еще раз.

Она отметила, что молчаливый партнер с длинными волосами все еще неподвижно стоял за креслом. На самом деле не неподвижно. Он шевелился. По крайней мере, его лицо. Оно немного смягчилось, когда он послал Еве некое подобие улыбки, едва коснувшейся губ. Последовавшее за этим быстрое подмигивание смущило ее. Они знакомы? Он пытался ее успокоить?

Или он пытался отвлечь ее ложным чувством безопасности перед нападением?

— Если бы я должен был угадать, где Пейн, — удивил ее Стефано, отвечая скучающим голосом, — то сказал бы, что он в клубном доме. А теперь, почему бы тебе не присесть на минутку? Я не задержу тебя надолго.

Облегчение было мгновенным. Если они знали о мотоклубе, и что Калеб львиную долю времени проводил в клубном доме, значит, они должны очень хорошо его знать. Но она все еще не могла остаться.

— Нет. То есть, нет, спасибо, — произнесла она в попытке быть вежливой. — Мне нужно ехать в аэропорт. — Присев на корточки и следя за ними краем глаза, она засунула ключ от квартиры Калеба под обложку выпуска «Американ Райдер», который лежал в коробке со старым карбюратором. Не то чтобы это было необходимо, принимая во внимание, что они уже были здесь. — Учитывая, какой сейчас строгий контроль, время поджимает.

— Отпуск? — поинтересовался Стефано, когда она выпрямилась.

— Нет.

Его губы дрогнули от ее однословного ответа. Словно она забавляла его.

— Убегаешь?

Ее глаза расширились.

— Убегаю? Мне не от чего бежать, мистер Моретти.

— Стефано. Помнишь? Быть может, тебе есть к чему бежать? — возразил он. — Возможно, ты направляешься к любимому? Все в порядке, — добавил он, когда она побледнела, — мы все здесь взрослые люди. Прошу, говори свободно.

Если бы она говорила, что думает, то послала бы его на хрен, поэтому предпочла держать рот закрытым. Она не была настолько глупой, чтобы в одиночку начать спорить с двумя странными мужчинами, даже если они и были друзьями Калеба. Как будто она каждый день болтала о чем-то настолько личном. Самой смешной являлась сама идея, что она когда-либо побежит к какому-то мужчине. *Пфф!* Не после того, как видела страдания, оставленные отцом. Он разрушил маму своим уходом.

Она упорно держалась за обиду, которая всегда сопутствовала мыслям об отсутствующем отце, и позволяла гневу затмевать горе в душе.

— Куда я лечу и зачем — не ваше дело, мистер Моретти, — начала она холодно, — и я не представляю, как мои планы на путешествие могут на вас повлиять. Поэтому я пойду.

Легкая улыбка коснулась губ Стефано, как будто он наслаждался ее показной бравадой. Ей все равно. Она потянулась назад, схватила дверную ручку и в одно движение оказалась в коридоре под пристальным взглядом обоих мужчин.

Пустые карие глаза Стефано Моретти наблюдали до последнего, а прощальные слова проскользнули сквозь щель закрывающейся двери.

— До скорой встречи, Ева Джейкобс.

«*Нет, если я увижу тебя первой*», — подумала она, когда неслась по лестнице, не желая ждать лифт после такой странной перебранки. Она запнулась после его слов. Ева Джейкобс. Она не говорила, что ее фамилия Джейкобс! О, боже. Как, черт возьми, он узнал? Оглянувшись на по-прежнему пустое фойе, она выскочила из входной двери и бросилась вниз через четыре пролета, вытащив телефон и выбирая номер Калеба. Она нажала «вызов» и приложила дрожащей рукой трубку к уху.

— Привет, Присс. Не ожидал услышать тебя до...

Она прервала дружеское ворчание Калеба. Ее раздражала данная им кличка, которая пошла от поддразнивания в тринадцать лет, будто она Принцесса Присси. Но со временем сократилось до Присс и стало понятным только им.

— Ты в курсе, что в твоей квартире двое мужчин? — спросила она, зная, что Калеб не упустит испуг, который она сама слышала в своем голосе. — Кто они и откуда меня знают?

— *Что?*?! Какие двое мужчин? Ты в порядке?

Нет, не в порядке.

— За исключением смущения и сильного испуга, я в норме, — все же произнесла она. — Я приехала закинуть твои шмотки по пути в аэропорт, а там сидели двое. Один из них, устроивший мне допрос, назывался Стефано Моретти, и... — Она почувствовала холодную дрожь, пробежавшую по позвоночнику, и чуть не пропустила ступеньку, пока ломала голову над именем второго человека. Она пришла в себя. — Не помню, чтобы он упомянул имя другого парня.

Тишина в ухе длилась так долго, что она подумала, будто звонок прервался.

— Калеб, ты еще здесь?

— Да, — прорычал он, — здесь. Я сказал тебе бросить это дермо, если не заберу прошлой ночью. Почему, блин, ты меня не послушала?

Серьезно? Он распекает ее за невыполнение приказов?

— Я собиралась, — произнесла она сквозь стиснутые зубы, — но хотела отдать ключи от квартиры. Решила, что завезу, пока есть время. Думала, ты дома. Я, конечно же, не ожидала, что там будут ошиваться два головореза. — Она наконец-то добралась до цокольного этажа и остановилась в фойе, выдавливая улыбку проходящей мимо пожилой женщине с трусливым пуделем. — Они знали меня, Калеб, — продолжила она, оставляя позади входную дверь и с облегчением вдыхая свежий воздух улицы. — Стефано спросил мое имя, и я ответила Ева, но, когда уходила, он сказал: «До скорой встречи, Ева Джейкобс». Я не упоминала фамилию!

Она дернула дверь все еще ожидающего такси и плюхнулась на жесткое сиденье, кивнув водителю, что можно ехать. В ухе раздался нетерпеливый стон Калеба:

— Ох, черт побери. Сколько раз я просил тебя не называть настоящего имени? Ты не знаешь этих гребаных парней...

— Зато они знают меня, — отрезала она, тут же пресекая его «ты-глупая-девочка» тон. То, что она назвала им настоящее имя, единственное, что волнует его? — Они бы все равно поняли, что я вру, так что неважно.

— Нет, важно, Лейла, — настаивал он, используя имя стриптизериши, которое он выбрал для нее в качестве псевдонима, если понадобится. — Ты должна была поступить, как я сказал.

— Слушай, — снова перебила она его. Если он начнет, то лекция продлится до самой посадки. — Ты знаешь Стефано Моретти? Почему они были в твоем доме?

— Моретти возглавляет большую организованную криминальную семью. Любой, связанный с нашим миром, знает эту фамилию. Я не знаком с ним лично, но он был в клубном доме. Возможно, он видел тебя там или что-то вроде этого, — произнес Калеб после продолжительной паузы.

Она нахмурилась от слабого предположения. Он не казался уверенным. Совсем. На самом деле звучало так, словно он успокаивал ее, но даже сама идея была невероятной.

— Если вы не знакомы, тогда какого черта он в твоей квартире?

— Не знаю, Прис. Послушай, я собираюсь сделать несколько звонков и потом перезвоню тебе. Тащи свою задницу в аэропорт и садись в самолет. Лети домой. Тебе там будет хорошо.

Она открыла рот.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что «мне там будет хорошо»? Мне стоит волноваться?

— Нет, если ты каким-то образом не перешла ему дорогу или не задолжала денег, — рассеянно ответил Калеб. — Блядь, я не знаю. Может, все просто: он заметил тебя возле моего дома и захотел проверить.

Ладно. Это не успокаивало.

— Поэтому вломился в твою квартиру и ждал шанса, что я покажусь там сегодня утром? Калеб, брось. — Она откинула голову на спинку сиденья и уставилась в потолок, когда мимо проехал городской автобус и оставил за собой след раскаленного воздуха. Почему было такое чувство, словно что-то происходит, но она понятия не имела, что именно?

— Давай посмотрим, что я смогу разузнать, — Голос Калеба был напряженным. Он злился, и Ева смирилась, зная этот тон. Она ничего больше не добьется, пока он не покопается. — Я позвоню тебе.

Она вздохнула. Внезапно отъезд из Нью-Йорка перестал быть тем, чего она боялась.

— Хорошо. Я еду домой. Все мафiosные головорезы твои.

Сидя за своим столом, Габриэль Моретти, или Мур, как он теперь был известен общественности, поднял взгляд от экрана ноутбука и выглянул в окно кабинета. Облачное небо над неспокойным заливом Пьюджет-Саунд становилось невидимым.

— Мне нужно слово, что ты выручишь меня.

— Оно у тебя есть.

Это глупое, совершенно очевидно глупое утверждение. Он никак не мог отказать в просьбе Василию. Дочь. Дочь Василия. Ребенок его друга и наставника, который оказался прекрасной и чертовски элегантной женщиной. Тело отреагировало, как и всегда, когда мысли о Еве Джейкобс посещали его грязный разум ублюдка.

Он закрыл глаза и втянул воздух, ненавидя свой живот за то, что тот превратился в один большой узел похоти. Но, черт возьми... это объяснимо, учитывая, как она выглядела. Он был возбужден. Не в хорошем смысле. С тех пор, как взглянул на эту чертову фотографию. И стало только хуже, намного-намного хуже, когда он увидел ее во плоти.

Он наклонил голову и хрустнул шеей, прежде чем усесться поудобнее на стуле. Любые попытки задушить эту одержимость были напрасными. Вернувшись в Сиэтл семь недель назад, после встречи с Василием, он провел несколько печальных дней, наблюдая за попытками красавицы справиться с ошеломляющей потерей матери. Она была крайне подавленной. Неудивительно, если вспомнить, что Кэтрин Джейкобс была единственным родителем, которого она знала. А по прошествии этих дней, когда она вернулась к учебе, чтобы закончить семestr, Габриэль последовал за ней в Нью-Йорк и приглядывал, падая все глубже и глубже. В похоть.

Как, черт побери, он еще не сдался и не подошел к ней? Не взял ее?

Очень просто. Ева дочь Василия Тарасова. А Габриэль никого на земле так высоко не ставил, как этого человека. Никого не уважал так, как русского лидера, которого он знал с детства. Человека, который всегда был рядом и вел его по темным водам преступного мира так, как никогда не делал его собственный отец — советовал, показывал пути за пределами тех кривых и извращенных, по которым двигались большинство их партнеров.

Он бросил ручку на заваленный рабочий стол и наклонился, проводя уставшей рукой по лицу. Как он сможет снова смотреть Василию в глаза, если будет действовать по личным убеждениям? Он нарушит золотое правило номер два в метафорическом списке, которому они всегда следовали. Это уничтожит доверие к себе.

Сестры, кузины, даже хорошие подруги семьи... вне досягаемости. Тем более, когда дело касается чертовой дочери и неважно, какой необыкновенной она была.

Потянувшись, Габриэль вернулся за стол. У него есть работа. Эта ежедневная карусель со взрывом мозга, вызываемая Евой, никуда не денется. Завтра все повторится опять. «Вероятнее, даже сегодня, спустя время», — подумал он, снова перечитывая электронное письмо, которое уже обдумывал раньше.

«Помимо мисс Джейкобс, я отправила три других резюме. Дай мне знать, кого ты выберешь.

Натали».

Он насмехался. С тех пор, как специально, по его требованию, была создана должность, выбор уже не стоял. Ее займёт мисс Джейкобс. В качестве помощника управляющего «ТарМор», которого он будет видеть каждый день. Близко и лично. В конце концов, ежедневно разговаривать. Возможно, при случае, даже касаться. Просто случайное соприкосновение пальцев, когда она протянет контракт на подпись. Или, может, ее элегантное аппетитное тело заденет его, когда он придержит для нее дверь. И она улыбнется... тогда он прижмет ее к ближайшей стене, снимет сексуальный костюм, который, без сомнения, она будет носить, и сделает каждую грязную вещь из его фантазий за последние семь недель.

Ага. Этого не случится.

Телефон зажужжал, и он схватил его с поверхности «Сиэтл Таймс», где была напечатана статья о большом приеме в «Кроун Джевел» завтра вечером.

— Да.

— Привет. Ты, блин, не поверишь.

Он насторожился от услышанного в голосе Винсента удивления.

— Что.

— Ой, черт побери, — раздался расстроенный голос друга, — нужно идти. Обязательно поговори с Алеком.

Щелчок.

Черт. Внезапные прощания для Винсента не были в новинку. Особенно с тех пор, как он стал работать с братом Габриэля, Стефано, и мог закончить звонок в любой момент. Но сейчас это звучало важно.

Габриэль опустил телефон, когда открылась дверь в кабинет. Он поднял глаза и увидел Джексона Триско, главу его службы безопасности, загородившего мощным мускулистым телом вид на длинный коридор.

Больше шести футов бывшего военного сукна сына. Джек был одним из всего двух человек в команде Габриэля в Сиэтле, которым он доверил заботу о Еве. Они знали друг друга еще с Нью-Йорка, со времён средней школы. После старшей школы, не закончив ее, Джек отправился на службу. Более чем десятилетие спустя он вернулся и нашел Габриэля, и они воссоединились. Но под показываемой миру маской умного надменного ублюдка, парень был другим. И не только из-за шрамов, которые теперь покрывали его тело. Особенно выделялось лицо, на котором напоминание о войне начиналось от верхушки уха и заканчивалось аж в уголке рта без видимых следов косметической операции. На самом деле, Джек выглядел так, словно его полоснули в темной подворотне во время драки, и у него было время только склеить разрыв на щеке, прежде чем снова полезть драться. Зная парня, в это несложно было поверить.

Но кроме внешности, теперь парень стал жестче, чем раньше. Несомненно, он повидал свою долю ужасов заграницей. Габриэль сразу же предложил ему работу, и теперь Джек возглавлял маленькую группу людей, которые, он знал, прикроют его спину, несмотря ни на что.

— Алек идет сюда, — проинформировал его Джек.

— Верно. — Он хотел его видеть.

— Ага. Тебе нужна компания?

— Я в порядке.

Лучший друг Габриэля и деловой партнер, он так же приходился Еве кузеном, так как покойные отцы Василия и Алека были братьями. Он проскользнул мимо Джека, крепко приложившись локтем парню в ребра, прежде чем шагнуть в офис и опустить свое худое мускулистое тело в одно из кожаных кресел напротив стола Габриэля. Весь вид говорил о ленивой расслабленности. Небрежной легкости.

Но это была ложь. Он был смертельно опасен.

Когда Джек пробормотал что-то неразборчивое, но полное браны про удар Джека и закрыл дверь, ледяные голубые глаза Алека просканировали книжные полки, покрывавшие большую часть стен кабинета. Лицо практически ничего не выражало, что было нормой. Жизнерадостность провалилась ко всем чертям, когда любовь всей его жизни развалилась на части в прошлом году. Но Габриэль был рад, что он, по крайней мере, начал пытаться жить снова.

Он провел рукой по своим взъерошенным темно-русым волосам, откидывая их со лба только для того, чтобы те снова упали обратно, как и всегда.

— Ты отправил в дом некоторые вещи.

Габриэль проследил за его взглядом на опустевшие полки.

— Подумал, что было бы неплохо начать.

Он жил в Сиэтле пять лет, но все еще не чувствовал себя там как дома. Но домом стал коттедж в Олд-Уэстбери, деревне недалеко от Лонг-Айленда, который он делил с Алеком, Максимом и Винсентом.

— Библиотека уже полная. Не знаю, куда мы поставим еще что-то. Уверен, ты должен сделать такие же полки в офисе Манхэттена.

Габриэль кивнул и вытянул ноги, расслабляя спину на стуле.

— Винсент только что звонил. Сказал, что я должен поговорить с тобой. Думал, ты сегодня возвращаешься в Нью-Йорк.

Он размеренно постукивал массивным кольцом на большом пальце правой руки по костяшкам левой. Но остановился, когда Алек выпрямился, а его рот сжался в линию, означавшую «у меня плохие новости». После стольких лет нахождения в плену у бизнеса, где такое выражение лица обычно означает, что что-то случилось с ассоциацией, ты становишься достаточно сообразительным, чтобы начать бояться.

— Похоже, сегодня утром Стефано зашел к байкерам.

Калеб Пейн был членом мотоклуба «Обсидиановые Дьяволы» — знаменитого на весь мир клуба с отделениями во всех крупных городах больших стран. Прощупав байкера и получив солидные рекомендации от президента отделения клуба в Манхэттене, которого Габриэль знал долгие годы, Калебу было «настоятельно рекомендовано» вернуться в Нью-Йорк присматривать за Евой. Учитывая его связь с ней, выбор казался очевидным. Пейн успешно справлялся с работой «случайной поддержки», находясь при этом ближе, нежели смог бы даже хорошо обученный незнакомец, не вызывая при этом подозрений. Но близкие отношения Евы и этого байкера с недавних пор начали дико раздражать Габриэля. Еще одна причина, почему он был рад, что она успешно окончила обучение в Колумбии — он уважал это, так как сам окончил его годы назад — и возвращается в Сиэтл. Сегодня. Он взглянул на «Брейтлинг» на запястье, прикидывая, через сколько она прибудет в аэропорт Ситака. И нахмурился, не обрадовавшись. Она еще даже не покинула Нью-Йорк.

— И?

— Ева по пути в аэропорт решила забросить некоторые вещи Пейна.

В груди Габриэля зародилось чувство ревности. Какие «вещи»? И какого черта эти «вещи» Пейна оказались в ее доме?

— Стефано был там. Ждал ее.

Внешне Габриэль никак не отреагировал на ошеломляющую новость. Но в глубине души? О, в глубине души его обуревал ураган деръма всех святых.

Его брат. В одной комнате с Евой.

Черт побери.

— Она в порядке?

Лучше ей быть в порядке. В противном случае миру предстоит увидеть кровавую битву грандиозных масштабов с участием криминальных группировок. Если что-нибудь случится с дочерью Василия, в течение часа группировка Моретти прекратит свое существование. Тарасовы и их русские коллеги приедут и очистят дом. Но прежде чем они успеют это сделать, Габриэль сам прибывает всех и бросит чертову мерзость, которую он называл братом, на пропитанную кровью землю.

— С ней все нормально, — подтвердил Алек. — Ждет в аэропорту самолет, пока мы разговариваем.

Сильное облегчение пронзило основание черепа Габриэля и распространилось по всему телу. Она в безопасности. Хвала Господу. Как может женщина, с которой он даже ни разу не общался, оказывать такое сильное влияние? Бога ради, он просто хотел с ней переспать.

— Ты спрашивал Винсента, может, они искали себе громил? Возможно Пейн был посредником?

Алек покачал головой.

— Группировка Моретти на данный момент не имеет ничего общего с байкерами. Особенно после той сделки с оружием, которую они проворнули в канун прошлого Нового года.

— Значит, это не имеет никакого отношения к Пейну. Или к байкерам. Или к бизнесу. Все связано с ней.

Его худшее опасение подтвердились. Габриэлю поручили держать ее в безопасности от русской мафии, а он все перевернул и вместо них натравил итальянскую. Этого не произойдет.

— Точно. Винсент сказал, что не мог вмешаться в их встречу без подозрений, — добавил Алек, — но она была в полной безопасности. Ни на секунду не упускал его из виду. Сказал, она прекрасно держалась и ушла, как только сообщила, что направляется в аэропорт. — Он поднял руку. — Особого упоминания о Сиэтле не было, но Стефано, похоже, понял, куда она собралась. Спрашивал про любовника. По сути, все длилось меньше десяти минут. — Он откинулся в кресле. — Итак, думаю, вопрос в том, как он узнал о ней?

— Он все еще следит за мной. — Габриэль проигнорировал желание впечатать кулак в стол. Отвращение к собственной неосторожности начало подниматься внутри, но он заглушил его. Не было времени на все это деръмо. Если бы он не был так увлечен сногшибательным телом и безупречным лицом, то уделял бы больше внимания происходящему вокруг. И будь оно так, Габриэль бы прижал к ногтю ублюдка, кем бы тот ни был, и пресек бы все донесения в Нью-Йорк. — У Винсента есть предположения, кто может быть кротом Стефано?

— Он сказал, что они видели сегодня частного сыщика, и думает, что тот может быть нашим парнем, — сообщил Алек обнадеживающим тоном. — И я согласен. Сегодняшний визит Стефano был вроде разведки. Предполагай он, что ты с ней спишь, то сыграл бы умнее и не взял бы с собой Винсента. Мой кузен был бы мертв, а Пейна бы подставили, сделав первым подозреваем в убийстве.

Суровая, но правда. Сегодня его брат подобрался достаточно близко, чтобы убить Еву тем же жестоким и садистским способом, каким забрал жизни трех других женщин, деливших постель с Габриэлем. Для остального мира убийства казались случайными — очередные три нераскрытых преступления для полиции Сиэтла — так это выглядело. Они со Стефano все решали исключительно между собой, это было их дело. Но фотографии, отправленные Габриэлю братом, давали понять, кто за все ответственен. И кто будет нести ответственность за следующие, потому что расчетливый псих не собирался прекращать осуществление угрозы, высказанной при их последнем разговоре пять лет назад.

«В тот день, когда я узнаю, что ты нашел женщины, с которой хочешь провести остаток жизни... я буду там, чтобы забрать ее у тебя. Точно так же, как ты забрал у меня Адриану».

Он никогда не забудет выражение неприкрытой ненависти на лице Стефano в том темном подвале. С тех пор вина была неприятным спутником в жизни Габриэля. Потому что, намеренно или нет, он был ответственен за взрыв, убивший женщину брата.

В ту же ночь он покинул Нью-Йорк и «этую жизнь», не оглядываясь назад. Ему всегда было трудно оспаривать мысли Стефano. Да, он ненавидел многолетнюю вендетту, хотя они со Стефano никогда не были близки. Да, оглядывания через плечо и жертвы были одной большой занозой в заднице. Однако он уважал это. Понимал. Поступил бы так же, поменяйся они местами.

Но...

Мстительная природа Стефano снова вырвалась наружу, охватывая окружающих. Вовлекая их в нечто, что никогда не должно выходить за пределы ключевых игроков: его и брата. Евы не должно быть в этом уравнении. Зная, что ее втягивают, Габриэль ясно понимал, что не сможет больше игнорировать месть.

Вступив с ней в контакт сегодня, Стефano не просто пересек черту, он уничтожил все границы. И Габриэль не позволит ему сделать это снова.

Глава 3

Стефано Моретти откинулся на дешевом неудобном стуле напротив письменного стола частного сыщика и открыл одну из папок, которую ему только что вручили. От веющей пахло картофелем-фри.

Престон был не самым очаровательным следователем, с которым сталкивался Стефано, но в работе ему не было равных.

— Фото и информация на другой странице, если вам интересно, — слова, произнесенные хриплым голосом сыщика, вырвались из его дряблого горла. — Было нелегко. Муж надежно и крепко держит ее взаперти.

«Как и должно быть», — рассеянно подумал Стефано, просматривая первую страницу с краткой биографией. Перевернув ее, он глянул на фотографии девушки с огненными волосами, гладкой кожей цвета слоновой кости и зелеными глазами.

Это Фурио, его заместитель, предложил привлечь частного сыщика для сбора информации о Калебе Пейне. Он оказался прав. Нависшая над маленькой сестрой байкера угроза удержит контроль над любыми задетыми чувствами после взлома и проникновения Стефано. И она может оказаться полезной, если понадобится информация, которую сможет дать только байкер. Мудро всегда иметь страховку.

Закрывая эту папку и открывая другую на коленях, он сузил глаза, глядя на фотографию, где Ева Джейкобс переходила улицу в Морнингсайд-Хайтс. Ее блестящие черные волосы струились по плечам и стройной спине.

Она была ошеломляющей.

— Эту вы с Винсентом видели до того, как забрали меня? — спросил Фурио, заглядывая Стефано через плечо.

В вопросе его заместителя сквозил общий мужской интерес.

— В ней что-то есть, да?

Гейб определенно умел выбирать. Ему крайне не хотелось делать комплимент брату, но нельзя не признать, что у парня был вкус в выборе женщин. Хотя с этой что-то не так. Пришлось потратить немало времени, чтобы заметить сходство во множестве фотографий Габриэля, сделанных сыщиком за последние несколько месяцев. Но как только Престон нашупал связующую нить, то обратил на нее и внимание Стефано. Снова просматривая все файлы на Габриэля, он тоже это увидел. Слишком много кадров с Евой Джейкобс на заднем плане, чтобы это было совпадением. Очень много. Странным казалось то, что они всегда находились в одном и том же районе, но никогда вместе.

Еще страннее?

Взгляд Габриэля был прикован к ней, а взгляд Евы Джейкобс нет. Выглядело так, словно она не знала о его присутствии.

Что-то происходило. Чтобы его сам себя изгнавший брат нарушил собственное золотое правило, неоднократно возвращаясь в Нью-Йорк, только чтобы следить за женщиной, занимающейся своими делами? Никогда не разговаривая с ней и вообще никак не контактируя?

Что они упустили?

— До сих пор никакого контакта? — спросил он Престона.

— Ничего. Но я работаю над этим, — последовало быстрое обещание.

Вставая, Стефано сунул папку под мышку.

— Работай усерднее. Ты уже должен быть на рейсе в Сиэтл.

Когда он вышел из душного офиса, Фурио зашагал рядом.

— Не думаю, что стоит ждать, — произнес его заместитель, свободно высказывая свое мнение, как и всегда. Стефано не возражал. Это спасало от необходимости самому решать все их проблемы.

— Престон близко. — Когда они спускались по темной лестнице, он пытался говорить и задерживать дыхание одновременно, чтобы не вдыхать тяжелый застарелый запах мочи. — Что ж, дадим ему день-два, когда он доберется до Сиэтла...

— Зачем ждать? — нетерпеливо возразил Фурио.

После короткой паузы Стефано смягчился.

— Ты прав. Нет причин бездействовать. Без кого мы можем обойтись? Потому что, если Габриэль все еще в прекрасной форме, кого бы мы ни послали на Восточное Побережье, тот уже не вернется домой.

— Скарс только что вышел.

Они вышли из здания на улицу, Фурио первым пересек тротуар, чтобы открыть дверь «Навигатора». Когда Стефано забрался на заднее сиденье, его зам захлопнул дверь и присоединился к Винсенту, сидящему за рулем.

Стефано возобновил их разговор.

— Пошли Скарса следить за ней в Сиэтле. Пусть передаст ей сообщение держаться подальше от Габриэля. И убедись, чтобы он понял, ее нельзя трогать. Это произойдет позже.

Когда огни терминала аэропорта исчезли, и такси направилось по ее адресу в Мерсер Айленде, желудок Евы скрутило от нервов. Девушка не была дома с похорон матери почти два месяца назад. Как она собирается нарушать тишину пустых комнат, где они вместе провели так много счастливых лет? Которые будут каждый день напоминать о том, что ее единственной семьи больше нет.

Может, ей и не придется. Если повезет получить работу, где она прошла собеседование на прошлой неделе...

Ева прикусила губу. Как ей быть? Продать дом, в котором выросла, и уйти, словно это ничего не значило? Достаточно плохо то, что она продала симпатичный модный бутик мамы на 35-Стрит. И сделала это, как только позвонил адвокат матери и сообщил, что кто-то заинтересовался им. Но их дом?

Она потерла лоб кончиками пальцев. Если Ева получит эту работу, выбор будет сделан за нее. Мистер Талбот, агент по поиску персонала, бравший интервью у выпускной группы, подтолкнул ее к «серьезному рассмотрению» его руководства в «прекрасном обучении» в «ТарМор», «очень известном месте» в одном из «самых быстро развивающихся строительных предприятий в Штатах». Ева отказалась от должности помощника управляющего, представив, как будет выполнять всю грязную работу для какой-нибудь шишки с надежным местом в правлении. Но мистер Талбот убедил посмотреть на это, как на первый шаг к успеху. Он заставил хорошенъко задуматься над тем, где бы еще возможно было получить представление о работе такой огромной

компании. Место также предполагало быстрый карьерный рост. Если она докажет свою компетентность на должности помощника, после первого года работы компания гарантирует продвижение до менеджера, что больше соответствовало ее классификации. А получить шанс стать фактически правой рукой главного исполнительного директора...

Это огромный плюс, не присутствовавший ни в одной работе, о которой слышала Ева или ее одногруппники.

Она не могла позволить себе не рассматривать эту возможность, несмотря на страх несоответствия своему престижному выпускному баллу.

Ева сдалась и записалась на собеседование. Девушка отчаянно нуждалась в хоть каком-то опыте — стажировка в известной фирме по управлению капиталом и банковскими инвестициями была слишком короткой, чтобы впечатлить кого-нибудь, кроме мамы. Удивительно, но на следующий же день Еву пригласили на встречу непосредственно с Натали — главным специалистом по кадрам. К еще большему удивлению, ей действительно понравилось услышанное о компании и вакансии. Она могла учиться у генерального директора. Спецификация обрисовывала его как блестящего руководителя. Можно и самой догадаться, учитывая, что он и компаньон сделали с фирмой за столь короткое время.

Если ее выберут из множества претендентов. Она лишь надеялась, что справится с невольной неприязнью к его происхождению. Александр Тарасов. Как ее угораздило связаться с русским? Уфф.

Стыдясь предубежденности, Ева прислонилась головой к окну и безмолвно уставилась в темноту ночи, пока такси пересекало Мемориальный мост Лейси Марроу-Лейк между Сиэтлом и Мерсер Айлендом. На собеседовании Натали убедилась, что Ева в курсе переезда Александра Тарасова в Нью-Йорк в течение месяца. Если девушку примут, то ей придется переехать. Что к лучшему, по крайней мере, теперь. Четыре года назад она неохотно уехала из Сиэтла ради обучения в университете, но после смерти матери было предпочтительнее остаться на Восточном побережье. Оставить в прошлом болезненные воспоминания. Начать все заново.

Она покинула собеседование в приподнятом настроении. В жизни и так творился беспорядок, по крайней мере, не придется искать работу. Пускай это место не было ее мечтой, но хорошо оплачивалось и избавляло от необходимости рассыпать резюме по другим организациям.

Вспоминая собеседование в здании «ТарМор» на Манхэттене, в голове всплывал образ очень красивого мужчины, как это было каждый раз всю прошлую неделю. Ева мельком увидела его в фойе после собеседования и подумала, не был ли он тут в качестве стимула? Может, компания разместила красавчика, зная, что среди претендентов на работу будет четыре женщины? Если бы попросил, он бы получил номер телефона Евы, потому что в нем было все, что она находила привлекательным в мужчине. Высокий рост, темные волосы, красота.

Она поморщилась. «И что ты с ним будешь делать? Обсуждать свои проблемы с папой».

«Я работаю над этим», — возразила она внутреннему голосу, но потом не смогла не задаться вопросом, что может означать возвращение в Нью-Йорк после утренних событий.

Стефано Моретти, известный босс мафии, знает ее имя. И, похоже, он уверен, что они встретятся вновь.

— Это здесь?

Размышления Евы прервал короткий вопрос таксиста, и она взглянула в окно на свой темный пустой дом. Сердце подскочило к горлу.

Она кивнула, потянулась к ручке и вылезла из машины, а за ней и темнокожая женщина, предварительно открыв багажник. Покопавшись в своей большой сумке в поисках денег, Ева с благодарностью протянула оплату проезда, когда чемодан и дорожная сумка оказались у ее ног. Она наблюдала, как средних лет женщина-водитель забралась обратно в машину и исчезла в конце улицы.

Глубоко вдохнув и остро ощутив тишину ночи — никаких машин, сирен, пьяных разговоров — девушка подняла сумки и прошагала по освещенной уличным фонарем дорожке к дому. Она вставила ключ в замок и широко распахнула дверь, остановившись, чтобы отключить сигнализацию, прежде чем включить освещение в коридоре. Она прищурилась от внезапного света, поставив вещи у подножия лестницы... и мгновенно почувствовала обжигающие слезы, когда знакомый, хоть и немного затхлый запах дома, ударил в нос.

Похоже, Ника не выполнила обещания все проветрить.

Ева вернулась к двери и высунула нос на свежий воздух, тяжело дыша сквозь душащие ее одиночество и грусть. Затуманенный взгляд окинул передний двор, и она немного успокоилась. Снова это чувство. Что за ней наблюдают. Она так часто чувствовала подобное в Нью-Йорке и даже во время полета в Сиэтл. Странно, но это приносило ощущение покоя, что было бессмысленно, учитывая утреннее происшествие. Мог это быть Стефано Моретти или его сторожевые псы, чей взгляд она ощущала на себе? Глупое воображение. Зачем криминальному боссу преследовать студентку? Бессмыслица. Ничего из этого не имеет смысла.

Щелкнув пальцами, она схватила свою сумку и вытащила телефон. Включила его, что забыла сделать еще после перелета, и проверила сообщения. Вдруг Калеб узнал что-нибудь, пока она была недоступна. Ничего. Она принялась стучать по экрану.

«Привет. Думаю о том, что произошло сегодня. Ты в порядке?».

Прошло всего пару секунд, прежде чем бульканье оповестило о пришедшем ответе.

«Ага. Остался в клубном доме, раз теперь не приходится приглядывать за твоей задницей. Все еще работаю над вопросом СМ. Ты как?».

«Придурок», — подумала она, усмехнувшись.

«Я в порядке. Поговорим позже?».

«Хорошо, Присс».

Напряжение слегка спало с плеч. Он бы сообщил, если бы стоило беспокоиться о Стефано Моретти. К тому же бандит сейчас на другом конце страны.

А если ощущение присмотра не связано со Стефано, что, если это дух матери? Она никогда раньше не верила в подобные вещи.

— Но теперь буду, если это означает, что ты здесь, мама, — прошептала она в холодный воздух, ощущая облегчение от коснувшегося лица ветерка.

Ночные тени простирались над тем, что утром окажется прекрасным зеленым газоном, скрывая стрелы папоротников и других растений во дворе. Вдалеке лаяла собака. Звук больше походил на «впусти меня, я уже пописал», чем «кто-то чужой во дворе».

Она вдохнула свежий насыщенный запахами воздух. Внезапно быть дома показалось правильным.

Габриэль наблюдал, как Ева оглядывала передний двор своих владений. Ее губы тронула теплая улыбка. Безумно красивая.

Кто ей пишет? Пейн? Ее подруга Ника? Кто из них рассмешил ее? «*Надеюсь, Ника*», — хмуро подумал он.

— Она была в наушниках и игнорировала парня весь полет.

Он нахмурился еще сильнее и искоса посмотрел на лидера своей команды безопасности, Куана Мао. Он нанял опытного американца-азиата, когда Куан впервые приземлился в Сиэтле чуть больше четырех лет назад. Тот пришел из азиатской группировки Нью-Йорка, которая плохо кончила, и оказался лояльнее и надежнее, чем некоторые парни, которых Габриэль знал уже двадцать лет.

Куан присоединился к нему в аэропорту Сиэтл/Такома. Он был с Евой с минуты, когда она вышла из такси в аэропорту Кеннеди, сопровождал в самолете без ее ведома, разумеется, и только что закончил рассказывать Габриэлю про какого-то студента, сидевшего рядом и несколько раз пытавшегося завязать разговор. Габриэль мог поклясться, что эта информация была представлена только для того, чтобы подразнить в нем зверя. Но с другой стороны, парни же не посвящены в его... *чувства?*.. к дочери Василия, так что, может, и нет.

— Он не представлял угрозы?

— Нет.

— Тогда почему я об этом слушаю? — огрызнулся он, его чувство собственности по отношению к Еве мешало смягчить тон.

Ее взгляд был сосредоточен на большой плакучей иве в нескольких сотнях ярдов от подъездной дорожки. Его «Эскалейд» как раз был припаркован в тени дерева. Он напрягся, хотя и не было никаких шансов, что девушка сможет увидеть их под покровом свисающих ветвей и беспроглядной ночи.

— Просто держу вас в курсе.

В сухом ответе Куана сквозила странная нотка, которую Габриэль не хотел слышать. Его парни слишком пекутся ради своего блага. Боже, у нее такая тонкая талия. Длинные ноги. А эти волосы. Он хотел обернуть кулак шелковой ониксовой массой и оттянуть ее голову назад, чтобы получить легкий доступ к губам, которых он так жаждал.

Моя.

Он молча проклял нашепываемые подсознанием заявления и заставил себя отвести взгляд, чтобы осмотреть окрестности, хотя для этого здесь и был Куан.

Габриэль взялся за руль, когда Ева наконец повернулась и исчезла в доме.

— Ник все понял?

Ника Дельвецио, соседа Евы, Василий сам поселил в доме справа от нее. Бывший головорез был больше двадцати лет вместе с семьей Моретти, пока его не переместили сюда.

Куан кивнул.

— Он написал, что выскользнул через черный ход, пока она платила за такси.

Габриэль тоже кивнул и успокоился. Он еще немного постоял на месте, хотя дом уже был под присмотром.

Ему нужно двигаться дальше с вопросами работы. Как можно быстрее устроить ее к себе в офис. Раз Стефано приметил ее, необходимо, чтобы Ева находилась настолько близко к Габриэлю, насколько возможно. Чтобы защитить ее так, как может только он.

Его бросило в жар, когда разум переключился на завтрашний вечер.

Когда их с его подопечной представят друг другу.

Глава 4

— Сделай глубокий вдох. Улыбайся. Говори «спасибо». Двигайся.

Ева шептала под нос наставления самой себе, проскальзывая сквозь автоматические врачающиеся двери в вестибюль «Кроун Джевел» — одного из самых престижных отелей в центре Сиэтла, прячась от постоянного моросящего дождя, которого не удалось избежать и в Нью-Йорке.

Большую часть дня она провела с Никой, убиная в доме и делая его снова жилым. В Нью-Йорке она жила в меблированной квартире вместе с ещё тремя девочками, у Евы было мало вещей, и на то, чтобы собрать их, ушло немного времени. Она получила всего две коробки с тем, что решила оставить от жизни в Нью-Йорке. Потом они с Никой сели на веранде и открыли одну банку оливок на двоих. Хотя и было здорово воссоединиться с подругой, Еву беспокоило, что от прежнего блеска, некогда зажигавшего глаза подруги, остался лишь тусклый намек. Из них двоих Ника была заводилой: смелой, игривой, легкой на подъем, всегда тянула за собой более консервативную Еву. Она не была безответственной, просто веселой. Теперь же девушка изменилась. Сдержанная. Тихая. Почти замкнутая. Изменения явно связаны с Кевином, потому что произошли после свадьбы.

Ева отбросила беспокойство в сторону и попыталась сосредоточиться на благотворительном вечере. Она огляделась, отмечая роскошную обстановку, которая почему-то всегда заставляла ее думать об отце. Сорокафутовые потолки, золотистый свет, экзотические растения высотой как три Евы и дзен-музыка¹ из колонок способствовали максимальному расслаблению.

Бывал ли он в подобных местах? Она могла пройти мимо него прямо сейчас и никогда об этом не узнать. Как грустно.

Как безумно, исправилась она, никогда не понимая, как кто-то может просто отвернуться от собственного ребенка. Боже, она же его дочь. Он держал ее на руках. Заглядывал в глаза. И ушел. Холодный и бессердечный. Возможно, ей повезло, что в ее жизни никогда не было подобных людей. Возможно, он сделал им одолжение.

Приподняв подбородок, она двинулась по мраморному полу с красивым рисунком. Ева проходила мимо уютно расставленных кожаных кресел кофейного цвета и мест для влюбленных, а также сверкающих стеклянных столиков, украшенных тяжелыми хрустальными вазами с множеством экзотических цветов.

Тихое бульканье огромного аквариума поманило девушку к дальней стороне вестибюля. Она остановилась там на мгновение, чтобы наблюдать за изящными движениями двух ярко-голубых рыбок, играющих среди водорослей. Ужасно, что Калеб был в Нью-Йорке. Он бы сделал предстоящую ночь более веселой.

«Это Калеб, дорогая. Прочти».

Ева посмотрела в сторону приглушенного звука его голоса. Что за?.. Она растерянно оглянулась вокруг. Звук исходил откуда-то снизу, как будто он сидел на корточках у ее ног. Девушка открыла сумочку и достала телефон. От Калеба пришло сообщение. Наверное, он поставил персональный рингтон в качестве шутки во время их

---

¹ Медитативная музыка для глубокого расслабления.

последней встречи. Она явно писала ему чаще, чем он ей, потому раньше этого и не слышала. Ева широко улыбнулась, читая текст.

«Все еще ничего по СМ. Постараюсь осторожно проследить за ним».

«OK. На празднике. Кстати, прикольный сигнал».

«Думал, тебе понравится. Ника с тобой?».

«Нет».

«Хреново».

«Я знаю:(»

«Хорошо повеселиться».

Когда она положила телефон обратно, ее вздох был полугрустным из-за напоминания о ситуации с Никой и полуиспуганным от напоминания о Стефано Моретти.

Как он мог знать ее?

Яркая розово-оранжевая рыбка проплыла перед ней, лениво кружась и рассекая воду хвостом, словно прогоняя девушку. Ева направилась в заднюю часть отеля, быстро проскользнула в уборную проверить, что дождь не нанес ей серьезного вреда. Отражение под слишком яркими флуоресцентными лампами показало, что она хороша, а потому, улыбнувшись ожидающему с полотенцем и бутылочкой лосьона слуге, Ева быстро прихорошилась. В это же время она заметила двух женщин, выходивших во вторую дверь в конце уборной. Обе были одеты так же формально, как и она.

Рискуя, девушка последовала за ними и оказалась прямо там, где ей и нужно было: в банкетном зале. Она двинулась вперед, разглаживая на входе наряд. Ева была взволнована, что наконец наступил случай надеть темно-синее шелковое платье, заказанное онлайн. Соседки по комнате рекомендовали сайт, сказав, что у него множество хороших отзывов на «Йелп²».

И Ева тоже не была той, кто вернул покупку. Особенно платье, которое должно стоить на сотни дороже, чем она за него заплатила.

Простой крой держался на общих стразами бретельках. Слева разрез до середины бедра открывал ее серебряные туфли на десятисантиметровом каблуке, которые сделали ее чуть выше шести футов. Как и большинству девушек, ей нравилось красиво одеваться, но такой шанс выпадал не часто. Войдя в переполненный банкетный зал, ее предположение насчет туфель подтвердилось: высокие каблуки почти на голову возвышали ее среди большинства гостей.

Девушка слегка улыбнулась. Ей это нравилось. Она почувствовала себя лучше. Меньше похожа на слабый пол.

Надев на лицо светскую маску, она двинулась вглубь зала, замечая элегантное пространство, заполненное множеством красиво украшенных столиков, а стулья располагались так близко, что практически касались друг друга. Слава богу, сегодня всего лишь фуршет с коктейлями и закусками, а не один из длинных и затянутых «сидячих» обедов. Короткие разговоры и в лучших обстоятельствах заставляли порядком нервничать. Особенно теперь, в первый выход в свет после смерти матери, к людям, которые знали их многие годы.

— Шампанского?

---

² Веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например ресторанов или парикмахерских, с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг.

Рядом остановился симпатичный рыжеволосый офицант, улыбаясь и протягивая полный поднос. Сказав «спасибо», она приняла напиток и немного отпила из красивого хрустального бокала, тут же поморщившись, когда пузырьки ударили в нос.

Отойдя в сторону и наслаждаясь успокаивающими звуками струнного квартета, который играл на возвышении напротив большого окна, Ева расслабила плечи и воспользовалась собственным ростом, чтобы незаметно осмотреть толпу в поисках...

Его.

В животе что-то ухнуло, как если бы девушка полетела вниз с самой высокой горки.

Все мысли найти друзей матери вылетели из головы, словно никогда и не существовали. Сердцебиение ускорилось. Кровь понеслась по венам так быстро, что перехватило дыхание.

Она моргнула. Это был *он*. Мужчина, которого она видела на прошлой неделе после собеседования в «ТарМор». Мышцы внизу живота задрожали, когда он вновь посмотрел на нее с тем же напором, который она запомнила в первый раз.

Пожалуйста, заговори со мной в этот раз.

Мольба возникла откуда-то из глубины сознания, удивив ее. Что он здесь делает, на другом конце страны? Смотрит ли он на нее так, потому что запомнил?

Он шагнул вперед, и она влюбилась в его взъерошенные черные волосы, коротко стриженные сзади, но чуть длиннее спереди. Его линия подбородка и скулы были угловатыми и резкими, а обтянутое смокингом тело безумно аппетитным. Широкие плечи, узкая талия и длинные ноги. Где-нибудь в тридцатые этот мужчина был бы *идеален* вместе с ореолом влюбись-на-свой-страх-и-риск, что нереально соблазняло.

Он остановился прямо перед ней и грациозно, несколько старомодно, кивнул.

— Добрый вечер.

Его голос был глубоким, вкрадчивым и таким восхитительным, что ее колени превратились в желе. Вблизи Ева могла еще лучше разглядеть его квадратную челюсть, решительный рот и нос, который хоть и выглядел так, словно перенес один или два перелома, но все равно оставался прекрасным. Но именно глаза мужчины парализовали ее. Глубокого зеленого цвета мха, обрамленные длинными угольно-черными ресницами. Глаза обладали такой силой, что взгляд практически убедил ее, будто они были здесь лишь вдвоем.

Ева моргнула, когда уголок его губ дрогнул. Он не улыбался. Совсем. Но его сдержанный вид потеплел. Как будто он немного расслабился.

Она все еще не ответила на его приветствие, да?

Прекрасно, Ева.

Девушка прочистила горло, пораженная внезапным чувством *сильного* влечения.

— Добрый вечер.

Он огляделся.

— Ваш спутник либо очень самоуверенный человек, либо глупец, раз оставил вас без присмотра.

Она заставила себя отвести глаза от лица, соперничавшего с Давидом Микеланджело, и проследила за его взглядом по перемешавшимся группкам людей, а потом снова вернулась к нему.

— Мой спутник не мог этого сделать.

Ее пульс дрогнул, когда черты мужчины замерли. Мaska вернулась.

— Правда? Тогда он глуп, — произнес он с толикой сарказма.

— На самом деле, *она* очень умна.

Незнакомец вопросительно поднял бровь.

— Она?

— Моя лучшая подруга. У нее с мужем были планы, которые не позволили стать моей спутницей.

И вновь он был почти доволен услышанным. Что лишь еще сильнее распалило тело Евы.

— Понятно. Не скажу, будто сожалею о том, что все пошло не так, как вы хотели.

Девушку поразила такая прямолинейность. Большинство парней, по крайней мере, изобразили бы сочувствие.

Но не этот мужчина.

— Вы помните меня? — спросила она прежде, чем подумала.

Что-то вспыхнуло в его темно-зеленых глазах, после чего они сузились, окидывая ее черты так интимно, что она задрожала.

— Я вас помню.

— Откуда? — Девушка прижала ладонь к сумасшедшему сердцу, просто убедиться, что он не играет с ней.

Он вздохнул.

— Манхэттен. Прошлая пятница. В вестибюле здания «ТарМор». Черно-синее платье. Черные туфли. Волосы были собраны в какую-то прическу.

Она подняла руку, внезапно перестав дышать.

— Ладно.

Он ее помнил. *Действительно* помнил.

— Я вам верю.

— Габриэль Мур, — представился он.

Чувствуя странное возбуждение от мысли прикоснуться к нему, она тоже протянула руку.

— Ева Джейкобс.

Он накрыл ее ладонь своей большой рукой, и легкий импульс поднялся вверх, проникая в грудь. Габриэль чуть потянул девушку к себе, и она была вынуждена шагнуть ближе. Она ахнула, хотя их тела и не соприкасались, — жар его тела явно ощущался. Как и чувство, будто в ней что-то развернулось, ожило, всплыло на поверхность благодаря этому мужчине с невероятно приятным запахом. Его аромат обволакивал ее, как плащ, напоминая освежающий дождь после грозы.

— Шампанского, мистер Мур?

Габриэль качнул головой, и официант на секунду остановился и исчез. Ева едва его заметила. Мгновение остановилось, замерло, пока он возвышался над ней. Да. *Возвышался*. Над *ней*. Должно быть, в нем был метр девяносто. Может, больше.

— Просто, чтобы было понятно, — он говорил тихо, но властно, что заставляло внимательно слушать. — Я говорю только то, что действительно имею в виду. Никаких вопросов. Я сказал, что помню вас, потому что так и есть. — От него практически исходили волны тестостерона, когда взгляд лениво блуждал по ее губам. — Я редко чувствую необходимость объясняться, милая. — Он снова поднял глаза, мрачно добавив: — Перед кем угодно.

Намек ясен. Он был высокомерным. Прямым, но не грубым. И явно привык поступать по-своему. Но, несмотря на свои слова, он только что объяснился. С ней.

Это, наряду с его легкими, ласковыми прикосновениями, отдавалось внизу живота странным удовольствием.

— Звучит, словно вы обычно получаете желаемое. — Ева побледнела от того, как это прозвучало. — То есть, если вы не чувствуете нужды объясняться, то либо работаете на себя, либо постоянно обновляете свое резюме, — выпалила она.

Господи, Ева. Ты, правда, это только что сказала?

— Повинен в самозанятости, — признался он, выглядя удивленным.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовалась она, обеими руками цепляясь за светские темы.

— Строительство, — коротко ответил он и продолжил, прежде чем она успела спросить подробности. — Что вы делали на прошлой неделе в «ТарМор»?

— Проходила собеседование на работу.

— Прошу прощения, мистер Эм?

Он повернулся голову, прерываясь. Его сухой взгляд сменился благодарностью, когда тот же самый официант, проходивший минуту назад, вновь оказался рядом и держал невысокий стакан с прозрачной жидкостью со льдом.

Габриэль кивнул и взял его.

— Ты обязательно будешь вознагражден за инициативу, Лиам. Подойду к тебе позже.

Официант улыбнулся ей. Его нетерпеливый вид говорил, что так и будет. Он растворился в толпе.

— Как мило с его стороны, — прокомментировала Ева, когда мужчина сделал глоток. Не было ничего сексуальнее вида его горла, когда он глотал. И кем она, черт побери, стала сегодня, что даже обращает внимание на мужское горло? — Или он весьма хорошо вас знает, или очень внимателен.

И почему девушка продолжала смотреть на его рот? Интерес в этом, в нем, был для нее необычен. Такая реакция на мужчин было ей не свойственна. Ох, кого она обманывала? Ева никогда так не реагировала ни на одного мужчину. Особенно на такого. Такого... Боже, она даже не знала. Может быть, властного? Самоуверенного, но не высокомерного. Если такое возможно.

— Водка? — спросила она, когда не услышала ответ на предыдущий комментарий.

— Да. — Уверенность сквозила в каждой его черте. — Так вас приняли в «ТарМор»?

Правильно. Вернемся к нашему разговору.

— Пока не уверена. Не получила ответа.

— Покажите мужчину, который бы упустил возможность смотреть на вас весь день, и я познакомлю вас с его любовником, — произнес он с совершенно бесстрастным лицом.

Ева слабо улыбнулась, не доверяя своей неожиданной привлекательности, чтобы оценить шутку. *Если* он шутил.

— Мой друг Калеб любит дразнить меня подобными глупостями. Но собеседование проводила женщина. Я еще не встречалась с мужчиной, на которого буду работать.

Его лицо стало нечитаемым.

— Вы хотите эту работу?

Она переложила клатч под руку и отпила шампанского.

— Сначала не хотела. У меня диплом одной из лучших школ бизнеса в мире, поэтому я рассчитывала на более высокую должность. Но сотрудник отдела кадров заверил, что это место будет хорошим стартом.

— К чему?

— Успешной и долгосрочной карьере. Несмотря на то, что меня не устраивает должность в «ТарМор», не совсем оправдывающая ожидания от четырех лет обучения в Колумбийском университете. Но это все равно прекрасная возможность получить опыт работы на месте, которое в обозримом будущем сможет подвести меня к должности директора или даже вице-президента.

Он кивнул.

— Разумно. Я сталкивался со многими молодыми помощниками, которые обрекали себя на неудачу, слишком быстро взираясь наверх. Вы только что выпустились или уже какое-то время подыскиваете работу?

— Закончила в этом месяце.

— Мои поздравления. — Лед застучал в стакане, когда он его опрокинул. — Вы приехали домой? Или в Сиэтле на отдыхе?

Больше чем уверена, что я здесь для еще одного собеседования.

Она постаралась не улыбнуться. Он определенно обладал типажом лидера. Прямолинейный. Целеустремленный. Сборщик информации.

— Сиэтл — мой дом. Я здесь выросла. А как насчет вас, Габриэль? Вы были в Нью-Йорке по работе? Или живете там?

— Родился и вырос в Квинсе, но нахожусь до поры до времени здесь, в Сиэтле. Наверху, если быть точнее.

Она удивлённо приподняла бровь.

— Наверху? Хотите сказать, что живете тут, в отеле?

Он кивнул, его глаза изучали происходящее вокруг. Снова. Что он ищет? Или кого?

Мужчина вроде него, вероятно, был здесь с какой-нибудь супермоделью в качестве спутницы.

Ей не хотелось об этом думать.

Габриэль сделал долгий глоток своего напитка.

— Не могу заниматься покупкой дома, когда не уверен, что собираюсь остаться здесь жить. А поскольку я владею данным зданием, то этого и не нужно, — он произнес рассеянно и без хвастовства, но Ева отпрянула.

— Вы *владеете* этим отелем? — пропищала она.

— Да. Вместе с моим партнером.

— *Деловым* партнером, — быстро уточнила она и почувствовала, как краснеют щеки. Если бы он имел в виду партнера в личной жизни, мужчину или женщину, она бы умерла.

Правда?

Причиной было неудовлетворенное желание, если именно им являлось то чувство, которое неслось по венам, заставляя ощущать себя некомфортно, возбуждая.

Теперь была очередь Габриэля выглядеть так, словно он сдерживал улыбку.

— Да, — подтвердил он. — Деловой партнер.

Фух.

— Итак, скажите мне, Ева, вы здесь потому, что лично пострадали или просто поддерживаете?

— Моя мама всегда помогала организовывать данное мероприятие, — объяснила она, играя остатками шампанского на дне бокала, чтобы скрыть дрожь в руках. — Хотя, думаю, мы все так или иначе окажемся затронуты проблемой рака. Я никогда не знала лично ребенка, который пострадал от этой болезни. Если бы прежде, чем поддерживать борьбу, я ждала сначала такой трагедии, это бы сделало меня довольно эгоистичной. Вы так не думаете?

Пока она говорила, он небрежно протянул руку, забрал из ее пальцев бокал шампанского и заменил его новым от проходившего мимо официанта. Плавные, неторопливые движения. «Приятно смотреть», — подумала она, постаравшись не вздохнуть.

— Соглашусь. Вы сказали, что ваша мать «помогала» организовывать. Она переключилась на что-то другое?

Ну вот...

Ева покачала головой.

— Она скончалась два месяца назад.

— Огромная утрата для дочери. Очень сочувствую, Ева. А ваш отец?

Она моргнула. *Bay*. Разговор превращался в слишком личный. Габриэль так быстро подошел к этому, что она едва почувствовала.

— У меня нет отца, — сказала она с обычной откровенностью, желая отблагодарить за то, как он помог ей легко справиться с этим. — Он ушел от нас с мамой, когда я была маленькой, — объяснила она. Печальная правда касалась донора спермы, а не ее, а потому ей не нужно было приукрашивать.

Габриэль кивнул, внимательно наблюдая, как будто действительно интересовался ответами на свои вопросы.

— Значит, были только вы вдвоем, что без сомнения делает ее уход вдвойне тяжелым. Это слишком много, чтобы справиться самостоятельно. Вы видели его когда-нибудь? Может быть, по праздникам?

— Я не видела его с тех пор, как мне исполнилось двенадцать недель от роду, и не узнаю, даже если он будет стоять прямо рядом со мной.

Девушка сделала глоток шампанского. Стоящий перед ней Габриэль так завладел ее вниманием, что даже если мимо прогуляется Махатма Ганди, она бы вряд ли заметила.

Габриэль продолжал разглядывать слегка повернутое в сторону лицо этого изысканного создания. Он никогда не был так счастлив, что Алек согласился на его предложение обновить и приукрасить «Кроун Джевел», а не продавать, как они изначально планировали. Без отеля их первый разговор с Евой состоялся бы в нескольких кварталах отсюда в конференц-центре на углу Восьмой и Пайк. Находясь здесь, в собственном здании, никто, черт побери, не мог ничего сказать ему, если бы он делал с Евой все, что заговорился, так долго и громко, как он хотел бы. И это было прекрасно. Почти так же прекрасно, как наконец разговаривать с девушкой, которая, ничего не делая, преследовала его уже на протяжении недель.

Впервые после того, как он увидел ее фотографию и стал отвечать за ее безопасность, мужчина был спокоен. Она находилась в его доме и под его защитой.

Стараясь ради нее играть роль джентльмена, он отложил на потом мысли о ней, запутанной в его простынях. Он хотел знать, что она чувствует по поводу отсутствия Василия в ее жизни. До сих пор девушка была безрассудно-беззаботной по поводу всего этого.

— Вы когда-нибудь пытались с ним связаться?

Ева подвинулась к нему, когда группа женщин прошла мимо. Габриэль проглотил стон от ее аромата, достигшего носа. Она пахла теплым густым медом. Сладким и восхитительным.

Она сделала еще один глоток из бокала, прежде чем ответить, ее прекрасные глаза сузились.

— Кто-нибудь говорил, что вы задаете много личных вопросов?

Попался. Самым интересным способом. Для нее они были двумя людьми, которые виделись лишь однажды в вестибюле случайного здания в Нью-Йорке. Она понятия не имела, насколько хорошо он на самом деле знал ее.

— Простите меня, — ему ничего не оставалось, как ответить.

— Прошу. — Медленная улыбка расплзлась на ее лице, и это было ударом под дых. — Я никогда не пыталась найти его, — призналась она. — Итак, теперь, когда вы знаете мои самые глубокие и мрачные секреты, почему бы не рассказать мне один из ваших?

Ладно, моя милая. Я вырос в жестоком безжалостном мире, где выживает сильнейший. Предназначенный быть не кем иным, как беспощадным криминальным боссом, который поведет свою итальянскую семью к самой вершине. Я убивал людей, избивал их до неузнаваемости, резал их, еще больше пристреливал, и нарушил больше законов, чем твои местные политики. И хотя я знаю о возможных смертельных последствиях, все равно хочу, чтобы ты была моей.

Бе-е-ерно. Внезапно честность стала выглядеть не так хорошо. Он полностью проигнорировал ее предложение и переключился на роль хозяина.

— Желаете еще шампанского? Или чего-нибудь из еды, учитывая, что вы уже выпили два бокала.

Она посмотрела вниз на пустой бокал, затем вздрогнула голову. И идеальные брови тоже. *Ой-ой.* Что он сказал?

— Я вполне осознаю, как действует на меня алкоголь, Габриэль. И, не то что бы мне нужно обсуждать это с вами, но перед выходом из дома я поздно поужинала. А потому вполне способна справиться с еще одним бокалом шампанского. Если захочу. Но я не хочу. В основном потому, что я к нему на самом деле равнодушна.

Смелая. Ему это нравилось. Очень. Не побоялась осадить его. Это понравилось еще больше. Но если она не была фанаткой шампанского, что он будет заказывать ей на ужин в ближайшие недели?

— А что вам нравится, Ева?

Ее ресницы дрогнули, будто вопрос удивил ее, и он чуть не застонал, когда прелестный румянец покрыл ее высокие скулы.

— Простите?

— Пить, — уточнил он, чувствуя реакцию своего тела. Возможно ли возбудиться еще больше?

— Оу. — Она пожала плечами, привлекая внимание к хрупкости оголенного плеча. Свободная рука начала поигрывать со сверкающей сережкой, свисающей с нежной мочки уха. — Обычно «Космополитен» — мой спутник в клубе, чего почти никогда не бывает, — быстро произнесла она, словно не желая, чтобы он думал о ней, как о тусовщице.

Все в порядке, милая, я знаю, кто ты.

— Мне нравится вино, — продолжила она и ее речь стала практически нервной. — Не знаю, совпадают ли мои предпочтения с другими людьми, но я предпочитаю красное зимой и белое летом. Возможно, из-за разницы в температуре или крепости. Не уверена, — она издала восхитительный вздох. — А как насчет вас? Что вам нравится, Габриэль?

Мужчина не сомневался, что, расскажи он Еве обо всех желаниях, та бросится бежать, а потому поднял свой пустой стакан.

— Водка со льдом всегда подойдет.

— Хм-м, — протянула она, словно не слушая. Ее взгляд скользнул по его чертам, задержавшись на губах. Снова.

Он расстегнул до чертиков неудобный пиджак и наклонил голову вбок, хрустнувшей, когда в левом кармане завибрировал телефон. Почти радуясь отсрочке, он грубо выхватил его из кармана и поднес к уху.

— Извините, — пробормотал Габриэль.

Блядь.

— Да, — бросил он в микрофон.

— Можешь говорить?

Это был Алек.

— Нет, — сухо ответил он.

— Тогда отойди куда-нибудь и перезвони.

Проклятие. Он не хотел никуда уходить. Разве лишь для того, чтобы изнасиловать стоявшую перед ним девушку. Конечно, черт побери, он не хотел оставлять ее в помещении, полном пляющихся мужчин. По факту... Габриэль убрал телефон обратно в карман и пристально посмотрел на Лиама. Парня, который принес ему выпивку. Ему было двадцать с небольшим, он сам оплачивал колледж, если Габриэлю не изменяет память. А она не изменяла, потому что он был рад помочь с оплатой счета амбициозного сопляка, чья болтливая мать через день убирала его номер.

Он движением пальцев отоспал этого явно очарованного маленького говнюка.

— Мы не собираемся больше пить шампанское, парень. Поэтому если я увижу, что ты снова здесь появишься, то я вылью его тебе на голову. Понял? — прокомментировал мужчина.

— Извините. — Рыжий добродушно улыбнулся, его взгляд переходил с Габриэля на Еву. — Просто делаю свою работу.

Чтобы не быть полным мудаком, Габриэль стукнул по протянутой руке.

— Проваливай.

— Да, сэр.

Лиам кивнул взволнованной девушке и удалился, умело балансируя подносом. Краем глаза Габриэль видел Джака и Куана, стоявших в паре шагов от них. Куан сегодня вечером прикрывал спину босса, а Джак следил за Евой с тех пор, как она вышла из дома. Ни один из них не подходил для верхушки общества Сиэтла. Но они ею и не были. Слишком грубо отесанные.

Она приподняла брови.

— Это было интересно.

По-другому и не скажешь.

— Уверен, ты к этому привыкла, — пробормотал он себе под нос. — Послушайте, мне нужно кое о чем позаботиться. Вы не планируете уезжать в ближайшее время?

Скажи «нет».

Ее выражение выдало разочарование. Из-за того, что он ее покидает? *Очень хорошо*. Ее волосы цвета ночи сверкали от огней люстр, когда она покачала головой. У него зачесались пальцы, чтобы схватить их в кулак, откинуть голову назад и насладиться чувствительной кожей за ушком. Боже, желание было просто ошеломляющим.

— Здесь есть пара человек, с которыми я хотела бы встретиться до ухода. Поэтому еще побуду. Вы вернетесь? — спросила она. Ему показалось, что он услышал нотку надежды в голосе.

— Обязательно. Я не надолго.

— Хорошо.

Когда легкое, тешащее самолюбие согласие достигло ушей мужчины, он развернулся на каблуках и убрался к черту от ее наркотического влияния.

— Не спускай с нее глаз, — прорычал он Джаку, проходя мимо, чувствуя, как Куан пошел слева.

Он пронесся по оживленному коридору, не замечая смокингов и вечерних платьев, которые словно тараканы разбегались с его дороги. С опущенной головой он пересек вестибюль, зимний сад и набрал номер, проходя мимо гостей, любовавшихся высокими деревьями и раскинувшейся повсюду пышной зеленью.

— Ты, должно быть, дьявольски польщен.

Он слушал телефонные гудки в трубке, когда замечание Куана достигло его слуха.

— Почему?

— Выражение ее лица, когда она тебя впервые увидела, — смешок Куана говорил о чисто мужской оценке. — Ты должен быть очень польщен. Это все, что я скажу.

В груди Габриэля что-то сжалось от удовольствия, когда он вспомнил свет узнавания, зажегший ее глаза при первом взгляде, ее интерес. Он был до смерти польщен.

Но сейчас внимания требовали другие вещи. Алек бы никогда не просил срочно перезвонить, если бы что-то не произошло.

— Я только что связывался с Винсентом, — начал Алек, подняв трубку. — Он околачивался рядом после того, как оставил твоего брата, и наткнулся на того проклятого талантливого частного детектива, у которого чисто случайно оказалась толстая папка о младшем брате Стефано Моретти. Больше, чем за год, мой друг. Там не было никакой информации о Еве, но они знают, что вас что-то связывает.

— Описание? — Парень просто делал свою работу, но это не значит, что Габриэль не собирался дать детективу узнать, что тот забрался в постель не к тому брату, и если не уберется, с ним будет покончено.

— Оно есть у Куана и Джака.

Куан поднял телефон, на экране высветилось круглое лицо. Габриэль потянулся и сохранил изображение.

— Видимо, парень хорошо подмечает детали. Мы должны его перехватить. Винсент сказал, что там были твои фотографии со всего Нью-Йорка с обведенной красным Евой на заднем плане, — продолжал Алек.

В груди Габриэля расцвела ярость, но он усмирил ее. Василий захочет его голову на пике.

— Он охотится за ней. — Утверждение. Не вопрос.

Вздох Алека не обнадеживал.

— Похоже на то. Один из парней Стефано был отправлен к нам. Винсент сказал, что его зовут Скарс, но это вся информация. У него есть знакомый айтишник, Максим, который работает над тем, чтобы узнать больше. Но пока не получится, он посоветовал быть осторожными. Стефано приказал не трогать Еву, но кто знает, насколько Скарс его послушается. Может, он не очень хорошо исполняет приказы. И, чтобы ты знал, я останусь в Сиэтле, пока все не уладится.

— Ты наверху?

— Да. К сожалению, я уже рассматриваю этот номер, как дом. Никогда не ожидал, что когда-нибудь мы снимем дом.

— Хорошо.

— Что ж, после вчерашнего дня у меня ощущение, что все летит к чертям. И она *наша* семья. Единственная моя кузина, если на то пошло.

— Спасибо, брат. Рад, что ты здесь. — Благодарность Габриэля была искренней.

Куан кивнул, сигнализируя Габриэлю посмотреть через плечо. Он повернулся к каменной террасе, простирающейся вдоль всей задней части отеля, и мгновенно был очарован зрелищем за толстым оконным стеклом.

Ева прогуливалась по теряющейся в темных садах дорожке, опираясь на металлические перила. Снаружи было всего несколько человек, и те уже возвращались к дверям банкетного зала.

Где, черт побери, Джак?

Он прищурился. Почему Ева вытирает лицо? Она... плачет?

В груди потяжелело. Ему не понравилась идея, что ей причинили боль. Это его беспокоило.

— Слушай, Габриэль, — до него донесся голос Алека. Телефон все еще был возле уха. — Может, тебе стоит...

Не сказав ни слова, он отключил связь. Адреналин помчался по венам при виде того, как Ева обернулась и посмотрела через плечо. Он проследовал за ее взглядом и чуть не выпрыгнул через окно. В тени, рядом с ней, скрывался человек. Совершенно один.

В любое другое время неизвестный мужчина, с таким интересом наблюдающий за женщиной вроде Евы, был бы не более чем охотником за юбками. Но сейчас не любое другое время. Парень ни капли не был похож на гостей, черт побери. Он, должно быть, был человеком Стефано.

Несмотря на нескольких прогуливавшихся мимо него гостей, Габриэль бросился бежать. Куан последовал его примеру, побежав к единственному выходу из зимнего сада в дальнем конце.

В противоположную сторону от Евы.

Глава 5

Ева облокотилась на перила тихого сада отеля и слушала мягкий шум ветерка в листве деревьев. Она вытащила из сумочки платок — необходимая вещь после волнительной встречи — и осторожно промокнула глаза, стараясь не смазать косметику. За столиком возле выхода на каменную террасу она встретила маленькую группу маминых друзей, и с радостью приняла их объятия. Троица, коих раньше было четверо, относилась к ней так же, как мама. Девушка присела немного поболтать и только начала расслабляться, когда Коррин Хортон, безобидная кумушка из компаний, обратила внимание на тот факт, что Ева одна.

— Почему ты не привела к нам познакомиться своего молодого человека, дорогая? Мы бы не стали тебя смущать, — Коррин пригладила идеально уложенные темные с проседью волосы и улыбнулась с видом, говорившим, что точно бы стали.

— Я пришла одна, — ответила Ева.

— Милая, — заворковала Даниэль, наклоняясь и накрывая ее руку своей. Широкое кольцо на указательном пальце было таким массивным, что Ева была уверена: оно оставит на ней отпечаток. — Кэтрин рассказала нам о твоем... *страхе*. Она так волновалась за тебя. Она знала, почему ты не ходила на свидания, как твои ровесницы. Но, дорогая, ты не представляешь, как сильно она сожалела, что позволила тебе увидеть, какую боль причинил ей твой отец. И еще больше сожалела, что позволила этому так сильно повлиять на себя. Как часто, девочки, — она обратилась к Коррин и Мэрилин, — Кэт говорила, что хотела бы стать сильнее ради Евы?

— Очень часто, — подтвердила Мэрилин. Коррин кивнула в знак согласия.

— Она не хотела, чтобы ты была одна, Ева. Да, ей нравилось, что ты независимая и сильная девушка. Да и посмотри, кто тебя вырастил, — произнесла она с блеском в глазах, вызвавшим боль в горле Евы. — Но она хотела, чтобы ты была счастлива. Любима и счастлива, милая. Не позволяй тому мужчине влиять на твою жизнь так же сильно, как на жизнь Кэтрин.

— Она когда-нибудь называла вам его имя? — выпалила Ева в шоке от самой себя. Почему спросила? Она же не собиралась его искать... верно?

— Ох, нет, — Коррин быстро покачала головой, на запястье зазвенели браслеты при движении пальца из стороны в стороны. — Она говорила, это слишком опасно... — Но, обдумав слова, все-таки решила разъяснить. — Слишком опасно для ее душевного спокойствия, слишком болезненно. В любом случае, он уже в прошлом. Пришло время для нового начала. Этого хотела Кэтрин.

Она была на пределе. Слезы так и грозили пролиться, Ева извинилась и вышла подышать на воздух.

Девушка наблюдала за игрой теней от листвы на прессованном камне. Почему Коррин использовала слово *опасно*? Это казалось несколько мелодраматично. Как мама могла сказать подругам, что имя ее отца опасно? Для душевного спокойствия? Неужели мама была такой хрупкой, что отец Евы беспокоился, что, услышь она его настоящее имя, ей бы было гораздо больнее? *Боже*. Каково это, разделять подобную любовь с кем-то?

В ее голове вспыхнул образ Габриэля Мура. Девушка могла поспорить на свою девственность, что он любил именно так. Яростно и всепоглощающе.

Она не знала, почему так уверена в этом после единственного разговора.

Возможно, потому что он был таким сосредоточенным и внимательным. Таким... увлекшимся. Она улыбнулась, засовывая платок в сумочку. К счастью, мамины подруги не видели ее с Габриэлем. Если бы она представила его владельцем отеля, они бы в мгновение ока выдали ее за него замуж.

Послышались шаги, и она обернулась, заметив приближающегося блондина в черном костюме. Он остановился на небольшом расстоянии.

— Ах, вот ты где.

В голове зазвенели тревожные звоночки, когда глаза незнакомца метнулись вокруг, словно проверяя, есть ли кто рядом. Несмотря на костюм, в нем было что-то дикое. Определенно не похож на обычного посетителя благотворительных вечеров. В кровь выбросило адреналин, по голове пробежали мурашки, когда она проследила за его взглядом и увидела, что отошла от бальной залы дальше, чем думала. Звуки вечера здесь, в темноте, были еще тише.

— Вы меня искали? Именно меня? — Она осторожно оторвалась от перил, готовая убежать, если он подойдет ближе. Не то чтобы она могла очень быстро бегать на каблуках. — Я вас знаю?

Его тонкие губы растянулись в звериной улыбке. Он шагнул в сторону, перекрывая путь к побегу.

— Не нужно бояться. Я здесь, чтобы передать сообщение.

Сердце Евы подскочило к горлу. *Сообщение?* Разум заполнили пустые глаза Стефано Моретти, и она снова оглянулась. Почему здесь больше никого не было?

Словно в ответ, в динамиках зала раздалось представление первого выступающего на вечере, последовали вежливые аплодисменты собравшихся гостей.

Это объясняло, почему она была одна снаружи.

Ева полностью сосредоточилась на мужчине напротив. Он был приблизительно одного роста с ней, но, как минимум, на тридцать фунтов тяжелее.

Глаза, горло, пах. Глаза, горло, пах. Глаза, горло...

Калеб вдалбливал это трио ей с Никой в головы перед каждым походом на свидания. Друг был настолько основателен в их обучении самообороне, что даже учил правильно держать нож и стрелять из пистолета. Что-то из этого она бы хотела сейчас иметь, хотя не была уверена, что хватит смелости воспользоваться.

— Это сообщение, — произнесла она, мысленно выругавшись, когда ее голос дрогнул. — Вас послал мой молодой человек? Боюсь, он не слишком терпеливый. — Надеялась, если он подумает, что о ее местонахождении кто-то знает, то уйдет.

Мужчина не ответил, а лишь смотрел как кобра перед броском.

И это был знак. Она шагнула в сторону, пытаясь проскользнуть между ним и каменной скамейкой, но рука мужчины взметнулась и схватила ее за запястье. Он грубо дернул Еву к себе, и девушка застыла, застигнутая врасплох таким наглым движением. И его неожиданной силой.

— Что ты делаешь? — требовательно спросила она. К груди присоединился гнев. — Отпусти. Меня! — Девушка тщетно дернула захваченной рукой.

— Это не обязательно, котенок, — сказал он, проведя пальцами по ее плечу. Ева отшвырнула их и едва услышала: «Я просто хочу поговорить с тобой», сквозь шум в ушах.

Резким движением Ева отдернулась и, пользуясь моментом, впечатала локоть в солнечное сплетение, в точности как учил Калеб. Из рта незнакомца вырвался воздух, пропитанный запахом виски, но блондин так и не отпустил ее запястье. Она напряглась, силясь поднять колено, когда из ниоткуда возникла большая тень и отшвырнула мужчину.

— Как ты, блядь, посмел ее тронуть?

У Евы практически подогнулись колени, когда Габриэль оттолкнул напавшего на нее человека дальше в темноту. Его кулак замахнулся, и она услышала треск ломающейся кости. Из сломанного носа блондина мгновенно полилась кровь — блестящая, черная в тусклом свете жидкость побежала по губам и вниз по подбородку.

Мужчина сплюнул.

— Ты не остановишь...

Кулак Габриэля снова заработал, затыкая парня и, возможно, в процессе выбивая несколько зубов. Блондин развернулся и избавился от захвата Габриэля быстрее ожидаемого. Потянулся к лодыжке и вытащил нож. Взметнул рукой. Лезвие едва не коснулось широкой груди Габриэля, но тот успел отодвинуться в сторону. Они закружились вдвоем. Спустя мгновение блондин снова набросился. Но Габриэль оказался слишком стремительным, выглядя при этом напряженно и пугающе. Одним ловким движением он завладел рукой атакующего, в которой был нож. Ткнул коленом в живот и у самой земли схватил выпавшее лезвие. И в завершение — мощный удар в висок заставил блондина отлететь назад и упасть помятой неподвижной кучей на камни.

Все кончилось за секунды.

Прижав руки ко рту, Ева двинулась к Габриэлю, но была мягко остановлена ладонью на плече. Она чуть не взвизнула, разворачиваясь.

— Все в порядке, — произнес впечатляющего вида азиат, который поднял ладони вверх в жесте, которым мужчины показывают женщинам, что не причинят им вреда. Этот парень все время был сзади нее? — Я с Габриэлем, — сказал он, потом повторил, — все в порядке.

— Это Куан, — даже когда Габриэль говорил так тихо, в его голосе все равно сквозила глубокая вибрация. Он отвернулся от побитого человека у своих ног. — Мой охранник, — уточнил он ровным голосом, прежде чем резко взглянуть на азиата, которого назвал Куаном. — Где, *черт побери*...

Прежде чем он успел закончить вопрос, на дороге из сада показался другой мужчина. Этот выглядел довольно дико с длинными рыжеватыми волосами. С одной стороны лица у него виднелся безобразный шрам, усиливавший впечатление аля «я со всеми разберусь».

Очевидно, он дрался с кем-то знавшим, как обращаться с острыми предметами.

Он прошагал по каменной тропе и одним легким движением перепрыгнул через три ступени террасы. Подойдя к Габриэлю, он вытер струйку крови, мешавшую обзору, так как та текла со лба прямо в глаза. Но мужчина сделал это так, словно лениво отмахнулся от комара. Он с сожалением взглянул на Еву и произнес что-то, что она не могла расслышать.

Что бы там ни было, слова заставили губы Габриэля сердито сжаться. Он кивнул на кровь.

— Ты как?

Крутой парень лишь фыркнул, выглядя оскорбленным таким вопросом.

— Эм, Габриэль? — начала она, намереваясь просить посвятить ее в происходящее, чем бы это, черт побери, ни было. Но ее опередил еще один глубокий мужской голос, возникший из-за спины и произнесший нечто на языке, сильно отличном от английского.

Она обернулась и увидела нового человека, посетившего их небольшую жестокую вечеринку. Он был высоким и хорошо сложенным, взъерошенные светлые волосы по-мальчишески спадали на лоб. На нем была шелковая серая рубашка на пуговицах и потертые джинсы.

Было что-то очень знакомое в его облике. Как будто она раньше видела его, но не могла вспомнить где. Девушка покачала головой. Нет, просто у нее начиналась паранойя после нападения. Хотя он действительно напоминал Дэвида Бекхэма. Возможно, причина в этом.

Они работали на Габриэля? Наверное, охраняли отель. Это объясняло их присутствие. Должно быть, тут есть камеры...

Ева отвлеклась от попытки разобраться с этим самостоятельно, когда Габриэль начал говорить с новым парнем на языке, похожим на русский.

Русский. Дерьмо. Она не могла от этого просто так отделаться, верно?

Когда они закончили, оба повернулись к ней, и в плохом свете она смогла разглядеть, что счастливыми их лица не выглядели. Вокруг них пронесся порыв ветра, и она проигнорировала внезапное желание спрятаться от всей этой агрессии. Напротив, выпрямила спину.

— Может, вы посвятите и нас? — Ева вежливо предложила, но вложила в голос долю порицания. Она включила Куана и парня со шрамом в число непонимающих. Без сомнения, им было так же любопытно.

Габриэль подошел к ней.

— С тобой все в порядке? — мягко спросил он, приподнимая ее голову за подбородок.

Нежное движение стало неожиданностью и заставило что-то сжаться в груди. Конечности девушки задрожали, она решила, что это запоздавшая реакция на нападение. Ева сглотнула комок в груди и кивнула, не желая показывать, какой перепуганной девчонкой она была теперь, когда все закончилось.

— Тебя не ранили? — добавил он, быстро оглядывая ее. Ничего личного.

Она покачала головой, не уверенная, что может доверять голосу.

— Габ, Макс прислал нам фото этого парня на днях, — Куан отошел и теперь смотрел на все еще бессознательного человека.

— И? — Габриэль не сводил с нее глаз, пока говорил. Темных, сердитых.

Многозначительная пауза затянулась.

— Куан. Какого черта? — бросил нетерпеливо Габриэль.

— Лично.

Ева нахмурилась, когда Габриэль резко отстранился. Ему что-то прошептали на ухо.

— Господи Иисусе, — присвистнул он. — Уберите его нахрен отсюда.

Куан наклонился и без заметных усилий перекинул бесчувственного мужчину через плечо, выпрямился и проследовал вглубь сада. Говоривший на русском и парень со шрамом не спеша последовали за ним.

Габриэль повернулся и обхватил девушку за плечи. Маленькие электрические разряды разбежались по плечу и груди, когда он повел ее к каменной скамейке под

искусным железным фонарем. Он поманил ее присесть, а сам поднял ее сумочку, упавшую во время борьбы.

— Где ты научилась так бить локтем? — спросил он.

Ева наблюдала за ним, пока он выпрямлялся. Ее серебряная сумочка казалась крошечной в больших руках.

— Определенно не там же, где и ты, — предположила она, делая еще один глубокий вдох, чтобы успокоить сердцебиение. — Что он сказал тебе?

— Кто?

— Куан.

— Ничего. Ты уверена, что в порядке?

Он подошел, занял все оставшееся на скамье место и протянул ей сумку.

Ева кивнула и убрала прядь волос, выбившуюся из простой прически.

— Да. Почему ты мне не хочешь рассказывать?

— Потому что на самом деле ты не хочешь этого знать, милая, — Его губы сжались.

Милая.

— Ты сказал, что Куан — часть твоей охраны? Другие парни тоже?

— Один из них. Второй партнер по бизнесу, о котором я упоминал ранее. И один из моих близких друзей. На самом деле, они все друзья.

— Один русский, — рассеянно произнесла она, пытаясь понять, что только что произошло. — Как ты узнал... точнее, знал ли ты... — она замялась, не уверенная, как спросить, чтобы не показаться грубой. Или пааноиком, кем она внезапно себя почувствовала. — Как тебе удалось оказаться здесь вовремя, чтобы остановить того парня, Габриэль? Ты был в офисе? Увидел происходящее по камере или еще как-то?

— Я пошел в зимний сад, чтобы позвонить, — Он кивнул на огромную крытую площадку футах в пятидесяти справа от них, где стояло множество растений вокруг большого водопада. — Я увидел тебя в окно.

Ох. Что ж, достаточно простое объяснение. Учитывая последние события, она прощила себя за подозрительность.

— Прости. Я не хотела... заставлять тебя оправдываться, — произнесла она с легкой улыбкой, вспоминая, как он сказал, что не поклонник подобной практики. — Просто я потрясена. Тот мужчина сказал, что у него есть для меня сообщение. Интересно, что он имел в виду. — Руки покрылись мурашками, и Ева смахнула их ладонями.

Она почувствовала мягкое прикосновение пальцев на подбородке и подняла глаза от камней под ногами, встретившись с ищущим взглядом Габриэля.

— Не бойся, Ева. Я никому не позволю причинить тебе вред.

Он опустил руку, прерывая этот наэлектризованный контакт.

— Ты кто-то важный? — спросила она, слегка покачиваясь на скамейке. Девушка притворилась, что не замечает, как его губы изогнулись при виде ее действий.

— Почему ты спрашиваешь?

— У твоих рядовых сотрудников нет всяких охранных штук.

— Как уже говорил, я обеспеченный человек. Но никакой важности не представляю. Большие деньги привлекают паразитов, которые хотят урвать их. При этом они слишком ленивы, чтобы заработать. У меня есть ребята, которые позаботятся о них, если те доберутся до меня. Почему ты плакала?

Значит, он и это видел из окна. Она пожала плечами.

— Я только что встречалась с подругами мамы, эта встреча меня расстроила. Мне уже лучше, — заверила она на случай, если Габриэль думает, что она вот-вот расклейтся.

— Но это все еще тяжело.

— Конечно, тяжело, милая. Не торопись прогонять свои чувства. В конце концов, ты пройдешь через это, как и через все остальное. И станет легче. Ты выйдешь на другую сторону, и все будет хорошо.

Ева положила ладонь на его руку.

— Спасибо, Габриэль. Не знаю, что бы произошло, если бы ты не появился.

Он выпрямился. В мгновение ока атмосфера изменилась: одним движением мужчина оказался всего в дюймах от нее.

— Мне было приятно.

У него действительно самый сексуальный рот. Она осознала, что уставилась на него, но прежде чем успела отвести взгляд, его темная голова наклонилась. Габриэль остановился, словно давая ей время.

— Скажи «нет», — прошептал он, когда их губы практически соприкоснулись.

Она промолчала и позволила едва знакомому мужчине сделать желаемое.

Его губы прижались к ее, а пальцы зарылись в волосы на затылке. Другая рука обхватила за подбородок и легким давлением большого пальца приоткрыла ее рот, чтобы язык смог проникнуть внутрь в глубоком влажном поцелуе. Он потрясал Еву так же сильно, как возбуждал. Она задрожала и, казалось, загорелась изнутри.

Ева не могла поверить, что позволяет совершенному незнакомцу целовать себя. Так. Так... всепоглощающе. Габриэль мог быть умопомрачительным, но она до сих пор ничего о нем не знала.

Соседки по комнате и многие друзья по университету заводили разные интрижки. Не она. Никогда не хотела. Не после того, как отец отколол подобный номер с мамой.

Но сейчас, с Габриэлем? Она наконец-то поняла смысл.

Ни этим ли так наслаждались ее подруги, когда покидали вечеринки или бары с парнями? Неужели, она упустила *это*? Ее разум заволокло чувственным туманом. Боже, какие приятные ощущения. Повсюду. Не только там, где встречались их губы.

Девушка вздрогнула, когда он провел языком по ее языку, наслаждаясь его ладонью, скользившей от шеи к плечу, осознавая, что чувствует не только желание.

Она чувствовала себя комфортно.

За исключением дружбы с Калебом, в ее жизни полностью отсутствовали мужчины. Она не особенно им доверяла. Не хотела сближаться с ними. Не считала, что нуждается в чем-то большем, помимо любви и утешения, предлагаемых мамой при жизни. Но со временем ее смерти, Ева впервые узнала одиночество, жажду человеческой поддержки даже в чем-то столь простом, как объятия.

Не потому ли она допустила настолько интимную ситуацию с едва знакомым мужчиной?

Не просто каким-то мужчиной, напомнила она себе с ускоряющимся дыханием. А тем, кто только что спас ее от ненормального бандита.

Да. И поэтому тоже. Она попыталась осмыслить тепло, наполнявшее ее. Ева тихо застонала. Помимо ее одиночества и рыцарского поступка Габриэля, между ними происходило что-то еще. Нечто необъяснимое. Но, честно признаться, ей хотелось большего. Больше его.

Но вместо того чтобы дать ей больше, Габриэль прервал поцелуй. Лениво облизнув ее губы в последний раз, он отстранился. Она покачнулась следом за ним.

— Этого достаточно.

Ее отяжелевшие веки открылись, когда до нее дошли его напряжение и твердость в голосе. Выражение лица было не читаемо. Он дышал так же часто, как и она, когда палец ласково скользнул по ее нижней губе, но потом окончательно отстранился.

— Но это было... — Разве он не почувствовал? Эту *веиць*, звеневшую в воздухе между ними. Девушка была слишком неопытна, чтобы подобрать подходящее слово.

«Похоть», — прошептал голосок на краю сознания.

Ох. Она быстро разжала пальцы, только сейчас осознавая, что сжимает лацканы его пиджака. Девушка разгладила возможные складки и вспыхнула. Она даже не помнила, как подняла руки.

Сквозь тепло в глазах Габриэля сквозил смех.

— Никаких «но». Поверь, этого даже больше, чем достаточно.

Желая, чтобы бег пульса замедлился, Ева ощущала разочарование. Неужели он не почувствовал возникшую связь? Она вздрогнула, когда Габриэль внезапно поднялся на ноги.

— Тебе пора домой, Ева.

Домой? Она нахмурилась, обдумывая это слово. Одной? Без него? Мысль вызвала панику, но она не могла сказать причину. Она лишь знала, что пока не хочет его отпускать. Отпускать происходящее. А если такое больше никогда не повторится? Это будет трагедией.

И разве они не поменялись ролями? Разве не *она* должна отпустить *его*?

Да. Но она этого не сделала.

— Я пока не готова уехать. Мое любопытство не удовлетворено, — Ева понизила голос, чтобы две прогуливавшиеся пары не услышали.

И она лгала.

Да, ей хотелось узнать личность напавшего человека и его сообщение. Да, она хотела знать, связан ли он как-то со Стефано Моретти. Но больше всего ей хотелось провести больше времени с мужчиной перед ней.

Ева поднялась и чуть не растеклась по камням расплавленной лужицей, когда Габриэль улыбнулся. Нечестно быть настолько привлекательным.

Он протянул ей руку.

— Пойдем. Я удовлетворю твое... любопытство... по дороге.

Ладно. Она только что перевернула все сказанное в фильм для взрослых. Никогда так раньше не делала в разговорах с мужчинами. Наверное, даже когда ей говорили что-то откровенно сексуальное.

Теперь она совершенно по-другому оценивала своих подруг из университета и их необузданное либидо.

Ева вложила ладонь в его и позволила проводить себя до двери в банкетный зал. Девушка заставила себя задержаться, чтобы попрощаться с мамиными подругами. Все время лицо пылало, словно от палящего солнца. Обнимая леди и обещая заглянуть вскоре на чашечку кофе, Ева увидела Куана. Он выглядел серьезным, разговаривая с Габриэлем в двух столиках от нее. Когда она присоединилась к ним, то послала Куану дружескую улыбку и застенчиво приняла протянутую Габриэлем руку. Она надеялась, что подруги

матери не смотрят им вслед. Если смотрят, то ей придется как-то это объяснить на обещанной встрече.

Они прошли сквозь отель, Габриэль кивнул странному человеку, и Ева посмотрела на все свежим взглядом. У хозяина отеля определенно прекрасный вкус.

— Ты живешь одна, милая? — спросил Габриэль, когда они проходили сквозь большие вращающиеся двери.

— Я...

— Можно сделать фото, мистер Мур?

Ева посмотрела в лицо человека с камерой в руках. Карточка на шее ясно говорила, что это фотограф из «Сиэтл Таймс».

— Для «Таймс», — произнес он, помахав карточкой. — Мы делаем репортаж о мероприятии.

Молча и без улыбки, Габриэль приобнял ее и развернулся. Его рука теперь покоилась на ее бедре. Жест, который можно назвать только интимным. Он так мягко сжал ее, скорее непроизвольно, но это заставило поднять взгляд. И тогда она услышала щелчок.

— Имя и правильное написание.

Щеки горели, девушка взглянула на фотографа и увидела, что он разговаривал с ней. Ева предоставила информацию.

Какая прелесть. Завтра она может оказаться на страницах газеты и будет выглядеть как помидор, которому не хватило ума смотреть в камеру и улыбаться. Ника ее засмеет.

«Хотя был один плюс, — подумала она, когда Габриэль подвел ее к задней двери ожидающего черного «Эscalейда». По крайней мере, если тело найдут в лесу за домом, то личность провожатого известна».

Не то чтобы она беспокоилась. В конце концов, насколько может быть опасен уважаемый бизнесмен из Сиэтла?

— Приму твоё нежелание ответить на вопрос за согласие. Ты живешь одна.

Габриэль щелкнул ремнем безопасности, смотря, чтобы Ева сделала то же самое. *Гребаный фотограф.* Если фотография появится в завтрашней газете, он с таким же успехом может отправить объявление с неоновой стрелкой, указывающей на Еву.

Куан сел за руль «Эscalейда» и завел машину.

Ева мгновение помолчала, кладя маленькую сумочку на колени и выглядя так, словно вела внутреннюю борьбу.

— Да. Так и есть. На острове Мерсер.

— Куан?

— Понял.

Они направились на остров Мерсер. Как Габриэль заранее и знал.

— Хорошо держать свои дела в тайне, Ева. Разумно.

— Учитывая мою жизнь в последнее время, соглашусь. — Казалось, что она пыталась спрятаться от него, отворачиваясь к окну. Даже нервничала. — Я выставлю дом на продажу, если с «TarMor» все получится, — произнесла она в попытке сменить тему.

— Нет смысла держать его, если не буду здесь жить. Не хочу сдавать. Да и на данный период жизни финансово нелогично владеть домом, которым не пользуюсь.

Звони своему агенту по недвижимости, милая.

— Что случилось с твоей жизнью, что заставило согласиться со мной? Кроме нападения ублюдка сегодня вечером. — Он мысленно отметил необходимость установить побольше камер в саду отеля. Не годится, что любой может шататься в нем и приставать к гостям. Но, разумеется, это не было случайным нападением.

Ева посмотрела на пустое сиденье между ними, дразня мелькающим светом на прекрасных чертах, то темных, то светлых из-за проносящихся мимо фонарей. Улыбка на ее губах не коснулась глаз.

— Абсолютно все. Твои люди передали того парня полиции или как? Мне бы хотелось с ним побеседовать. Спросить про сообщение. Возможно, смогла бы узнать, на кого он работает. Если работает.

Черт возьми. Габриэль посмотрел на нее тяжелым взглядом, челюсть скжалась так, что заболели скулы. Он не привык получать отворот. Когда он задавал кому-нибудь вопрос, все в лепешку разбивались, чтобы ответить. Ева же практически сказала ему другими словами не лезть не в свое дело. Она и есть его гребаное дело.

Габриэль нетерпеливо заерзал на месте. Ему стало любопытно, не подозревала ли она Стефano в качестве наемника Скарса?

— Или, учитывая, что ты незамужняя самостоятельна женщина, то вполне можешь жить и в одиночестве. Предполагаю, ты стала случайной мишенью. Этот слизняк упомянул про сообщение, чтобы отвлечь, прежде чем схватить. Не будь наивной, Ева. В твоем доме установлена охранная система, верно?

Куан прочистил горло, вероятно предупреждая Габриэля, чтобы тот отступил.

Он взглянул на нее и увидел, что девушка побледнела. *Хорошо.* Он ее напугал. И отвлек от идеи вмешать полицию. «Это все, что им нужно, черт побери», — подумал он, наблюдая, как ее изящное горло двигалось при сглатывании. Может, если ее напугать, она будет больше беспокоиться о собственной безопасности.

Конечно, он не собирался кому-либо позволять причинять ей вред.

— У меня один из самых защищенных известных мне домов. Зная, что мама останется одна, когда я уезжала в Нью-Йорк, мы решили до моего отъезда улучшить охрану. Со мной все будет в порядке.

Он кивнул и оставил эту тему, хотя и внезапно захотел сказать Куану развернуться и ехать обратно в отель. Запереть ее в своем номере, чтобы быть уверенным в безопасности. Если он смог обойти эту хорошую охранную систему, то и Стефano сможет. Но рядом с ним и его парнями Ева будет находиться под круглосуточным наблюдением. Жаль, что он не мог сообщить ей об этом. Оградить от волнений.

Они пересекли озеро Вашингтон, и Ева указала Куану дорогу к дому. У парня лучше получалось изображать простака, нежели у Габриэля. На подъездной дорожке мужчина обошел внедорожник, открыл для девушки дверь и последовал за ней к входу в дом. Он отметил неприметный седан «Бобби-Т» в двухстах футах дальше по улице и движение штор на втором этаже дома Ника, находившегося по соседству.

Черт. Он чувствовал себя семнадцатилетним подростком, когда заканчивался выпускной вечер.

Хотя Габриэль провел свой так называемый выпускной, сидя на переднем сиденье прогнившего «Шевроле» в шумном дворе, «изучая правильную отцовскую технику

допроса» тех, у кого были «достаточно крепкие яйца», чтобы «перейти дорогу семье». Ему выпала «честь» спустить курок на двоих, шедших за женой одного из их лейтенантов.

Ева достала из сумочки ключ. Прежде чем открыть дверь, она повернулась и посмотрела на Габриэля сквозь ресницы. Невинное соблазнение. Девушка и не подозревал, как ему хотелось прижать ее к стене и овладеть тут же, и срать он хотел на зрителей. Габриэль нахмурился. *Нет*. Теперь все по-другому. Он хотел ее, да. Но все, что с ней сделает, будет сделано без свидетелей. Это будет наслаждением. Лишь для них двоих.

Он без разрешения вырвал ключи из ее пальцев, открыл и широко распахнул дверь. Она пересекла порог, набрала пароль на сигнализации и повернулась к нему. Теперь, когда они скрылись от посторонних глаз, Габриэль без колебаний наклонился вперед и прижался губами к пульсирующей точке на ее шее — желание, которое преследовало его весь вечер. Он задержался в поцелуе, закрывая глаза от легкого вздоха Евы и ощущения ее рук, обхвативших бицепсы.

Выпрямившись и мысленно выругавшись, потому что останавливаться на этом не хотелось, он уронил ключи на столик слева и шагнул назад.

— Спокойной ночи, милая. Не забудь поставить сигнализацию, — прошептал он, закрывая дверь и оставляя ее одну в доме.

Только когда они с Куаном проехали плавучий мост, соединяющий остров Мерсер с Сиэтлом, Габриэль достал телефон и набрал номер офиса в Нью-Йорке. Ему потребовалось время, чтобы восстановить контроль. Ни одна женщина еще так сильно не действовала на него. Он велел Натали первым делом утром предложить Еве место в фирме и приказал трудоголику ехать домой, так как по времени Восточного побережья было за полночь. Мужчина бросил телефон на приборную панель и попытался слегка отстраниться от происходящего.

Тишину прервал голос Куана:

— Я держал руку на блокировке дверей, когда ты пытался отвлечь ее от мысли о полиции. Боялся, что она выбежит прямиком на трассу. Думаю, можно больше не удивляться твоему одиночеству.

Его губы дрогнули.

— Так ужасно, да?

— Так ужасно. Какую реакцию ты ожидаешь, когда Ева заявится в понедельник и увидит за столом тебя?

Тогда и разберемся. Выйдет ли он из офиса? Сначала скажет ей? Он не удержался от улыбки при этой мысли.

— Сейчас это не имеет значения. Она будет делать все по-моему, пока не разберемся с этим деръем со Стефано.

Потому что он совершенно отказывался снова подвергать ее опасности. Первый раз в Нью-Йорке и теперь сегодня вечером. Слишком много промахов. Больше ни одного.

Они добрались до заброшенного склада боеприпасов, не отмеченного ни на одной туристической карте Сиэтла. Когда они заехали на пустую парковку позади склада, в свете передних фар возник арендованный Алеком «Рендж Ровер». Куан заглушил двигатель, и Габриэль потянулся было к ручке двери, но телефон снова зазвонил.

Он нажал «Ответить».

— Слушаю.

— За последнюю неделю я слышал твоё имя чаще, чем за многие годы, мой друг, — протянул давно не слышный голос.

Удивленный Габриэль откинулся на сиденье.

— Фейн. Боюсь, не могу сказать то же самое. Должно быть, теряешь хватку. — В ухе раздался короткий смешок. — Кто дал тебе этот номер, брат?

— Серьезно, Габриэль?

Высокомерная задница. Больше года не общался с парнем и с ходу использовал такой тон. Типичный Люциан Фейн. Могущественный румын был силой, с которой следует считаться в криминальном мире. И не только в Нью-Йорке, где он базировался, но и в большинстве других крупных городах в США и Канаде. И даже некоторые в Европе, если мужчине не изменяет память. Парень вступил в игру приблизительно в одно время с Габриэлем, но, в отличие от него, сукин сын преуспел. Совершенно неумолимый и смертельно опасный для всех, кто перейдет ему дорогу или вмешается в дела. Люциан был *самым* страшным в своей сфере. Даже страшнее чем Василий, по сравнению с которым Стефано похож на школьного хулигана.

Люциан так же являлся самой охраняемой и загадочной персоной. Свои люди вели его дела, и никто не знал большего. Если Габриэль хорошо подумает, то вспомнит времена, когда у румына была женщина. Ясмин или как-то так.

Он надавил на своего друга.

— Если кто-то кроме Винсента или Максима дал мой номер, то хотелось бы знать об этом.

— Если бы это был кто-то не из своих, ты бы уже знал.

— Неплохо. Так в чём дело, Люциан? У меня мало времени. Я на середине...

— Да. Я кое-что слышал насчет твоей середины, — отрезал румын, — и поэтому вырываю время из *своего* очень плотного графика ради этого вежливого звонка.

— Мои извинения, — искренне ответил Габриэль. — Что говорят люди?

— У СтефANO есть планы. Неприятные. Включающие новую женщину в твоей жизни. — Габриэль услышал на заднем плане стук стакана. — Хочу, чтобы ты знал: у меня есть все, что тебе нужно. Лично я считаю, что та хрень между вами продолжается слишком долго и пора с этим завязывать. Знай, я внимательно слежу за ситуацией и буду на связи.

Щелчок.

Габриэль вздрогнул. *Что. За. Черт?*

— Люциан Фейн звонил *тебе*? Не важно, что он хотел. Я впечатлен, засранец, — протянул Куан, выходя из внедорожника.

Габриэль последовал за ним в здание. Они с Люцианом всегда ладили. И не только обменивались информацией за ужинами, предупреждая друг друга, если узнавали о чём-то интересном. Младший брат Люциана — исполнительный вице-президент «ТарМор». Маркус Фейн законно с первого дня пришел к Габриэлю и Алеку только из Йеля и попросил дать шанс доказать себя. Это было почти десять лет назад, когда «ТарМор» был только создан ими, а Габриэль все еще был связан со своей семьёй, но этого оказалось недостаточно. Маркус участвовал в создании проекта управления фирмой, сохранившейся до сих пор. Достаточно успешной, чтобы позволить себе частный самолет для перелета между многочисленными рабочими площадками в Чикаго, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Хьюстоне. Большая часть бизнеса велась именно в этих городах. Учитывая, что последние пять лет кроме работы ему нечем было заняться, Габриэль решил признать: «ТарМор»

поднялась благодаря напористости Маркуса и его довольно впечатляющей деловой хватке, которые давали им хотя бы минимальное уважение, в коем налоговая служба все равно сомневалась.

Габриэль с Куаном спустились по лестнице справа от входа в пыльный темный подвал и двинулись по пещерного вида комнате. Алек сидел на металлическом стуле напротив весьма потрепанного парня Стефано, прикованного наручниками к другому металлическому стулу.

Алек поднялся на ноги, ножки стула проехали по полу, и их скрежет эхом разнесся по помещению.

— Зовут Терренс Скарс. Стефано отправил его, но только чтобы доставить сообщение. Он не должен был трогать цель.

Габриэлю осточертело слушать об этом гребаном сообщении. Ему было интересно узнать содержание, но спрашивать не стал. Не хотел услышать в ответ «да пошел ты», что заставляло его слетать с катушек.

Опухшее лицо заключенного имело воинственный вид.

— Ага. Как будто ты не подслушивал.

Габриэль застыл от язвительного замечания. Казалось, парень *хотел* умереть.

Все как всегда. Более чем за десять лет ничего не изменилось. Заковать и держать до тех пор, пока Максим не позвонит и не сообщит нужную информацию. Если парень был чист, — максимум вор или гей — то его отпускали с предупреждением, о котором тот никогда не забудет. Но если несчастный пленик причинил вред ребенку, изнасиловал или избил беззащитную женщину, Габриэль и его парни становились судьями, присяжными и палачами. Никоим образом они не вернут на улицу таких отбросов общества. Жестоко? Да. Но он уверен: семьи таких жен, дочерей и юных сыновей оценили их методы совершения справедливости.

Даже у преступников есть моральные принципы.

— Максим звонил? — бросил он.

— Десять минут назад. Куан был прав, наш гость имеет склонность к детям. Разведка подтвердила, что его на прошлой неделе освободили из тюрьмы за домогательство к пятилетним дочкам-близняшкам сестры. В списке так же имеются полдюжины других. Скажем, он не ограничивался только маленькими девочками.

К смеси эмоций, охвативших Габриэля, добавилось сочувствие к жертвам. Он видел много дерья и сам совершил немало, но *никогда* не мирился с нападением на детей. До ухода из криминальной семьи его альтер эго, или называйте как хотите, уже бы набросился и без раздумий убил, отметая любую слабость и мысль о пощаде. В то время ему нужен был человек, чтобы расправиться с мелкими сошками. Теперь Габриэль стал несколько спокойнее, не торопился. Обдумывал, что нужно сделать. То, что этот кусок дерья пытался сделать с Евой, и так было достаточно плохо. Но отвратительные вещи, которые он уже совершил по отношению к невинным маленьким девочкам?

— Как ты узнал его? — спросил он у Куана.

— Когда Винсент встречается с новым наемником Стефано, он отправляет фото и биографию, чтобы Максим мог покопаться. Позволяет нам узнать, с кем имеем дело.

Черт возьми, он любил своих мальчиков.

Мужчина распахнул куртку и достал глок из кобуры на груди. Убедившись, что в этом замешан Стефано, не было ни единого гребаного шанса, что Габриэль позволит чертовому педофилу вернуться на свободу.

Он подошел и встал перед извращенцем, которому внезапно стало трудно дышать. Глаза Скарса округлились от страха. Габриэль снял предохранитель и поднял пистолет. Но потом убрал, позволяя ничтожеству попотеть лишнюю секунду, пока доставал из кармана и устанавливал глушитель.

Что бы подумала Ева, увидь его сейчас? Габриэль не мог не задаться этим вопросом, снова поднимая руку и нажимая на курок.

Дважды.

Глава 6

Проворочавшись большую часть ночи, Ева не удивилась, что чувствовала себя вялой и словно в тумане, пока ждала окончания работы кофемашины. Схватила из машины свой утренний напиток и плюхнулась за кухонный стол, помешав сливки в темной жидкости и подув на поверхность. Сделала первый глоток, девушки засмотрелась, как солнечный луч рисовал красивые узоры на недавно вымытой плитке пола. Ее взгляд скользнул по чистой столешнице на нетронутые приборы. Сухая посуда аккуратно сложена возле раковины в надежде, что ее в этот день используют. День, который, Ева лишь могла надеяться, будет нормальным и без приключений.

Какого. Черта. Происходит в ее жизни? Все началось с обычного мужского внимания — пока стояла на переходе Бродвея, направляясь в квартиру Калеба, из кабины грузовика свистнули и выкрикнули странное грязное предложение. В квартире Калеба она встретилась со Стефано Моретти, прошлым вечером на нее напал бандит и, наконец, она нашла нечто настолько невероятное в Габриэле Муре, что мечтала о нем всю ночь напролет. В которую не спала вообще. Что означало внезапное появление этих опасных людей? И да, несмотря на то, что опасность Габриэля была восхитительной, происходящее все равно оставалось странным для ее когда-то нормальной жизни.

То, как он заставлял себя чувствовать, то, как смотрел на нее этими волнующими зелеными глазами, отпечатавшимися в сознании. Ева застонала. Неужели она и впрямь, как подросток, зажималась с мужчиной, с которым только что познакомилась?

Да. Именно так. И она не могла лгать самой себе, что не наслаждалась этим до чертиков.

Чувствуя беспокойство, девушка встала и направилась в мамин кабинет с чашкой в руках, босые ноги мягко ступали по ковру. Она оглядела симпатичную комнату, задержав взгляд на картинках Джули Файн с силуэтами фей в сверкающем лунном свете. Ева не могла бы вот так бродить, находя уют среди знакомых вещей, если переедет в квартиру Нью-Йорка. Лучше постараться не думать об этом. В глубине души она знала: мама бы не переживала о кирпичах с раствором. Она бы сказала, что их любовь и воспоминания в сердце Евы, а не среди этих пустых молчаливых комнат.

Девушка подошла к столу и поставила чашку на край. На сердце потяжелело, когда на кухне iPod заиграл песню Кристины Агилеры Hurt — эмоционально тяжелая, Ева старалась больше никогда ее не слушать. Горло сжалось, сдерживать непролитые слезы стало труднее, когда взгляд упал на заметку на настольном календаре, написанную маминым витиеватым почерком:

«Забрать подарок Еве на выпускной».

В одну минуту планировать путешествие в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на выпускном дочери, а в другую...

Уйти.

Хотя фильмы и телевидение постоянно использовали подобные мысли для драматичности, это было правдой. В мгновение ока жизнь может оборваться. Все может измениться. И человек на самом деле практически не контролирует это. Не подобная ли фраза была нацарапана рядом с окном в метро несколько недель назад? От этого разрывалась грудь.

Могла бы. Должна бы. Была бы.

Нет. Нет. Нет.

«Живите на полную. Хватайтесь обеими руками за каждую возможность», — говорили они. Она этого не делала. Была осмотрительной. Стояла в стороне и наблюдала. Была настороже. Жизнь слишком сложна. А любить... еще сложнее.

Ее мать любила — и посмотрите, что это ей принесло.

Ева зажмурилась, вспомнив обгоревший остов их машины и полицию, расследовавшую случай, потому что быть не могло, чтобы ее мама врезалась в дерево на пустынном участке дороги. Там, где у нее не было абсолютно никаких дел. В ясный сухой день.

— Утомонись уже, Ева, — устало произнесла она. Она схватила кофе и вышла из кабинета. — Этого более чем достаточно.

Она споткнулась, когда из коридора зашла в гостиную, и в голове прозвучал глубокий голос Габриэля. Он произнес то же самое прошлым вечером, когда прервал их поцелуй. А когда поцеловал ее во второй раз возле двери...

Боже. Ева думала, что колени подогнутся, когда его теплые губы опустились на ее горло.

Хотелось снова его увидеть.

Она выглянула в переднее окно и помахала Нику, удивленно заметив своего смущенного соседа, ползавшего на коленях между их участками. Она не замечала за ним склонности к садоводству.

Хотел ли Габриэль снова с ней встретиться?

Ева допила кофе и поставила чашку на стеклянный кофейный столик. Он не спросил ее номер. Но знал имя и адрес. Найти ее номер телефона наверняка не составит проблем для такого, как он. Ева вообще сомневалась, что для него что-то может оказаться трудным. Габриэль больше походил на тот тип людей, которые будут добиваться результата и получат желаемое. Одна только его физическая сила чего стоит... Боже... но если еще добавить этот авторитарный, доминирующий дух...

С кухни донесся рингтон, и Ева поторопилась по короткому коридору, прерывая песню Lifehouse You and Me и беря телефон в руку. Она запоздало попыталась обуздовать свои надежды, пока проводила пальцем по экрану и медленно подносila трубку к уху. Частный номер.

— Алло? — осторожно ответила она.

— Мисс Джейкобс?

— Это я. — Ева попыталась не уронить челюсть на столешницу. Голос был женским.

— Это Натали Симмс. Из «ТарМор», Нью-Йорк.

Ева резко выпрямилась.

— Ох! Здравствуйте, Натали. Как дела?

— Хорошо, спасибо. Прошу прощения, что потревожила вас в воскресенье, но мне необходимо, чтобы вы узнали по возможности быстрее. Вас выбрали на должность помощника управляющего.

— О, Господи.

Натали хихикнула над совершенно непрофессиональным ответом.

— Мистер Тарасов последнюю неделю останется в офисе Сиэтла и будет рад видеть вас завтра утром в девять. Надеюсь, вы все еще готовы переехать обратно в Нью-Йорк?

— Да, да, конечно. Это не проблема. — Ева сжалась ото лжи. Жизнь в Нью-Йорке означала уехать от Габриэля. Если только он не проводит в Нью-Йорке больше времени, нежели в Сиэтле. Но если он управляет местным отелем, то это маловероятно.

— Отлично. У вас есть под рукой листок и ручка?

Ева схватила ручку, лежавшую возле тостера, и прислонила руку к блокноту на холодильнике.

— Записываю.

Натали продиктовала адрес офисного здания и номер кабинета, где ее завтра утром будет ожидать новый босс. Она проведет с ним несколько часов, прежде чем оформить документы.

— Думаю, на этом все. До скорой встречи, Ева.

— Огромное спасибо, Натали. Не могу словами выразить, как я ценю такую возможность.

— Пожалуйста. Наслаждайся успехом.

Ева закончила разговор с довольной улыбкой. Ну, вот и начинается. Больше никаких предположений. Никаких «что если» и «что мне делать, если...» Она действительно собиралась работать вместе с главой очень успешной компании, изучая все тонкости дела и помогая ему изо дня в день. Ева была взволнована больше, чем ожидала. Конечно, не так, как если бы сразу заняла руководящую должность, но это лишь начало.

Она набрала номер Ники. Нужно поделиться.

— Да.

Еще одна досадная вещь, которую она обнаружила в Кевине — тот всегда отвечал на звонки Ники, как на свои собственные.

— Привет, Кевин. — Дружеское настроение улетучилось мгновенно. — Ника рядом?

— Привет, Ева. Ты не объявлялась с тех пор, как вернулась домой. Слишком хороша для нас после получения ученой степени?

Кевин говорил так, словно они до этого неплохо ладили. Но на самом деле они не слишком хорошо знали друг друга, учитывая, что на протяжении их с Никой отношений Ева жила в Нью-Йорке. Он никогда не скрывал свою неприязнь все те несколько раз, что они пересекались. Это случалось, когда Ева приезжала на каникулы или когда он ошивался в «Обсидиановых Дьяволах», пока Калеб находился в отделении клуба в Сиэтле. Калебу он не нравился, и для Евы этого было достаточно в качестве доказательств. К тому же, тот факт, что Кевин не раз появлялся обкуренным, привлекательности ему не прибавляло. Почему все эти вещи не повлияли на мнение Ники о своем муже, Ева не знала. Каждый раз, когда она спрашивала, Ника расстраивалась и отговаривалась, а потому Ева просто перестала спрашивать.

— Я дома чуть больше суток, Кевин, не было времени. Ника дома?

— Конечно. Где еще ей быть?

Ева нахмурилась от последовавшей тишины.

— Могу я поговорить с ней?

— Очень хорошо, — раздалось снисходительное бормотание. — Эй! Это тебя.

В горле заклокотал гнев. Когда уже Ника наконец признает, что совершила ужасную ошибку, и вырвется на свободу?

Послышалась возня и треск.

— Привет, — тихо сказала подруга.

— Привет. Как дела?

— Превосходно.

Ева знала этот тон. Он означал, что до «превосходного» было далеко.

Возможно, сейчас не время делиться хорошими новостями.

— Вы вечером заняты? Я подумала, может, мы бы могли куда-нибудь выбраться.

Возможно, попить кофе? Или выпить?

— Выпить было бы прекрасно, — тихо ответила Ника. — Только ты и я.

Неожиданно. Она ожидала, что последует обычное «не могу».

— Конечно. Может в «О'Салливан»? — Этот паб был обычным и довольно тихим, чтобы пообщаться. Как раз то, что надо.

— Эм, не хочешь пойти в более оживленное место? — Ника назвала ночной клуб, который только открылся, и у Евы сжалось сердце.

Ночные клубы были не для нее. Совершенно. Она находила их слишком людными, а мужчины, как правило, вели себя неоправданно высокомерно. Богатые прикурки, ищащие лишь девушек для перепиха. Раньше она несколько раз ходила в клуб с Никой и больше отбивалась от наглых рук на своей заднице, чем наслаждалась потной, полной хаоса атмосферой.

Ох, что вы только что говорили о жизни?

— Не знаю... — протянула она. Наверное, она была более замкнутой, чем считала раньше, потому что была бы счастлива остаться дома с пачкой чипсов и парой банок содовой, делясь сумасшедшими подробностями своей жизни с лучшей подругой.

— Пожалуйста, Ева. Будет весело. Мне нужно выбраться отсюда.

— Хорошо. Где это? — тут же ответила Ева. Ника впервые сама дала понять, что дома не все гладко, а потому Ева не стала колебаться лишь из-за того, что ей не нравились шумные места. Она нужна Нике, значит, Ева пойдет ради нее. Обычно подруга говорила им с Калебом не лезть не в свое дело. Делала это мило, но, тем не менее, мысль «не совать свой нос, куда не просят» звучала ясно и понятно. Если сейчас Ника признавалась, что ей необходимо выбраться из дома, то, возможно, выпив пару бокалов, расскажет и причину.

И, честно говоря, Ева тоже нуждалась в Нике. Она скучала по общению с подругой, а давящее одиночество, ощущаемое в последнее время, заставляло ее делать глупости.

Целоваться с незнакомцем на мероприятии, где их мог увидеть кто-нибудь из маминых подруг.

Она услышала в трубке облегченный вздох Ники.

— Отлично. Можешь даже надеть то платье, которое я тебе дала в прошлом году. Ну, то, которое ты говорила, что никогда не наденешь, потому что некуда. Повод идеальный.

Ева припомнила короткую *вець* без спины, которую Ника подарила ей на двадцать третий день рождения, сказав: «Даже *ты* не сможешь заставить его выглядеть консервативно».

После неприятностей прошлого вечера ей меньше всего хотелось привлекать к себе внимание. А это платье будет выставлять тело так, словно... словно она пыталась привлечь внимание именно своим телом. Уф. Но если это порадует подругу, то она его

наденет. Ее немного успокаивало, что, судя по последнему походу в клуб, она в таком виде скорее будет походить на других девушек, нежели выделяться из толпы.

— Я его надену. Но не радуйся, пока не увидишь следующий подарок от меня, — предупредила Ева. Тихий смешок Ники заставил ее улыбнуться. — Я тебя заберу...

— Нет! — Ответ был быстрым, смех пропал. — Я, эм, прости, я, ох, возьму свою машину. Встретимся там в десять.

— Ладно.

— До встречи.

Ева отключилась и пожевала губу. Она поклялась, что сегодня вечером выяснит, что происходит в жизни Ники.

Положив телефон на столешницу, девушка вышла из кухни. Было еще рано. Если начать сейчас, то можно сделать так, чтобы платье выглядело чем-то большим, чем шелковая сервировочная салфетка.

Взбираясь по лестнице, она приветствовала авантюрную сторону характера подруги.

Габриэль отложил гири и схватил с края скамейки уже влажное полотенце, чтобы промокнуть пот с лица. В пустом тренажерном зале раздавался стук тяжелого металла. Пустом, потому что менеджеру было велено закрыть его, чтобы они с Куаном могли спокойно позаниматься.

Мышцы перенапряглись и горели, но Габриэль направился к одной из беговых дорожек у стены. Он встал на нее, нажал на кнопки и вскоре тяжело побежал, чувствуя, словно убегал от чего-то, от чего никогда сбежать не сможет. Габриэль сморгнул капли пота и нажал на кнопку ускорения.

Это, разумеется, не помогло. Спустя сорок минут и две бутылки воды тело болело так, словно его только что побили, а в крови не осталось кислорода. Наконец, он рухнул на обитую скамью.

Габриэль схватил телефон и набрал номер.

— Она в порядке, Габриэль. Вокруг никого нет, — заговорил в ухе голос Джака после щелчка.

— Из дома выходила?

— Нет. Но попозже собирается. Встречается с подругой в клубе в центре города. В десять. Ник подстригал кусты и подслушал телефонный разговор под окном. Сказал, что девушка была не в восторге от идеи.

Джак тоже слышал разговор благодаря подслушивающим устройствам в доме. Нарушать конфиденциальность было необходимо. Они не могут упустить ее передвижения. Должны знать обо всех планах Евы.

Как, например, сегодня. Клуб? Его красавица в ночном клубе? С подругой, должно быть, Никой — девушкой совершенно не похожей на нее, но такой же привлекательной. Черт. Хищники выйдут на охоту за двумя девушками, как только те появятся в дверях.

И Габриэль тоже.

— Оставайся рядом. Напишешь название и адрес клуба. Мы будем внутри ближе к десяти. Дай знать, если их планы изменятся.

Габриэль положил телефон рядом с подергивающимся бедром и наклонился, облокотившись локтями о колени. Улыбнулся. Похоже, старые способы цеплять женщин в барах возвращаются.

Он сделал последний глоток воды, прежде чем вскочить на ноги и выбросить пластиковую бутылку в корзину у стены.

В непрозрачной стеклянной двери появился Алек. Его костюм от «Тома Форда» выглядел слишком официально на фоне синих матов и тренажеров. Он бросил свернутую газету на скамью и отошел, прислонившись к зеркальной стене. Откинув со лба темно-русые волосы, мужчина ничуть не разозлился, когда те вновь упали обратно.

— Не то внимание к себе, которое сейчас нужно.

Габриэль схватил газету и развернул. В заголовке говорилось об успехе вчерашнего благотворительного вечера, а под ним две фотографии и статья. На первой фотографии был изображен «Кроун Джевел», а на второй Габриэль и Ева. Подпись под фото гласила: «Предприниматель Габриэль Мур, совладелец «Кроун Джевел», и Ева Джейкобс».

Габриэль рассмотрел снимок фотографа. *Боже*. То, как он держал ее, прижал к себе, а его ладонь так собственнически лежала на бедре девушки, словно он имел ее сотни раз. И ее взгляд на него, глаза широко распахнуты, щеки горят. Ева выглядела так, словно хотела принадлежать ему еще сотни раз.

— Это гарантированно наведет волков на след, — произнес Куан, заглядывая через плечо. — Но ты хорошо получился, Габриэль. Мне нравится.

Ему тоже.

Габриэль сложил газету и засунул под мышку.

— Ты понимаешь, что Стефано это увидит, — вмешался Алек, скрестив руки на груди. — Мой дядя тоже, насколько я его знаю. Ты так же знаешь, что это укрепит решение твоего брата прийти за ней.

Габриэль сжал зубы. Разумеется, знал.

— Василий все еще недоступен. Он отправил сообщение сегодня в пять утра и сказал, что снова будет на связи через несколько дней. — Это сообщение принесло облегчение. Нет ничего хуже, чем не слышать ни слова от одного из своих в течение долгого времени. Разум всегда рисует плохие сценарии. — В случае Стефано скажу, что мы сами к нему пойдем. Желательно до того, как он отправит очередного прислужника. Или сам заявится в Сиэтл.

— Думаю, это единственный вариант, который у нас остался, — согласился Алек.
— Когда ты собираешься ехать?

— Завтра или на днях. Я дам тебе знать.

Алек кивнул.

— А теперь, когда мы определились, пойдем в ресторан и поедим. Мне надоело обслуживание в номере.

Они втроем покинули тренажерный зал и проследовали к лифту.

Со стольким нужно разобраться, чтобы отправиться на остров Мерсер. В идеальном мире Габриэль бы пресек идею клуба и держал Еву связанный, пока не разберется с собственным братом. Но мир, в котором они жили, был далек от идеала.

Звук колокольчика сообщил, что кабина лифта подъехала. Они вошли в большое пространство, присоединившись к молодой, явно только что поженившейся, паре, судя по совершенно новому сверкающему кольцу на женском пальчике. Они приветственно кивнули, но Габриэль проигнорировал. Хотя Куан и Алек были вежливыми — первый

завел беседу о погоде — судя по тому, как маленькая круглая блондинка прижалась к рукам мужа, можно было подумать, что один из парней держал окровавленный нож.

Габриэль бы запросто мог доказать Еве, что он не тот брат, которого нужно бояться. Но этот психопат вполне может оказаться на его пути.

Учитывая воскресенье, дорога до Сиэтла заняла совсем немного времени, а поиск парковки и того меньше. Шикарная «Ауди R8» выехала с места, чуть дальше по улице от клуба, и Ева скользнула туда на своем «Форд-Фокусе», заглушив двигатель. Проверив боковые зеркала и убедившись, что при выходе не заденет соседние машины, Ева заколебалась, когда рядом остановился автомобиль и припарковался сзади. Она ждала, что машина уедет, держа палец на ручке двери, но та оставалась на месте, слепя фарами в зеркалах. Должно быть, думал, что Ева собирается уезжать, а не только что приехала.

Она не собиралась сидеть тут всю ночь, ожидая исчезновения машины. Схватив сумочку, девушка вылезла на улицу, неловко одернув короткий подол платья, и послала извиняющийся жест невидимому водителю за недоразумение с парковкой.

Она бросила взгляд на витрины магазинов, шагая по тротуару, и остановилась на минутку, чтобы посмотреть на пару красивых туфель. Уже собираясь идти дальше, она заметила в отражении окна все тот же седан, с включенным двигателем, стоявший за ее машиной. Желудок сжался, Еве стало дурно. Девушка окинула взглядом ряд припаркованных машин, надеясь увидеть какую-нибудь уезжающую, чтобы загадочный седан занял ее место. Все были пустыми и тихими.

Борясь с дрожью и стараясь не дать воображению или памяти завладеть собой, она продолжила идти. Девушка немного успокоилась при виде нескольких пешеходов, шедших навстречу. Вряд ли кто-то будет «доставлять сообщение» при таком количестве свидетелей.

Габриэль считал, что сообщение было уловкой, чтобы отвлечь, а потому ей не нужно переживать по этому поводу. *Верно?*

Ева прикусила губу. А если полиция после допроса парня с прошлого вечера отпустила его из-за отсутствия веских причин для задержания? Ей никто сегодня не звонил, как она рассчитывала, чтобы выслушать рассказ о произошедшем с ее точки зрения. Кажется странным.

Еве не хотелось становиться настолько пааноиком, чтобы сидеть дома, но и быть более бдительной не помешает.

Мог ли это быть Стефано Моретти или его пособники?

Нет, он не мог знать, что она окажется на этой улице в это время.

Разумное заключение немного успокоило дыхание.

Намеренно удерживая взгляд прямо, она сосредоточилась на периферическом зрении... и чуть не споткнулась, когда увидела ту машину, медленно двигавшуюся вдоль парковки на расстоянии нескольких метров от нее. *Черт, черт, черт.*

Ева заставила себя сохранить прежний темп, приближаясь к очереди, сформировавшейся перед клубом. В стороне стояла Ника, выглядиа потрясающе красивой в облегающем зеленом платье, гораздо более закрытым, чем у Евы, и самым прекрасным из всех, что она видела. Девушка практически вцепилась в подругу.

— Boy! — Рассмеялась Ника, тоже крепко обняв. — Я тоже рада тебя видеть. Что случилось?

— Темно-зеленая машина, — произнесла Ева дрожащим голосом. — Она все еще тут?

Ника посмотрела за спину Евы, серебряные серьги сверкали в мигающих огнях.

— Уезжает. А что? Кто это?

Ева наконец повернулась и проследила взглядом за медленно уезжавшим по улице автомобилем. К сожалению, стекла по обыкновению были сильно затонированы, чтобы не дать разглядеть кого-нибудь внутри.

— Не знаю. Но более чем уверена, что они меня преследовали.

— Что? — голос Ники переполнился тревогой.

Она отступила назад, заметив заинтересованные взгляды группы парней, и встала с подругой в очередь. Ева тихо рассказала о встрече со Стефано Моретти, а потом про нападение прошлым вечером, оставляя Габриэлю за кадром. Пока что.

— А сегодня эта машина была сзади, когда я припарковалась, и позже следовала за мной до самого клуба. Думаешь, у меня мания преследования? Потому что мне кажется, что я разговариваю как сумасшедшая. — Ева провела по гусиной коже на руках.

Ника легонько скжала ее запястье.

— Почему ты не рассказала мне про тех парней Моретти? Если бы я знала, что ты так напугана, то никогда бы не настаивала идти сюда. Господи, Ева. — Ее зеленые глаза светились беспокойством.

— Не переживай об этом. Я в восторге провести с тобой вечер. — Ева окинула взглядом огненно-рыжие, отливающие золотом волосы подруги, и ее потрясающее изумрудное платье. — Ты выглядишь великолепно, — произнесла она. — Я скучала по тебе.

Ника быстро заморгала и улыбнулась, потянувшись, чтобы заправить Еве за ухо выбившуюся из узла на затылке прядь волос.

— Перестань. Ты же не хочешь испортить мне макияж. Серьезно, Калеб хотя бы выяснил, почему эти люди были в его квартире?

Ева пожала плечами.

— Он написал вчера вечером, что ничего не нашел. Если бы он что-нибудь узнал сегодня, то наверняка дал бы знать. Я все равно ему написала. Ответа нет.

Ника нахмурилась.

— Ответит. Поверить не могу в то, что вчера произошло. Еще и на благотворительном вечере твоей мамы. Ева, мне так жаль. — Они продвинулись по очереди. — Если бы я смогла пойти с тобой, этого бы, возможно, не случилось.

Если бы Ника пошла с ней, может, Габриэль тоже бы не случился. В грудь ударило чувство вины от облегчения, что у подруги были другие планы.

— А вы чем вчера занимались?

Лицо Ники закрылось, она не встречалась взглядом с Евой.

— О, ах, мы ходили в кино. Это была, э... премьера какого-то боевика. — Ева кивнула, проглотив объяснение. — Знаешь, что? — сказала она, быстро меняя тему, пока Ева не успела спросить, был ли там, по крайней мере, Джейсон Стэтхем или кто-то еще такой же сексуальный. — Уверена, человек в машине всего лишь искал место для парковки и так совпало, что ехал за тобой. Засмотрелся на твое аппетитное тело, —

добавила она с озорной улыбкой и игриво подмигнула, напомнив Еве ту Нику, которой та была до появления Кевина.

— Поверить не могу, что ты купила это мне, — проворчала Ева, оглядев сверкающую серебристо-синюю тряпицу. — То есть, оно прекрасно, но его почти нет. Ты знаешь, что я не ношу подобные вещи. Чувствую себя высокочкой. Повезло, что я слишком люблю тебя, чтобы спалить его и ранить этим твои чувства.

— Шутишь? Ты выглядишь безукоризненно, как я и думала. Калеб надрал бы нам задницы, если бы увидел. Мне за то, что купила, а тебе за то, что надела. Как он?

— Хорошо, но скучает по тебе. Говорит, что не понимает, почему ты не поедешь в Нью-Йорк и не начнешь все с начала. — Ева внимательно наблюдала, но наткнулась лишь на отсутствующий взгляд.

— Не начинай, Ева. — Тема была временно закрыта.

Они добрались до входа и, показав чрезмерно агрессивным вышибалам документы, вошли в клуб. Несмотря на воскресенье, народу было полно. Еве понадобилась минута, чтобы глаза привыкли к тусклому освещению. Она последовала за Никой, направившейся в конец бара, по пути осматривая простой черно-серый декор. Басы играли так, что сбивали с ритма сердце. Внутри были высокие столики для тех, кто предпочитал стоять, и обычные столы со стульями для желающих посидеть. У дальней стены на возвышении находились п-образные кабины, а когда светомузыка на танцполе замелькала по помещению, Ева с удивлением обнаружила, что все стены голые. Очевидно, кто бы ни создавали дизайн этого места, они считали, что посетители будут достаточным украшением. Они оказались правы.

Заказав напитки, девушки отошли в сторону, и им посчастливилось: три пьяные посетительницы немногим старше оставили маленький круглый столик. Подруги кинулись к нему.

— Итак, кроме твоих новых поклонников, как ты? — продолжила Ника.

Ева удивилась, что смогла улыбнуться на это.

— А как ты?

— Ты первая, — настаивала Ника.

— Но тогда мы никогда не доберемся до тебя, — засмеялась Ева.

— У меня ничего нового, Ева. — Она отпила «Мохито». — Все так же... просто так же. Ты, должно быть, скучаешь по маме, особенно сейчас, дома, когда вокруг ее вещи. Как твое ОКР³?

— Ника!

— Что? Мы все знаем, что оно у тебя есть. Ну, или частично.

Под всеми имелись в виду Ника и Калеб. Они обсуждали склонность Евы... поправлять... вещи? Раздраженно, она вспомнила, как проснулась сегодня утром, посмотрела на свои пижамные шорты и майку и переоделась, потому что они выглядели помятыми.

Потому что она в них спала.

Но Ева так поступала только тогда, когда нервничала или была на эмоциях. Как кто-то может обвинить ее после смерти мамы?

---

³ обсессивно-компульсивное расстройство.

— Справляюсь. Я с ума схожу, скучая по маме, но думаю, мне становится лучше.
— Ева сделала глоток «Космополитен». — Эм, кстати, — добавила она с нервным смешком. — Я кое-кого встретила прошлым вечером.

Ника отвлеклась от разглядывания танцпола и повернула голову к Еве.

— Что значит, ты кое-кого встретила? Ты имела в виду... *кое-кого*? — Ее изумрудные глаза излучали любопытство.

Ева кивнула, представляя Габриэля.

— Ника... — Она заколебалась, не уверенная, как вообще описать человека, который заставил ее желать покончить с двадцатью четырьмя годами целомудрия. — Он очень, очень даже кое-кто.

Ева оторвала взгляд от своих сведенных вместе пальцев и удивилась, заметив на лице подруги заинтересованную улыбку.

— Наконец-то. — Девушке показалось, что Ника произнесла это до того, как спросить более громко: — Кто он?

— Ну, на самом деле он владелец «Кроун Джевел» — отеля, где вчера проводился благотворительный вечер.

— Я знаю «Кроун Джевел». Каждый в Сиэтле знает этот отель. Святое дермо!

Ева засмеялась.

— Серьезно.

— Как тебе удалось с ним познакомиться?

Она посвятила Нику, как сначала увидела Габриэля в Нью-Йорке, а потом снова вчера вечером. Когда Ева добралась до части, в которой Габриэль помешал нападению, то могла сказать, что Ника мгновенно влюбилась в него.

— Хороший человек, — уверенно сказала та. — И ты впервые увидела его в Нью-Йорке? Так значит это судьба! Как романтично! Поверить не могу, что наконец настало твоё время. Думала, этого никогда не случится. Я так рада за тебя, дорогая. Боже, если кто-то и достоин счастья или хотя бы просто хорошо покувыркаться в постели, так это ты.

Она глотнула из стакана.

— Почему? — Могла ли Ника знать, какой одинокой Ева была раньше?

— Потому что кроме мамы, ну, и меня с Калебом, конечно же, у тебя в жизни никого больше не было, чтобы заботиться так, как ты этого заслуживаешь.

— *Каждый* заслуживает, чтобы его любили, Ника. Только то, что я не выросла в большой семье и не имела тонны друзей, не означает, что я была лишена чего-то. У меня было достаточно.

До этого момента...

— Ох, я знаю. Я не имела в виду, что тебе не хватало чего-то. Разве что кроме отца. Просто ты такой прекрасный человек. Чертовски веселая и красивая. Ты щедрая, и с тобой очень легко просто общаться...

— Секундочку, — вмешалась Ева, прерывая смущающий поток слов, похлопав по руке Нику. Обручального кольца не было. *Интересно*. Она наклонила голову и наморщила лоб. — Если я такая замечательная, то почему ты сбежала и вышла замуж за кого-то еще?

Ника прищурилась, и Ева не смогла долго сдерживать смех, чтобы шутка сработала.

— Тыфу. Ты все такая же дурочка, я уже говорила это?

Ева рассмеялась еще сильнее.

— Прости, ничего не могу с этим поделать.

— Лузер, — пробормотала Ника, снова поворачиваясь к танцполу.

Потом Ева поделилась новостями о новой работе и получила ожидаемые восторженные поздравления... пока не упомянула о переезде обратно в Нью-Йорк.

— Да ладно, Ева! Ты же только вернулась домой! — Паника на лице подруги больно ударила в грудь.

— Знаю, но это прекрасная возможность. Почему бы тебе не поехать со мной? — взмолилась она, отставив свой пустой стакан. — Забей на все здесь. И я, и Калеб, мы *оба* знаем, хоть ты и не признаешься, у тебя тут дела идут неважно. Поговори со мной, Ника. Пожалуйста.

Глаза подруги забегали по залу, словно откуда-нибудь на них выскочит бугимен.

— Не могу. Хотя и очень сильно хочу все рассказать тебе. — Она покачала головой, ее тревога была осязаемой. — Не могу. Просто знай, что я последую за тобой в Нью-Йорк, как только смогу. А теперь, пожалуйста, не спрашивай больше о моем браке, потому что я не могу рассказать тебе. Просто не могу. Ни тебе, ни Калебу. — Ее рука тряслась, когда она подняла стакан и осушила содержимое. Ее взгляд и просьба наполнили Еву ужасом.

Какого черта происходит с Никой и Кевином?

— Прошу тебя, пообещай, что больше не поднимешь эту тему. Обещай мне, — подчеркнула Ника.

— Ладно, ладно. — Несмотря на то, что девушка этого не хотела, она пообещала.

— Больше не давлю. Обещаю. Просто... если я могу как-нибудь помочь... Ты знаешь, я рядом.

— Конечно, знаю. Всегда знала. Ты и Калеб... — Ника отвела взгляд. — Просто я не хочу вмешивать вас, ребята. Я... не могу.

Ева проглотила свое беспокойство.

— Тогда давай сосредоточимся на том, чтобы насладиться оставшейся ночью, хорошо?

И не будем думать о тревожных вещах, которые их окружали.

Глава 7

Габриэль стоял возле бара переполненного клуба, чувствуя себя так, словно кто-то незаметно подкрался и стукнул его в висок. Потому что он был *оглушен*. И более чем раздражен.

Они с Алеком и Куаном появились незадолго до десяти, чтобы быть здесь, когда приедут девушки. И вот он стоял, разинув рот, а долбящая музыка убивала его своей грязной, крутящейся вокруг секса, лирикой.

Габриэль пробежался взглядом вдоль едва прикрытое тела Евы и почувствовал, как в нем закипает гнев.

Какого. Черт.

— Кто эта рыженькая? — спросил сквозь шум Алек, проследив за его взглядом.

— Сестра Калеба Пейна.

— Удивлен, что он оставил ее здесь одну, — произнес Куан с другой стороны.

— Она замужем. — Габриэль наблюдал, как девушки отошли от бара и направились к только что освободившемуся столику.

В кровь выплеснулся адреналин от открывшегося Габриэлю виду. Он резко втянул в себя воздух и задержал дыхание, подняв глаза в потолок, чтобы взять себя в руки.

Ее платье с открытой спиной. Ева была обнажена для всеобщего обозрения от затылка до копчика, от хрупких ребер с одного бока и до другого.

Мужчине это не понравилось. Господи Иисусе, ему это *не* понравилось.

— Парни.

Они все повернулись и увидели Джака, облокотившегося на бар.

— Зеленый седан сел ей на хвост перед самым мостом и следовал всю дорогу. Свалил, когда Ева присоединилась к той сексуальной рыженькой. Кто это, черт возьми? — Он окунул Нику взглядом и восхищенно присвистнул.

Новости о «хвосте» не слишком понравились Габриэлю.

— Сестра байкера. Она замужем, так что отвали. Ты видел водителя?

— Не мог, иначе либо выдал бы себя, либо потерял ее из виду, так что нет. Но я пробил номера.

— И каковы догадки? — спросил Габриэль. — Очередной человек Стефано или сыщик? — Он бы предпочел последнее. Частный сыщик, по крайней мере, не представлял для Евы опасности. В отличие от первого варианта.

— Наверняка сыщик. У парня была пара возможностей спихнуть ее с дороги, но он этого не сделал.

Дерьмо. Вне зависимости от того, кто сидел в машине, Стефано все равно имел к этому отношение. Только его брат не знал, что Габриэль предпочел бы поймать пулю, прежде чем позволил бы кому-то навредить полуобнаженной девушке, которая так серьезно разговаривала с подругой за столиком.

Алек махнул вновь опустевшим стаканом бармену. Его акцент стал заметнее, чем час назад. Вероятно, виной было то, что по приезду в клуб парень переключился на напитки покрепче. Габриэль отвернулся от бледного, покрытого тенью лица лучшего друга... и захотел приставить свой глок меж глаз троих ублудков, которые плялились на девушек, явно замышляя, как подобраться к их столику.

Ревность была ему в новинку. Незнакомой. Отстойно, если честно, потому что он не был уверен, как с ней справиться. Должен ли он что-то делать, избавиться от этого чувства?

Он представил, как сталкивает головами двоих приурков.

Уголки его рта опустились, и он слегка кивнул. Это будет приятно сделать.

Или стоит проигнорировать? Подождать, пока пройдет. Позволить троице, которая сейчас выглядела так, словно они спорили, кому какая девушка достанется, попытать счастья и получить отказ. Пусть все идет своим чередом.

Габриэль схватил новую рюмку водки и залпом выпил.

— Она моя, — прорычал он сквозь легкое жжение, мечтая, чтобы голос донес до этих троих приурков его гнев.

Алек, Куан и Джак замерли, бросив вопросительные взгляды в его сторону. Они услышали его заявление. Нельзя винить их. Со стороны Габриэля это было ошеломляющее требование. В конце концов, Джак кивнул, словно это не было новостью. Куан перекрестился, поцеловал три сложенных пальца и сделал знак ввысь, будто отправлял благодарственную молитву. Алек прищурился.

— Твоя *обязанность*. Верно?

— Нет. — Единственное предложенное Габриэлем объяснение, пока он наблюдал, как Ева сняла заколку, позволяя волосам темными волнами лечь на спину. Так лучше.

Джак рассмеялся и хлопнул ладонью по столешнице.

— Я сваливаю, пока не появились ревнивые слезы. Буду снова доступен в шесть утра, парни. Увидимся.

Когда Джак отошел, Алек повернулся к Габриэлю.

— Что ты имел в виду, Габриэль? Трахнешь ее? Или это нечто большее?

Габриэль стиснул зубы. Он не привык, чтобы его решения оспаривались своими же.

— Я не буду с тобой это обсуждать, брат.

— Почему?

— Потому.

— Это причина? «Потому»? Ты говоришь как Винсент.

— Не-а. Если бы я подражал Винсенту, я бы сказал: «Потому что. А теперь иди на хрен».

— Верно. Тебе повезло, что мой дядя так тебя любит, — произнес Алек, прислоняясь спиной к бару. — Потому что, будь это Макс или Винсент, мы бы нашли части твоего тела в самых неожиданных местах. Ты это знаешь, да?

Габриэль кивнул, но ничего не ответил, обуреваемый воспоминаниями. В его груди что-то дрогнуло. С Алеком и Винсентом он познакомился в тринадцать лет. Все парни рано повзрослели. Отец Винсента был одним из лейтенантов отца Габриэля. Их с Винсентом тянуло друг другу, они тусовались вместе в соседнем парке или дома после школы. Но обычно останавливались у Винсента, потому что он, по большей части в одиночку, растил свою сестру. Да, будучи тринадцатилетним подростком. Иногда, если Стефано не было поблизости с его холодным неприветливым взглядом или такого же Дона семьи Моретти, друзья прятались в подвале Габриэля.

Но лучше всего было, когда они попали в дом Тарасовых. К тому времени мать Алека уже умерла из-за осложнений от пневмонии. Там жили Евгений, Василий и Алек. Хоть двое братьев и были одни, но они взяли на себя заботу об Алеке и растили парня со

всей любовью и поддержкой, как в родной семье. Габриэль, переехавший из дома, который для него оказался лишь тренировочным лагерем, впитывал новую атмосферу, как высушенная губка. Винсент, потерявший собственную мать из-за бомбы, заложенной в машину для его отца, делал то же самое.

Василий со своими кажущимися случайными советами и способом общения по типу «позволь мне намекнуть тебе» помог им сформироваться в те личности, какими они стали теперь. Когда ребята начали учиться в старших классах, Василий привел в дом Максима Кирова. Перевез вместе с собой из России оставшегося без опеки, державшегося особняком, здоровьяка. До сих пор никто из них не знал подробностей той поездки. Прошло некоторое время, но они с Алеком и Винсентом, в конечном счете, завоевали нарушенное детское доверие и впустили парня в свой круг.

Василий им во всем помогал, и теперь Габриэль мысленно раздевал его дочь, которую тот просил защищать.

Хотя раздевать особенно было нечего, учитывая ее едва присутствовавшее платье.

Когда Ника встала и потащила Еву на танцпол, Габриэль не мог не задаться вопросом, к чему приведут его отношения с Евой. Потому что, несмотря на воспоминания, поддержку и легкую помощь Василия, его понимание и обсуждение травмированных чувств Габриэля, когда тот совершил ожидаемое от него убийство, Габриэль не мог отказаться от отношений с дочерью этого мужчины. Глядя на нее сейчас: то, как она выделялась в толпе, словно драгоценный оникс в детской коробке с поломанными детальками «Лего», — он был не в состоянии сопротивляться. Не мог отойти в сторону и передать заботу о ней ее кузену и его парням, даже если у виска будет приставлена пушка с пальцем на курке.

Кожу обожгло огнем, когда он смотрел на плавные покачивания ее бедер, изогнутые над головой руки, оголенную спину, прогибавшуюся и выпрямлявшуюся в чувственных движениях.

Моя.

Снова это слово.

Обе девушки были потрясающими, легко различимыми в толпе, особенно с их длинными роскошными волосами — темная ночь Евы и восходящее солнце Ники. Именно такие атласные локоны мужчина в мечтах опутывал вокруг кулака, пока его рот пожирал ее губы.

Телефон Габриэля зазвонил. Он вытащил его и взглянул на экран, прежде чем поднести к уху. Нажал на боковую кнопку громкости, чтобы слышать среди клубного шума.

— Пейн. Как идут дела?

— Ева снова писала сегодня днем, — доложил байкер. — Хочет знать, есть ли новости о визите твоего брата. Я не могу держать ее в неведении все время, Моретти. Что мне можно рассказать?

Черт.

— Правду, — предложил Габриэль. — Что ты не знаешь, зачем он приходил.

По его сведениям, угроза исходила от русских, поэтому байкер не знал о вендетте Стефано. Только то, что они с Габриэлем братья. Мужчина доверит все Винсенту, который обычно выступал посредником между ним и Пейном, потому что тот хорошо заполняет пробелы.

— Правду. Хорошо, — фыркнул Пейн. — Она будет чертовски зла, если обнаружит, что я вернулся в Нью-Йорк, только чтобы присмотреть за ее задницей. Что я врал ей об этом на протяжении недель.

— Я бы не рекомендовал рассказывать полную информацию, — сухо сказал Габриэль. — Можно подготовить неловкую встречу в аэропорту, когда она вернется на следующей неделе.

— Что ты имеешь в виду под «вернется на следующей неделе»?

— Она займет место в «ТарМор» и прилетит вместе со мной, когда я перееду в Нью-Йорк. Так за ней будет гораздо проще приглядывать. Кроме *всего прочего*.

— Дерьмо. Ника расстроится. Ладно. Значит, я должен сказать, что мы дилетанты и не смогли выяснить, почему какие-то головорезы вломились в мою квартиру. Она это не проглотит, Моретти. Она точно удивится, что я не стал докапываться до истины.

— Тогда придумай что-нибудь правдоподобное до того, как появятся вопросы. Позже, Пейн, — посоветовал Габриэль, имея и так достаточно забот.

Когда он спрятал телефон, Куан привлек его внимание. Плавно лавируя между полуодетыми телами, мужчина перехватил троицу парней, ранее обсуждавших девушек. Похоже, те решили действовать. Куан поманил их жестом, словно собирался поделиться секретом, и что-то произнес, после чего все три пары широко раскрытых глаз скользнули к Габриэлю и Алеку. Молодой блондин из компании обхватил себя руками, давая Габриэлю представление о том, чем угрожал Куан. Они отказались от своей добычи и, не оглядываясь, бросились в дальний угол клуба.

Куан вернулся и молча занял свое место по правую руку от Габриэля.

Но в словах не было необходимости.

Габриэль слегка расслабился, довольствуясь тем, что с одной небольшой угрозой покончено — если, конечно, можно считать таковой троицу искателей девочек на ночь.

А Габриэль не считал.

Он оставит этот ярлык для своего брата.

Ян Престон вытащил кредитную карту из слота колонки и поднял заправочный пистолет, жуя таблетку от изжоги. Он обернулся и чуть не подавился ее остатками, когда увидел того ублюдка с глупой прической, облокотившегося на машину. *Какого черта?* Младший босс Моретти следил за ним из Нью-Йорка в Сиэтл? Они думали, что Ян собирается их наколоть?

Заманчиво. Но он не настолько глуп.

— Эй, — произнес Ян, чувствуя, как колотится сердце. Еще бы с этими гребанными бургерами не глупить. — Откуда ты взялся?

— Где она?

Проклятие. Как, черт побери, он связался с этими парнями? *Гребанная мафия.* Ну почему он не послушал маму, да покончился она с миром, и не стал электриком? Мог бы любоваться на сиськи каких-нибудь цыпочек, пока устанавливали бы им кухонные плиты. Возможно, какая-нибудь отчаянная домохозяйка сделала бы ему минет. Но нет. Ему хотелось играть в шпионов. И вот он здесь, якшается с чертовыми Моретти.

— Я должен был пасти клуб, куда она отправилась, — объяснил он главному парню Стефано Моретти, одновременно читая обрывки молитвы, которой мать, упокой Господь ее душу, учила его в детстве. — Она встретилась с рыженькой, и они меня заметили. Не хотел, чтобы они что-то заподозрили. Они на Первой, где-то в шести кварталах отсюда.

— Дай мне ее домашний адрес.

Да, ему определенно не нравился этот парень. Но, не видя другого выхода, Ян достал блокнот — электроники для него не существовало — и выдал адрес девушки. На которую он своего рода запал. Которая напоминала ему ту чику из фильмов «Трансформеры».

Невинную девушку, не заслужившую, чтобы этот ублюдок знал, где она живет. Что если он причинит ей вред? Совершит какое-нибудь дерзко сексуального характера.

Глаза Фурио встретились с его, и пришлось приложить немало усилий, чтобы не попытиться.

— Иди домой, толстяк, — протянул младший босс, поворачиваясь к нему спиной.

— И сядь на диету, черт бы тебя побрал, пока не сдох на месте.

Губы Яна Престона сжались, а лицо вспыхнуло от унижения. Унижения, с которым он жил много лет. С самого детства, когда сидел в кабинете врача вместе с взволнованной матерью, слушая их разговор, что-то про щитовидную железу. Он не знал тогда, что нездоровий маленький ублюдок в его шее станет причиной оскорблений от парней вроде Фурио Абеллы, бандита, который запрыгнул в «Крайслер-300» и уехал.

Ян кивнул и достал аэрозоль от астмы. Нажав на кнопку и вдохнув лекарство, он не мог не подумать, что расплата не такая уж сука, как считают люди. Она ему даже нравилась.

Не так сильно, как девушка из «Трансформеров». Ева была милой. Даже симпатичнее, чем в фильме. Совсем не казалась высокомерной. Она даже придержала для него дверь, когда Ян вошел за ней в «Старбакс» пару недель назад.

«Моретти могут пойти на это», — думал он, нажимая на ручку, чтобы достичь четного числа на датчике. Габриэль может надрать Стефано задницу за вовлечение в то дерзко, которое он для нее запланировал. Хотя ни один из братьев, кажется, не представлял для нее угрозы. Ян беспокоился насчет Фурио.

А он редко ошибался. Сыщик умел читать людей. Всегда.

Стефано был последователем, хоть он и босс. Жесткий, но не слишком опасный, пока его не спровоцировать.

Фурио же был жестоким подражателем — таким, за которым нужен глаз да глаз, потому что он ни перед чем не остановится, чтобы заполучить желаемое.

Габриэль Моретти? Теперь самый умный и опасный. Но честный. Ян увидел это в первую неделю слежки. С ним шутки плохи, но и он никого не тронет, если не переходить ему дорогу... Справедливо.

И, похоже, всем троим нужно одно.

Красивая девушка из «Трансформеров».

Ян улыбнулся, разглядывая фотографию на сложенной странице «Таймс», лежащей на переднем сиденье арендованной машины. Если Габриэль выберет ее, то и Ян последует за этим братом.

Он надеялся, что у Габриэля команда не была похожа на парней Стефано. В противном случае девчонка вляпалась.

Ева потягивала второй бокал «Космополитен». Она была довольна, что согласилась выбраться этой ночью с Никой. Танцы. Музыка. Никакой драмы.

Никаких слишком красивых мужчин, чтобы соблазнить ее.

Она повернулась спросить у Ники, что та только что сказала, и чуть не выплюнула напиток на них обеих, когда увидела раздраженного Кевина, пробирающегося к их столику.

Со времени последней встречи он немного прибавил веса к своему шестифутовому телу и подрезал светло-коричневые волосы, но взгляд карих глаз из-под капюшона был таким же холодным, как и всегда.

— Привет, девочки.

Голова Ники развернулась так быстро, что Ева удивилась, как у нее не сломался позвоночник. Черты подруги исказил страх.

— Кевин! Что ты тут делаешь?

— Табс и Джунior в баре. Решил выпить с ними, раз уж ты ушла. — Он подошел ближе к столу, нависая, словно пытался напугать их. Очевидно, Ника действовала вопреки его желанию. — Ты упоминала новый клуб. Не думал, что ты имела в виду именно этот, — добавил он сквозь зубы.

Взгляд Ники метнулся к Еве и ее глаза сказали все: *разумеется, он не думал*.

— Ты не особо рада меня видеть, Ники, — в его голосе сквозили странные нотки.

— Проблема, что я показался?

В надежде избежать сцены, Ева глянула мимо напряженных черт Ники в поисках друзей Кевина.

— Почему бы тебе не позвать своих друзей и не присоединиться, — предложила она.

Ева чуть не свалилась со стула, когда ее взгляд наткнулся на чересчур красивого мужчину, которому сегодня не предполагалось ее соблазнять.

Габриэль.

Он возвышался над окружающими людьми — никто больше не мог быть настолько темным и властным. Еву охватило волнение, от которого бросило в жар, и покраснели щеки. Как он мог делать с ней такое одним лишь взглядом?

Габриэль говорил что-то парню, стоявшему рядом, — деловому партнеру, о котором рассказывал вчера вечером. Ева прищурилась. Мужчина все еще казался знакомым. Но она не могла узнать его. *Неважно*. Куан, его телохранитель, тоже был здесь.

Ева выпрямилась, низ живота сжался в предвкушении, когда Габриэль направился к ней. Он двигался со смертельной грацией, такой гибкий и уверенный. Толпа перед ним расступалась, словно Красное море.

Пальцы Евы сжались в кулак от желания прикоснуться к нему — его черные брюки облегали мускулистые бедра и длинные ноги, к которым девушке самой хотелось прижаться. Широкую грудь покрывала серая летняя рубашка. Рукава закатаны, выставляя мощные татуированные предплечья. Две верхние пуговицы тонкой рубашки были расстегнуты, открывая обсидиановый волчий клык, висящий на темной металлической

цепочке. Еще одним украшением служило тяжелое кольцо на большом пальце и широкие платиновые часы на левом запястье.

Он выглядел сдержанно и от этого еще более прекрасно, как типичный плохой мальчик, но одновременно очень-очень аппетитно.

Когда Габриэль приблизился, Ева изучила его черты в поисках намека на то, о чем он думал, но ничего не обнаружила. Не сказав ни слова, он протянул руку. Девушка начала поднимать свою, но заколебалась. Однако Габриэль не отступался. Лишь терпеливо ждал. Ева вложила пальцы в его ладонь, тут же крепко сжавшую их, и поднялась на ноги. Щелкнула искорка, когда их руки соприкоснулись, и девушка бесконтрольно вздрогнула.

Уголком глаза она видела, что Ника с Кевином замолчали и с любопытством наблюдали за ней. Ева легонько пожала плечо подруги, проходя мимо, и глубоко вдохнула, когда Габриэль повел ее в дальнюю часть танцпола. Но вместо того чтобы остаться в центре, мужчина продолжил путь и привел ее в тихий угол, зажав в нем так, что если бы Ева захотела уйти, ей пришлось бы пройти сквозь него ради этого.

— Думала, мы будем танцевать. — Ева подняла на него взгляд, сердце беспорядочно билось, потому что память ее не подводила.

Его губы изогнулись в той полуулыбке, которую Ева находила такой сексуальной.

— Я знаю свои возможности. А держать в руках твое полуобнаженное тело посреди переполненного клуба выше них. Так что никаких танцев.

Она ахнула, радуясь, что вокруг слишком шумно, чтобы он услышал.

— Моя одежда не сильно отличается от большинства местных девушек, — ответила она в свою защиту.

— Большинство девушек рядом с тобой покраснели бы от стыда за себя. Хочешь, чтобы я представил тебя?

Самый лучший комплимент. Который ей, на удивление, действительно понравился. Она моргнула в неуверенности. С кем, по его мнению, ей хочется познакомиться?

— Прости?

— Мальчикам. — Он небрежно кивнул в сторону друзей, теперь стоявших в десяти шагах от них и наблюдавших за толпой. — Заметил, что ты рассматриваешь их и понял, что формально не представил вас прошлым вечером.

Рассматривала их? Звучит как... ревность.

Быть не может. Он не похож на тот тип мужчин, которые пекутся о женском внимании.

— Я никого не рассматривала, — тем не менее прямо она заявила.

Насмешливое выражение говорило о том, что Габриэль не поверил.

— Слишком много обнаженного тела. И если в приватной обстановке я бы наслаждался этим видом, то здесь, наблюдая, как другие то же это делают... — Его губы сжалась, и он покачал головой.

У Евы перехватило дыхание.

— Что?

— Неприятно.

— Ой.

Ева с трудом сглотнула. Значит, он был ревнив.

Обычно, ревность не слишком ее прельщала, но девушка не могла отрицать то тепло, которое разлилось внутри нее. Больше чем тепло. Жар. Ей было жарко. И неспокойно. И, черт возьми, она была уверена, что именно так это и чувствуется.

Химия, предположила она, если включить логику. Но ей не хотелось сейчас быть логичной.

Наверное, гормоны так влияли на мозг. Спутали все нейронные связи. Гормоны, которых, по мнению Евы, у нее не было, если взять за признак ее историю отношений.

Видимо, она так ведет себя, потому что хочет секса.

С этим мужчиной.

О, Господи.

Взгляд быстро пробежался по сильному телу Габриэля. Ей *очень* хотелось заняться с ним сексом.

— Я... не уверена, что это... разумно, — запинаясь, пробормотала она, в горле внезапно пересохло. Он пугал ее. Нет. Ее пугало то, что он заставлял ее *чувствовать*. За этим таилась сила, от которой дух захватывало. А ведь они всего лишь разговаривали, ради всего святого. Ну, целовались, но совсем немного.

Казалось, что он предъявил на нее своего рода права, а Ева оказалась беспомощна, чтобы им сопротивляться. И выяснилось, что сопротивляться она не хочет.

Габриэль поднял руку и нежно провел большим пальцем от места за ушком по линии ее подбородка. Когда он притянул девушку к себе, по ее коже побежали мурашки. Другая рука мягко опустилась на затылок, и пальцы послали чувственные волны, проведя по всей спине вниз. Ее губы раскрылись, посыпая желание, запульсированное между ног Евы.

Уголки губ Габриэля приподнялись. Ее реакция на ласки была замечена.

— Я могу понять, что ты боишься того, что чувствуешь. — Свет стробоскопа осветил волосы Габриэля цвета воронова крыла и оттенил голубоватым цветом его мужественные черты. Надоест ли ей когда-нибудь любоваться им? А затем он поразил ее, произнеся: — Даю слово, что буду относиться к тебе с уважением и буду честен с тобой, чего никогда не делал с другими. Прошу, доверься мне в этом, Ева.

Какие архаичные и совершенно удивительные слова. Она до конца не была уверена, что Габриэль подразумевал под «никогда не делал с другими». Ни один мужчина раньше не предлагал ей уважение, кроме Калеба, разумеется. Но это не одно и то же.

Этот властный мужчина, который мог, лишь поманив пальцем, заполучить любую девушку в клубе, да и *где угодно*, предлагал ей свое слово. По ее подозрению, это то, что являлось его кодом чести.

Взгляд Габриэля опустился на рот Евы, и в животе запорхали бабочки. Действительно ли она это рассматривала? Могла ли она сейчас уйти с мистером Крутые-Штаны, зная, к чему это приведет?

Да. Ты можешь.

Ева осознала, что действительно могла.

Она устала быть одна. Все стало так просто.

— Спасибо, Габриэль. Это замечательные слова. — Боже, она надеялась, что Габриэль не говорил это каждой женщине, которую хотел.

Их лица были так близко, что его дыхание щекотало губы. Он обхватил ее затылок и вновь склонился к ушку. Еве пришлось положить руки на его талию, чтобы удержаться на каблуках.

— Спасибо *тебе*, за слепую веру. Ты не представляешь, насколько это ценно для человека вроде меня.

Ева лишь кивнула, так как не понимала, что он имел в виду под людьми вроде него. Слепая вера для каждого ценна. Разве не так?

Он чуть пошевелился, чтобы его губы смогли коснуться ее легким дразнящим движением, и Ева тут же почувствовала, что тает от его сильного тела. Габриэль поднял голову.

— Ты позволишь отвезти тебя куда-нибудь... в более тихое место? Отель рядом. Но если тебе будет комфортнее в своем доме, я пойму.

Она сжала пальцами дорогую ткань его рубашки, переживая и еще никогда не сожалея так сильно о своей нехватке опыта. Ей хотелось игриво прижиматься к нему, страстно целовать. А потом попросить отвезти домой с ослепительной сексуальной уверенностью, которую может излучать лишь независимая и самодостаточная женщина.

А Ева не могла.

Не в ее силах, особенно, когда сзади за столиком ждала Ника.

— Я не могу уйти, — выпалила она, в голосе прозвенело разочарование. Смущение. — Я пришла с подругой. — Ева отстранилась, обнаружив, что рядом с ним трудно сконцентрироваться. Из-за его жара и мышц. — Не возражаешь, если мы выпьем с ней и ее мужем? Или, возможно, я могу познакомить...

— Я не против знакомства с твоими друзьями.

— Ладно. — Ника с ума сойдет. — Кевин немного странный. Просто не воспринимай слишком серьезно то, что он скажет. Хорошо?

Ева проскользнула мимо Габриэля, прежде чем он заметил ее волнение, и на дрожащих ногах направилась к столику.

Ника с Кевином все еще были там, но больше не разговаривали. Едва девушка потянулась к стулу, Ника подняла руку.

— Не стоит, — натянуто произнесла она. — Мы уходим. — Ее глаза округлились, когда она увидела Габриэля. — Но ты наверняка хочешь познакомить нас прежде, чем мы уйдем. — Добавила она с легкой улыбкой, направленной Еве за плечо.

— Да, конечно. Это Габриэль. Габриэль, моя лучшая подруга Ника.

Подруга бросила быстрый взгляд в ее сторону.

— О, Ева только что рассказывала мне о тебе.

Габриэль шагнул вперед, на лице ничего нельзя было прочесть.

— Правда? — протянул он, пожимая руку Ники.

— Приятно познакомиться, Габриэль. Это... Кевин. — Ника указала на место рядом с собой, и Ева едва удержалась, чтобы не скривиться от нерешительности.

Габриэль кивнул Кевину.

— Думаю, мне все же повезло, что я приехал, Ева, — произнес идиот, оглядывая Габриэля и его друзей, отрываясь от пива. — Не знал, что у тебя есть привычка цеплять незнакомцев в барах. Я хорошенеко подумал, прежде чем отпущу свою жену с тобой в следующий раз.

Ева наблюдала, как Ника сникла на своем месте. Она знала, что Кевин способен говорить гадости, но тот всегда выкручивался, трусливо выставляя свои оскорблении в качестве шуток. По-видимому, со временем он еще больше обнаглел, так как сейчас не было ничего смешного или озорного в его словах.

Но, помня свое обещание, Ева выдавила улыбку и ласково потрепала Нику по плечу. Хоть этого и мало, но она предложила подруге поддержку — все, что ей было дозволено сделать. Ева полностью игнорировала взгляд козла — рассчитывал на реакцию? — и коснулась руки Габриэля.

— Раз они уезжают, мы тоже можем пойти.

Сдергиваемая ярость бурлила в темно-зеленых глазах, грозивших прожечь дыру в Кевине.

Ева практически прильнула к его уху.

— Прошу, не говори ничего. Это лишь добавит Нику еще больше проблем, чем у нее уже есть. Мы все знаем, какой он козел, поэтому просто оставь это, ладно? — Мышцы Габриэля так напряглись, что Ева отпрянула и уже была готова оттаскивать его. Он наклонился к столику, а Куан и Алек немного придвинулись к их группе. Девушка затаила дыхание.

— Для меня удовольствие познакомиться с тобой, Ника, — произнес Габриэль, почтительно кивнув подруге, прежде чем повернуться к Кевину. Его черты стали каменными. — Я позволяю это лишь потому, что Ева меня попросила. Но если ты когда-нибудь снова так с ней заговоришь, я лично доставлю тебя в ад, о котором ты раньше только читал. Понял?

Габриэль пристально посмотрел и ждал. И ждал. Ни один мускул не дрогнул до тех пор, пока трус не кивнул.

— Да. Понял. Прости, Ева. Я пошутил, — хрипло пробормотал Кевин.

Ника вскочила на ноги и схватила подругу за руку, притягивая к себе.

— О, мой Бог, — выдохнула она ей в ухо. — Где ты его нашла, и где мне взять такого же?

— Мне так жаль, Ника. Я не должна была звонить и приглашать тебя выбраться вечером. С тобой все будет в порядке?

— Не глупи. И не извиняйся. Я люблю проводить вместе время. Это не твоя вина, или моя, что он такой придурок, так что забудь, — пренебрежительно сказала она, ее пальцы болезненно сжали руку Евы. — Однако, твой новый друг не придурок. Святая Анна, он прекрасен. Отличная работа, дорогая Ева. Отличная работа.

Высвободившись из хватки, Ева вынуждена улыбнулась и дала подруге «пять». А в голове все еще проигрывала комментарий про «придурка». Впервые за все время Ника действительно признала, кем являлся Кевин. На языке вертелся вопрос: «Если он такой придурок, то почему ты с ним?». Но потом вновь вспомнила свое обещание и держала рот закрытым.

— Спасибо. Я позвоню завтра.

— Пожалуйста. Мне нужны детали, поэтому ничего не забудь. И не нервничай, это не так больно. И обязательно скажи, что у тебя это впервые. Похоже, он из тех мужчин, которые хотели бы об этом знать. А еще он похож на тип мужчин, от которых у тебя будут поджиматься пальцы на ногах. С ума сойти.

— Ника! — простонала Ева, оборачиваясь, чтобы удостовериться, что их не слышат.

— Что? Можно подумать, этого не произойдет. Гляди, как он на тебя смотрит. У меня случится солнечный ожог, господи-боже. — Ее кокетливая прекрасная подруга счастливо хлопнула в ладоши — первое по-настоящему радостное выражение за все

время, что Кевин присутствовал за их столиком. — Наслаждайся, Ева. Видит Бог, ты достаточно долго ждала.

— Говорит девушка, у которой было *так* много партнеров. Сколько серьезных отношений у тебя случилось, прежде чем выйти замуж? Одно?

Ева достала из сумочки заколку и снова закрутила волосы на затылке. Было ли тут душно или это только для нее?

Ника закатила глаза, и девушки обнялись на прощание.

— А кто остальные парни с Габриэлем?

— Один из охраны, второй деловой партнер. Они тоже были прошлой ночью.

— Bay.

Ева вздрогнула, когда почувствовала легшую на талию руку Габриэля. Его ладонь собственнически легла на бедро.

— Готова?

Ева кивнула, внезапно почувствовав смущение. Неужели она действительно собиралась отаться этому мужчине?

Поймет ли он, если в последнюю минуту она струсит?

Ника помахала, уже растеряв всю бодрость духа, уводимая хмурым Кевином.

Она помахала в ответ, а потом Габриэль официально представил ей своих друзей.

— Ева, Алек и Куан. Алек, Куан, это Ева.

Она повесила клатч на ремешок вокруг запястья и протянула руку. У блондина — Алека — на скульптурном лице начинала пробиваться бородка, придавая ему грубоватый вид только что вылезшего из постели человека. В бледно-голубых глазах светился интеллект, словно он знал все на свете.

— Большая честь наконец познакомиться с тобой, Ева. — Он мягко пожал ее ладонь.

Большая честь?

— Приятно познакомиться, Алек. — Ее улыбка наткнулась на странно ласковую улыбку, предназначенную ей. *О, Боже.* За этим мужчиной, должно быть, выстраивается очередь из женщин длиной с целый квартал. Не удивительно, что Габриэль почувствовал угрозу, когда заметил ее взгляд на него.

Алек отпустил ее руку, и та вновь была сжата обеими огромными ладонями азиата.

— Очень польщен, Ева, — произнес он, изящно поклонившись. — Добро пожаловать.

Пожаловать куда?

— Ах, спасибо, Куан. Рада снова тебя видеть.

Габриэль сделал знак отвалить, и Куан, закатив глаза, отпустил ее. Он быстро двинулся на выход.

— Пойдем, — велел Габриэль, переплетая их пальцы вместе и потянув за собой. Алек следовал сзади.

Чувствуя себя в большей безопасности, чем все последние дни, Ева позволила увести себя. Она могла только надеяться, что готова к тому, что ее ждет.

Глава 8

Стефано в одиночестве стоял и осматривал купленную пять лет назад разоренную фабрику. Рассвет все еще не просачивался сквозь грязные окна. Мужчина не мог вспомнить, когда последний раз появлялся здесь один. Обычно с ним был Фурио. Но его заместитель пожелал поехать в Сиэтл. Сказал, что разнюхает обстановку и изучит все детали, а потом даст знать, что будет дальше. Уж он это сделает. Фурио был бы не Фурио, если не докопается до всех чертовых деталей.

Моретти обвел взглядом пыльный, усеянный мусором пол и пнул перевернутый поломанный до неузнаваемости офисный стул. Городские власти постоянно наседали, чтобы снести это место, и даже пара хороших взяток не смогла исправить положение.

Телефон ожил, оповещая о сообщении. Стефано выловил его из кармана и увидел, что это от Фурио.

«Похоже, эту ночь она проведет с ним».

Мужчина нахмурился, немедленно поняв, что заместитель имел в виду Еву и Габриэля.

«Откуда ты знаешь?».

«Перепих. С ее стороны незапланированный. Но не со стороны Гейба. Входят в отель с Тарасовым и Мао».

Что-то странное и тревожное забурлило, словно пузырьки газировки, в животе. За девушку. Глупо, правда, учитывая, какие планы на нее были у Стефано. Но Габриэль убил последних трех женщин, с которыми трахался. Жестоко. Стефано до сих пор не понял причины, но это было на совести брата.

Что если Габриэль сделает то же самое с Евой Джейкобс?

Дерьмо. Он все еще помнил, как читал статьи в «Сиэтл Таймс», видел накрытые тела тех девушек с подробным описанием травм. Он пытался скрыть шок, когда Фурио сопоставил эти фото со снимками Яна Престона. Как Габриэль покидал театр, отель и клуб с каждой девушкой, по очереди. Стефано не знал, что его брат был способен на такую изощренную жестокость. Особенно по отношению к женщинам. В тот день Габриэль пал еще ниже в глазах Стефано.

Он думал, что это уже невозможно.

Мысль, что черноволосая красавица на фотографии может оказаться следующей, не нравилась Стефано. Наверно потому, что он начал видеть в Еве человека, а не только средство для достижения цели. Невинную девушку, которая, конечно же, не заслуживает умереть как другие три, чьими телами грубо попользовались перед смертью. Почему было нельзя просто пристрелить? Мгновенная смерть, не такая мучительная и грязная.

Стефано покачал головой. Они, вероятно, тоже не заслуживали ее, но он не был уверен. Престон добыл информацию о Еве, так что кое-что было известно. Начинал ощущать небольшое сходство. Мать растила ее в Сиэтле в одиночку. Он тоже рос в Нью-Йорке без отца, но совершенно в других обстоятельствах. Мать Евы погибла несколько месяцев назад в ужасной аварии. Его мать тоже умерла, но не из-за несчастного случая. Ее убил Фурио, собственный заместитель Стефано. Каждый день Ева жила под тенью Габриэля Моретти. И Стефано, что бы ни делал, никак не мог выбраться из-под тяжелой тьмы, вызванной этим испорченным ублюдком.

Мужчина зажмурился. Он отмахнулся от чувства симпатии к Еве, приписывая его к раздражению от того, что Габриэль может испортить его шанс отомстить, убив девушку первым. *Дерьмо*. Он чуть не рассмеялся. Борьба за то, кто первый заберет жизнь невинной девушки. Как они могли зайти так далеко?

Стефано взял телефон и набрал номер Фурио. Печатать раздражало.

— Да, — ответил младший босс.

— Ты не думаешь, что она вернется? — спросил он, желая сам оказаться там, чтобы оценить ситуацию.

— Ни единого шанса.

— Как ты так быстро нашел ее? — полюбопытствовал он. — Ты же только прилетел.

— Я установил маячок на Престона в Нью-Йорке. Нашел его. Он рассказал, где мне нужно быть.

Самодовольный ублюдок.

— Умно, — пробормотал Стефано. Но самостоятельные решения не всегда были хорошим делом. — Значит, Габриэль ее *трахает*. — Теперь это факт. Интересно, к чему были все ухищрения, когда они находились рядом в Нью-Йорке? Что-то в этих отношениях до сих пор не укладывалось.

— Конечно, трахает. Ты бы этого не делал? — ответил Фурио. — Хочешь подольше поиграть с ним? Растворять удовольствие? Или мне убить ее завтра?

— Не трогать девушку! — приказал Стефано несколько поспешно. — Я сам с ней разберусь, — добавил он, объясняя свою бурную реакцию. А еще он не хотел, чтобы Ева подверглась методам убийства Фурио. Парень был таким же плохим, как и Габриэль. — Если получится, найди для нас уединенное местечко, когда схватим ее. И поразвлекайся с Гейбом, пока я не доберусь туда. Подберись достаточно близко, чтобы напугать ее. — Габриэль усмехнулся. — Он обделается, если мы снова до нее доберемся.

— О, я до нее доберусь.

Губы Стефано скривились.

— Оставь ее, Фурио, — велел он. — Только напугать.

— Понял, босс. — Если Фурио и было интересно, почему босс так печется о безопасности Евы, он не спросил. Стефано знал больше.

Его заместитель не контролировал себя, признал мужчина, разъединяясь и засовывая телефон в карман.

Моретти снова огляделся, все еще ощущая напряжение. Оно увеличивалось с каждым приходом сюда. Один, чтобы никто не знал, что он до сих пор «одержим», как сказал бы его психотерапевт. Ушли ярость и горечь, обуревавшие Стефано, когда он вместе с Фурио болтался здесь и строил планы, как получше разделаться с Габриэлем за содеянное. Это произошло прямо здесь, среди того, что осталось от комнаты, в которой они нашли останки Адрианы Перилли. Сексуальной, чувственной Адрианы. Ее озорные темные глаза и соблазнительная улыбка проплыли перед мысленным взором. Он бы женился на ней, если бы Габриэль не внес свой разрушительный вклад. Его брат не только отнял жизнь молодой женщины; он уничтожил возможность Стефано избавиться от презрения Альберта Моретти, заняв свое место в семье Перилли.

Следом за воспоминаниями вернулись эмоции.

Он помнил все так, словно это было вчера. Сидя на кухне своей матери, его желудок урчал от аромата только что приготовленных маникотти, оставленных пропадать на плите.

Чувствуя себя слишком неловко в собственном доме, чтобы позаботиться о себе.

— Что-то случилось, Поп? — спросил он явно взволнованного босса так, чтобы в голосе не было слышно, как он себя чувствует в присутствии старика. — Что-то происходит, о чем мне нужно знать?

— Пока нет, — ответил пожилой мужчина.

Пока нет. Стефано проигнорировал боль, разлившуюся в груди. Без сомнений, Габриэль знал, что происходит. Накатила привычная волна унижения. Все знали, что Альберт Моретти предпочитал второго сына первому. Они только не знали причину.

А Стефано, разумеется, знал.

Все так же знали, что холодный ублюдок скоро освободит бразды правления. Которые по праву должны были перейти в руки старшего сына.

Так и было.

Потому что Габриэль являлся и старшим и младшим сыном босса. Его единственным сыном.

Стефано был лишь ублюдком его жены.

Дословная фраза старика. Сказанная, когда Стефано было всего лишь восемь. И с тех пор повторявшаяся бесчисленное количество раз.

Когда он спрашивал у матери о заявлении своего отца, она никогда не отвечала и никогда не объясняла, почему. И уж, конечно, никогда не заступалась за него во время выговоров отца. Лишь велела уважать главу дома и стараться не попадаться ему на пути. Стефано был более чем рад угодить матери. Но усилия, приложенные, чтобы быть невидимым, наложили свои отпечатки.

Итак, Гейбу досталось все. Но тот этого не хотел. Не мог справиться. Как стариk мог подумать, что Габриэль способен завоевать уважение своих людей, когда он становился мягкотелым каждый раз, когда имел дело с темной стороной их бизнеса? Стефано потерял счет, сколько раз брат впадал в идиотские размышления и медлил с приговором своей жертве. Это дермо было неприемлемо. Однажды пересекшие дорогу семьи должны быть повержены. Без вопросов. Никаких вторых шансов.

Он представил выражение лица старика, когда Стефано сделает заявление, живот скрутило. Когда разойдутся новости о помолвке с Адрианой, все изменится. Интересно, был ли ублюдок способен хотя бы изобразить сожаление, когда Стефано уйдет. Сомнительно.

Мужчина выглянул из дыры в стене фабрики, прикрытой брезентом, угол которого хлопал при каждом порыве ветра. Это объявление никогда не прозвучит, потому что Альберт Моретти в ту ночь дал ему под зад коленом.

«Пришло время покинуть мой дом, Стефано. Ты достаточно взрослый, чтобы о себе позаботиться. Ты никогда не был частью семьи и, думаю, пора прекратить притворяться, что все наоборот. Больше никаких контактов с моим сыном. С моей женой можешь видеться по ее усмотрению».

Всплывающие в памяти жестокие слова босса до сих пор заставляли Стефано ежиться от унижения. Все еще вызывали ощущение, что он не более, чем бесполезный кусок дерма.

Этот упрямый сукин сын тогда сказал еще, что Стефано вообще усложнял Габриэлю жизнь. Портил ее ненавистью, которую младший брат никогда не понимал. Альберт Моретти сказал Стефано, что тот причинял боль его мальчику и одновременно его маме.

Стефано не мог придраться к обвинению. Он действительно усложнял Габриэлю жизнь. Разве ребенок заслуживал этого? Нет. Но у Габриэля была хорошая поддержка, чтобы пройти через это без моря слез, презрительно думал Стефано, вспоминая, как спросил у отца:

— Где Гейб?

Отец с презрением посмотрел на него.

— Он для тебя больше не Гейб. С сегодняшнего вечера называй его Дон.

Звание босса в криминальной семье Моретти. Теперь оно принадлежит Габриэлю. Но эта новость оказалась не худшей. Стефано и представить не мог, что взгляд его отца мог стать еще более ледяным, что тот мог нанести еще больший удар ниже пояса. Но он это сделал.

«Мой сын такой человек, каким ты никогда не будешь, Стефано. Он заботится о своей семье и окружении больше, чем о самом себе. Сегодня вечером он позаботился и о бизнесе, и это уничтожило твой шанс легкого успеха за пределами нашей семьи. Да. Я знал о твоих планах уйти. Но дело, которое было основным для организации моего врага, теперь уничтожено. Так что тебе придется начинать все заново. Уничтожено посылкой от Габриэля, доставленной всего пару минут назад».

Именно тогда Стефано узнал. Если текстильная фабрика отца Адрианы больше не функционировала, значит, она больше не могла быть использована в качестве прикрытия для поставки их продукта. Никаких перспектив.

«Дочь, которую ты собирался использовать, чтобы связать себя с Джованни Перилли? Умерла. Габриэль хорошо о ней позаботился. Она была в здании, когда это произошло».

Стефано ударили носком ботинка бьющийся угол брезента. Его сердце заледенело. После того, как Альберт Моретти нанес смертельный удар, Стефано выскочил из комнаты. Но вместо того чтобы покинуть дом, как ему было приказано, он направился в спальню матери за ответами. По каким-то своим причинам она всегда отказывалась ему отвечать. До этой ночи.

Теперь Стефано был отрезан от семьи Моретти. Мать, конечно, знала, что это произойдет, и теперь больше не было необходимости в секретах.

Мужчина узнал правду о своем происхождении и не почувствовал ничего, кроме боли за собственное потерянное детство. Он даже не был способен пожалеть Марию Моретти, когда та призналась, что была изнасилована каким-то подонком. Он умер несколько лет спустя, отбывая пожизненное заключение за убийство. Очевидно, Альберт Моретти появился, когда Мария обнаружила, что беременна. Они поженились, а большой герой сообщил, что воспитает ее ребенка как своего. Так продолжалось, пока на свет не появился Габриэль, его собственная плоть и кровь. С тех пор отец называл Стефано «твой сын», когда разговаривал с женой об их старшем. И никогда «наш сын», как делал, когда речь заходила о Габриэле.

Черствый стариk заплатил за это сполна. Позже, той ночью, когда Стефано и Фурио вернулись, чтобы положить конец ублюдку, прежде чем прозвучат какие-либо официальные объявления от лица Габриэля. Они вошли в дом Моретти, Стефано

направился в подвал в поисках брата. Не обнаружив его, он присоединился к Фурио в хозяйствской спальне особняка. Старик уже был мертв. И, к несчастью, Фурио увлекся и прибавил к нему еще и труп Марии Моретти. Стефано был так смертельно ранен правдой, которую эта женщина раскрыла всего несколько часов назад, что вышел оттуда, чувствуя не больше сочувствия, чем к незнакомцу.

На следующий день выяснилось, что семья Перилли отомстила, забрав жизни Дона Моретти и его жены, и, не имея свидетелей, Стефано — первый на очереди к трону — взял на себя семейное дело. После той последней встречи на вонючем складе, Габриэль облегчил переломное время тем, что попытался начать легальную жизнь, оставив Стефано управлять организацией так, как тот считал нужным.

Теперь, спустя пять лет, ничего не забыто. Ничто не прощено.

Отвернувшись от мерзкой грязи, пачкавшей его безупречные туфли от «Феррагамо», Стефано направился к двери. Горечь жгла грудь, словно кислота. Ему правда нужно грохнуть ублюдка. Но почему он должен так просто от него избавиться? Ни за что. Он собирается заставить его страдать. Заставит жить остаток своих дней с осознанием, что именно его с отцом действия станут причиной того ада, в который вот-вот будет повергнута Ева Джейкобс.

Поездка в «Кроун Джевел» заняла несколько минут, и вскоре они оказались у двери с надписью «ПРИВАТНО» на подземной парковке. По бокам стояли двое и курили.

— Все тихо, мальчики? — спросил Куан, обменявшиесь кивками в знак приветствия.

— Все хорошо, — ответил один, который напомнил Еве бульдога.

Куан кивнул и пригласил ее с Габриэлем в зеркальный лифт, а затем вместе с Алеком присоединился к ним.

— Расскажи мне о муже своей подруги, — попросил Габриэль, когда двери закрылись. Он нажал на кнопку «35» — верхний этаж — и прислонился к стене. Глаза опущены вниз, руки в передних карманах брюк, лицо напряженно.

— Он не слишком приятная личность.

Габриэль усмехнулся.

— Ага. Я заметил.

Ева перевела взгляд от Габриэля к Куану, а потом на Алека. Все трое стояли с опущенными головами, словно погруженные в себя. Учитывая, какая она была нервная, девушка чуть не захихикала при виде такой картины. Она прочистила горло и посмотрела вверх, пытаясь побороть веселье. И тут заметила два мигающих красных огонька, принадлежавших скрытым камерам в противоположных углах кабины лифта.

— Взгляд в сторону, — пробормотал Габриэль, словно зная, на что она смотрит.

— А ты стесняешься камер? — спросила она язвительно. — В собственном доме?

Звякнул сигнал, и двери разъехались в стороны.

— Что-то вроде того. — Он поманил ее в длинный приглушенно освещенный коридор.

Она вернулась к прежней теме разговора.

— Ты спрашивал про Кевина. Он не более чем инфантильный осел, который относится к Нике, как к отбросу. — Ее каблуки стучали по серо-белым мраморным плиткам. Ни единого маленького пушистого коврика.

Коридор, по которому она пойдет завтра утром, но в другую сторону и совсем другим человеком, внезапно осознала она. Все свершится.

И двое мужчин, шедших рядом с ней и Габриэлем, так же хорошо это понимали. Не то, что она девственница. Но они явно уверены, что у нее с Габриэлем будет секс. *O, Господи.*

Ее щеки вспыхнули.

— Ох, мы с Кевином никогда не ладили. *Прости, Ника*, — тихо произнесла Ева, нуждаясь в разговоре о чем-то и используя тему личной жизни подруги. — Ника не говорит, что происходит. Я более чем уверена, что она сегодня вечером сказала мне, что хочет бросить его. Что-то о том, что последует за мной в Нью-Йорк. — Боже, как она нервничала сейчас. И стала много болтать. Вероятно, уже достала. — Ох, кстати, знаешь, что? Я получила ту работу. Завтра начинаю.

Габриэль улыбнулся ей, и Ева чуть не споткнулась.

— Поздравляю, милая. Прекрасная новость. Когда ты узнала?

Девушка на секунду насладилась его «милай».

— Этим утром.

Алек и Куан остановились напротив двух номеров по обеим сторонам коридора.

— Был рад познакомиться, Ева. Спокойной ночи, — произнес Куан с дружеской улыбкой.

— Очень приятно, Ева, — добавил Алек.

— Спокойной ночи, — пробормотала она, когда они открыли двери в свои номера.

— Куан? Задержись, — голос Габриэля прорезал воздух. Ева с любопытством взглянула на его протянутую ладонь.

— Ключи. Куан заберет твою машину и подгонит на парковку отеля.

— Ой, не надо, все нормально, — выпалила она, тряся головой. Должно быть, девушка выглядела, как большой красный помидор. — Она нормально припаркована. Не стоит беспокоиться.

— Это совершенно не затруднит меня, Ева, — заверил ее Куан.

Она с минуту поразмыслила, не желая создавать проблему, хотя мужчина таковой ее даже не считал. Но Ева обычно не просила окружающих делать что-то для нее.

— Ну, если ты уверен.

Габриэль нетерпеливо зашевелил пальцами, что заставило Еву взметнуть брови.

Он сделал то же самое. Самонадеянность на лице мужчины чуть не рассмешила ее, пока девушка копалась в сумочке в поисках ключей.

В знак протesta на его пугающую самоуверенность, Ева проигнорировала раскрытую ладонь и передала ключи лично Куану.

— Благодарю тебя, Куан. Я очень признательна.

Тот кивнул и пошел обратно по коридору.

Они с Габриэлем остались одни.

Ева посмотрела на него и заметила улыбку. Мужчина явно забавлялся.

Они собираются переспать.

Будет ли ему так же забавно, когда обнаружит, насколько она неопытна в постели?

Нервы вернулись. Вместе с нетерпением.

Держа руку на ее спине, Габриэль провел девушку к концу коридора, где вставил ключ в огромную дверь углового номера. Жестом пригласил войти.

Ева оказалась в просторной прихожей с большим количеством мрамора и боковым освещением и остановилась у входа в центральную комнату. В ней легко можно было уместить весь ее дом, а элегантность и роскошь сквозила в каждой частичке интерьера. Но обстановка казалась безличной. Огромный плоский экран был подвешен над искусно сделанным газовым камином — единственный намек на то, чем Габриэль мог заниматься в свободное время. Правее, отделенный похожими на раздвижные стеклянные двери, находился прекрасный стол из цельного дерева с восемью стульями, которые были обиты той же мягкой кожей, что и мебель в гостиной.

Что она делала здесь с этим мужчиной, который был так далек от ее круга общения?

Никто не мог обвинить Еву в заниженной планке, определенно. За потерю девственности?

Разумеется. Покажите мне миллиардера, и я отдамся ему.

Приказав себе заткнуться, Ева прикусила губу, разрываясь между страхом и симпатией. Номер выглядел богато, но безжизненно. Нигде, ни на одной полке не было ничего личного. Никаких книг или журналов. Ни сувениров, ни воспоминаний. Ни фотографий семьи или друзей в рамках. Не было даже iPad, журнала «Мужское здоровье» или... хоть чего-нибудь. Лишь дорогие скульптуры, чаши и вазы со свежими цветами. Пространство было пустым, хотя и таким красивым.

Габриэль вполне мог жить в номере отеля, но это не означало, что комната должна быть лишена *любой* личной вещи.

Ева услышала, как сзади закрылась дверь. Щелчок замка в тишине прозвучал, словно взрыв бомбы. Наблюдал ли он за тем, как она изучает его дом? Заметит ли симпатию, которую она чувствует к нему, если сейчас посмотрит на него?

Ее взгляд упал на точную копию скульптуры Константина Бранкузи «Птица в пространстве». Девушка нервно сглотнула. Лучше бы это была копия, потому что Ева где-то читала, что оригинал лет пять назад продали более чем за двадцать семь миллионов долларов на аукционе «Кристис».

— Это подделка, верно? — выпалила она, словно деревенщина, осторожно указывая на «Птицу», как будто движение воздуха от взмаха пальца могло ее опрокинуть.

Габриэль усмехнулся.

— Нет.

Этот глубокий, ровный голос, произнося лишь одно слово, вызывал волну жара на ее обнаженной спине. Она резко выдохнула и уставилась на золотую скульптуру, обдумывая дальнейшие действия.

Если это произойдет, должна ли она ждать от него первого шага. Или он ожидал ее? Ждал ли он сначала какого-то разговора или предпочитал сразу и грубо? Может, ей стоило просто уйти. *Проклятие*. Она была совершенно не в своей стихии сейчас. И понятия не имела, что делать.

Ева медленно повернулась и увидела Габриэля, прислонившегося к двери. Руки небрежно сложены на широкой груди, которую Ева так сильно хотела исследовать. Его широкие платиновые часы сверкали на свету.

Боже, он был так прекрасен и причинял ей боль. Повсюду. Ее грудь отяжелела, соски затвердели под тканью платья, а живот трепетал. «Странно, что творит с телом возбуждение», — удивленно подумала она.

— Как долго ты здесь живешь? — спросила Ева с пересохшим горлом. Простой вопрос, скорее всего, пересек ту невидимую черту аля «мы здесь ради секса, а не чтобы узнавать друг друга». Уж лучше так, чем разговоры о погоде.

— Почти четыре года. Я въехал сразу после реконструкции.

Ее глаза округлились, прежде чем она смогла взять себя в руки.

— Четыре года? Но... номер выглядит, как любой другой в отеле. То есть... — она запнулась и прикусила губу. — Не *любой* номер, потому что, очевидно, этот гораздо более впечатляющий, нежели в среднестатистической гостинице. — Она прижала язык к небу и перевела дыхание. Но продолжила говорить честно, потому что обычно это выручало. — Твое богатство меня пугает. Я никогда не была с кем-то столь... — Девушка обвела рукой комнату позади нее. — Даже не знаю, как это назвать, чтобы не прозвучать невежественной. Твой дом выглядит как с обложки журнала. *Безлично. И претенциозно.* И грандиозно, — тихо добавила она.

Габриэль пожал плечами, внезапно приобретя суровый вид.

— Мужчины, с которыми ты общалась, были «синими воротничками»?

Ева съежилась.

— Нет. Боже, нет. Не то чтобы я имела что-то против синих воротничков. Да и вообще не в них дело. Я не это имела в виду. Я подразумевала своих друзей в Колумбийском университете. Даже богатые были бы тебе не чета.

Он кивнул и после, казалось, больше об этом не думал. Учитывая, как его взгляд скользил по ее телу, заставляя кожу покалывать.

— Звучит, как клише, но это всего лишь деньги, Ева. Мой офис, где я провожу большую часть своего времени, выглядит более домашним, чем это место. Все, что имеет реальное значение, это мой дом в Нью-Йорке. Не видел смысла перевозить вещи через всю страну, зная, что, в конце концов, вернусь туда.

— В прошлый вечер ты сказал, что вырос в Квинсе. У тебя там семья? — Что-то было такое в его рте, что привлекало внимание. Она наблюдала за тем, как его губы двигались во время разговора.

— Мои родители умерли. Там остался лишь брат.

Поскольку Ева была настолько поглощена им, она заметила, как изменились его выражение лица и тон. В голосе появилась смесь горечи и грусти.

— Вы часто с ним видитесь?

Выражение лица ожесточилось.

— Нет.

Чувствуя себя неловко от того, как Габриэль вернулся к своей ледяной манере поведения, она выпалила:

— Уверена, другим женщинам все это нравилось, да? — Она не собиралась озвучивать эту мысль.

Габриэль принял насмешливый вид.

— Я никогда не приводил сюда женщин, милая.

Она усомнилась, но после напряжения от вопроса о брате Ева решила не спорить.

Габриэль изучал свою самую диковинную фантазию во плоти. Она была здесь. В его доме. Выглядя крайне испуганной. Она не притворялась. Не строила из себя скромницу и не посыпала призывающий взгляд, как делали некоторые женщины, стоило закрыть за собой дверь.

Черт. Ему хотелось привязать Еву к постели и держать там всегда. Проклятие.

Габриэль захлопнул дверь, наслаждаясь тем, как сверкнули глаза девушки при взгляде на него, и остановился прямо перед ней. Мужчина приподнял подбородок Евы и медленно провел подушечкой пальца по полной нижней губе, глубоко вдыхая сексуальный медовый аромат.

— Хочу, чтобы ты расслабилась, Ева, — мягко велел он. — Слова, сказанные в клубе, правда. Я не проявлю неуважение, совершая что-то, что тебе не понравится. Если сделаю неприятно, просто скажи «нет». Обещаю, что не обижусь.

Сверкающие сапфиры смотрели прямо на него. Габриэль напрягся, почувствовав прикосновение ее пальчиков на шее.

— Ты много говоришь об уважении. — Она осторожно потянула за цепочку, которую он носил постоянно, — подарок покойной сестры Винсента Софии — и взглянула на черный кристалл в виде волчьего клыка с гравировкой «От Матфея, 6:14».

«Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный».

Ева спрятала ее обратно, не спрашивая, о чем заповедь или что она для него значила. Уважая его личную жизнь. Очень хорошо.

— Уважение, доверие и верность гораздо важнее, чем считают люди. Потому что без этого, даже с любовью, отношения слабы.

— Согласна. — Ее теплое дыхание коснулось его руки.

Она впечатляла его.

Что-то произошло, пока он стоял на месте и смотрел на нее. Жажда, с которой Габриэль боролся на протяжении недель, — примитивная, низменная потребность секса с ней, такое простое желание медленно превратилось в нечто другое. Что-то большее. Что-то наполненное эмоциями. И это мягкое, нежное нечто внезапно подтолкнуло и обволокло долгое время казавшееся мертвым сердце Габриэля.

Взволнованный новым чувством, он снова вернулся к сексу.

— Я буду уважать твоё сердце, милая. Буду верным, пока мы вместе. И можешь мне доверять, я заставлю тебя кричать от такого количества оргазмов, какого твой организм не будет способен вынести. — Пальцы сжали ее бедра, и он наклонился, шепча на ушко: — Предпочитаю начать. Скажи, что мы закончили с разговорами, чтобы я смог раздеть тебя.

Девушка хрипло выдохнула, и его член затвердел, больно прижимаясь к молнии на брюках. Воздух вокруг раскалился.

Ева обхватила ладонями его лицо и потянула вниз, слившись с мужчиной в поцелуе. И, черт побери, ему это понравилось. Понравилось, что она взяла инициативу на себя. Когда язык девушки осторожно коснулся его губ, кровь забурлила по венам. Габриэль тут же обрушился на ее рот, утоляя свою жажду в ней.

Скользнув пальцами по прическе, мужчина ослабил пучок, сжал в кулак волосы и оттянул голову Евы назад, прерывая поцелуй. Он не хотел, чтобы первый раз случился у стены в коридоре.

— Ч-что случилось? — ошеломленно прошептала она.

Габриэль наклонился и подхватил ее на руки, прижимая к груди.

— Абсолютно ничего, — заверил он ее и понес в спальню.

Мужчина распахнул дверь спальни и несколькими мощными шагами пересек большую комнату, практически бросив Еву на середину огромной кровати. Девушка отрыгнула, платье задралось выше бедер. Она очарованно наблюдала, как Габриэль потянулся назад и стащил рубашку через голову.

О... Господи.

К черту все ее волнения, «что, если» и «может, не стоит».

Ева была так готова к этому.

Мощные, массивные плечи, излучавшие силу, загораживали обзор, а подвеска покоилась меж грудных мышц. Рельефные мышцы живота выделялись, словно лежачие полицейские на трассе. И все это сексуальное совершенство скрывалось под гладкой упругой бронзовой кожей с легкой россыпью черных волос на груди.

А татуировки! Ева не могла разглядеть все рисунки в мягком свечении лампы, но они покрывали тело Габриэля мистическими тенями черного и серого, пробуждая любопытство к их значению. Она всегда находила татуировки более привлекательными, нежели чистую кожу. Возможно, потому что это показывало человека как более глубокую личность, способную на всю жизнь запечатлеть на коже нечто важное, на обозрение остальных. Или, может, хорошая девочка внутри нее тосковала по плохому мальчику. Сама она до сих пор не сделала ни одной. Мама однажды сказала, что сильно расстроится, если Ева набьет татуировку. Выражение ее глаз тогда дало понять, что это как-то связано с русским.

— Ты прекрасен, — выдохнула она, ее разум затуманился странным удовольствием при виде его.

На лице Габриэля вспыхнула чувственная полуулыбка, когда он наклонился вперед, погружая колено в матрац рядом с ее бедром. Он толкал ее, пока у девушки не осталось другого выбора, как откинуться на подушки, а затем уперся кулаками по обеим сторонам ее головы. Его губы коснулись шеи, двигаясь ниже, вдоль ключицы, вызывая восхитительные ощущения. В горле родился мягкий стон, когда его зубы оказались на чувствительной коже под подбородком, а длинные пальцы скользнули по вырезу платья, касаясь груди.

— Умираю от нетерпения делать это всю ночь. Ты готова? — темное обещание в его голосе отдавалось глубоко внутри, растапливая ее комплексы.

Ева пробежала пальчиками по его плечам и рукам.

— Очень готова, — подтвердила она.

Внезапно, резким рывком мужчина разорвал дорогую ткань платья до самого низа, открывая обнаженное тело своему взору.

Она шокировано пискнула от прикосновения холодного воздуха к распаленной коже.

— Габриэль!

— Теперь ты больше не сможешь его надеть, — объявил он с мальчишеским удовлетворением, когда ее руки машинально вскинулись в попытке прикрыть обнаженную грудь. — Боже, не делай этого, — в шепоте сквозила мука, он остановил ее стыдливый жест. Габриэль сел на колени, его обжигающий взгляд охватывал Еву, задержавшись на бусинках сосков, проследовал вдоль живота и ниже по бедрам, остановившись на маленьком треугольнике серого шелка, скрывавшем ее естество.

Девушка почувствовала, как краснеет, не привыкшая, чтоб ее так явно оценивали. Она не была слепа к своим внешним данным, но еще никогда не оказывалась обнаженной перед кем-то. Габриэль явно был опытным мужчиной. Что, если он сочтет ее недостаточно красивой? Что, если она не соответствовала его прошлым женщинам?

— Ты. Потрясающая, — прорычал Габриэль, встречаясь с ней взглядом.

— Спасибо, — произнесла девушка с облегчением, затаив дыхание. Она прошла испытание.

Мужчина скользнул ладонями под Еву, поднимая бедра и стаскивая остатки платья. Положив девушку обратно на матрац, он встал и подошел к изножью кровати. Его большая ладонь погладила бедро, колено, спускаясь ниже до лодыжки. За спиной Габриэля сквозь массивное окно сверкали огни Сиэтла, пока он ловко снимал ее туфли, с мягким стуком упавшие на пол. Он, не отрываясь, смотрел на неё, пока пальцем подцеплял узкую полосочку ткани на ее бедрах.

— Думаю, что это я портить не буду, — пробормотал Габриэль, позволяя кончикам пальцев лениво скользить под ткань, туда-обратно, туда-обратно. Мышцы Евы сжимались каждый раз, когда он приближался к внутренней части бедра.

Более не способная лежать без движения, девушка с дрожью села на колени, отталкивая его пальцы. Ева обхватила его мощную линию челюсти и провела большим пальцем по чуть колючemu от щетины лицу. Двигаясь ниже, она коснулась губ Габриэля и улыбнулась от резкого вдоха.

Мужское совершенство, признала она, путешествуя пальчиками по шее, наблюдая за реакцией его тела. Охватив взглядом могущественную силу оголенной груди, Ева могла теперь рассмотреть татуировку на правой грудной мышце. Это был этнический символ: толстые черные линии, больше ее ладони. На левой стороне было еще одно переплетение черно-серых линий и штрихов. Они выглядели, словно разрушенная металлическая клетка — дверца висела на петлях, будто оттуда только что кто-то сбежал. Прекрасная работа.

Сделав мысленную пометку спросить потом про татуировки, она осторожно двинулась к поясу брюк и расстегнула пуговицу, спускаясь к молнии. Когда вновь подняла голову, то обнаружила, что Габриэль смотрит на ее грудь. Спина девушки самопроизвольно выгнулась, предлагая жаждущее тело.

Его теплые руки немедленно оказались на ней, Ева выдохнула от пронзительного удовольствия. Габриэль обхватывал и сминал чувствительную грудь, заставляя терять рассудок от кружения пальцев по соскам. Ее уже трогали там раньше, но тогда это было *ничем* по сравнению с этими ощущениями.

Ева потянула молнию брюк вниз и чуть не запротестовала, когда он отпустил девушку и отступил. В мгновение ботинки, носки и брюки исчезли — и он стоял, гибкий и сильный, ничто не скрывало его форм.

Девушка сглотнула и постаралась не плятиться. Ничего не выйдет.

Как, черт побери, это сможет оказаться в *ней*?

Она снова сглотнула, пытаясь проглотить внезапное беспокойство. Он был... очень большим. Несколько минут назад она сказала, что готова.

Теперь Ева не была так уверена.

Протянув руку, Габриэль мягко толкнул ее в грудь, пока она снова не оказалась на спине. Он опустился рядом с ней, закрывая обзор. Не то чтобы она сейчас смотрела куда-либо кроме него. Или чувствовала что-то кроме жара кожи и мощных мышц, прижимающих к ней.

— Ты очень... впечатляющий. — *Прошу, только не услышь испуг в моем голосе*, молила она с замиранием сердца.

Мужчина усмехнулся. Девушка с ума сходила от его нечитаемого выражения лица.

— Ты понятия не имеешь, как мне тяжело тянуть время с тобой, — произнес он, удивив Еву.

О, она знала, как это трудно, по собственному опыту.

— Почему? Имею в виду, зачем тянешь?

Он провел пальцами по ее ключицам и снова коснулся верха груди.

— Потому что хочу, чтобы ты была готова. И не хочу, чтобы когда-либо забыла первый раз со мной.

Он не дал ей времени осознать это очаровательное заявление и завладел ее ртом, губы обрушились на нее, язык проник глубже. Шершавые ладони вновь двинулись по ребрам: одна обхватила талию, а другая проследовала ниже вдоль бедра, заставляя девушку извиваться и желать большего. Ее ноги раздвинулись, тело умоляло о... *чем-то*.

Габриэль сжал ногу и потянул так, что Ева перекатилась на него и растянулась сверху, интимно прижимаясь к его телу. Желание усилилось, как только она почувствовала под собой его обнаженную, затвердевшую плоть.

Он стащил заколку из волос и что-то прошипел сквозь зубы, проведя пальцами сквозь густые пряди.

— Ты, правда, чертовски привлекательна.

Она моргнула. Ей доводилось прежде получать комплименты, но эти, от Габриэля, впервые так воздействовали на нее. Действительно имели значение. Она не хотела разочаровывать его, не оправдав ожидания.

Дурочка, скажи ему! Прежде чем он не начал думать, что ты невнимательная любовница, а не неопытная.

Хороший план.

— Ох, я в этом, можно сказать, новичок, — быстро уклончиво произнесла она, не хотела озвучивать слово на букву «Д» на случай, если он решит по-рыцарски сказать ей одеться и уйти. Ева не сводила глаз со своих пальцев, проводя ими по мускулистому плечу и задерживаясь на татуировках. Она чуть не задыхалась от стеснения. — Поэтому, если я сделаю что-нибудь неправильно или не сделаю того, что ты хочешь, прошу, скажи мне, ладно?

Ева затаила дыхание, когда Габриэль замер и не шевелился, словно омертвев. О чём он думал? Собирался ли все прекратить?

— Ч-что... ч-что ты сказала? — наконец выдохнул он.

Она старалась не ежиться, водя пальцем вдоль линий на его коже, и прокашлялась. Нехарактерное заикание вызывало беспокойство.

— Прости, если это все портит... — Она умолкла, чувствуя, как поникли плечи. — Я не собиралась ничего говорить, но не хотела разочаровывать тебя.

Разочаровывать?

Она пошевелилась, скользнув внутренней частью бедер по Габриэлю. Его твердая длина терлась меж ее ног, вызывая желание прижаться сильнее.

Но лишь на минуту. Стыдилась ли Ева своей неопытности? Конечно, нормально стесняться по такому поводу. Но стыдиться? Нет. Она распрямила плечи. С чего вдруг она должна?

Ей не за что извиняться.

Ева вздернула подбородок в знак протеста против нахлынувшего мгновением раньше огорчения.

Уголки губ Габриэля приподнялись, словно он заметил изменения в ней. Мужчина схватил ее за руку и перевернул, снова подминая под себя.

— О чём ты говорила мне, Ева?

Будь гордой!

Правильно.

— У меня никогда раньше не было секса, — выпалила она.

Ее ноги самовольно согнулись и скрестились за его спиной, чтобы Габриэль не смог убежать с воплями про девственниц и их обмане.

— Святое дермо... — слова сорвались с резким выдохом.

Он смотрел на нее с недоумением.

— Ева... Господи-боже, — прошептал он. Габриэль приподнялся и окинул взглядом ее тело. Зачем, она не знала. — Хвала Господу, что ты сказала мне. Святое дермо, — снова прорычал он, прежде чем накрыть ее рот поцелуем, таким опаляющим и влажным, что девушке казалось, она сгорит в нем живьем.

Он явно не собирался ее спасать от этого.

Ева застонала, и Габриэль снова обхватил ее грудь, перекатывая меж пальцами сосок. Когда он переключил свое внимание на другую грудь, девушка изогнулась и впилась ногтями ему в плечи.

— Еще? — выдохнул Габриэль ей в губы.

— Да, да... еще, — требовала Ева, все тело ожило, становясь сверхчувствительным, как оголенный нерв. Кожа горела. Внутри пульсировало. Грудь отяжелела и покалывала.

Так об этом было столько разговоров кругом?

Ева не верила, что секс мог быть таким удивительным событием, как все утверждали. Но теперь?

Больше никогда не буду в этом сомневаться.

Она подняла бедра и жадно стиснула его плечи.

— Прошу... — она едва узнавала собственный голос, когда мольба сорвалась с губ.

Рука Габриэля скользнула по волосам девушки.

— Еще нет, милая.

Он намотал волосы на кулак и оттянул ее голову, заставив спину выгнуться. Мужчина наклонился и взял сосок в рот, с силой всосав его, а затем нежно сжал зубами самый кончик. Ева снова прогнулась, вскрикивая от удовольствия и извиваясь под мужчиной.

Но Габриэль не останавливался. Переместился к другому соску и повторил. Уверенная, что умрет от желания, Ева двигалась, терлась об него и снова опускалась в попытках облегчить напряжение, пульсировавшее между ног. Но ничего не помогало.

— Становится... некомфортно...

Габриэль поднял голову и его зеленые глаза расширились от удивления. А потом он откинулся назад и рассмеялся.

— Могу сказать честно, — произнес он, в голосе сквозил смех. — Это первая полученная мною жалоба.

Ева потянулась и поцеловала его. Ее бедра ритмично задвигались, и девушка чуть не умерла от наслаждения, когда его член потерся именно там, где она чувствовала нужду.

Наконец-то.

Но он все еще заставлял ее ждать.

Габриэль застонал, и Ева вторила ему, но осеклась, когда он снова отстранился. Облокотившись на плечо, мужчина схватил тонкую полоску ее трусиков. Резко рванув, разорвал их. Шелк спал с тела. Пальцы погладили внутреннюю часть бедра, сначала нежно, но потом настойчивее, накрывая ее холмик. Ева шумно выдохнула от дразнящего прикосновения к ее складочкам кончиков пальцев, размазывавших влагу. Девушка шире раскрыла ноги.

— Габриэль... — Ее дыхание оборвалось, а потом ускорилось. Бедра дернулись вверх, а внутренние мышцы сжались, когда в нее проник сначала один длинный палец, а затем второй. Габриэль чуть двинулся назад и вновь вперед, большим пальцем кружка по клитору.

Ева содрогнулась и закричала от первого испытанного с мужчиной оргазма. Электрический разряд пронесся вдоль каждого нерва, перед глазами вспыхнули яркие пятна. Ощущения все продолжались и продолжались, унося от реальности, пока девушка не почувствовала, как Габриэль движется вдоль живота и бедер, целуя и проводя языком по коже.

Раньше она доводила себя до оргазмов, но они и близко не походили на это.

Глаза распахнулись, когда теплое дыхание Габриэля коснулось того самого места, к которому он только что прикасался. Она согнула колени и еще больше раскрыла ноги.

— Еще? — спросил он и коснулся языком ее клитора.

— О, Боже, да!

Он провел языком вдоль всей складочки, заставляя девушку кричать. Ева сжала шелковистые волосы, притягивая его к себе, когда мужчина снова скользнул двумя, *трремя* пальцами внутрь, даря восхитительное чувство наполненности.

— Габриэль. Мне нужно... — он глубоко проник пальцами, двигаясь так правильно, что на ее глазах навернулись слезы, а горло сжалось. Ева изо всех сил старалась удержать тот слабый контроль, который еще остался. Но вновь вернулось давление, нарастая, становясь сильнее прежнего. Безумное чувство зародилось внутри под движениями его пальцев, которые делали что-то... что-то такое, что удерживало ее. Габриэль, дразня, коснулся клитора губами, затем языком и, наконец, целиком всосал в рот. Находясь практически в агонии, девушка приподнялась и откинулась на подушки.

Ева задыхалась и стонала, извиваясь от дикой кульминации. Горячие слезы катились по лицу, пока внутренние мышцы сжимались и расслаблялись, а потом снова сжались, прежде чем окончательно замереть.

Ева вернулась в сознание от ощущения губ Габриэля на внутренней стороне бедра. Он поцеловал раз, а потом еще и еще и лишь потом отстранился. Он поймал ее взгляд и облизнул пальцы. Эротичная картина молнией пронзила девушку, заставляя что-то шевельнуться глубоко внутри.

Она думала, что ее потребность была удовлетворена. Оказалось, нет.

Габриэль двинулся вдоль ее тела, словно крадущийся хищник, пока их лица не оказались на одном уровне, мышцы перекатывались под кожей.

— Ты само совершенство, — тихо произнес он, опуская голову в изгиб ее шеи и целуя. — Никогда не видел ничего прекраснее, чем когда ты кончаешь.

Он взял в ладони ее лицо и смахнул пальцами влагу с глаз. А потом поцеловал так нежно, что веки вновь обожгло слезами. Ева испытала его и себя, раздвигая ноги и поднимая их так, чтобы обернуть ими талию. Она сжала бедра и прижала пятки к его заднице, желая, чтобы он оказался внутри нее.

Кончик члена коснулся ее складочек, и Габриэль откинулся назад.

— Полегче, детка, — предупредил он, двигая бедрами и слегка погружаясь в нее. А потом еще дальше, медленно двигаясь вперед и назад, задавая ритм. Ее глаза закатились от приятных ощущений. Инстинктивно она знала, что глубже будет еще лучше.

— Габриэль. Я в порядке. Богом клянусь, — пообещала она, слегка целуя уголок его рта. — Дай мне больше.

Он зарычал.

— Ты убиваешь меня, малышка. — Габриэль дернулся вперед, входя полностью, растягивая и наполняя.

Ауч?

Ева застыла от легкого жжения, которое быстро вытеснило невероятное, пронзительное ощущение. Она осторожно подвигала бедрами и, *о, Господи*, чуть вновь не распалась на части.

Габриэль тихо выругался и замер, его тело напряглось. Девушка открыла глаза и увидела, что он смотрит на нее, а выражение его лица впервые было таким открытым. Почти нежным.

— Ева... — Его голос охрип. — Скажи, что ты в порядке.

— Я в порядке, — пообещала она. — Пожалуйста, не останавливайся. — Она приподняла бедра, принимая его еще глубже в свое вновь возбудившееся тело. — О, да, именно так, — причитала она, когда он начал двигаться. — Боже, как хорошо... так хорошо...

Хорошо было явным преуменьшением. Это больше походила на что-то совершенно невероятное.

— Милая... — Сначала он медленно и осторожно двигал бедрами, давая время привыкнуть. — Ты идеальна. Именно такой я тебя и представлял.

Но через несколько минут он изменил темп, ускоряясь. Она хватала его скользкие плечи, проводила ногтями по спине и сжимала бедра вокруг него, разум плавился от удовольствия.

Удовольствия, которое, теперь Ева понимала, могло стать зависимостью.

Глава 9

Тусклый ранний свет обычного утра Западного Побережья окончательно разбудил Габриэля. Он бросил взгляд на часы на прикроватном столике и не удивился, что было позже, чем он обычно просыпался. В другие дни в это время он бы уже находился в офисе. Но не этим утром. Черта с два.

Переместив внимание на теплое тело в своих руках, мужчина задумался, захочет ли когда-либо снова пойти на работу. Ева крепко спала, волосы раскинулись вокруг головы. Одна ладошка сжата в кулак и подложена под щеку, а стройная нога закинута на него.

Девственница.

До прошедшей ночи она была нетронутой. Пока не отдала себя ему. Доверила честь познакомить с удовольствиями секса. И какие удовольствия они разделили.

Он был до глупости шокирован, когда Ева призналась, что это ее первый раз. Думал, что неправильно расслышал, что в мозгу помутилось. Быть не может, черт побери, чтобы такая женщина, как Ева, чье тело практически кричало о сексе, могла до сих пор оставаться невинной.

Но это оказалось правдой. Или было правдой.

Но определенно уже нет.

Он дважды обладал ею, прежде чем они, наконец, изможденные, провалились в целительный сон. Воспоминания заставили вновь затвердеть.

А потом страх начал забираться в душу, угрожая испортить утро.

Он был эгоистичным корыстным ублюдком.

Как можно лежать и вспоминать о том, как она выглядела, пока кончала, в то время как опасность поджидала за каждым углом? Враги Василия. Стефано, жаждущий крови. Габриэль неизбежно лишится конечностей за то, что позволил зайти отношениям с Евой так далеко.

Он провел пальцами по ее волосам и вспомнил мощный отклик девушки на ласки. Желание защищать и собственничество сдавили грудь. Речь шла не о сексе. Габриэль чувствовал связь с этой девушкой. И был ошеломлен. И, да, он признавал легкий дискомфорт от происходящего внутри. Ему не нравилось, когда он не мог себя контролировать. А чтобы обеспечить ее безопасность, ему *необходимо* обладать *огромным* контролем.

Габриэль вытащил ноги из-под Евы и встал с кровати, глядя на девушку во всей ее обнаженной красоте. *Это будет целиком твоя вина, если с ней что-то случится.*

Он накрыл Еву простыней и отвернулся. Знакомая тяжесть ответственности и вины опустилась на плечи. Мужчина накинул халат и подхватил с пола мятые брюки. Выудив телефон из кармана, включил его и проигнорировал ряд призыва моргающих сообщений. Пролистал контакты и нашел номер дежурившего сегодня менеджера отеля. Объяснив ей, что ему нужно из бутика на первом этаже, открывавшегося лишь через несколько часов, закончил звонок.

За ним следили.

Габриэль обернулся и увидел девушку в той же позе, в какой ее оставил, только теперь ее глаза были на половину открыты и смотрели прямо на него. Бросив брюки,

мужчина двинулся к ней, словно магнит к металлу, и сел на краю кровати, достаточно близко, чтобы дотянуться до щеки и провести по ней костяшками пальцев.

— Доброе утро.

— Доброе. — Ее мягкая улыбка и сонный голос завораживали.

Она приподнялась и села, одной рукой придерживая простынь у груди. Ева откинула назад волосы, обсидающим водопадом накрывшие спину.

— Сколько времени? Мне нужно одеваться, да? Тебе наверняка нужно идти на... о, *не-e-ет!*

Она взвизгнула при последних словах и тотчас же вскочила на колени так быстро, что Габриэль едва успел отследить ее движения. От сонливости не осталось и следа, словно ее и не было.

— Который сейчас час, Габриэль? — выдохнула она, спрыгивая с кровати и вертя головой так, что волосы летали вокруг нее, как красивый черный ураган. — *Черт-черт-черт!*

Он вскочил на ноги, проглатывая шок от ее истеричных действий, и попытался избежать удара от рук, махавших перед ней словно маленькие птицы. Но даже в своем возбужденном состоянии Ева, к несчастью, продолжала скромно прикрывать обнаженное тело простыней.

Габриэль крепко сжал ее плечи, останавливая.

— В чем дело? Скажи мне, что не так?

— Я сегодня начинаю новую работу!

Забавный вопль заставил бороться с желанием улыбнуться. И это все?

— Ева, милая, еще даже семи нет.

Она моргнула, внезапная тишина после приступа паники почти пугала.

— Не надо спешки, — заверил он ее, его голос охрип. — У нас много времени, чтобы собрать тебя на работу. — Им не обязательно не опаздывать, но все же. И как, черт побери, ему удавалось так спокойно говорить, когда тело чуть ли не искрилось от напряжения?

Прижав девушку к себе, Габриэль обнял ее за шею и задумался, как будет все объяснять, когда они доберутся до офиса. Боже, запах ее кожи делал его диким. Мужчина выпрямился и намеренно отодвинулся на пару дюймов.

— Ты только что оглядывалась. Случайно, не искала, что надеть?

Ее взгляд остановился на потрепанных остатках платья.

— Моя одежда...

— Не пережижи сражение, — закончил он за нее. — Иди в душ. Я позабочусь об этом.

Несспособный ничего более произнести — из-за навязчивой картины того, что обнаружил ночью под платьем — он сжал кулаки и повернулся к двери. Ему нужно убраться, прежде чем сорвется и накинется на нее, воплощая все немыслимые фантазии.

Габриэль вышел в главную комнату и подождал десять мучительных минут, пока не раздался стук в дверь номера. Он забрал пакет с одеждой, не утруждаясь поблагодарить ухмыляющегося Джака, и направился к ванной, чтобы повесить вещи на дверной крючок.

Ему хотелось присоединиться к ней, но мужчина не мог этого сделать. Девушка наверняка еще слишком чувствительна после прошлой ночи. И если они задержатся, Ева могла опоздать на работу. И тогда ее боссу, вероятно, придется прибегнуть к наказанию.

Он улыбнулся при этой мысли.

С огромной силой воли, которую сам от себя не ожидал, мужчина осторожно прикрыл дверь ванной и пробрался через спальню к своему шкафу. Он остановился, глядя на множество «Армани» и «Том Фордов», висевших слева. Сдернул один, схватил носки, пару «Феррагамо» и молча перечислил все известные ему ругательства. На английском, итальянском и русском. Отличный репертуар.

Он понял, что покинет ее. Нужно отправляться в Нью-Йорк, как они решили с Алеком. Разобраться с братом.

Черт. Габриэль *действительно* не хотел выбирать между жизнями Евы и своего брата. Даже после всего... не хотел туда ехать.

Независимо от того, как он справится со сложившейся ситуацией, вечером нужно уезжать. Должен ли он взять с собой Еву?

И приблизить к человеку, который желал ее смерти?

Черт, нет. Значит, она останется здесь. *Дерьмо.* Ему это не нравилось. Ничего не нравилось. Особенno тa часть, в которой он ее оставляет. Несколько дней без Евы. Несколько дней девушка будет с Джаком, Алеком и еще парой человек, которые будут следовать по пятам за ее идеальной задницей, чтобы обеспечивать безопасность, пока его не будет. Габриэль уже знал, что Куан настоит на поездке с ним.

Мужчина вернулся обратно в спальню и замер от представившегося зрелища. Менеджер магазина воплотил его просьбу о чем-то повседневном в черно-бирюзовое летнее платье без рукавов, доходившее Еве до лодыжек. Черный лак на ногах сверкнул в утреннем свете, когда девушка скользнула в пару черных сандалий с узором из бисера, подходившим по цвету к платью. Ее влажные волосы были скручены и закреплены на затылке так, что выделялись длинная тонкая шея и горло.

Ева выпрямилась и засуетилась при виде Габриэля, застенчиво пробежав рукой по ткани на плоском животе.

— Спасибо, Габриэль. Оно прекрасно, — ее голос был странно скрипучим от смущения. Она наклонилась и подняла туфли, которые надевала прошлым вечером. — Мне нужно идти. Надо еще заехать домой...

Она замолчала, когда Габриэль подошел, удерживая ее взгляд. Ему не нравилось то, как неловко она себя чувствовала. *Это ее первое «утро после»,* напомнил он себе. Удовольствие озарило его, когда мужчина оставил поцелуй на шее девушки.

— Конечно. Дай мне быстро принять душ, и я отведу тебя к машине.

Она покачала головой.

— Ты и так наверняка выбился из графика из-за меня. Не нужно усугублять. Я сама найду ее.

Он нахмурился.

— Ты ничего не сделала с моим графиком, Ева. Если мне захочется прерваться на пару часов ради какого-нибудь прелестного создания, желающего перевернуть весь мой мир — что ты и сделала — значит, я воспользуюсь этим временем. — Он поцеловал ее шокированный рот. — А теперь иди и возьми кофе с подносом, который каждое утро появляется на столе в столовой. Разберись сама, что еще найдешь. Обычно там что-то простое, типа фруктов или йогурта. Я буду через несколько минут.

Не давая шанса поспорить, Габриэль исчез в ванной и закрыл за собой дверь. «Если она уйдет, пока его не будет, то очень об этом пожалеет», — поклялся он, вешая костюм на дверь и звоня Куану.

— Доброе, — голос парня был резким и настороженным.

— Доброе. Ты все еще дома?

— Торчал в своей комнате, пока не услышал не одну, а две пары ног этим утром, учитывая, что ее машина все еще в гараже.

Губы Габриэля дрогнули.

— Послушай на случай, если Ева уедет без меня, будь с ней. Хотя она не должна.

— Он надеялся на это. — Подгони ее машину. Ты поедешь за ней домой...

— Джак поедет.

— Что?

— Джак поедет с ней. Я с тобой.

Разумеется. Габриэль нетерпеливо вздохнул из-за таких мелочей.

— Ладно. Скажи Джаку ехать за ней домой, где девушка переоденется и снова уедет. Когда Ева доберется до офиса, вы можете встретиться и заняться своими делами, пока не понадобитесь мне. Не знаешь, он проверил номера того «седана» с прошлой ночи?

— Аренда. Боб Миллер. Выяснилось, что это общее имя, а потому мы копнули глубже. Это оказался детектив Стефано, он сейчас потеет на складе. Похоже, у парня есть совесть. В кармане было письмо, адресованное тебе. Он сказал Джаку, что собирался оставить его в отеле по пути в аэропорт.

Габриэль нахмурился.

— О чем там говорится?

— «Они знают о девушке. Держите ее подальше от дома».

Габриэль удивленно покачал головой.

— Да иди ты на хрен.

— Не вру, брат.

Проклятье, дважды проклятье. Ева сейчас едет домой.

— Отпусти его, — произнес он, возвращаясь к детективу. — Но предупреди больше никогда не связываться со мной. Без рукоприкладства. Он всего лишь делал то, за что ему заплатили. И сохрани его контакты, потому что он чертовски хорош в своей работе. Далее, я хочу, чтобы ты позвонил Нику и велел проверить дом Евы. Еще мне нужно, чтобы Бобби Т прочесал округу и убедился, что вокруг на улицах никого нет.

— Будет сделано.

— Спасибо, мужик.

Габриэль завершил звонок, ловя собственное отражение в зеркале, пока тянулся к душу. Теперь, когда Ева всех их знает, им предстоит тяжелое время, необходимо следовать за ней, не будучи замеченными. Она была неглупа. Но им надо справиться. Ее защита — самое важ...

Мышцы Габриэля застыли, в животе все опустилось, словно он выпрыгнул в окно спальни. *Защита!* Он не использовал защиту ночью. Никакую. *Какого черта* он забыл про упаковку презервативов, которую сам кинул в ящик ночного столика прошлым утром?

Видение беременной Евы возникло в мозгу. *Господи Иисусе.* Каким невероятным зрелищем это будет. Из нее выйдет изумительная мать. А из него... отец. Вместе они будут...

Он прервал свои мысли, прежде чем они зашли еще дальше.

Какую жизнь может предложить человек с такой темной стороной жизни, как у него? Она заслуживает лучшего. Дьявол, большинство, если не все друзья до сих пор играли важные роли в своих криминальных семьях. Включая собственного отца Евы,

который может уничтожить Габриэля за то, что тот затащил в постель его единственную дочь. *Если Стефано не доберется до нее раньше, что поставит под сомнение все остальное.*

Пока Ева связана с Габриэлем, она находится под прицелом. И по умолчанию ребенок, который у них теперь может появиться.

Как, черт побери, он мог быть таким безответственным?

Габриэль вступил под струи воды, ощущая тяжесть непрятливой правды.

Он стал самой большой угрозой для жизни Евы.

Оставив Габриэля за вращающимися дверями «Кроун Джевел», Ева остановилась у «Старбакса». Она схватила двойной обезжиренный латте, прежде чем поспешить домой, чтобы привести себя в приличный вид для первого рабочего дня. Снимая дорогое платье, должно быть купленное Габриэлем в бутике на первом этаже отеля, она вспомнила, как отвернулась от подноса с завтраком и увидела его. Ева совершенно позабыла о большой миске свежей клубники, йогурте и божественно пахнущих круассанах.

Входя из гостиной, мужчина заканчивал разговор по телефону и накидывал на плечи пиджак темно-синего костюма, волосы все еще были влажными. В эту секунду он выглядел хозяином отеля даже больше, чем девушка могла себе представить. Он пересек комнату и поцеловал ее. На губах чувствовался мягкий привкус зубной пасты.

Габриэль сжал ее талию, но потом отпустил и протянул пакет.

— Для туфель.

Ева благодарно взяла его и засунула туда туфли, чувствуя облегчение, что ей не придется нести их на всеобщем обозрении через лобби.

Это было нереально.

Вся ночь казалась нереальной.

Взглянув на часы на комоде, девушка отложила вызывавшие дрожь воспоминания, тряхнула практически сухими волосами и собрала их в аккуратный пучок. Она надела вязаное кроваво-красное идеально скроенное платье, год назад подаренное мамой. Чуть прикрывавшее колени, с короткими рукавами и круглым вырезом, на котором Ева сделала акцент с помощью черно-белого платка в горошек. Обула черные туфли, надела комплект из серебряного браслета и сережек и нанесла легкий макияж.

Хорошо. Теперь она выглядела профессионалом, а не той, кто всю ночь провела в умопомрачительных оргазмах в постели незнакомца.

Схватив пока еще пустой элегантный кейс и сумочку, она вышла из дома.

Дорога оказалась короткой, что было как нельзя кстати, ибо времени на дорожные проблемы не оставалось. Ева как раз успевала минута в минуту.

Оставив машину на одной из общественных парковок и успокоив дыхание, девушка вошла в здание, в котором располагался ее новый, пусть и временный, офис.

Пока она проходила мимо разговаривавших групп мужчин и женщин, нахлынули ожидаемые переживания, вызывая в животе дрожь. Ева избегала своего взволнованного отражения в мутных зеркалах, занимавших всю восточную стену лобби.

Она позволила мыслям переключиться на Габриэля. Более приятное занятие, нежели концентрация на собственном нервозе. Когда они снова увидятся? Увидит ли она его вообще? Они ни о чем не договаривались.

Девушка постаралась не хмуриться. Не был ли это ее первый секс на одну ночь? Сейчас Ева предполагала, что произошло нечто большее, но что, если Габриэлю только это и нужно было от нее?

Ее наполненный кофеином желудок скрутило. Она не знала, что чувствовала по этому поводу.

Лгунья.

Ладно. Ева знала, что чувствовала *часть* ее. Ей подобные мысли не нравились. Совсем.

Другая часть была рада разделить интимный опыт с тем, кого она, возможно, больше никогда не увидит. Габриэль принадлежал к тому типу мужчин, в котором женщина могла раствориться, а Ева видела, как ужасно это работает на примере своей матери. По крайней мере, прошедшая ночь позволила ей понять Кэт как никогда раньше.

Нет, лучше ценить удивительный первый сексуальный опыт и двигаться дальше. Никаких романтических осложнений. Никаких бед в своей жизни из-за мужчины.

Никаких повторений ошибок мамы.

Приняв решение, Ева преодолела оставшиеся шаги к одной из двух женщин, сидевших за длинной полированной стойкой.

— Доброе утро. Могу Вам помочь?

— Доброе утро, — ответила Ева, улыбаясь привлекательной женщине с Ближнего Востока. — Я здесь...

— Мисс Джейкобс?

Она обернулась и увидела приближавшегося к ней кареглазого брюнета, словно сошедшего с обложки журнала «*GQ*».

— Да?

— Маркус Фейн. — Он протянул руку, и Ева пожала ее. — Натали сказала, что вы придетете к этому времени, поэтому я решил спуститься и проводить вас наверх.

Придерживая Еву за локоть, он кивнул в сторону лифта и повел девушку к нему. Она пожелала девушке на ресепшин хорошего дня, прежде чем позволила увести себя.

Они вошли в наполовину заполненную кабину, и Ева слушала, как ее спутник сразу перешел к делу, невзирая на то, что лифт останавливался и на других этажах, чтобы выпустить людей. Маркус объяснил, что помимо двух больших залов заседаний наверху здания располагались только два просторных офиса владельцев.

Несколько секунд спустя раздался сигнал, и лифт остановился на верхнем этаже.

— Спасибо, что проводили, Маркус, — произнесла она, ступая на черный ковер.

— С большим удовольствием, Ева. Мы наверняка еще встретимся в течение дня. Удачи. — Он отсалютовал ей двумя пальцами и исчез за закрывшимися дверями.

Ева посмотрела налево, решая, куда идти, а потом направо, заметив в дверном проеме силуэт мужчины. Его крупную фигуру подсвечивал свет из окна за спиной.

Девушка вздрогнула, ощущая, как бабочки в животе превращаются в огромную птицу.

Габриэль?

Смущение, смешанное с большой долей шока, подстегнуло двигаться. Ева сократила расстояние между ними, пытаясь придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение, почему он здесь. Как Габриэль узнал, что она *будет* тут, ведь Ева не говорила, куда собирается? Когда она подошла, мужчина шагнул в сторону и, не говоря ни слова, жестом пригласил первой войти в кабинет.

Ну, нет. Вместо того чтобы послушаться, она остановилась в приемной рядом с удобным на вид стулом, старательно соблюдая небольшую дистанцию.

— Что ты здесь делаешь, Габриэль? — смущенно прошептала Ева.

— Зайди, и я объясню.

Внезапно почувствовав головокружение, девушка слабо кивнула и прошла мимо него, напрягшись, когда их тела соприкоснулись. *Не сейча-а-ас*, предупредил мозг, и Ева заставила себя не реагировать. Вместо этого она сосредоточила взгляд на стенах с рядами пустых книжных полок. Сам по себе кабинет был современным, а еще теплым и удобным, чувствовалась мужская рука.

Она подошла к черным кожаным стульям перед огромным столом и почувствовала всплеск адреналина по венам при виде таблички в углу: «ГАБРИЭЛЬ МУР, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР».

Этот глупый маленький кусок металла стал причиной самого настоящего шока. Рука потянулась и накрыла рот. *O, Господи.* Что она натворила?

— Ты в порядке, милая?

Опустив руку, Ева повернулась к нему. Лицо Габриэля ничего не выражало. Нечитаемо и неподвижно. Словно чистый лист, но челюсть чуть подрагивала. Его руки глубоко засунуты в передние карманы брюк и, похоже, мужчина был способен напугать без единого движения мускулов.

— Нет, я не в порядке, — призналась она. — Что ты здесь делаешь? Я должна была встретиться с Александром Тарасовым. — Ева снова бросила взгляд на табличку, молясь, что она просто ошиблась. — Ты не... Александр Тарасов, — шепотом закончила она, желая провалиться сквозь пол.

— Сядь. — Он кивнул на стул справа от себя, и девушка не стала спорить. Ева примостилась на самый краешек — лишь бы не упасть на пол — и смотрела, как Габриэль сел перед ней и оперся локтями на колени, сцепив ладони в замок.

— После того как увидел тебя в Нью-Йорке, — начал он. — Я попросил Натали посмотреть, что ты делала в «ТарМор». Она объяснила и на следующий день отправила мне копию твоего резюме и содержание вашего собеседования...

Ева подняла ладонь, останавливая его, во рту пересохло.

— Генеральный директор, на которого я работаю, Александр...

— Ты встречалась с Алеком прошлой ночью, но работать будешь не на него, а на меня.

Ее глаза округлились. Так вот почему Алек показался таким знакомым при первой встрече в «Кроун Джевел». Она видела его фото в интернете, когда читала про своего нового босса. Но выглядел совсем не как на отредактированном снимке на «Линкедин».

Ева покачала головой, пытаясь не запутаться.

— Хорошо. Я... Ладно. Значит, когда мы встретились в отеле в тот вечер, ты знал, кто я? Знал, что я уже была на собеседовании на это место? Знал, что работа, о которой рассказывала тебе, будет именно эта?

— Да.

Она моргнула на односложный ответ.

— А прошлая ночь? Ты должен был знать, когда я тебе говорила. Ты знал, что Натали позвонила и сообщила, что меня приняли.

— Да.

Ева постаралась осмыслить тот факт, что с первой минуты этот мужчина лгал ей. Он привел ее в свой дом, в свою постель, занялся с ней любовью, зная, что они будут вместе работать!

— Почему ты так поступил?

Габриэль вздохнул и поднялся. Безумие, но Ева не могла прекратить пожирать взглядом плавные движения его большого тела, когда он обошел стол и сел в большое кожаное кресло с другой стороны. Ей хотелось стукнуть себя за это.

Он откинулся назад, и их взгляды встретились. *К черту мужчин и их эгоизм*, внезапно вскипела она. Как он посмел так с ней поступить? С любой женщиной? Делал ли он так прежде?

От этой мысли Ева почувствовала себя плохо, но, отбросив ее, заставила себя сосредоточиться.

Девушка выпрямила спину и осторожно поставила кейс на пол рядом со столом, а сумочку положила на колени. *Ладно. Хорошо*. Он получил, что хотел. Теперь она получит, то, что хотела *сама*. Именно, то, что изначально собиралась получить от этой работы.

Опыт. Опыт *работы*.

У нее были счета для оплаты, а страховка жизни мамы тоже имела предел. Могут пройти месяцы, прежде чем она найдет другую работу. А учитывая, что все выпускники Колумбийского университета недавно захватили вакансии, может пройти год и даже больше. Как бы девушка не была шокирована от такого поворота событий, она не могла позволить себе глупить в создавшихся обстоятельствах. Ее была мать мертвеца. Отец долгие годы неизвестно где. А у нее есть обязательства.

Боже. Так вот, что значит быть взрослой. Чувствовать себя в ловушке.

Ева не была уверена, как собирается с этим справиться, но найдет способ работать здесь, пока не подыщет другое место. Девушка улыбнулась своим мыслям, как она пройдет через все и станет самым профессиональным и компетентным помощником из всех, какие были у Алека с Габриэлем.

А потом двинется дальше, с прекрасными рекомендациями и отличным опытом. Опытом, который *не* включает опыт в постели с генеральным директором.

У Габриэля зазвонил телефон, и он нетерпеливо поднял трубку.

— Говори, — рявкнул он, явно не настроенный на приветствия. Смесь облегчения и тревоги отразилась на лице, когда мужчина услышал, кто был на другом конце.

— Привет. Не было связи. Все в порядке? — заботливо поинтересовался он.

Ее сердце бешено подпрыгнуло. У кого не было связи? Он говорил с женщиной? Кровь застыла в жилах. Ревность ворвалась, словно жаждавшая крови армия.

Как он смел разговаривать с другой женщиной перед ней после того, как они вместе провели ночь!

«Как ты смеешь расстраиваться из-за этого, — укорила она себя. — Он такой же лжец».

— Она в норме, брат. — Габриэль прижал трубку к уху плечом и вырвал лист из блокнота. Протянул ей. — Знаю. Я был занят и не мог отправить.

«Брат» заставил ее расслабиться. Ева посмотрела на листок — пароль и инструкция как войти в компьютерную систему компании. Конечно, он не будет называть женщину «братьем». Но кто эта «она», которая в норме?

Это тебя не касается, Ева.

Нет. Не касается. Но это не останавливало от желания узнать. *Проклятие*.

— Фейн позвонил мне, — сказал Габриэль. — Позапрошлой ночью. Должен сказать, что удивлен. У него все хорошо. Хотел сказать мне... Да, слово на улице...

Услышав не характерную для него неуверенность, Ева подняла взгляд и увидела, что он продолжал смотреть на нее.

— Нет. Сейчас не лучшее время для разговора.

Что ж. Это больно. Нет смысла отрицать. Девушка послала ему натянутую, понимающую, *профессиональную* улыбку и спокойно показала, что уходит.

Габриэль медленно покачал головой и указал на нее, губами произнеся: «Стой. На. Месте».

Губы сжались от его высокомерия, но она осталась.

И вела кровавую войну между желанием задушить своего бесспорно сексуального нового босса и наброситься на него.

Мышцы на спине Габриэля напряглись так, что, казалось, вот-вот порвутся. Он оторвал взгляд от изумленного и обманутого выражения лица Евы и посмотрел в окно. Тяжелые серые облака по всему небу, насколько было видно.

— Давай я позвоню позже, — сказал он Василию.

Прошлой ночью он не отправил еженедельный отчет, как делал с фанатичным рвением последние восемь недель, и это было немедленно отмечено. «Как обычно», — без особого тепла подумал Габриэль. Он чувствовал огромное облегчение от того, что Василий вышел из прикрытия. Судя по всему, невредимым, чтобы сильно переживать, что теперь окажется под пристальным наблюдением.

— Я хочу знать сейчас, почему ты не отправил его, Габриэль, — настаивал русский. Он не был тем, от кого можно запросто отмахнуться. Василий перешел на родной язык, очевидно, приглашая Габриэля тоже говорить на русском. Мур мог это сделать. Не похоже, что Ева понимала язык, но решил говорить расплывчато на английском.

Он был не готов дать Василию полный отчет, не со всем тем, что он чувствовал к Еве, и что до сих пор крутилось в его голове. Ее отец был очень умен и поймет, что что-то не так.

— Не могу, — ответил он на английском, надеясь, что Василий не будет больше настаивать.

— Видимо, кто-то рядом с тобой.

— Она.

Пауза на линии была почти смешной.

— Она? С тобой Ева? В твоем офисе?

— Да.

— Почему?

Габриэль продолжал смотреть в окно, но говорил отнюдь не о погоде, когда произнес:

— Надвигаются тучи. Тем, кто на улице, стоит поискать укрытие.

— Мои враги или твои? — немедленно потребовал Василий, без разъяснений поняв, что имел в виду Габриэль.

— В этой области.

— Стефано?

— Да.

— Ублюдок.

— Мы предполагали, что это может случиться, — напомнил ему Габриэль. — По крайней мере, теперь, когда они на горизонте, мы можем подготовиться.

— А ты? Готовишься? Поэтому ты вошел с ней в контакт?

— Да, — произнес он, чувствуя во рту вкус лжи во всей красе.

— Ты доказал, что был правильным выбором, Габриэль. Как она? Что-нибудь подозревает? — Нотка надежды услышать что-нибудь, что угодно о своей дочери, словно разрушительным снарядом ударила мужчину в солнечное сплетение.

Борясь с удушьем, он пробормотал:

— Хорошо. — *Очень хорошо.* — И нет.

— Дерьмо. Эти ответы меня не удовлетворяют. Позвони, когда мы сможем свободно поговорить. Мне нужны детали.

Габриэль нажал на кнопку «завершить звонок», когда на том конце повисла тишина, означая, что Василий отключился.

— Почему ты не сказал мне, кто ты? — потребовала Ева, тут же возвращаясь к прежнему разговору.

— Потому что не хотел, чтобы ты передумала, — его голос был резким, отрывистым. Что, черт побери, он будет делать, если девушка попросить засунуть эту работу в его лживую задницу?

Она оставалась такой же, жесткой и формальной. Выражение ее лица с каждой секундой становилось все более холодным и отстраненным.

— О чём именно? Работать на тебя? Или спать с тобой?

Габриэль поднялся, оттолкнул стул и обошел стол, останавливаясь перед ней.

— Все было не так, Ева...

— Правда, Габриэль? — оборвала она его. — Потому что думаю, что это было именно так. Ты думал, если представишься моим новым боссом, то я не буду с тобой спать. И ты оказался прав. Поэтому ты опустил правду, повеселился ночью и... что? Что ты ожидал сейчас? Секс за ланчем? Работу допоздна, включающую меня, распостертую на твоем столе? — Она встала: спина прямая, подбородок вздернут, самое красивое проявление гордости, когда-либо виденное Габриэлем. — Этого не произойдет. Если хочешь, чтобы я осталась, то все будет исключительно на профессиональном уровне. На время. Мы не будем обсуждать прошлую ночь, вообще не будем ее учитывать. На самом деле, я предпочитаю вообще ничего личного с тобой не обсуждать. Никогда больше.

Мельчайший надлом в ее голосе при последней фразе для Габриэля прозвучал словно пуля. Он все испортил. Ранил ее. Нарушил хрупкое доверие, с которого начинаются новые отношения. *Черт.*

Мужчина отступил.

— Ладно. — Нужно было успокоить ее, чтобы не сбежала. — Если ты так хочешь. Я принимаю условия. — *Пока что.* — Просто знай, что меньше всего я хотел причинить тебе боль. Я надеялся...

Ева подняла слегка дрожащую ладонь — знак того, как она расстроена.

— Думаю, мы уже выяснили, на что ты надеялся. А теперь, если можешь показать мой кабинет, я бы хотела обустроиться.

Допуская такую возможность сбежать, Габриэль указал на стол в другом конце кабинета.

— Это твой. Не видел смысла создавать еще один кабинет, учитывая, что на следующей неделе мы уезжаем. У тебя есть инструкция, как зарегистрироваться в системе и пароли.

Ева пересекла пространство и поставила кейс с сумочкой на стол, на котором были лишь телефон и ноутбук, и села за работу. Она выглядела очаровательно, одетая в деловом стиле. Идеальная картина профессионализма. Но Габриэль знал, что под этим скрывалось.

Сжав зубы из-за непрошенного желания, он схватил телефон, вновь начавший звонить.

Это будет длинный день.

Глава 10

— Ну, давай уже. Сколько можно тянуть?

Василий Тарасов нахмурился, пряча телефон. Он уже шесть раз задавал себе этот вопрос, с тех пор как они приехали в захудалый район Москвы. В воздухе висел сильный запах дрожжей от большого пивоваренного завода в паре кварталов от места, где в тени стояли он и его правая рука, Дмитрий, только что красноречиво выражавший свое нетерпение. Мужчины торчали в ветхом подъезде через улицу от дома, где жила нынешняя любовница Виктора Байкова. Еще одно доказательство, что этот человек был настоящей сволочью. Байков обладал более чем достаточными средствами, чтобы поселить ее в месте получше.

Он зашел в здание около двух часов назад, чтобы потрахаться раз в пару недель. Теперь пришло время ему выйти и ответить за смерть Кэтрин Джейкобс, получить то, что для него уготовили.

Око за око.

Жизнь за жизнь. В случае семьи Байкова — шесть жизней за одну жизнь Кэтрин. Необходимость, чтобы не раскрыть личность Евы.

— Максиму лучше не ошибаться в этот раз, — добавил Дмитрий, поводя плечами.
— Иначе мы здесь потратим время и ресурсы.

Для Василия было утешением продолжать общение на родном языке.

— Тебе хорошо известно, что Максим редко ошибается, — заявил он, добавляя в голос толику осуждения. Грешно озвучивать сомнения в собственных способностях. В его группировке не допускались подлость и наговоры за спиной. Полностью предотвратить это было невозможно, но если Василий сам слышал такое, то тут же прекращал подобные разговоры. И гораздо резче, нежели только что. Но это был Дмитрий.

— Разумеется, знаю. Мы оба знаем, что Максу заплатили за информацию. Но разве я много прошу? Лишь раз облажаться, чтобы чуть понизить его самомнение. Всего один раз — и я буду доволен.

Тогда тебе остается только мечтать. Потому что Максим Киров не допускает осечек. Никогда. У него все под контролем. Всегда. Доминирует во всем, что делает. И над *каждым*, по крайней мере, Василий так слышал.

Дмитрий напрягся, когда услышал пару весело поющих пьяных мужских голосов, но невнятно, где-то в квартале отсюда. Внимание Василия было направлено вперёд. Виктор, мать его, Байков. Как Макс и говорил, парень свалил из ветхого дома любовницы через час. Разумеется, они по большей части должны были полагаться на веру и не высказываться раньше.

Вражда между семьями Тарасовых и Байковых существовала столько, сколько Василий себя помнил. Он не знал, с чего она началась, но на глазах Василия она забрала жизнь его отца — жестокое и дикое прилюдное убийство напротив хорошо известного бандитского притона. А теперь ненависть укрепилась после того, как оборвалась и жизнь Кэтрин. И хотя вина Байковых за оба убийства не доказана, Василий был уверен — возмездие близится. Что бы это ни повлекло за собой, он снова запустит колесо. Злой абсурдный круг, от которого ни одна из семей не хотела отступать.

Виктор, внук самого первого главаря их организации, обвел ленивым взглядом темную улицу, прежде чем пошевелить своей вооруженной задницей и медленно двинуться по усеянному мусором тротуару. Он прошел мимо разбитого маленького «Ситроена» времен начала девяностых, развалившегося на части «Ауди», и покачал головой, обнаружив, что парень оказался достаточно самонадеянным, чтобы ходить одному. Ни единого человека с ним. *Глупо.*

— Продолжай идти.

Шепот Дмитрия был едва слышен, пока они наблюдали, как их цель медленно приближалась к «Ладе» цвета дерьма и... бля-я-ять...

Вместо того чтобы достать ключи, как ожидал Василий, Виктор достал из кармана грабаный телефон. Напряжение момента прервалось вибрацией собственного телефона Василия в кармане. *Дерьмо. Теперь Габриэль мог говорить?* Василий достал трубку и приложил к уху.

— Да, — прошептал он. Они были достаточно далеко от Байкова, чтобы тот смог услышать, но Василий не намеревался тратить сейчас время на беседу.

— Говори, русский, на английском, пожалуйста. Я немного подзабыл его.

Василий сжал зубы, услышав голос с акцентом, не принадлежащий Габриэлю.

— Не сейчас, Фейн. — Он отключился и бросил телефон обратно в карман, но тотчас же снова почувствовал вибрацию. Рывком вытащил трубку. — Люциан, тебе больше всех должно быть известно, что когда...

— Ты готов похоронить дочь следом за матерью? — голос румына был жестким.

Ужас холодом пополз по коже Василия, потребовалось мгновение, чтобы мужчина смог взять себя в руки.

— Очевидно, не потребовалось много времени, чтобы мои личные дела достигли твоих ушей. Ты узнал о ней от кого-то из моей группировки? Или кто-то еще тебя проинформировал?

Хотя мужчина знал, что Люциан не раскроет свои источники, Василий спрашивал на случай, если информация просочилась от его людей — личность крысы будет вычислить гораздо проще. Потому что у него есть одна в организации, достаточно близкая к его дому и личным отчетам, из которых возможно узнать про Кэтрин и Еву. Его банковские отчеты содержали данные о ежемесячных депозитах на счет Кэтрин — переводы, которые, предполагалось, приходили от ее дальнего дядюшки. Было не трудно, опираясь на эту информацию, сложить картину.

— Когда ты сказал, что нуждаешься в Габриэле для какого-то дела, в котором ты не доверяешь собственным парням, я уже знал, что это что-то крупное. Копнул глубже и выяснил.

Василий удивился, что получил даже такое скучное объяснение.

— Я только что разговаривал с Габриэлем, он сказал, что Стефано зашевелился. Что ты слышал?

— То же самое. Он планирует использовать твою дочь в своих целях. Послал двух людей в Сиэтл. Одного было легко убрать. Другой — Фурио Абелла, ждет хрен знает чего, чтобы начать действовать.

Черт, он должен быть там и помочь Габриэлю.

— Фурио? Какого черта он занимается грязной работой?

— Самому интересно. Это его личное желание, что заставляет меня нервничать. Ну, не совсем *нервничать*. — Люциан надменно рассмеялся, словно ничто не могло заставить его сделать это. — Но ты знаешь, о чем я.

Василий чертыхнулся, проклиная свою жизнь.

— Откуда ты обо всем услышал?

— Мне начинает надоедать этот вопрос, — протянул румын скучающим голосом. — Просто радуйся, что это произошло. Я бы посоветовал вернуться в Штаты. Думаю, Габриэль не спешит делать то, что должен. Хотя, — внезапно добавил он задумчиво, — источники говорят, что, может, ему и не придется.

Василий не спускал глаз с Виктора Байкова, все еще трепавшегося по телефону, и попытался успокоить разраставшуюся внутри ярость. Как Стефано посмел нацелиться на его дочь? И что именно собирается делать Габриэль, если не убирает угрозу?

Есть две причины, почему Габриэль до сих пор не покончил со Стефано. Первая, он был лояльным человеком, а Стефано, несмотря ни на что, оставался его братом.

— Он не хочет становиться Доном, — второе мужчина произнес вслух.

— Нет, не хочет, — согласился Люциан. — Но если Габриэль умный человек, а я знаю, что это так, то ему должно быть понятно, что зря старается. Этой семьей не может управлять никто, кроме *него*. И чем скорее Габриэль это поймет, тем лучше для всех. О, и еще кое-что, — тон Люциана угрожающе понизился. — Если еще раз проигнорируешь меня, следующий звонок будет с соболезнованиями.

Щелчок.

Василий засунул телефон в карман. Неважно, каким могущественным мог быть человек в этом бизнесе, — а Василий без ложной скромности признавал, что является одним из сильнейших — всегда найдется кто-то сильнее. В данном случае таковым оказался неуловимый румын, который только что словесно отшлепал его по заднице.

Даже учитывая, что тот был моложе Василия на несколько лет, которому стукнуло сорок три, подъем Люциана на вершину был быстрым и уверенным. К тому же у парня денег было больше, чем у самого Бога, что ставило его на уровень миллиардеров рядом с самим Биллом Гейтсом. И по уровню интеллекта тоже. Это объясняло, как Люциану удавалось следить за всеми многочисленными отраслями, в которые он запустил свои гребаные руки.

— Все в порядке?

Кивнув на шепот Дмитрия, Василий обдумал слова Люциана. Мужчина был полностью уверен в способностях Габриэля защитить Еву, но даже лучшие не могли проконтролировать каждый нюанс. Разве Габриэль до сегодняшнего дня сообщал ему, что на горизонте появился Стефано?

Василию не обязательно было знать, потому что, очевидно, Габриэль со всем прекрасноправлялся. Тем не менее, ему все равно хотелось быть в курсе, черт побери. Василий был своего рода помешан на контроле. Особенно, когда дело касалось дочери.

Именно поэтому, когда Габриэль прошлой ночью не прислал обычный еженедельный отчет, мужчина позвонил своему племяннику, ставя Александра в крайне щепетильную ситуацию, заставляя стучать на своего лучшего друга. После многочисленных «ты знаешь, кто я, черт побери», Алек сдался и сообщил, что их мальчик теперь вошел в полный контакт с Евой.

И подчеркнул, что еще более неприятно, что полный контакт теперь означал *полный контакт*.

Зубы Василия сжались от воспоминаний. Потому что, не смотря на то, что Ева уже взрослая девушка, она все еще его дочь, черт побери.

Это не являлось частью задания Габриэля.

Отступив глубже в дверной проем и следя за мужчиной, который из-за телефона оттягивал собственную неминуемую смерть, Василий прикидывал, повезет ли ему завтра к этому времени оказаться в Сиэтле. Ему необходимо быть там, чтобы защитить дочь так, как не смог защитить ее мать. Эта мысль заставила желать, чтобы идиот наконец поторопился.

Сердце Василия сжалось от возникшего перед глазами мысленного образа Кэтрин. Ева, как обычно, появлялась следом. Он бы все отдал, чтобы провести жизнь с ними, но это было невозможно. Главным образом потому, что отец тогда уже выбрал для него невесту здесь, в России, и в каждом телефонном разговоре нетерпеливо настаивал завязывать «развлекаться» в Штатах и вернуться домой для женитьбы. Брак Василия с дочерью политика создал бы альянс, который практически невозможно разрушить. Но он не хотел жениться в девятнадцать лет, если дело не касалось матери его ребенка. Поэтому он сказал отцу, что влюбился в Кэтрин, умолчав о появлении Евы, пока не узнает, с чем имеет дело. Эта новость была встречена осуждающим молчанием на другом конце телефона.

«Если ты не вернешься домой и не исполнишь свой долг перед нашей семьей, причиной твоего колебания займутся соответствующим образом».

Угроза отца поселила страх в душе. Зная этот непримиримый тон, Василий отправился в свой лофт и часами занимался любовью с Кэтрин, пока Ева тихо лежала в своей кроватке в углу. Как только его прекрасная насытившаяся блондинка заснула, он последний раз поцеловал ее и тихонько попрощался с дочкой. Взял не спавшую Еву, глядя в похожие на его глаза, и прижал к разрывающемуся сердцу, прося прощения за то, что бросал их.

Он принес Еву в кровать и положил в руки матери, подождав, пока Кэтрин прижала ребенка к груди, защищая ее даже во сне. Василий наблюдал за ними с невыносимой тоской, пока не разорвал связь, в последний раз прикрывая дверь маленькой квартиры.

Иван Тарасов никогда не узнал о существовании внучки. Василий часто задавался вопросом, изменился бы старик, если бы узнал о Еве? Позволил бы избежать запланированного брака?

Наверное, нет.

Трагедия заключалась в том, что принудительный брак так и не состоялся. Политик вместе с женой и тремя детьми погиб в авиакатастрофе, подстроенной, как всем было известно, оппозицией. Но доказать этого никто не мог. В их мире это было нормальным.

Но тогда, увидев, какой трагичный исход мог однажды ожидать Кэтрин и Еву, Василий продолжал держаться от них на расстоянии. Не потому что должен был, а потому что хотел спасти их от той же участи, что постигла его невесту. Как и мать Винсента, Стефано, родителей Габриэля и еще множество других случаев, которые не так близко его затрагивали. Василий отказывался допускать, чтобы его семья так же погибла.

Но Кэтрин все равно умерла.

И теперь под угрозой находилась Ева.

Надтреснутый смех Виктора Байкова эхом отразился от стен домов, завершая телефонный звонок. По спине Василия пробежала капля пота, когда парень, доставая ключи, двинулся дальше к машине. Она стояла возле пустого здания — они знали, что

пустого, потому что люди Василия пятнадцать минут назад проследили за этим перед исчезновением.

Не оглядываясь, Василий вместе с Дмитрием выскользнул из двери и направился по улице в противоположную сторону. Резко повернув вправо, мужчины скрылись между двумя домами. Стоило им достичь конца длинного переулка, как раздался мощный взрыв, сотрясая грязный бетон под ногами и озаряя темноту. Соседнее заброшенное здание содрогнулось от ударной волны.

— Святое дермо, — усмехнулся Дмитрий. — Ребята переборщили с гексогеном?

Легкая улыбка приподняла уголки губ Василия, но веселье пропало, когда воздух разрезал вой сирен. *Проклятье*. Полиция, должно быть, где-то рядом. На долю секунды их с Дмитрием взгляды встретились, и мужчины бросились уносить задницы к «позаимствованной» потрепанной «Ладе». Василий скользнул за руль и завел двигатель, пока Дмитрий запрыгивал на пассажирское сиденье. Они рванули, не успев захлопнуть двери, придерживаясь разработанного маршрута побега.

И уехали, оставляя властям самим разбираться с очередным нераскрытым убийством, тогда как мысли Василия были лишь о том, что теперь дочери не угрожают его противники. По крайней мере, сейчас. Ее мать отомщена. А он может отправиться в Сиэтл, чтобы помочь Габриэлю справиться с ситуацией единственным, по мнению Василия, способом, который мог положить конец вражде между братьями.

Стефано Моретти должен умереть.

Ева открыла только что появившееся в почтовом ящике электронное письмо от Натали — единственного контакта в нью-йоркском списке, — и распечатала список людей, с которыми нужно связаться, чтобы обустроить свой кабинет на Манхэттене. Габриэль чуть раньше предоставил ей карт-бланш, предложив купить всю мебель и офисное оборудование, которое, по ее мнению, понадобится. «*Все, что сделает твою работу максимально комфортной*», — сказал он.

Максимально комфортно мне будет, когда я уберусь из этого проклятого офиса. Возможно, девушке стоило присмотреть что-то вроде разделительного экрана между их столами. Ева была донельзя непрофессиональной, разглядывая Габриэля весь этот странный день.

Что было смешно, учитывая, как она здесь оказалась. Как он признался, что лгал девушке. Ева была зла. Но каким-то образом гнев не искоренил симпатии к Габриэлю.

К несчастью.

Он поднял темную голову, отрываясь от экрана ноутбука, и встал. Ева бросила взгляд на часы возле окна — уже семь на носу — и бросила ручку, когда мужчина лениво сел на один из стульев напротив ее стола. Он откинулся назад в полностью расслабленной позе, заведя руки назад и сцепив пальцы за головой. Его длинные ноги чуть раздвинулись, белая рубашка натянулась на груди и торсе. Пиджак Габриэль скинулся несколько часов назад.

К своему огорчению, было слышно, как девушка сглотнула.

Боже, он прекрасен.

— Итак, — протянул Габриэль, смотря на нее тяжелым взглядом. — Как тебе первый рабочий день?

Неуверенная, что сказать, Ева продолжала неловко молчать. До сих пор он придерживался ее указания вести себя строго профессионально, но это не было похоже на то, чтобы он спрашивал о работоспособности ее компьютера.

Габриэль поднял брови, и Ева не могла припомнить, когда еще видела такое вориющие высокомерие на мужском лице. Он умрет, если улыбнется, или что? Казалось, он весь день только и делал, что хмурился. Словно был по каким-то причинам зол на нее. Хотя, именно она имела полное право злиться. Не он.

Девушка принялась бессмысленно перетасовывать бумаги, стремясь занять чем-то руки.

— Мне понравилось.

Прежде чем она смогла оценить его реакцию, телефон просигналил о входящем сообщении.

«Это Калеб, дорогая. Прочти».

Ева чуть не умерла на месте. Звеневший на работе телефон и так достаточно плохо, но на звонке стоял глубокий *мужской* голос друга!

Габриэль поймал ее взгляд, ожидая дальнейших действий. Ева даже не взвесила варианты. Будет непрофессионально смотреть в телефон прямо перед собственным боссом, даже если этот босс — Габриэль. Поэтому она вернула взгляд, надеясь, что все закончится. Ей не могло так повезти. Спустя мгновения это произошло снова.

«Это Калеб, дорогая. Прочти».

— Ждала сообщение?

— Нет. — Она не доставит высокомерному ублюдку удовольствие, первой прервав зрительный контакт.

«Это Калеб, дорогая. Прочти».

Губы Габриэля сжались в тонкую линию.

— Ты ответишь на эту проклятую штуку? Он не заткнется.

— Ладно, — счастливо ответила она, словно только следовала приказам. Нужно не забыть сменить сигнал, когда придет домой. Ева взглянула на экран.

«Информации мало. Забудь про СМ».

Она нахмурилась. Ева действительно *забыла* про Стефano Моретти и о других беспокоивших ее проблемах. Ни разу за весь день о них не думала. Девушка отправила быстрый ответ.

«OK».

И положила телефон обратно на стол.

— Дружок в Нью-Йорке?

Ева подняла глаза, удивленная резкими нотками в голосе Габриэля. Его холодный взгляд вызвал покалывание в затылке.

— Калеб. Да.

— Что-то важное?

— Эм, он расследует...

Вы двое деловые партнеры, помнишь? Ты не делилась этой личной информацией с Натали. Почему делишься с Габриэлем?

— Неважно.

— Тогда скажи ему не беспокоить тебя *неважными* вопросами во время работы. Я плачу тебе не за то, чтобы ты сидела здесь и развлекала его.

Ева мысленно досчитала до десяти и постаралась не реагировать. Взгляд привлекло движение, и она заметила, как ладони Габриэля сильно сжались в кулаки. Он опустил их на бедра и похрустел суставами.

— Ладно. Я скажу ему.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторила она, осознавая силу его ревности. Но потом, разве она не была такой же утром, когда мгновенно решила, что он разговаривал по телефону с другой женщиной? Ужасное чувство попыталось сожрать ее заживо.

— Почему бы нам не вернуться к разговору о том, как мне понравился первый рабочий день? — произнесла Ева, меняя тему.

Прежде чем он смог ответить, раздался тяжелый стук в дверь. Девушка встала и пересекла комнату, чтобы встретить посетителя.

Это был Алек, второй генеральный директор «ТарМор», с которым Ева познакомилась прошлым вечером. Тот, кого она считала своим будущим боссом. *Господи*. Когда их представляли, Алек знал, что она будет работать на Габриэля.

Ева почувствовала, как лицо краснеет от смущения. Алеку так же было прекрасно известно, что прошлой ночью она спала с собственным начальником. Возможно, мужчина даже слышал их, если стены отеля были достаточно тонкими!

О, Боже.

— Привет, Ева, — поприветствовал Алек, входя. — Как первый день?

Девушка бросила все силы на то, чтобы удержать улыбку, надеясь, что ее лицо не настолько красное, как ощущалось. Ева осознала: ложь Габриэля превратила ее в офисную шлюху. Теперь она стала девушкой, о которой говорят на корпоративах. Которая переспала с боссом ради работы. Она этого не делала. Но им плевать на такой маленький нюанс.

Алек смотрел на нее с невинным интересом, бледно-голубые глаза светились дружелюбием. Но все, что Ева видела перед своим мысленным взором, это как он лежал в кровати, закрыв уши подушкой, чтобы заглушить ее крики оргазма.

— Хорошо. Извините, — произнесла она, пытаясь дышать сквозь душающее чувство. Она повернулась к Габриэлю и ощутила, как улыбка спала с лица, словно кто-то ее выключил. Послав ему убийственный взгляд, Ева подошла к своему столу, схватила сумочку и исчезла в большой комнате для отдыха, отделанной в кремовых тонах.

Не колеблясь, униженная больше, чем когда-либо, и очень-очень злая, она открыла следующую дверь, соединявшую комнату отдыха с коридором.

Несясь по пустому коридору к лифту, Ева хотела лишь оказаться одна. Она не могла вернуться в кабинет, зная, какие мысли витают в голове Алека.

Или Габриэля.

Или ее.

Слезы обожгли веки, и девушке захотелось сбежать. Ева была девственницей гребаных двадцать четыре года, и ночь, в которую решила с ней расстаться, провела со своим новым боссом!

Глава 11

Спустя тридцать минут Ева ввалилась в свой дом, с силой прижав палец к ключу сигнализации. Грубо оттерев слезы с лица, Ева проклинала мужчину, который поставил ее в подобное положение. Она не умела справляться с осуждением людей, черт побери! Не была настолько толстокожей, чтобы наплевать на мнении окружающих.

Ева всю жизнь стремилась к идеалу.

Боже, что бы сейчас подумала о ней ее мать?

Девушка подошла к маленькому столику у стены, кинула туда сумочку и набрала на беспроводном телефоне номер Ники. Ева пыталась позвонить подруге еще в машине, но мобильный так и остался на рабочем столе!

— Габриэль! — вскрикнула она, бросая трубку, когда звонок перешел на голосовую почту. — Это все из-за тебя!

Девушка замерла, силясь контролировать бурлившее эмоции. Она тронулась умом. Орала в пустоту. Обвиняла кого-то в собственной забывчивости или трусости, зависело от того, как посмотреть. Тряхнув головой, Ева протопала по лестнице переодеваться.

Я должна уволиться. Альтернативы нет. Она ослабила и сорвала с шеи шарфик. Всего лишь после одного дня. Следом прочь слетели украшения. Как унизительно. Девушка стащила с волос заколку. Но я не могу занимать место, ради которого, по мнению людей, трахалась. Следующими были туфли.

Ева также не могла работать, помня, как ее босс выглядит без одежды. Какие чувства он вызывал у нее. Какие ощущения рождал у тела. Звуки.

Ох, черт.

Ева упала на край кровати и уставилась на бледно-голубой коврик под ногами. Она была в бешенстве из-за Габриэля. В бешенстве! Из-за его лжи. Она превратилась в параноика с мыслью, что все люди ее осуждают. Злилась, что мужчина подарил ей такое удовольствие, которым она больше никогда не сможет насладиться, потому что не собирается вновь быть с ним.

Она бесилась, но снова хотела быть с ним.

Девушка вздохнула. Расстроился ли он, когда она не вернулась из комнаты отдыха? Поймет ли, когда Ева скажет, что уходит? Она прикусила губу. Завтра утром так и сделает. Заберет свой телефон и сообщит Габриэлю, что не сможет работать после всего.

По крайней мере, будет возможность увидеть его последний раз.

Взгляд задержался на совместной с мамой фотографии, стоявшей на комоде. Прикрыв глаза, Ева напомнила себе, какой вред мог нанести ей Габриэль, и сжала ладони, повесив голову. От страха неизвестности по телу пробежал холодок.

Ева поняла, что не хочет отказываться от него. После всего, она просто не хочет отпускать этого мужчину. Пока нет.

Что с ней не так? Как можно так думать?

Не это ли мама чувствовала по отношению к отцу?

Голова Евы дернулась в сторону двери на звук звона стекла. Сердце пустилось вскачь. Девушка встала, отпихнула туфли и на цыпочках вышла из комнаты. Проползла вдоль стены, теряясь в догадках. Может, ребенок просто закинул бейсбольный мяч. Или

камень. Но в душу закрался страх, скручивая желудок от мысли про пугающих мафиози и не доставленное сообщение.

Она замерла, заметив на середине лестницы брюнета с ирокезом на голове.

Шевелись, Ева!

Она развернулась и бросилась бежать к ванной с единственной запирающейся дверью в доме, но незваный гость перепрыгнул через оставшиеся ступеньки и схватил ее за лодыжку.

Девушка тут же грохнулась на пол, больно ударившись щекой о твердую поверхность. Она бешено брыкалась, очевидно, задев пяткой челюсть мужчины. Но узкая юбка платья не позволяла действовать свободно, а потому вскоре Ева оказалась распростертой на скользком паркете.

— Угомонись к чертовой матери, киса, — проскрипел нападавший. — Или очень пожалеешь.

Когда Ева замерла, незнакомец разжал хватку, позволяя девушке отползти к стене, чтобы увеличить между ними дистанцию.

— Ч-что тебе н-нужно? — спросила Ева дрожащим голосом.

Мужчина потер челюсть, а потом перевел взгляд на Еву.

— Держись подальше от Габриэля.

Погодите. Что? Не «Дай мне свои украшения и деньги», а «Держись подальше от Габриэля»? Она смущенно моргнула.

— Я не понимаю, — прошептала она.

— Ты не должна понимать. Босс хочет, чтобы ты держалась подальше, значит, ты будешь. Гейб не тот, кем ты его считаешь.

Гейб? Босс?

— Габриэль твой босс? — глупо спросила девушка.

Мужчина усмехнулся с издевкой.

— Пусть отсосет. Это единственное предупреждение, которое ты получишь, котенок. Послушайся. — Мужчина окинул Еву голодным взглядом, заставившим ее шарахнуться назад. Но дальше ничего не последовало. Незнакомец лишь отвернулся и направился вниз по лестнице.

Брюнет открыл входную дверь и оглянулся через плечо.

— Не звони копам. Они тебе не помогут. — Запустив руку в передний карман брюк, вытащил на удивление большую пачку денег. Достав две бумажки, он бросил их на пол. — За окно, — сказал он перед уходом.

Болезненные слезы заполнили глаза, но Ева быстро сморгнула их, слишком боясь не увидеть возвращение бандита. Она заставила себя схватиться за перила лестницы и подняться. Нужно закрыть все еще распахнутую входную дверь. Стучи зубами, девушка осторожно двинулась вниз по лестнице, не чувствуя ног.

Что теперь делать? Мужчина сказал не звонить в полицию, но на что он способен, если она это сделает? Ответ был прост.

Он может вернуться.

Калеб! Можно позвонить Калебу. Он знает, что делать. Перед ее отъездом в Нью-Йорке друг сказал, что Ева всегда может позвонить по номеру, который он ей дал, — и тогда приедет один из его братьев из Сиэтла.

Но Ева вбила тот номер Калеба в телефон, не запоминая. Сейчас же у нее не было мобильника!

Достигнув нижней ступеньки, Ева поморщилась. Осколки стекла впились в голые ступни ног. Негнущимися пальцами девушка захлопнула дверь и закрыла на замок. Глаза округлились, когда она увидела пульт сигнализации. Мужчина так сильно его испортил, что его скорее всего придется заменить. Что брюнет подразумевал под словами: «Габриэль не тот, кем она его считает»?

Девушка отступила назад и подняла ногу, чтобы вытащить осколки, потом повторила манипуляции с другой ногой. Ева зашипела, когда острый осколок, вытащенный из пятки, порезал ладонь, и выругалась, бросая его на пол.

Ева подошла к телефону и только собралась снова набрать Нику, как услышала снаружи визг шин. По венам запульсировала тревога.

Вернулся?

Громкий стук в дверь заставил ее выронить трубку, из горла вырвался хриплый крик.

— Ева! Открой!

Габриэль.

Мысли заметались, она потянулась в сторону и выглянула в разбитое окно, увидев большое тело, которое Ева бы узнала где угодно. За секунду девушка распахнула дверь и бросилась в раскрытые объятия.

Ужас на лице Евы вместе со следом крови на щеке стали ударом для Габриэля. Быстро оценив ситуацию, мужчина заметил разбитую сигнализацию и окно, что объясняло усеянный стеклом пол. Губы скривились в диком рычании, когда он увидел среди беспорядка две новенькие банкноты.

— Что произошло? — потребовал он, втащив Еву в дом и закрывая за собой дверь.

— М-мужчина влом-мился... — Она прижалась лицом ему в шею.

Дикое чудовищное чувство попыталось вырваться из груди Габриэля, крича от ярости из-за того, что его не было рядом, чтобы защитить вверенную в его руки девушку.

— Все хорошо, милая. Я тебя заберу, — бормотал он ей в волосы. — Скажи, что он не ранил тебя. Пожалуйста. — Она покачала головой, и Габриэль с облегчением прикрыл глаза. Он держал ее, успокаивающе гладя по спине: кончики пальцев пробегали по каждому позвонку. Ненависть, чертова ненависть... Дрожь постепенно покидала ее тело. Как мужчина мог одновременно хотеть свернуть ее тонкую шею и утешить? Ева никогда не должна покидать офис, не сообщив ему!

Ему было не по себе от того жесткого взгляда, который девушка бросила ему, прежде чем скрылась в комнате отдыха. Поэтому Габриэль подождал всего минуту или две, прежде чем пойти проверить ее. Но Ева ушла. Они с Куаном последовали за ней по маячку, установленному на машину перед тем, как девушка приехала из Нью-Йорка домой. Слава Богу, Габриэлю хватило дальновидности снова нарушить ее приватность этим маленьким устройством, иначе они бы не смогли так быстро найти девушку.

— Откуда кровь, милая?

— Я... с-стекло... — заикаясь проговорила Ева.

Он посмотрел вниз и заметил капли малиновой жидкости, сбегавшие по пальцам ее левой руки. И она была босая. *Ублюдо*. Габриэль поднял ее на руки и быстро двинулся по коридору. Под подошвами хрустели стекла.

Щелкнув выключателем на кухне, он усадил Еву на столешницу возле раковины. Вид ее крови пугал до чертков.

— Полотенца.

Она указала на шкаф у него за спиной. Габриэль открыл дверцу и схватил охапку белых махровых полотенец. Разделив ее надвое, он обмотал порезанную ладонь.

— Подними, — приказал мужчина, наклонившись к ногам девушки и тоже перевязав их.

Скрепя зубами, Габриэль поднял глаза и наткнулся на настороженный взгляд. Ева явно пыталась собраться. Но не только это он увидел. Он поднял ладонь к покрасневшей щеке, зашипев от бешенства, когда девушка поморщилась, отшатнувшись от его прикосновения.

— Я убью того, кто это сделал, кем бы он ни был, — поклялся он, будучи серьезнее, чем когда-либо. — Я убью его голыми руками. Обещаю.

Вдруг Ева схватила его за руку и впилась ногтями в кожу, прижимаясь к нему. Габриэль понял, что ее реакция была не на его злобное обещание, а на звук вновь открывшейся двери. Габриэль щелкнул застежкой над ботинком, освобождая пристегнутый к лодыжке пистолет.

— Он вернулся, — прошептала Ева, прежде чем в дверях кухни появился Куан. За ее вздохом последовало облегченное: — Ох, черт.

— Ушел, — произнес Куан. Что в переводе означало, что сосед Евы, Ник, мертв.

Черт. Черт!

— Ты звонил парням? — сквозь зубы спросил Габриэль. Неважно, сколько раз он терял людей. Пусть они и знали о риске, но каждый раз был для мужчины ударом прямо в сердце. Технически, Ника нанял и поставил сюда Василий, но Габриэль все равно чувствовал ответственность.

— Конечно. Они позаботятся о нем, — уверил его Куан и повернулся к Еве. — Здравствуй, прекрасная леди. Немного веселья на сон грядущий?

Куан сохранил легкий тон, но Габриэль видел, как ужесточились черты друга при виде раны Евы.

Она кивнула. Куан протянул маленькую черную сумочку, из которой Габриэль достал предметы первой помощи.

Ева прищурилась.

— О, значит ты не только гендиректор, но еще и доктор? Bay. Ты полон сюрпризов.

Искры в ее голосе были музыкой для его ушей, Габриэль бы улыбнулся в других обстоятельствах. Приспешник Стефано напугал ее, но не сломал. Дух Евы оставался все таким же энергичным.

— Нет, милая. Я не врач, но знаю, как справиться с болью.

Она мгновение смотрела на мужчину, а потом произнесла:

— Прекрати так меня называть. И я не нуждаюсь в болеутоляющих.

— Прямо сейчас, нет. Но когда адреналин закончит свое действие, вполне возможно, будет больно.

— Тогда я приму тайленол. Как ты оказался тут так быстро, Габриэль?

Мужчина кинул взгляд на холодильник из нержавеющей стали, мечтая впечатать в него кулак. Нет, для Евы недостаточно, что он появился здесь. Девушка хотела знать, почему он появился так неожиданно. Боже, она дочь своего отца.

— Ты исчезла из офиса, не сказав ни слова. Я беспокоился. Когда уходила из кабинета, ты выглядела расстроенной. — Мужчина вытащил из внутреннего кармана пиджака ее телефон и положил рядом с ней. — А еще ты оставила на столе телефон.

— Ой.

Звучало ли его объяснение логичным?

— Что ж, спасибо.

— Пожалуйста. — Он оглянулся на Куана. — Убери стекло, а потом иди наверх и собери ее сумку.

— Подожди. Что? Зачем собирать сумку? — встрепенулась Ева, выходя из измученного состояния.

— Отвезу тебя обратно в отель...

— Нет, ты этого не сделаешь.

— … пока дома не будет безопасно, — закончил Габриэль, словно она ничего не говорила. — Я найду того, кто придет и отремонтирует…

— Я сама могу кого-нибудь позвать.

— … дверь, — выдавил он. — До этого мы будем…

— Нет.

Если что-то и могло вывести Габриэля из себя, так это когда его прерывали. Он. Блядь. Ненавидел. Это.

Без попытки сказать еще слово, он швырнул оставшиеся полотенца в раковину и вылетел из кухни.

Десять минут спустя после того, как он поднялся наверх и собственноручно собрал два чемодана, Габриэль вернулся на кухню в чуть более спокойном состоянии. Решил, что правильнее будет предложить Еве компромисс. Девушка может позвонить Нике и узнать, сможет ли та приютить ее на ночь. А он будет молиться, чтобы рыжая сказала «нет» по каким-нибудь причинам. Ему было плевать на причины. Он просто хотел, чтобы Ева осталась в безвыходном положении. Чтобы он стал ее единственным выходом. Хотел, чтобы она была в номере. С ним. Где он мог охранять ее.

Но он ждал ее согласия. Габриэль не хотел, чтобы девушка ненавидела его, когда весь этот дурдом со Стефано закончится. Поэтому никаких проявлений контроля и принуждения. И хотя не было никаких сомнений во взаимной симпатии, пусть Ева и отчаянно старалась казаться равнодушной, этого все еще было недостаточно, чтобы девушка не выставила его за дверь к чертовой матери.

Гребаный лед, по которому он шел, с каждым днем становился все тоньше и тоньше.

Он поверить не мог в тот эффект, который Ева на него оказывала. Любую другую женщину он бы уже перекинул через плечо и унес ее протестующую задницу в стиле пещерного человека. Но теперь…

Ему нужно, чтобы Ева *хотела* быть с ним.

Черт.

Не найдя девушку на столешнице, Габриэль посмотрел на обеденный уголок и увидел девушку, она сидела перед Куаном и держала в руке телефон. Ее голова поникла, темные шелковые волосы прятали лицо.

— Можешь позвонить своей подруге, — нехотя произнес он. — С которой я познакомился прошлым вечером.

— Я пыталась. Она не берет трубку.

Габриэль еле сдержалася, чтобы не потрясти кулаком в воздухе, словно «Титан», только что выигравший Суперкубок.

— Попробуй еще раз, — предложил он уже более великодушно.

— Все в порядке, — пробормотала она.

— Сейчас всего восемь, думаешь, Ника куда-то на ночь ушла? — Почему он настаивает? Ведь уже практически получил желаемое. Еву в собственном доме.

Она пожала плечами, но не смотрела на него. Ее палец обвел контур телефона и едва заметно дрогнул, но Габриэль это заметил.

Да. Он уже практически получил желаемое. Но теперь понял, что желания Евы важнее.

Она хотела к подруге. Ей нужен был кто-то близкий. Девушка оказалась в пугающей ситуации, проблемы наваливались из-за каждого угла, а ее единственным вариантом был мужчина, на которого она злилась. Мужчина, который ей лгал. Который до сих пор продолжает лгать, недоговаривая, просто она еще об этом не знает.

Господи Иисусе.

Он потер грудь, чувствуя разгорающийся пожар. Черт возьми, почему он не может передать заботу о ней в руки Алека и покончить со всем этим? Тот бы провернул все это с гораздо большимaplombом.

Потому что с этим заданием Василий обратился к тебе. Не к Алеку.

Верно.

И, если быть честным, если бы Василий позвонил и сказал, что он может вверить ее в другие руки, сделал бы Габриэль так?

Черт, нет. Ева отдалась ему прошлой ночью. Подарила свою невинность и доверие. Не смотря на все «против», он хотел удержать ее так долго, как только сможет.

Ева отвела взгляд от горевшего в потемневших зеленых глазах Габриэля обладания. Она не хотела, чтобы мужчина так смотрел на нее. Словно она принадлежала ему. Не хотела чувствовать, будто принадлежала ему.

Ева пробежалась пальцем по экрану, борясь с желанием снова позвонить Нике. Но ей не хотелось выглядеть еще более чокнутой, чем минутой ранее перед Куаном, который молча наблюдал за ее отчаянными попытками дозвониться до Ники больше дюжины раз. Пока не вернулся Габриэль.

Почему он это сделал? Вылетел из кухни на середине разговора. Из-за того, что разозлился на ее отказ следовать приказам?

Куан не подтвердил и не опроверг ее подозрения. И это была еще одна сторона, которая ей нравилась в этом парне — он не обсуждал Габриэля за спиной. Наоборот, вместо того, чтобы сплетничать, помог ей слезть со столешницы и перебраться за стол, сказав, что там Еве будет удобнее.

Теперь девушка должна была проглотить обиду и принять предложение Габриэля поехать в отель. Другого выбора не было. Ева была не настолько глупа, чтобы настаивать

остаться здесь, с разбитым окном и сломанной сигнализацией, позволявшим легко забраться в ее дом оставшемуся на свободе бандиту. Она содрогнулась и закрыла глаза.

Нужно спросить Габриэля, что означало предупреждение взломщика. Несомненно, он мог предложить варианты, учитывая, что сам явно был в этом замешан.

Но Ева боялась правды. Куда, черт побери, ей идти, если не в дом Габриэля? По крайней мере, не было похоже, что он собирался причинить ей физический вред.

Да, она была ужасно зла сегодня, когда обнаружила, что он врал и не сказал, что ее начальник. И хотя его обман все еще причинял боль, было трудно обижаться, когда Габриэль находился рядом ради ее безопасности.

Помогая девушки не ощущать себя настолько одинокой в этом мире.

— Ева? Я хочу, чтобы ты осталась в отеле, потому что это самое безопасное место для тебя. Ты должна и сама это понимать, милая.

Она подняла голову, оторвав подбородок от ладоней. Глупое сердце радостно подпрыгнуло от последнего слова.

— Ладно.

— Что, и никаких «но»?

Она спрятала улыбку.

— Я сказала «ладно». Я не идиотка, Габриэль. Не собираюсь подвергать себя опасности из-за упрямства. Ника не берет трубку, а доводить друзей мамы до паники своим звонком и рассказом о произошедшем я не хочу. Потому «ладно». — Она поднялась на израненные ступни и издала сдавленный смешок. — Боже, как это жалко, да?

Куан поднялся из-за стола. Вытащив из шкафчика под раковиной совок, он вышел из кухни, оставляя их наедине.

— Если бы мы были в Нью-Йорке, у тебя было бы больше вариантов? — спросил Габриэль, проводя большим пальцем по ее слегка трепещущей скуле.

Она кивнула.

— Конечно. Я могла позвонить Калебу. Если по каким-то причинам его не будет рядом, я могу обратиться к школьным друзьям.

— Так сложились обстоятельства. Ты только вернулась в Сиэтл после многолетнего отсутствия. Неудивительно, что твои связи растерялись, — Его голос был заботливее и мягче, чем обычно. Должно быть, она действительно была потрясена, потому что даже не противилась, когда Габриэль притянул ее к своей груди и медленно погладил спину. — Можешь рассказать, что именно тут произошло раньше?

— Мы можем ехать? Я хочу убраться отсюда. Расскажу в отеле. Где, кстати хочу отдельную комнату, — добавила она, с сожалением отстраняясь из его уютных объятий.

— Нет.

Категоричный отказ раздражал.

— Слушай...

Он наклонился, взяв ее подбородок и вторгшись в ее личное пространство, словно оно было его собственным.

— Нет. Ты послушаешь меня. Я сделал для тебя больше уступок, чем для кого-либо еще. Ты отбросила мое предложение о помощи. Разговаривала со мной так, как никто другой с тех пор, как я был подростком. Ушла и перебивала столько раз, что и не сосчитать. Сейчас это все прекратится. Ты будешь делать так, как я скажу, пока все это

дерьмо не закончится. И все это будет происходить в *моем* номере, где я смогу гарантировать твою безопасность. Ты меня поняла?

Она взглянула в сверкающие глаза Габриэля и почувствовала, как они обожгли ее кожу. Но, несмотря на его замашки босса, Ева услышала нечто, что наконец-то изгнало из нее дрожь. Заставило почувствовать себя защищенной. Не давая возможности укорить себя за следующее действие, девушка нежно обхватила ладонями лицо Габриэля.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что заботишься обо мне. Не уверена, как отношусь к твоим методам, но это все равно очень приятно.

Приятно, но, вероятно, опасно, учитывая вломившегося в дом мужчину. Хотя, насколько надежными могут быть сведения от человека, который только что совершил проникновение со взломом в ее дом?

Нет, сейчас Габриэль был самым безопасным вариантом. Ева надеялась, что мужчина поможет выяснить, почему вокруг нее так много опасностей.

Глава 12

Зазвонил телефон, и Габриэль с видимой неохотой отпустил девушку.

— Пойду наверх и соберу вещи, пока ты поговоришь, — сказала Ева, отворачиваясь.

Он сжал ее талию и удержал на месте, покачав головой.

— Они уже собраны. — Прежде чем Ева в полной мере прочувствовала шок от ответа, Габриэль выхватил из кармана телефон и жестко бросил: — Да.

Должно быть, он поднимался наверх во время ее отсутствия. Девушка нахмурилась. Габриэль копался в вещах. Видел комнату. Губы Евы раздраженно сжались, необъяснимые теплые чувства к нему дали трещину.

Он тебе помогает. Он единственный, кто тебе помогает.

Это выбивало почву из-под ног. Но ей все еще хотелось иметь возможность показать себя.

— Черт побери, — произнес Габриэль. — Отличная работа. Дай немного времени, и я перезвоню.

Удовольствие в его голосе звучало безошибочно.

— Ты, кажется, счастлив, — подметила Ева, когда мужчина положил телефон.

— Охрана поймала прикурка, ошивавшегося рядом с одной из закрытых строек возле Иссакуа.

— Оу, что ты должен делать в подобных случаях? И почему у тебя нет людей, чтобы с этим разобраться? Почему они тебе звонят?

Габриэль мгновение смотрел на нее, а потом слегка улыбнулся.

— Этот был вооружен.

Он протянул руку, и Ева приняла ее, позволяя помочь пройти по коридору, хотя и вполне могла сама добраться.

— Хочешь переодеться перед уходом?

Она кивнула и направилась наверх, где сбросила рабочее платье и натянула эластичные хлопковые штаны для йоги и майку. Пять минут спустя Ева осторожно спустилась по лестнице к ждавшему ее Габриэлю.

Когда она достигла нижней ступеньки, мужчина поднял ее на руки и вынес за дверь. Ева глубоко вдыхала знакомый мужской аромат, пока Габриэль шел по центральной дорожке к «Эскалейду», открыл заднюю дверь и усадил ее на сиденье.

— Скоро вернусь, — произнес он и захлопнул дверцу.

Девушка прикрыла глаза и откинулась на сиденье. Мысли сонно витали в голове. Какое-то время Ева собиралась жить вместе с Габриэлем. Как это будет?

Глаза распахнулись, и она подняла голову, устремляя взгляд на входную дверь своего дома. Откуда Габриэлю был так хорошо известен дом? Да и вообще, как он запомнил адрес, учитывая, что был здесь всего один раз. То, как он забрал ее у входа и направился прямиком на кухню, которую от двери не видно. В глазах вспыхнула тревога, когда Ева вспомнила, как босс включил свет. Выключатель был спрятан под календарем на стене. Откуда мужчина знал?

От волны мурашек волосы на руках встали дыбом, желудок непроизвольно сжался. Не слишком ли наивно игнорировать сумасшедшее предупреждение взломщика?

Она подпрыгнула, когда Габриэль и Куан появились в дверях теперь темного дома. Габриэль направился к машине, пока Куан запирал замок. Они как-то умудрились сделать временный щит на разбитое окно. Не капитальный, но, возможно, остановит других взломщиков.

Неужели она собирается принять во внимание слова преступника против успешного бизнесмена с хорошей репутацией? Конечно, Габриэль не был честен с ней, умолчав при знакомстве, что он ее босс, но неизменно оказывался рядом, когда ей нужна была защита: в первый раз от мужчины с благотворительного вечера, а второй раз — сегодня.

Сложно злиться на кого-то, кто так явно стремится защитить ее.

Дверца открылась, и Габриэль сел на соседнее сиденье.

— Все хорошо? — спросил он.

Ева слабо кивнула, оставляя тревоги при себе.

— Пристегни ремень безопасности.

Она едва удержалась, чтобы не закатить глаза.

— И как бы я без тебя справлялась? — с сарказмом заметила она.

— Давай не будем это проверять, а?

Открылась водительская дверь, и в машину запрыгнул Куан.

— Я попрошу кого-нибудь забрать завтра твою машину, — сказал он ей.

— А не быстрее, чтобы я сама сейчас на ней поехала?

Куан издал смешок, а Габриэль покосился на девушку и спросил:

— Тебе удобно?

— Я устала. — Продолжение утонуло в зевке. — Забудь, — бросила девушка, откидывая голову на подголовник.

— Забудь что? — встречный вопрос Габриэля был едва слышен.

Слишком усталая для споров, она позволила голове упасть на его плечо и не протестовала, когда мужчина приобнял ее и поцеловал в макушку. Боже, как восхитительно он пах.

И правда, если бы она потрудилась спросить, он наверняка бы сказал, что освежил память, заглянув в ее личное дело. Контакты так же были и в резюме и во всех бумагах, ранее заполненных в отделе кадров.

И он мог ориентироваться в ее доме?

— Габриэль? — начала Ева, на губах сформировался вопрос.

— Да, милая.

— Откуда ты знал?..

Сознание поглотил сон.

— Что?

Габриэль услышал нетерпение в своем голосе, когда спрашивал мнение Куана, Ева спала на его руках. На панели продолжали мигать номера этажей, пока они поднимались в лифте на верхний этаж «Кроун Джевел».

Куан пожал плечами.

— Этот ушиб у нее на щеке от кулака?

У Габриэля заходили желваки.

— Не узнаю, пока она не расскажет. Но если так, то кто-то будет молиться, чтобы шеф его вытащил.

Куан усмехнулся себе под нос.

Лифт остановился, открывшиеся двери явили Алека, стоявшего посреди коридора, расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Как, черт побери, мы раньше не заметили, что она ушла из офиса? Это не должно было произойти. — В возмущенном состоянии он перешел на родной язык.

Куан разумным тоном, довольно раздражающим, проговорил что-то о «свободной воле».

— Что ты здесь делаешь? — спросил Алека Габриэль. Какого черта не он охраняет парня Стефано?

— С ним близнецы Беркман, в мотеле на трассе возле Иссакуа. — Нетерпение словно кнутом рассекало слова Алека. Все же Габриэль несколько расслабился, зная, что их пленник среди двоих его лучших людей — братьев, которые следовали за Габриэлем в Сиэтл из Квинса. — У нас есть одна камера с распознаванием лиц. — Он пальцами изобразил кавычки. — Перед мостом. Это Фурио. Камера указала на него и эту его прическу в дюжине машин.

Напряжение вернулось с удвоенной силой, кровь застыла от воспоминания об этом ублюдке с ирокезом, подельнике Стефано. Безжалостный урод был завербован самим Альбертом Моретти за год до его смерти. Габриэль и Фурио даже работали какое-то время вместе, тогда-то Габриэль и понял, что у парня нет души. От мысли, что Ева оказалась рядом с этим дьяволом, его бросило в холодный пот.

Алек оглядел Еву.

— Что с ее лицом? И это что? — Он указал на перевязанную руку.

— У меня пока нет деталей, но она порезала руку о стекло из разбитого окна, а потом еще и прошлась по всему этому дерму. — Он поднял ее ноги и подбородком указал на пушистые носочки, которые натянул на нее в машине. — Фурио мой. Не смотря ни на что.

Габриэль двинулся дальше по коридору, кивнув двум парням по бокам лифта и повторяя приветствие еще двоим на полу пути. Он подумал о паре людей у дверей гаража, другая пара сидела в седане недалеко от его парковочного места, а еще двое виднелись у его личного входа. И теперь он кивнул двум другим, стоявшим у самого входа в номер: Бобби Т и...

— Какого черта ты тут делаешь, брат? — спросил он парня, приходившегося правой рукой Максима.

Миша Зарецкий, известный как Торпеда, потому что был смертельно опасным сукиным сыном. Он быстро пожал протянутую Габриэлем руку, осторожно, чтобы не потревожить Спящую красавицу. Даже не взглянул на нее, что было хорошим началом.

— Макс послал меня.

И вот тут в Габриэля словно выстрелили из пулемета. Он понял...

У него все еще есть команда. Он все еще в игре, пусть и ушел от них годы назад. У него не было охраны в штате. Но гребаная команда. Возникли проблемы, и союзники дали ему охрану.

Люциан Файн дал ему информацию.

Максим послал Мишу — смертельное оружие.

Святое дермо.

Неуверенный, что думать, он вошел в открытую Куаном дверь. Не должен ли он сильнее удивиться? Может, разозлиться на себя? Разочароваться в себе, что на самом деле никогда окончательно не покидал криминальный мир, как хотел, чтобы все думали, — включая себя самого. Его же покрывали. Сотни человек. Не то чтобы он обманывал себя, что станет законопослушным, уважаемым бизнесменом и меценатом, но определенно считал, что находился чуть дальше от криминала, чем оказалось на самом деле.

Но он был рад. По крайней мере, в этот момент. Он обладал респектабельностью, верно, но возникли угрозы, и его способность сеять страх окажется хорошим подспорьем.

Потому что именно так был устроен их мир — чем ты больше и злее, тем лучше. Закон «Выживает сильнейший» до сих пор действует. Если кто-то был слаб, он становился мишенью. На время. Если он ожесточался, обозначал границы, хорошо играл, то мог выжить.

Пока не появлялись бандиты наподобие Фурио и Стефано, которые угрожали любимым людям. Тогда не оставалось другого выбора, кроме как пойти наперекор совести и собственным принципам и пристрелить ублюдков прежде, чем они восторжествуют.

— Думаешь, она отключилась на всю ночь?

Ева издала забавный звук и подняла голову, смущенно оглядываясь. Не вопрос Куана разбудил ее, а удушающая хватка Габриэля. Он ослабил руки.

— Мы на месте? — сонно спросила она.

— Я собираюсь уложить тебя в постель.

Она заерзала.

— Я в порядке. Могу идти сама.

Он посмотрел на нее.

— Правда, Габриэль. Со мной все хорошо.

Мужчина медленно поставил ее на пол. Ему бы совсем не хотелось, чтобы девушка думала о том, что он или его парни видят ее слабой.

— Я собираюсь воспользоваться ванной. — Ее движения были нехарактерно скованными, пока она шла через главную комнату к ванной. Понятно, почему.

Как только Габриэль услышал щелчок двери, то подошел к бару перед окном и налил в три стакана водки на два пальца. Не колеблясь, он опрокинул прозрачную жидкость, наслаждаясь обжигающим по горлу потоком. Куан и Алек не отставали.

Взял телефон, Габриэль набрал близнецов Беркман.

— Который из вас? — спросил он, как только подняли трубку. По одному лишь голосу невозможно было понять, какой из братьев ответил.

— Абелль.

— У вас все схвачено?

— Конечно, — спокойный голос Абеля противоречил тому, что кружилось в голове Габриэля.

— Я не могу к вам приехать...

— Мы тебя и не ожидали, босс. Сколько еще нам позволять ему цепляться за жизнь?

Габриэль разочарованно вздохнул. Он разрывался. Хотел собственоручно разобраться с Фурио, но не мог оставить Еву. Чем дольше парни удерживают этого

ублюдка, который был таким же профи, как и они, тем больше шанс, что что-то пойдет не так.

— Ударь его, — наконец произнес Габриэль. Страх и раны Евы, заполнившие его разум, объясняли эту необычную просьбу. — Хочу услышать его боль.

В трубке послышался удар и рев с последующим отборным матом, но он не почувствовал удовлетворения, так как не сам нанес этот удар.

— Удар обухом по лучевой кости, если нужны подробности, — отозвался Абелль, словно зная, что этого недостаточно. — И, уверен, локтевая кость тоже неважно себя чувствует. Маленький бонус.

— Так лучше.

— Жнец звонил.

Габриэль помял затылок, чтобы хоть немного ослабить напряжение. Зачем Винсенту звонить Абелю? Если только Алек не сообщил ему, что они повязали Фурио.

— Серьезно?

— Ага. Высказав рекомендации, как лучше разобраться с этим куском дерьяма, сказал: «Скоро увидимся». Что думаешь об этом?

Чертов Винсент. Парень никогда ничем не делился до тех пор, пока не был хорошо подготовлен.

— Одному Ви известно, мужик.

— Верно. Тем не менее, думаю, его стоит ждать скорее раньше, чем позже.

— Я тоже.

Абелль прокашлялся.

— Ребенок Пахана в норме?

Российский термин босса был произнесен с предельным уважением. Габриэль ощущил, как чувство вины ударило под дых, и молча послал Василия к черту за эту болезнь, от которой он теперь страдал. Ева-чертова-зависимость.

— Будет в порядке, — пробормотал мужчина, окидывая долгим взглядом на четверть полную бутылку водки.

— Не сомневаюсь.

Щелчок.

Алек прочистил горло.

— Позвони моему дяде, Гейб. Он должен знать, что произошло.

— Можно подумать, он еще не в курсе, — сухо ответил Габриэль, и мог поклясться, что услышал, как Алек цокнул языком.

— Тем не менее, мне не нужно тебе рассказывать, что в твоих же интересах лично предоставить ему информацию.

Габриэль смерил друга сухим взглядом.

— И откуда, по-твоему, мне стоит начать? Рассказать, как я все время на протяжении последних недель лажал и выказывал грубое неуважение к нему? Или самое худшее, что я заявился к его гребаной *дочери* без его разрешения и ведома? Или лучше сначала рассказать, что я настолько увлекся ею, что позволил более одного раза причинить ей вред? — Он издал резкий невеселый смешок, а на языке остался незнакомый привкус того, что ему теперь нужно признать. — Тебе придется уложить меня в течение часа, брат, и ты это знаешь. Так почему я должен делать это сейчас? — спросил Габриэль, снова обращаясь к водке и наливая рюмку, которую тут же осушил.

— Он не зайдет так далеко. Не с тобой. — Алек отпихнул его локтем и потянулся к бутылке. — И ты это знаешь. — Он плеснул остатки в стакан и вышел с ним из комнаты.

— Думаю, ей стоит знать, что происходит. — Куан и Алек дружно застонали. Боже, виски пульсировали от напряжения. — Для нее слишком опасно оставаться в неведении. Стоит осветить ей путь, и она не будет больше слепо двигаться в темноте. Сегодняшний вечер тому доказательство. Ника убрали, Фурио добрался до нее. Это не значит, что когда-нибудь, мать вашу, снова она окажется вне поля моего зрения, но ей нужно знать, на что обращать внимание и как обезопасить себя.

Черт бы побрал Стефано и его вендетту.

Габриэль опустил голову, а на лбу выступили капли пота, когда воспоминания об одной ночи пятилетней давности овладели разумом.

Когда он собирался ночью на вылазку, к нему пришел отец и протянул связку ключей. Ему было велено выгрузить из фургона ящик перед фабрикой в Бронксе и, как хороший маленький солдат, которым он являлся, Габриэль так и сделал. Он смутно вспомнил, как задался вопросом, чьей семье принадлежало то здание. И что именно он доставил? Тело? Что-то простое, как партия товара?

Кто знает? Да и какое кому дело?

Они отъехали на пару кварталов от цели, когда прозвучал ответ на его молчаливый вопрос. Земля дрогнула от взрыва, словно от землетрясения, Габриэль мог поклясться, что звука подобной мощности он еще никогда прежде не слышал. Обратная дорога домой сопровождалась неустанными размышлениями, был ли кто-нибудь в тот момент в здании. Или его отец просто хотел уничтожить источник доходов врага?

Вернувшись домой, он обнаружил отца в гостиной: старик был бледен и дрожал. Он никогда не видел, чтобы Дон терял тотальный контроль. Но от беспокойства Габриэля отмахнулись, мать плакала. Что-то произошло, и до этого дня Габриэль не знал, что.

Он оставил их в покое. Час спустя Габриэль зашел на тихий склад в сердце Квинса, чтобы встретиться со Стефано по просьбе брата.

Довольно далеко.

Его брат шагнул в полосу лунного света, лившегося из высокого окна, и Габриэль подавил желание выругаться. Лицо изранено, одежда и кожа измазаны кровью. Гейб ненавидел его, но все еще переживал за единственного брата.

— Что, черт побери, случилось, Стеф?

— Ты. Ты случился, Гейб. Ты знал, что Адриана была на фабрике отца перед тем, как подорвал ее к чертовой матери».

Сердце Габриэля подпрыгнуло в груди, а лицо брата исказилось от ярости.

— По этому шокированному виду догадываюсь, что не знал. Поверить не могу, какая же ты гребаная марионетка. Ни единого чертова вопроса не задал, когда хозяин посыпал тебя.

Стефано с минуту постоял, тяжело дыша, а когда заговорил, голос был наполнен такой сильной ненавистью, что впервые Габриэль почувствовал себя оправданным.

— Я не собираюсь убивать тебя прямо сейчас, Гейб. Нет. Я решил сделать это гораздо интереснее. Подожду столько, сколько потребуется. Но просто помни. В тот день, когда я узнаю, что ты нашел женщину, с которой хочешь провести остаток своей жизни... я буду там, чтобы забрать ее у тебя. Точно так же, как ты забрал у меня Адриану.

Внимание Габриэля вновь перескочило на настоящее и на телефон в его руках. Открыв горящие глаза, он прокрутил список имен и нажал на контакт, который дал ему когда-то Винсент. Они оба не ожидали, что Габриэль им воспользуется. Но ради Евы он явно готов был сделать все, что угодно.

— Да?

Внутри попыталось зародиться что-то теплое при звуке знакомого голоса брата, но чувство поборола пробудившаяся к жизни ярость. Эмоция была настолько темной и зловещей, что, заметь ее человек на другом конце связи, то сиял бы от удовольствия.

— Стефано.

По комнате пронесся хор тихих ругательств, когда стало ясно, что тот делает.

— Что ж, — протянул его брат. — Кажется, мои усилия оправдались. Похоже, ожидание закончилось, *брат*.

— Отзови своих псов, Стефано. Давай покончим с этим. — Будет ли оправдано обращение к более мягкой стороне брата, учитывая, что Габриэль вообще не уверен в ее существовании. — Неужели трех жизней до Адрианы недостаточно?

— Ты имеешь в виду тех трех женщин, которых ты прикончил в прошлом году? — Стефано насмешливо фыркнул. — Кому ты рассказываешь. Поговори мне о том, как все далеко зашло. У тех девушек не было никаких причин умирать. Кроме твоей необходимости потрахаться. И люди обвиняют меня в жестокости.

Другими словами, потребность Габриэля в компании и сексе решила судьбу девушек. Попытавшись завести отношения, он дал Стефано зеленый свет, чтобы явиться и осуществить месть, убив Элли, Джордан и Мелиссу.

Габриэль заскрежетал зубами от того снисходительного тона, который так хорошо помнил со времен детства.

— Ева Джейкобс не имеет ничего общего с...

На заднем фоне раздался удар, словно ладонь впечаталась в твердую поверхность.

— Она *во всем* имеет к этому отношение! Или будет. И, кстати, спасибо, что избавил меня этим звонком от лишних телодвижений. Я уже собирался в клубный дом, чтобы покопаться в мозгу байкера по поводу твоей женщины. — В трубке зашуршила бумага, собеседник что-то искал. — Ах да. Прежде чем ты перейдешь к верности тебе Пейна, мои источники обнаружили некоторую страховку, которая гарантирует его сотрудничество со мной.

Колесики в голове Габриэля крутились, пока угроза Стефано не поставила все на свои места.

Ника.

Он собирался использовать Нику в качестве гарантии, что Пейн ответит на вопросы о Еве.

— Что? Значит, теперь ты хочешь начать войну с «Обсидиановыми дьяволами»? — скептически бросил Габриэль. — Что, черт побери, с тобой не так? Ты зарабатываешь много врагов, мужик.

— Твое мнение. Предполагаю, что ты или один из твоих русских повязали Фурио. Поэтому он не выходит на связь?

Габриэль оставил его строить догадки.

— Сколько вреда должно быть причинено, прежде чем ты будешь доволен?

— Я буду удовлетворен, когда позабочусь о Еве. И если тебе действительно хочется знать, я жду с нетерпением, когда это закончится, Гейб. Ты не заслуживаешь времени и усилий, которые я потратил на эту игру. — На линии повисло ощущение усталости, придавая словам брата правдивость. — Очевидно, что Ева Джейкобс именно та, которую я ждал. И, серьезно, Габриэль, я честно предупреждал, что сделаю, когда придет время. Ты *знал*, что я приду за ней. Все совершенно по-другому, когда затронуты твои чувства, верно? Просто жди.

Глядя на мигающие огни Сиэтла, Габриэль мечтал дотянуться до собеседника и вбить хоть каплю здравого смысла в брата.

— Ты от нее отвалишь. Если нет, то уничтожение семьи и той жизни, которую ты знаешь, будет полным.

Небольшая пауза, а затем брат рассмеялся и произнес скучающим тоном:

— Плавали, знаем. Так что будь уверен, твои угрозы не впечатляют. — Его голос сталтише. — Позволь лишь сказать, я уже дважды добрался до нее. В следующий раз ее тронет не один из моих парней, а я. И так как я тебя знаю, уверен, ты придешь в бешенство, когда я расскажу, что собираюсь хорошо позабавиться с ней, пока не прикончу.

Ярость почти ослепила Габриэля, взметнувшись огнем от груди и ударив в голову.

— Тронешь ее, даже дыхнешь на нее, — предупредил он, голос превратился в нечто опасное и дьявольское даже для его собственных ушей. — И я заставлю тебя желать смерти с каждым ударом твоего покерневшего сердца. Она моя, *брат*. Пойми это, или ты *умреешь*. — Он повесил трубку и опустил телефон в карман поразительно спокойной рукой.

— Ну вот, когда-то это должно было произойти, — прокомментировал Алек со своего места у камина.

Джак, который вошел во время телефонного разговора и стоял, прислонившись к дверной раме, согласно хмыкнул.

Куан смотрел в окно, прислонившись задницей на край стола в паре шагов от Габриэля.

— Вот и началось, — пробормотал он.

— Если по каким-то причинам меня нет рядом, — тихо произнес Габриэль, смотря Куану прямо в глаза, — ты и Джак с ней. Плевать на меня. Она та, которую вы охраняете, любой ценой. Передай всем.

Глава 13

Когда Ева взяла со столика у входа свою сумочку, Габриэль всмотрелся в ее лицо. Он искал признаки того, что девушка услышала лишнее. И облегченно выдохнул, когда увидел все ту же тревогу, искажавшую черты Евы.

Она не должна была услышать его заявление.

Ева осторожно прошлась до дивана и свернулась в уголке. Достала телефон и положила на кофейный столик, сумочка скользнула на пол. Габриэль видел, как девушка расчесывала в ванной волосы, и теперь они струились по ее плечам и спине блестящими черными волнами.

— Хотя бы моргните, парни. А то складывается впечатление, что я в зоопарке, — произнесла она.

— Ты бы была главной его достопримечательностью, даже с фингалом, — пошутил Джак, входя в комнату с полотенцем и льдом. — Расслабься, чувак. — Он поднял руку в сторону Габриэля, даже не смотря на него, прежде чем отдать Еве компресс и плюхнуться в одно из кресел. — Ты знаешь, что все так думают.

Проклятие. Если бы он не был так занят вопросом ограждения Стефано от Евы, он бы сам принес лед.

— Этот придурок — Джак, — прорычал Габриэль. — Ты еще его не встречала, но не привязывайся. Его дни сочтены. — Он поставил стакан на барную стойку, вместо того, чтобы запустить им в тупую голову друга. — Ты в порядке?

В ее ответном взгляде светился смех. Девушка пожала плечами, подогнула под себя раненые ноги и приложила к щеке лед, посмотрев на Джака.

— Я помню тебя с той ночи. Как твоя голова?

— Хорошо. Бывало и хуже. — Он усмехнулся, пробежавшись пальцами по шраму на лице.

— Драка в баре? — поинтересовалась Ева.

— Афghanistan.

Девушка улыбнулась.

— Спасибо. Не часто выдается возможность лично поблагодарить тех, кто рискует ради нас жизнями.

Джак кивнул, и Габриэль подумал, что вряд ли еще когда-нибудь увидит парня настолько смущенным. Ему хотелось дать пять карме за то, что та наконец появилась. За то, что парень сам ощущил на вкус свой метод «заставь всех чувствовать себя неловко».

«Это Калеб, дорогая. Прочти».

Звонок заставил Еву подпрыгнуть, прежде чем она взяла трубку. Быстро прочитала, напечатала ответ и положила телефон обратно.

— Калеб, — без необходимости произнесла она, словно Габриэль не слышал этот идиотский рингтон в своих кошмарах.

Он кивнул и попытался выглядеть так, словно не мечтал надрать байкеру задницу.

Пряча руки в карманы, Габриэль подошел к камину, избегая взглядов парней. Он бы приказал им всем убраться, но они должны услышать о вечернем происшествии. На случай, если в его голове помутится от ярости на середине рассказа.

— Что ему нужно? — Он пытался сдержаться, но слова вырвались сами. Ему необходимо знать.

— О. Эм, ничего. Просто спросил, как я. — Ее взгляд был колючим. — Хотела позвонить ему раньше, но у меня не было телефона.

«Ева проверяла его реакцию», — подумал Габриэль. Он изо всех сил старался заставить сердце биться, в то время как в него словно вонзился зазубренный нож. Боже, никогда не думал, что пожелает, чтобы его женщина оказалась глупой. Но теперь хотел. Потому что эта наблюдательная штучка ничего не упускает из виду.

— Зачем ему звонить? Что он может сделать для тебя из Нью-Йорка? — Его тон был безэмоциональным, как у робота. Но Ева не собиралась вестись на эту чушь. Девушка знала, что мужчина ревнует к ее отношениям с байкером. А его притворство, будто это не так, говорило лучше красного флага посреди поля. *Черт*. Ему стоило просто довериться инстинктам, и вырвать телефон из ее рук.

Она помолчала с минуту, и Габриэль увидел, как появляется неуверенность. Он наблюдал, как менялось выражение лица Евы, как росло сомнение. А потом подозрение, настороженность и страх. Девушка прижала колени к груди и пожала плечами, пытаясь изобразить безразличие к его замечанию.

— Калеб знает людей, которые помогут, если тот парень вернется, — произнесла она рассеянно, словно говорила одно, а думала о другом.

В нем зародилась зависть. «Я знаю людей!» — хотелось вскричать ему. — «Я и есть эти люди!».

Она должна была в первую очередь подумать, что он, *Габриэль*, может помочь ей, не гребаный Калеб Пейн!

Его ноги казались деревянными, когда он приблизился к ней, изо всех сил готовясь все рассказать. Об убитой матери, неизвестном отце, влюбленном бандите с кровожадным братом...

Он лишь надеялся, что Ева не захочет сбежать, как только узнает правду.

Потому что он не позволит ей обрести такую свободу.

— Могу я предложить тебе выпить или еще что-нибудь, Ева? Ты голодна?

Ева моргнула на учтивый вопрос. Опустить еду в болевший от волнения желудок? Этого не будет. Она чуть не рассмеялась, качая головой и отвергая вежливое предложение Куана. Взгляд проследовал за Габриэлем. Его движения были размеренными и точными. Не в его стиле.

Что-то происходило. Что-то с ним и с Калебом. И еще, Калеб никогда раньше не спрашивал, в порядке ли она. Словно знал о возможности того, что что-то может произойти. И то, как Габриэль говорил о Калебе. Слишком фамильярно. Учитывая все, что он знал, брат Ники мог оказаться горбатым ботаником с волосатой бородавкой на носу, но Габриэля обуяла ревность, стоило ему второй раз услышать имя ее друга.

— Калеб член «Обсидиановых Ангелов», — произнесла она, пристально смотря на босса.

— «Обсидиановых Дьяволов», — поправил мужчина.

Ева ахнула, а его взгляд встретился с ее. Габриэль сузил глаза, челюсть двигалась, словно он скрежетал зубами.

Она так и знала! Они с Калебом знакомы!

— Не торопись, милая, — пробормотал он невесело. — Об этом мотоклубе известно по всему миру. Можно подумать, я не знаю его точного названия. А теперь, давай перестанем отвлекаться от проблемы. Расскажи нам, что именно произошло у тебя дома.

Он был прав, хотя Ева и не купилась на это. Но отвлекаться перестала. Пока что.

Габриэль подошел ближе, его большое тело напряглось, руки изогнулись и странно завораживали Еву своими движениями. Неспособная сидеть спокойно, пока пересказывала события, она встала и принялась ходить по комнате.

— Я была в спальне, когда услышала звон разбитого стекла, — начала она. — Вышла в коридор и увидела того парня на середине лестницы. — Блуждая взглядом по книжной полке в углу, девушка провела пальцем по логотипу отеля на меню обслуживания номеров, небрежно брошенном на аккуратную стопку журналов «Форбс».

Ева как можно подробнее описала парня с ирокезом.

— Я попыталась добраться до ванной, на двери которой был замок, но он схватил меня за лодыжку и повалил вниз. Так я поранила щеку... когда упала... — Ладонь поднялась и коснулась ссадины на щеке, сердце заколотилось, когда она вспомнила предупреждение мужчины. Ева вернулась к Габриэлю и посмотрела на него так же внимательно, как обычно он смотрел на нее.

— Он сказал держаться от тебя подальше. Сказал, что ты не тот, кем я тебя считаю. Что он имел в виду?

Габриэль словно окаменел.

— Что еще? — потребовал он таким жестким тоном, что Ева отпрянула.

— Сказал, что это единственное предупреждение, которое я получу. И он назвал тебя Гейбом, — добавила она, обхватывая себя руками и чувствуя внезапный холод. Если она считала его раньше пугающим, то это было несравнимо с увиденным сейчас. Он был олицетворением скрытой силы и опасности. Жестокой и смертельной. Ева вздрогнула, когда его рука оказалась возле нее.

Габриэль уронил руку, не позволяя пальцам коснуться ее щеки.

— Ты не знаешь, что я скорее умру, чем ударю тебя?

Слезы обожгли веки. Она больше ничего не знала. Кроме того, что он не был с ней полностью честен.

— Прости. Просто я... с ума схожу.

— Что-то еще, Ева? — уверенный голос Алека был благословением, и она повернулась, чтобы обнаружить его прямо за собой, проводящего рукой по своим русым волосам. — Что-нибудь еще странное случалось в последние несколько дней?

На ум пришли воспоминания о преследовании.

— Сейчас я вспомнила, что когда прошлой ночью вышла из машины возле клуба, мне показалось, что кто-то меня преследовал.

— Что именно ты заметила? — спросил Габриэль.

Ева быстро рассказала им о случае с «седаном» и закончила выводом Ники, что водитель, скорее всего, просто искал место для парковки. Она договорила и прикусила губу. Стоило ли рассказать о визите Стефано Моретти в квартиру Калеба?

Девушка неуверенно оглянулась на четырех мужчин, расположившихся в комнате. И нахмурилась. Габриэль был зол, но не казался *удивленным*. Ни один из них, поняла она, когда посмотрела на Джака и Куана, затем на Алека, который теперь облокотился плечом о стену рядом с ней.

Обычный человек выдал бы что-нибудь вроде «святое дермо», когда бы с ним поделились подобной историей.

— Габриэль?

Со вздохом, который был ничем иным как уходом от ответа, он взял ее за руку и повел к дивану.

Ее телефон издал сигнал. Не от Калеба, а обычный звонок.

Решив, что Ника наконец перезвонила, девушка высвободила руку из хватки Габриэля и взяла со столика телефон. Одновременно его телефон тоже зазвонил. Они ответили в один голос.

— Говори, — бросил он свое обычное приветствие.

— Алло? — ответила она, потирая грудь. Боже, ей казалось, что ее тянут на десять сторон одновременно.

— Что? — рявкнул Габриэль. — Как?

В ее ухе раздалось лишь тяжелое дыхание, пока Габриэль у нее за спиной яростно шептался с друзьями.

— Алло? Ника?

— Ты проигнорировала предупреждение, котенок. Ты не можешь держаться подальше от Габриэля, да? — произнес голос, который она никогда не забудет. Мужчина, который вломился в ее дом! — Теперь я начинаю игру. Когда я тебя найду, то собираюсь заставить тебя кри...

Телефон выскользнул из ее пальцев, тело накрыла паника. Краем уха она слышала голос Габриэля, спрашивавшего, в какую больницу увезли кого-то из братьев, но девушка не могла собраться с мыслями, чтобы озабочиться этим. Внезапно ее накрыла тень. Габриэль. Он поднял упавший телефон.

— Кто это был? — требовательно спросил он.

— Это б-б-был он-н... — Ее рот кривился в попытке дышать, перед глазами плясали черные пятна. Его большие руки потянулись к ней. Но с нее хватит. Лимит исчерпан.

Она пойдет в полицию.

Вывернувшись из его рук, она кинулась к двери, слишком напуганная, чтобы думать о чем-либо еще, кроме того, чтобы убраться к чертовой матери от этого человека и его пугающих до чертиков друзей. Или врагов. Она не знала точно. Но знала, что каким-то образом он был связан со всем этим безумием.

Как тот преступник достал ее номер телефона? И как узнал, что она сейчас с Габриэлем?

Девушка была в дюйме от свободы, когда сильная ладонь обхватила ее за талию и притянула к мощным мышцам груди. Пальцы Габриэля впились в плоть, ноги оторвались от пола.

— Я не могу позволить тебе сделать это, — произнес он ей на ухо темным и грубым голосом.

Ева обезумела, дико дерясь и размахивая руками, царапала руку в попытке освободиться.

— Отвали от меня! — закричала она со всевозрастающим ужасом, когда увидела, что он развернулся и потащил ее в спальню. — Нет! *He-e-em!*

— Гейб! — позвал Алек.

— Все вон! — рявкнул он парням в комнате. Мужчина заставил ее замолчать, накрыв рот ладонью, которую она тут же попыталась укусить. Габриэль надавил сильнее. Ева захныкала, зрение заслонили горячие слезы. Она продолжала бороться, но безрезультатно. Девушка была бессильна перед его мощью и крепкой хваткой.

Она встретилась глазами с Алеком, а потом Куаном и Джаком, умоляя помочь, когда они проходили мимо.

Но они этого не делали.

Как можно быть такой глупой? Настолько наивной? Почему проигнорировала предупреждение бандита насчет Габриэля? Она была точно уверена, что тот мужчина с ирокезом не принадлежал к числу хороших парней, если судить по тому, как он с ней разговаривал. Ева все равно должна была послушать его и отделаться от них всех!

— Гейб, дай мне поговорить с ней.

Ее глаза испуганно расширились. Голос Алека был до смешного спокоен, и это пугало больше, чем если бы он приставил нож к ее горлу. Могли ли они быть настолько безразличными к происходящему из-за того, что удерживать силой впавшую в истерику женщину для них являлось обычным делом?

— Нет. Я сам. — Габриэль отступил от очередного пинка. — Успокойся, Ева. Никто не причинит тебе вреда.

Он врал. Она четко слышала по его голосу, этот тон «*у меня нет выхода*». Ева удвоила усилия, дерясь и бешено извиваясь, но это лишь заставило его сильнее сжать талию, так что девушка едва могла дышать. Перед глазами заплясали звездочки. Из-за недостатка кровообращения или воздуха. Кто знает?

— Я пошел отсюда, — услышала она слова Куана. — Не могу на это смотреть.

— Иди. Вы все. Я позову, — выдохнул Габриэль, заходя в спальню. Пинком закрыв за спиной дверь, он опустил девушку на пол у изножья кровати.

— Ты успокоишься так, чтобы я смог отпустить тебя?

В ответ на глупый вопрос, Ева обнажила зубы и впилась в ладонь, а ногой нанесла еще один удар. Он зарычал и зашипел, когда ступня достигла цели.

Габриэль притянул ее голову к своему плечу и так сильно сжал за талию, что девушка застонала.

— Твой дух впечатляет, но это бесполезно. А теперь прекрати, пока сама себя не поранила.

Ожидание, что она подчинится только потому, что он ей так сказал, привело в ярость, и Ева возмущенно взвизгнула в его руках. Габриэль собирается ее убить. Или, возможно, продаст в сексуальное рабство. Или просто пустит по кругу с друзьями. В любом случае, для нее все было кончено.

Девушка почти смирилась со своей ужасной судьбой, когда он произнес:

— Ладно, с тобой ничего не случится.

Габриэль подобрался, когда Ева вновь начала сопротивляться. Грудь сдавило от беспокойства. Если она так ведет себя, не услышав всю историю...

Как ей не возненавидеть его, когда он закончит?

Габриэль с усилием выдавил из себя слова.

— Я знал твоего отца с тех пор, как мне было тринадцать.

Ева моментально притихла. Лишь грудь тяжело поднялась и опала на судорожном вдохе. Любимое сердце так сильно билось у его плеча, что Габриэль едва мог продолжать. Но у него больше не было выбора.

— Его зовут Василий Тарасов. Он глава самой могущественной русской криминальной организации в США. Два месяца назад он прислал меня следить за тобой, потому что сам уехал из страны. Не хотел оставлять тебя без защиты на случай, если его враги доберутся до тебя... — *Дерьмо*. Он не хотел так поступать с ней. — Так же, как они добрались до твоей матери. Авария с машиной Кэтрин не была случайной, Ева. Ее умышленно столкнули с дороги. Она была убита.

Звук, вырвавшийся из ее горла, Габриэль не забудет до конца своей жизни. Испуганный болезненный крик полоснул, словно раскаленное железо. Голова девушки медленно двигалась из стороны в сторону, а ноги подогнулись. Мужчине пришлось принять на себя весь ее вес.

— Мне так жаль, милая, — прошептал он сквозь сжавшееся горло. — Мне ужасно жаль. — Он переместил ладонь ото рта и повернул лицо Евы к себе, наполовину ожидая удара в челюсть. Но Ева лишь упала на него, руки вцепились в рубашку на груди в попытке удержаться.

— Ты лжешь, — воспротивилась она, глаза умоляли.

— Нет. И в глубине души ты это знаешь. — Она так тяжело дышала, что на мгновение Габриэль подумал, что ее хватил удар.

— Почему... почему она? — прошептала Ева, все еще в шоке. — Почему моя мама? Она все, что у меня было... единственная, кто был у меня.

Беспомощность. Это слово даже близко не могло описать то, что он чувствовал, когда она начала плакать. Габриэль содрогался от ее мучительных рыданий, от трагического вопроса жгло глаза.

— Богом клянусь, я бы забрал твою боль, если бы мог, — прошептал ей на ухо. — Все бы отдал, чтобы оградить тебя от этого. — Разумеется, слова были бессмысленными для нее, но он говорил правду.

Спустя, казалось, вечность, Ева отцепила руки и оттолкнулась назад, чтобы посмотреть ему в лицо. Он убрал руки, позволяя ей это и надеясь, что необходимость бежать миновала. Покрасневшие глаза сверкали от слез. Лицо исказилось от эмоций. Но взгляд, которым она смерила его, был настолько холодным, что пробирал до костей. Ее плечи напряглись, девушка хрипло спросила:

— Что еще?

— Ева... — Он поднял руку, но девушка дернулась и отступила на шаг.

— Не смей. Просто расскажи все, что должен, чтобы я могла выбраться из того кошмара, в который ты втянул меня.

Чтобы она могла выбраться?

В этот момент он понял, что перед ним стоит выбор. Продолжить, чувствуя каждую ее эмоцию, как любящий мужчина. Или может снова превратиться в человека, которого отец с гордостью растил много лет назад — холодного, безжалостного,

отказывавшегося допускать чувства из опасения, что они могут помешать тому, что необходимо сделать.

Габриэль повернулся спиной к сломленной девушке и отошел так, чтобы встать на ее пути к двери. Когда он снова оказался к ней лицом, то посмотрел сквозь призму опасного человека, который дал обещание серьезному русскому главарю.

— Ты отсюда не уйдешь.

Она сжалась, на лице отразились боль и гнев.

— С чего вдруг! Ты не можешь меня остановить. Поэтому прекрати ходить вокруг да около и завязывай с этим дерьмом!

Его губы изогнулись в безжалостной улыбке.

— Даже на минуту не обманывай себя, думая, что я не смогу остановить тебя, Ева. С данного момента и до конца ты моя, нравится это тебе или нет.

Ева резко выдохнула, выражение лица стало ледяным от гнева, взгляд лазурных глаз тяжелым. И внезапно перед Габриэлем оказался... ее отец.

Который точно смерил бы его таким же взглядом, узнай он, что натворил Габриэль. Перед тем как убьет его.

— Расскажи. Мне, — потребовала она.

На задворках сознания мужчина продолжал поражаться ошеломляющему генетическому сходству, в то время как сам небрежно пожал плечами.

— Последние пару месяцев я был глазами и ушами Василия во всем, что касалось тебя. Я наблюдал, следил и посыпал людей следить за каждым твоим шагом. Ни на секунду не оставлял тебя без присмотра с тех пор, как твой отец велел мне и моим парням отслеживать каждое твое движение.

Она попятилась, пока не наткнулась на препятствие. Ноги задели кровать, и девушка тяжело опустилась на матрац. Остатки красок спали с ее лица.

— Нет... т-ты... с ума сошел...

— Калеб Пейн работает на меня. Ты права. Мы знакомы. Он согласился поехать в Нью-Йорк, чтобы приглядывать за тобой, когда я не мог быть рядом. Если не веришь мне, позвони и пусть подтвердит.

— Этого не может быть... — голос был едва слышен из-под опущенной головы.

— Все твои действия записываются в отчет, который я отправляю в конце каждой недели. Все подробности повседневной жизни, которые твой отец привык наблюдать до твоего отъезда. Я знаю о твоей слабости к двойному обезжиренному латте из «Старбакса». Знаю, что лаку для ногтей Zoya ты предпочитаешь OPI. Как и твой отец, ты каждый раз садишься спиной к стене, а не к помещению. Водишь машину аккуратно, но любишь скорость. Твой любимый цвет синий, но если дело касается одежды, то черный. Обычно ты носишь леггинсы и майки, а когда езишь на мотоцикле того приурока, то надеваешь джинсы и очень обтягивающие кофты. Когда мужчина окидывает тебя оценивающим взглядом, ты, сама того не замечая, закатываешь глаза, стоит ему только отвернуться. По каким-то причинам тебе нравится зеленая фасоль так, как другим дорогой стейк, и ты почти всегда останавливаешься перед витринами, в которых стоят туфли. Если кто-то выгуливает собаку, я еще ни разу не видел, чтобы ты прошла мимо и не потискала животное хотя бы минуту.

— О, Господи.

Сердце Габриэля сжалось при виде того, как Ева дрожащей рукой смахнула слезу.

Закрыв глаза от нахлынувшей волны отвращения к себе, он продолжил:

— Отец знал тебя всю твою жизнь. Любил тебя с мамой и из-за этого покинул, чтобы опасности нашего мира никогда не касались вас.

Но это все равно произошло.

Габриэль пересказал один из разговоров с Василием после того, как узнал, что у его наставника есть дочь. Теперь он делился этой информацией с Евой.

— Может он и оставил вас ради вашей безопасности, но всегда был неподалеку. Он рассказал мне о том дне, когда ты потеряла свой первый зуб, в парке. Тебе было пять, и он был там. А день, когда тебя впервые подстригли, когда тебе было три? Он стоял в тени на другой стороне улицы и наблюдал, потому что не хотел пропустить такой момент.

Ева руками закрыла уши, мужчина повысил голос:

— Он присутствовал на первом и последнем школьных днях, на твоих днях рождениях, на Рождество и Днях благодарений. Рассказывал, что ему было больно наблюдать, как вы с Кэтрин плакали, когда она привезла тебя с Никой в летний лагерь для девочек, на котором ты настаивала. Тебе было тринадцать. А солидная сумма на счету, пополняемая ежемесячно? Та, которую мама собиралась получить перед смертью в наследство от богатого дяди без близких родственников? Дядя никогда не существовал. Это от твоего отца. Еще один способ его заботы о вас обеих.

— Прекрати это, — прошептала девушка, опуская руки. — Пожалуйста, хватит. О, Господи. Хватит. Что ты делаешь? Откуда ты все это знаешь?

Но он не останавливался:

— Василий выбрал меня для твоей защиты, потому что доверяет. Он знал, что я более чем хороший в этом. Но никто не ожидал, что твоя связь со мной принесет большую опасность, нежели с ним. — Габриэль наблюдал, как она поднялась на ноги. — Мой отец был главой нашей... криминальной семьи, и последним заданием, которое я для него выполнил, была доставка грузовика с взрывчаткой к фабрике одного из врагов. Короче говоря, женщина моего брата оказалась в этом здании во время взрыва. В день, когда я покинул Нью-Йорк, он поклялся убить каждую женщину, с которой я свяжусь, точно так же, как я убил его возлюбленную.

Теперь Ева стояла прямо перед ним, ее вид был измученным. Габриэль выпалил оставшуюся информацию:

— Человек, которого ты встретила в квартире Калеба в день отъезда из Нью-Йорка, — он замолчал и нахмурился, когда ее глаза вспыхнули, — Стефано Моретти — мой брат, Ева. И он придет за тобой.

Габриэль поймал ее, когда девушка начала оседать.

— Ева! — ругаясь и проклиная все, он поднял ее на руки, быстро отнес обратно на кровать и откинул волосы с лица. Он знал, что так произойдет. Должен был знать, что она не выдержит столько раз. Но обязан был все рассказать.

Мужчина, напуганный быстро оледеневшей кожей, выдернулся и покрывало и завернулся в него девушку. Он выпрямился и выбежал в гостиную. Схватив с пола телефон, крикнул парней, зная, что один из них должен был остаться у двери, и кинул обратно к Еве. Через секунду в спальню ввалились Алек, Джак и Миша, их тяжелые ботинки громыхали по плитке.

— Что случилось? — спросил Миша, выругавшись и опускаясь на колени рядом с кроватью.

Габриэль хотел было осадить его за наглость, но потом вспомнил, что парень был медиком в российской армии.

— Она отключилась. Упала замертво. — А еще он вспомнил, что подручный Стефано сбежал из-под охраны, в процессе серьезно ранив одного из парней. — Как Абель? — требовательно спросил он у Джака. — И тебе лучше сказать мне, что кто-то нашел Фурио. — Он схватил брошенное в углу на стул одеяло и накинул на все еще недвижимое тело Евы.

— Абель в отделении хирургии. Джерод сказал, что позовонит, но дела не очень хороши. Фурио все еще в бегах.

Габриэль был в бешенстве.

— Вот черт! Если Абель тоже умрет, я... Господи-Боже, — он зарычал при мысли об этом. — Я должен был послать с ними кого-то еще. Я знал, что Фурио на все способен, черт побери!

— Близнецы никогда не нуждались в третьем, Гейб, — проговорил Алек. — Поэтому мы и взяли их. Это не твоя вина. Ты не можешь все контролировать, брат.

— Я ни хрена не контролирую с тех пор, как *она* появилась в моей жизни! — его голос прогремел в притихшей комнате, когда мужчина махнул рукой в сторону Евы. Девушка даже не пошевелилась.

— Ее пульс замедляется. — Миша поднялся на ноги и окунул взглядом Еву. — Я бы сильно не переживал, Моретти. Она дочь Василия Тарасова. Справится.

Черт, он надеялся. Габриэль опустился на край кровати и несколько раз глубоко вдохнул, медленно считая до десяти. Очень осторожно облокотился на матрац рядом с Евой и послушал ее дыхание.

— Я послал Вито и Бобби Т в аэропорт, а Максим мониторит все остальные места под солнцем. Мы найдем его.

Габриэль посмотрел на Джака с благодарностью, что тот предугадывал его желания.

— Фурио так же хорош, как мы. Мне никогда не стоило недооценивать его.

— Мы найдем его, — повторил Джак. — И уберемся отсюда, оставив вас наедине. Сомневаюсь, что она захочет аудиенцию, когда очнется. — Он дал Мише и Алеку знак следовать за собой к двери, но остановился на полу пути и посмотрел в телефон. Прочитал сообщение и вздохнул так, что это могло означать только одно. — Абель пришел в себя. Если ничего непредвиденного не случится, то с ним все будет в порядке.

Габриэль мысленно поблагодарил Бога. Он не хотел быть ответственным за разлучение двух братьев.

— Хвала Богу. — Ему лишь хотелось, чтобы обошлось без смерти соседа Евы.

Выходя, Джак хлопнул по дверному косяку.

— Мы позовим, если еще что-нибудь услышим.

— Но не ее, — заметил Габриэль, прежде чем Миша закрыл дверь. Три пары бровей поползли вверх. — Ей понадобится выпустить пар. И у меня такое чувство, что это будет в виде пары сотен слов в мой адрес.

— Береги яйца, брат, — пробормотал Миша, выходя.

К Еве медленно возвращалось сознание: густая тьма раздалась, растянулась и наконец полностью рассеялась. Странное ощущение комфорта боролось с беспокойством, когда девушка открыла глаза.

— ... Ну же, милая, ты меня убиваешь.

Она моргнула. Вот объяснение тепла. Габриэль держал ее, и они были обернуты как рождественская хлопушка. Одна из его ладоней лежала у нее на талии. Тяжелая нога накрывала ее ноги, туго укутанные покрывалом. Ева попыталась пошевелиться, и Габриэль отодвинулся, разрушая их кокон.

Взгляды встретились.

— Наконец-то, — его голос был таким измученным, что у Евы стиснуло грудь.

— Габриэль... — Она застыла, когда все произошедшее обрушилось на нее.

— Ш-ш-ш. Все хорошо, милая, — успокаивающе проговорил он, гладя девушку по щеке. — Пожалуйста, не нервничай. Все будет хорошо.

Хорошо? У нее никогда больше не будет все *хорошо*.

Она отпрянула от его прикосновения.

Ее *отец*? Этот псих ожидает, что она поверит, будто он знает ее отца? Который по чистой случайности оказался русским мафиози? И не просто каким-нибудь русским преступником, будто и этого не достаточно, а *главой* опасной могущественной организации?

Мысли закружились. Несчастный случай с мамой произошел два месяца назад...

Именно тогда, когда, по словам Габриэля, с ним связались...

Наблюдал за ней...

Следил за ней...

Все встало на свои места. В тот день в квартире Калеба. Стефано Моретти знал, кто она. Незнакомый мужчина со своими непонятными сообщениями и предупреждениями.

Ее мать *убита*.

Отец защищал ее.

Габриэль и Стефано Моретти — *братья*.

Габриэль связан с мафией.

Люди пытались ее убить.

Какого черта.

Быстро оттолкнувшись, она выбралась из объятий Габриэля и откинула простыни. Девушка едва добежала до ванной, прежде чем ее вывернуло. Спазм за спазмом, но после многих часов без еды, это были, в основном, пустые позывы. Она почувствовала, как Габриэль отвел ее волосы в сторону и приложил к шее холодное влажное полотенце. Теплая ладонь гладила спину, прикосновения сквозь одежду обжигали липкую кожу.

Отстранившись, Ева плюхнулась на задницу рядом с унитазом и осталась там, вытерев рот полотенцем и обхватив колени руками. Она взглянула на неподвижную фигуру Габриэля, присевшего перед ней на корточки.

Ее прекрасный лжец.

— Ева.

Девушка отчаянно затрясла головой, размахивая полотенцем в знак протesta.

— Пожалуйста, — прохрипела она. — Я больше не выдержу.

— Больше ничего нет, милая, — мягко заверил он ее.

Милая.

Ева уже полюбила слышать это слово от Габриэля, но сейчас оно лишь заставляло чувствовать себя опустошенной.

От нахлынувшего головокружения девушка уронила пульсирующую голову на колени. Она была слишком измучена, смущена и так напугана, что даже радовалась сильной пульсации в виске. Если бы это могло гарантировать отсрочку от бардака в мыслях.

Ева так и осталась сидеть скрючившись, неизвестно сколько времени, пока сильная рука Габриэля не подхватила ее под колени. Другая приобняла спину, и мужчина поднялся, прижимая Еву к груди. Сил бороться больше не было, а потому она позволила отнести себя обратно в спальню.

В конце концов, по его словам, она заперта. Пленница. Даже если Ева попыталась бы убежать, он и его парни следят за ней. Как и последние два месяца.

Ее охватило слишком сильное оцепенение, чтобы еще о чем-то беспокоиться.

Когда Габриэль положил ее на кровать, Еве хватило сил только перевернуться к нему спиной. Она поджала ноги и прижала к груди подушку, уставившись в стену возле кровати.

Ее отец. Человек, чье фото она даже никогда не видела. Человек, которого она ненавидела. Который намеренно бросил ее и маму. На самом деле был где-то рядом, наблюдал за ними и обеспечивал, а они даже не знали об этом.

— Где сейчас мой от-тец? — голос получился похожим на кваканье от усилий выговорить слово, которое никогда не использовала вместе с «моей».

— В России.

— А люди, устроившие несчастный случай с мамой? Он знает, кто они? Где они?

— Они мертвые. Все, кроме одного. От его рук.

Сердце Евы подскочило в груди. Мертвые? Ее отец *убил* их? Потому что они убили ее маму? Каким же ужасным человеком она должна быть, если находила в этом больше удовлетворения, нежели осуждения? Но те люди убили ее мать, заставили гореть заживо, пока она была привязана к машине ремнем безопасности...

Ева зажмурилась и заставила себя все осмыслить.

Стефано Моретти.

Габриэль кое-как объяснил, почему тот оказался в квартире Калеба. По крайней мере, это объясняло, каким странным образом он знал ее, хотя они никогда не встречались. И почему сказал, что увидятся вновь.

Ага, чтобы он смог убить меня.

Но тот другой мужчина?

— Ты знаешь про тот случай в квартире Калеба?

— Да.

Конечно, знает.

— Человек с длинными волосами. Он твой друг?

— Один из лучших. Его зовут Винсент Романи. Помимо Пейна он был второй твоей тенью, когда я не мог находиться в Нью-Йорке.

Мысли перешли к Калебу — еще одному лживому, подлому, предателю. Как он мог хранить такой огромный и смертельный секрет от нее?

Она поборола гнев.

Так вот, наверно, почему Винсент Романи показался ей смутно знакомым. Если он повсюду следовал за ней, «*безумие*», — пропел разум, то она, вероятно, его где-то заметила.

— Как он может работать на тебя и твоего брата? — спросила она.

— Винсент ни на кого не работает, кроме себя. Ради меня он много времени проводил со Стефано, и был с моей семьей с самого начала, поэтому ему доверяют. Он следит за происходящим и дает знать, когда стоит вмешаться. Анонимно, естественно.

— Если твой брат хочет меня убить, тогда почему он не приказал тому парню, когда я оказалась с ним одна вечером?

Пауза.

— Потому что, скорее всего, он хочет сделать это сам.

Брат ее похитителя хочет ее убить. Нет. Брат ее *защитника* хочет лишить ее жизни, если Габриэль говорит правду. Враги отца тоже хотят забрать ее жизнь, как они уже сделали с матерью.

Есть вообще кто-нибудь, кто не хочет убить ее?

«Габриэль», — прошептал голосок в голове.

Но он ей врал. Несколько раз. Как можно было теперь доверять ему?

— Ты родился в этой криминальной семье?

— Да.

— Какого рода вещи ты делал, когда был?.. — Как назвать того, кто работает на мафию? Головорез? Партнер? Шестерка? — Когда ты был в Нью-Йорке, — закончила она.

Габриэль так долго молчал, что Ева задумалась, ответит ли он вообще.

— Я делал все, что просил отец. Но со временем стал больше тяготеть к деловой стороне вещей, что было немного сложнее — надзор за игорными домами, подделка документов, работа с нашими подпольными автомастерскими и организация экспорта восстановленных автомобилей. Наша организация была и все еще является своего рода... ты бы назвала это криминальным ростовщиком. Предоставление денег под огромный процент. Но потом мой отец, а сейчас Стефано, предсказуемо ушли в другие отрасли — заказные убийства, оружие, торговля органами и наркотиками, кражи, проституция, — он замолчал, пока Ева переваривала услышанное. — Могу продолжить, но, думаю, ты получила представление.

O, да. Она получила очень четкую и страшную картину семьи, связанной с убийствами и криминалом. Она смотрела *«Клан Сопрано»*.

— Ты когда-нибудь убивал людей?

— Да.

— Многих? — слабо уточнила она.

— Да, Ева. Многих. Но только тогда, когда это было необходимо. Не многие из нас убивают ради самого убийства.

Девушка медленно перекатилась лицом к Габриэлю. Покрывало сползло на талию, и Ева впервые по-настоящему посмотрела на мужчину с момента сообщения парня с ирокезом. Он выглядел таким же убитым, как она себя ощущала. Губы были напряженно сжаты, возле глаз залегли морщинки, а волосы взъерошены, словно он постоянно проводил по ним пальцами. Но он все еще выглядел способным управлять миром и всеми людьми.

— Что ты подразумеваешь под необходимостью? — поинтересовалась она с искренним любопытством.

— Я отнимаю жизни у тех, кто угрожал, а временами и убивал кого-то из моих людей. А еще убираю людей, которые били или убивали собственных детей и жен. Я не усевал все дно Гудзона трупами, Ева, — сухо произнес он. — И потом, я никогда не убивал только из-за того, что могу это сделать.

Ошеломленная девушка перевела взгляд на бутылку с водой, стоявшую на столике возле кровати.

— Хочешь? — спросил он, проследив за ее взглядом.

— Пожалуйста.

Он открутил крышку и протянул ей бутылку, а грудь Евы наполнилась эмоциями. Всем естеством она тянулась к нему, позволяя части его силы просочиться к себе. Она не хотела злиться на него. Чувствовать предательство

Ева огляделась. Прошлой ночью в этой самой комнате он подарил ей столько удовольствия. Но сегодня...

Этой ночью девушка чувствовала себя потерянной и преданной. Мужчина, от которого хотелось принимать заботу, был тем же, кто разрушил весь известный ей мир.

Поэтому вместо того, чтобы прильнуть к нему, Ева взяла воду, игнорируя тепло прикосновения их пальцев, и осушила половину бутылки.

— Вот это моя девочка. — Забрав бутылку, Габриэль поднял ладонь и провел пальцем по ее щеке, кольцо холодило разгоряченную кожу.

Она стиснула зубы.

— Я хочу уйти. — Может ли она пойти в полицию с этой историей без того, чтобы ее выследили и заперли, оставив без ключей?

Его рука опустилась.

— Ты не можешь, милая. — Нечто похожее на боль, промелькнуло в тени его глаз.

— Я хочу уйти.

На этот раз он пригвоздил ее колючим взглядом.

— Нет.

Она наблюдала, как мужчина отвернулся, чтобы поставить бутылку на столик. Ей нужно время, чтобы все обдумать. А она не может этого делать, сидя в чертовой кровати вместе с ним.

— Прежде чем ты снова попытаешься сбежать, — между делом произнес Габриэль, — позволь предупредить, что парни позаботятся, чтобы ты не выходила из номера.

Беспомощные слезы заволокли глаза, и Ева опустилась на матрац, уставшая как собака, запутавшаяся и подавленная. С каждым взглядом на Габриэля ее сердце разбивалось снова и снова. Она отдала свою девственность этому мужчине. Доверила ему... себя!

Черт, даже согласилась работать на него после того, как узнала о его лжи.

Не предполагалось, что все так обернется. *Они* не должны были оказаться в такой ситуации.

Так как, черт возьми, ей выбраться из всего этого?

Глава 14

Винсент задержал дыхание, когда от приторного запаха одеколона Стефano появился рвотный рефлекс. Боже, дорогое дермо всегда хуже всего. Особенно, если ты заперт в древнем лифте с человеком, который чуть ли не искупался в нем. Но, возможно, Винсент был слишком чувствителен, потому что нервы натянуты до предела.

Кабина остановилась, сигнал прозвучал слабо и грустно от многочисленного использования. Винсент с радостью вышел первым и направился по пустому коридору бывшего дома Калеба Пейна. Мужчины остановились возле клубного дома и обнаружили, что нужный байкер сбежал. Один из братьев дал им знать — *после* того, как связался с начальством, — где Калеб. И президент «Обсидиановых дьяволов», Векс, и Калеб получили предупреждение о приближении гостей.

Уже второй раз за неделю они оказались перед квартирой 4B, и Винсент поднял кулак постучать, прислушиваясь к звукам движения за дверью. Щелкнул замок — и дверь широко распахнулась. Холодное покорное выражение, с которым их встретили, вызвало желание усмехнуться. Байкер, должно быть, поработал над своим бесстрастным лицом.

— Пейни, — Стефano так протянул приветствие, что Винсенту захотелось оторвать себе уши. — Как оно?

Пейн задумался и оглядел их, словно пытался понять, почему они пришли. Обменялись рукопожатиями.

— Шаг в сторону, фанат тачек, — велел Винсент, едва подмигнув.

С изрядным колебанием, Пейн отошел, чтобы мужчины могли войти в маленькую опустевшую квартиру, все еще усеянную запчастями для мотоцикла. Большой телевизор в углу показывал повтор любимого сериала Винсента про крутого МС.

Стефano огляделся. Чертов парень выглядел так, словно хотел брезгливо поднять руки, оттопырив мизинцы.

— Тебе стоит найти гараж, — произнес он. — Работай на меня, и я все устрою.

— У него уже есть работа. И гараж.

Все повернулись, когда Векс вышел из ванной, втирая маслянистую жидкость в испачканную кожу рук. Эта хрень творила чудеса после возни с двигателем. Сукин сын прекрасно выглядел с длинными светлыми волосами и крупным телом. Он был одет в цвета клуба, как обычно. Винсент всегда питал к нему здоровое уважение, зная, на что именно способна эта сумасшедшая уличная крыса.

— Векс. — Стефano слегка усмехнулся, словно думал, что его присутствие могло нарушить чьи-то планы. — Теперь зависаешь с подчиненными?

Мелькнул идеальный ряд жемчужных зубов, но улыбка не коснулась по-детски голубых глаз.

— Ха, просто помогаю хорошему другу и брату. Жнец. — Он кивнул Винсенту и получил в ответ короткий кивок.

Стефano повернулся к Пейну, который отошел к крохотной кухне и теперь стоял с открытой банкой пива. Аккуратно сложенный на стойке поношенный жилет привлек внимание Винсента. Вверху красовалась надпись «Обсидиановые Дьяволы», а пониже «Манхэттен». Обе красными буквами на черном фоне. В центре была известная эмблема — весьма устрашающий Мрачный Жнец в обрамлении черных крыльев ангела и надпись

«МС». Но не только это заставило его прищуриться. Новая нашивка «Вице-президент» была с гордостью прикреплена на видное место на груди справа.

Проклятье. Счастливчик. Габриэль определенно знал, как выбирать людей.

Векс заметил его взгляд и посмотрел на Винсента, прежде чем обратиться к Стефано, переключая внимание босса на себя и Пейна.

— До меня дошли слухи, что ты потерял деньги на одной из сделок в Фрипорте.

Прекрасно. Старший брат Габриэля начал петь о своем раздражении теми, кто недооценивал семью, и Винсент пододвинулся к Пейну.

— Говори все, что бы он ни спросил, — произнес тихонько. — Отвечай ему. Не юли. Он в курсе дела, и ее спрятали.

— Точно? Потому что я писал ей, и она ни черта не отвечает. Где Ева, черт побери, Ви?

Ох, вице-президент метал искры.

— До нее добрался Фурио, но сейчас она в безопасности. Я дам знать, когда у меня будут детали.

Винсент уже отошел на несколько шагов в сторону, когда Стефано надоел разговор с Вексом. Моретти двинулся к байкеру и сосредоточился на Пейне.

— Хотел задать пару вопросов о кисе, которую встретил тут пару дней назад.

Байкер отставил пиво, челюсти были сжаты, и встал напротив босса.

— Что ты делал в моей квартире?

— Не важно. Я слышал, она кое с кем связалась. Что-нибудь знаешь об этом?

Возмущенное выражение лица байкера было чересчур реалистичным. Винсент мог только надеяться, что парень справится с собой и не выдаст их всех к чертовой матери.

— С чего ты взял, что я собираюсь обсуждать с тобой девчонку? — прорычал Пейн, чувство собственничества буквально сочилось из его тона. К счастью, Винсент знал, что он относился к ней, как к своей сестре.

— Глупо, Пейн, — ответил Стефано, его лицо ожесточилось. — Правда, глупо. Не думал, что должен рекомендовать тебе отвечать на вопросы, а не задавать их. Винсент?

Когда Винсент буквально заставил себя двигаться, уважение к байкеру возросло. Пейн повернулся к нему лицом, на котором до смешного явно читалось: «*Только не слишком больно*».

Стефано отвернулся и ушел к окну, доставая телефон и производя впечатление, что находит последующие события скучными.

— Ты получил оружие? — спросил он у человека на другом конце линии. Должно быть, Фурио. Алек сообщил, что этот кусок ублюдка подстрелил одного из близнецов Беркман, прежде чем все полетело к чертям собачьим. Никогда не позволяй расслабляться охране рядом с таким негодяjem, как Фурио. Этот мерзавец обладал запредельным болевым порогом, учтивая, как его покалечили близнецы... и все равно вырвался.

Не желая тянуть с «наказанием», Винсент быстро замахнулся и ударил Пейна в левый глаз. К сожалению, это должно было выглядеть убедительно. Голова откинулась назад, байкер чуть не упал на задницу. Не им ли знать о той доле секунды, через которую вспыхивают болевые искры. Калеб поднял руку, но Векс шагнул вперед, велев остаться на месте. Парень был крут.

Вернувшись к допросу, Винсент схватил Пейна за симпатичную футболку в готическом стиле и оглянулся, убедившись, что Стефано не обращает на них внимание. Тот яростно бормотал в телефон.

— Прости, мужик, — прошептал Винсент с нехарактерными для него симпатией и раскаянием, закатил глаза и заговорил громче, — поучись уважению, ублюдок.

— Волосы приятно пахнут. У тебя отдельный кондиционер или ты пользуешься «два в одном»? — голос Пейна был тихим.

Винсент моргнул и встретил сверкающий взгляд байкера. Пришлося прикусить щеку изнутри, чтобы удержаться от смеха. Какого черта? Дурья башка должна была раскалываться от удара, но вот он уже клоунадничает. Красавец.

Легким толчком он отправил юмориста на диван, а сам замер, словно статуя, у двери.

— Отвечай на вопросы, — рявкнул Винсент, изо всех сил стараясь не смотреть на Векса, боровшегося с улыбкой.

— Итак, что тебе известно о подцепившем ее парне? — спросил Стефано, засовывая телефон в карман и возвращаясь к разговору, будто и не прерывался. От резкого вопроса юмор из атмосферы словно ветром сдуло.

Босс отвернулся от окна и направился к журнальному столику, где взял выпуск «Солдата Удачи». Пальцы Пейна сжались в кулаки, когда Стефано начал пролистывать журнал. Винсент не смог сдержать улыбку. Журнал выглядел совершенно новым. Если бы он принадлежал Винсенту, и не будь у того шанса до сих пор самому посмотреть его, он бы тоже бесился.

Или Пейн расстроился, услышав, что Габриэль затащил в постель dochь Василия. У мужика стальные яйца, чтобы играться с русским, но как бы там ни было.

Пейн бросил на Винсента взгляд, будто говоривший «ты уверен в этом, черт побери?».

Винсент кивнул.

— Парня зовут Габриэль Мур.

Стефано уронил журнал. И, боже, как он ненавидел своего брата.

— Это серьезные отношения? Или с ней просто развлекаются?

Пейн выдвинул челюсть вперед, мышца под стремительно опухавшим глазом подергивалась.

Ну же, брат. Соображай.

— Насколько могу судить, серьезно. У меня нет привычки спрашивать подруг сестры, нашли ли они свою любовь, — ухмыльнулся Калеб.

На удивление, Стефано проигнорировал сарказм. Или нет, подумал Винсент и весь подобрался, готовый вмешаться, когда босс потянулся во внутренний карман. Но вместо того, чтобы достать пушку и попытаться пробить дыру в двух головах, он вытащил пару сложенных фотографий. Пересек комнату и положил их изображением вниз на стойку рядом с зеленой бутылкой «Стелла». На лице Стефано появилась холодная улыбка.

— Спасибо за информацию, друг. Знал, что ты будешь рядом. Нам, по крайней мере, не нужно туда идти. — Он кивнул на бумаги. — Но не забывай. Я это сделаю, если придется.

Проклятие. Кто был на фото? Черт, больше всего на свете Винсент ненавидел, когда не знал что-то о ситуации.

Он потянулся открыть дверь, когда Стефано подошел к нему.

— Если мне еще что-нибудь понадобится, я дам тебе знать, — бросил босс через плечо, и они вышли из квартиры.

Калеб Пейн наблюдал, как Стефано Моретти и Винсент Романи — гораздо более впечатляющий — покидали его опустевшую квартиру. Как, черт побери, Жнецу хватало смелости работать с этим парнем, он не знал. Хотя играй свою роль, учил ублюдок. А какой удар, черт побери.

Заставляя себя оставаться на месте — пусть и снова байкер был напуган до чертиков тем, что не мог дозвониться ни до одной из девочек, — он позволил себе слабость: дотронуться до подбитого глаза. *Проклятие*. Уже начал опухать. Он схватил оставшуюся в морозилке упаковку кукурузы, чтобы приложить к лицу.

Где они, черт подери? Ника и Ева исчезли.

— Подонок, — пробормотал Калеб, когда Векс подошел и встал перед ним. Президент оттолкнул овощи и схватил его за подбородок, осматривая повреждение. — Учитывая, что мы на одной стороне, он не должен так усердствовать в выполнении приказов.

Векс уронил руку и взглянул на него.

— Подумай о ста килограммах за этим кулаком, брат, — сухо произнес он. — Он не усердствовал. Никто не виноват, что у тебя стоит на гигиенические заморочки.

— Ничего не могу с этим поделать. — Калеб широко ухмыльнулся. — Он слишком серьезен. Хотел немного встряхнуть его.

— У тебя получилось. Могу поклясться, что видел, как сжались его губы. — Векс отклонился и подобрал бумаги, оставленные Моретти на столешнице.

Калеб швырнул кукурузу в мусорку и замер, услышав рычание, похожее на звериное. Он повернулся. *Какого черта?* Никогда еще раньше не слышал подобный звук от лучшего друга.

— Что такое?

— Смертный приговор.

— Чей?

— Стефано Моретти.

Адреналин ударил в голову. Калеб подошел и взглянул на бумаги, руки тут же схватили две фотографии.

— Пора ехать домой, брат, — произнес Векс. Его обычно беспечный голос теперь был серьезным и хмурым.

Калеб уставился в печальные изумрудные глаза младшей сестры. Она находилась, судя по всему, в машине своего придурочного мужа. Яркая головка прислонилась к стеклу, выражение лица отсутствующее.

— Отвези меня в аэропорт, — прохрипел он.

Телефон ожил, и Габриэль выпрямил ногу, чтобы вытащить его из кармана брюк. Он все еще сидел на краю кровати, а Ева снова лежала к нему спиной.

— Да.

— Просто проверить. Она в порядке?

Искренняя забота в голосе парня вызвала чувство симпатии к нему. В конце концов, Ева принадлежала его семье.

— Да. Думаю, что так.

— Хорошо. Пока никаких новостей. Позвоню позже, брат.

Габриэль отбросил телефон.

— О чём говорили? — поинтересовалась Ева.

— Алек звонил узнать, как ты.

— Еще один идиот, — пробормотала она, поворачиваясь к Габриэлю. — Если бы он действительно беспокоился за меня, то уже был бы здесь, чтобы надрать тебе задницу за удержание меня против воли.

Габриэль заставил себя поднять взгляд от ее губ.

— Ему бы это понравилось.

— Что?

— Твоя глупая мысль, что он сможет надрать мне задницу. — Губы, на которые он уставился, сжались.

— Габриэль хотя бы твое реальное имя? — удивила Ева вопросом

— Да. Мама назвала меня в честь своего отца.

— Мне не нужны такие подробности, — отрезала девушка.

Почему? Потому что личные подробности делают его меньшим монстром?

— Итак, Габриэль *Моретти*. Означает ли это, что «ТарМор» расшифровывается как Тарасов/Моретти, а не как все думают?

— Верно. Мы с Алеком вместе выросли в Нью-Йорке и десять лет назад основали фирму. Первые несколько лет занимались лишь дешевыми товарами, но, по крайней мере, фирма принадлежала нам. Когда же на борту появился Маркус, мы расширились — и появились новые направления. Мы забавлялись тем, что добились успеха, не запачкав руки кровью. Мы очень хорошо поработали. — Он плох. Позволил себе рассказать больше личных подробностей.

— Кстати, я увольняюсь. Знаю, что по этикету положено сообщать за две недели, но не считаю, что это необходимо, учитывая обстоятельства. А теперь можешь выйти из комнаты и дать мне немного личного пространства?

Гейб знал, что его улыбка была самодовольной.

— Нет. Мне и тут хорошо. И я не принимаю твою отставку.

Ева села, выражение лица говорило, что она не согласна ни с единственным словом. Габриэль уже раз двадцать видел подобное выражение у ее отца.

— Ты не можешь заставить меня работать на себя, Габриэль!

Почему от произнесенного девушкой своего имени он затвердел? Габриэль отодвинулся в сторону, чтобы она не могла этого увидеть.

— Почему нет?

— Ну, потому что ты лгал мне. Потому что все твои действия были ложью.

Он нетерпеливо взглянул на нее.

— После всего того, что я рассказал тебе: об отце, его врагах, моем брате, ты не можешь понять, почему я это сделал? Неужели не видишь теперь, что я обязан держать тебя рядом? Как я могу отпустить тебя туда?

— Ты не должен был спать со мной, — выпалила Ева.

— Нет, милая, должен был. Я не мог перебороть себя. — И тут он был честен перед самим Богом. Когда ее дыхание прервалось, а глаза округлились, мужчина встал и отошел

на пару шагов. Иначе бы прямо сейчас раздел ее и трахнул. Почему-то Габриэль решил, что Ева не пойдет на это.

Девушка откинулась на спинку кровати, подтянула колени к груди и обняла их. Она выглядела совсем юной и напуганной, Габриэлю захотелось выстрелить себе в голову за то, что был таким придурком.

— Черт. Ты права. Я не *должен* был спать с тобой, — согласился он и уселся обратно на кровать, спиной к Еве. — Но, будучи собой, привыкнув получать желаемое, ты стала моей. Потому что я отчаянно хотел тебя. Черт, мне не стоило лгать, не стоило вообще к тебе прикасаться, но я это сделал и не могу ничего изменить. — Габриэль потер глаза, уставший так, как никогда в жизни. — Ты должна оставаться со мной, милая. Я могу защитить тебя, потому что знаю, что тебе грозит. Прошу, не надо спорить. Не делай мою работу еще тяжелее, чем она есть. Не представляю, что сделает твой отец, если с тобой что-нибудь случится под моим присмотром.

Она молчала, и Габриэль мог лишь надеяться, что достучался до Евы. Начни она скандал, ему придется быть очень грубым.

— А если я сбегу от тебя и пойду в полицию?

— У нас у всех есть связи с мальчиками в форме. Включая Стефано. Ты и моргнуть не успеешь, как любое твоё слово достигнет его ушей и, в зависимости от того, сколько заплатят копам, ты можешь оказаться в багажнике патрульной машины, и тебя доставят к моему брату с красивым бантом на заднице. Кто тогда тебе поможет?

Габриэль был ее единственным выходом. И надеялся, что она это понимает.

— Ладно.

Лучшее. Слово. Во всем мире. Он повернулся.

— Ты останешься? Без воплей на всю округу и попыток сбежать при первой возможности? — уточнил он.

— Да.

Габриэль должен был признать, что ему захотелось вручить ей приз. Ее пальцы сплелись и начали стучать друг по дружке. Она так делала, когда нервничала.

— Мой отец сделает тебе что-то плохое?

Беспокоится? О нем?

— Если что-то случится с тобой под моим присмотром?

Она кивнула.

— Никаких сомнений, что твой отец прибьет меня, если тебе причинят вред.

— А если это будет не твоя вина? Что, если я решу улизнуть? Он не должен заставлять тебя отвечать за то, что ты не мог контролировать.

Габриэль поднялся и подошел к ней, накрыв ладонью ее беспокойные пальцы и становясь на колени возле кровати.

— Если ты сбежишь и мой брат или Фурио — тот парень, который ворвался в твой дом — найдут тебя, меньше всего ты будешь переживать, насколько мучительную смерть уготовит мне твой отец. Ты окажешься в руках людей, которые...

— Нет, нет, нет. — Она яростно замотала головой. — Я... я не хочу этого. Не хочу, чтобы тебе причиняли боль. Что бы ни происходило между нами, я не хочу этого. Не хочу твоей смерти.

Ее взволнованный взгляд встретился с его, и сердце сжалось от ее слов. Ева не хотела, чтобы его ранили или убили. Она беспокоилась о его безопасности.

Это не было прощением, но уже *хоть что-то*.

Габриэль протянул руку и погладил девушку по щеке, провел пальцами сквозь шелковистые черные волосы. Ева не отшатнулась. Было ли это из-за того, что она немного оттаяла или слишком устала, чтобы обращать внимание, он не знал. Но ему и этого было достаточно.

— Никто не умрет, если ты останешься рядом со мной. Никому не причинят вред, если ты будешь рядом, — подчеркнул он. — И, Ева?

Она издала тихий звук.

— Не думай о своем отце плохо, потому что он не единственный, кто убьет ради тебя.

Отвернувшись, девушка посмотрела через окно в ночь. Ее профиль был так же прекрасен, как и вся она. Боже, Ева совершенна. От внешней красоты до глубины души... до ее закрытого на замок сердца. Стефано один раз уже подобрался к ней. Как, черт побери, Габриэль мог отпустить ее?

— Ты останешься со мной? — спросил он, требуя еще одного подтверждения.

— Да, — произнесла Ева. Ее голос надломился. — Я никуда не уйду.

Хорошо. Он может с этим жить.

Глава 15

— *Твою ж мать!* — яростный рык Стефано отразился от стен маленького кабинета стриптиз-клуба.

Этот гребаный день не мог стать еще хуже, ведь так? Сначала бешеный пересказ Фурио о стычке с парнями Габриэля, а теперь это. Но *Это*. О, *это* было гораздо хуже. Предательство. *Публичное* предательство. Унизительное и оскорбительное публичное предательство.

— Где была эта встреча? — потребовал Стефано ответ у племянника, кружка вокруг.

— Прямо здесь. Может, час назад, — голос и взгляд Алесио были твердыми, словно он принимал в этом участие. Но ребенок только говорил так. На самом деле, к нему произошедшее не имело никакого отношения. Хвала Господу. Потому что Стефано всегда любил подающего надежды, добродушного парня и ему претила мысль наказывать его. — Сказал, что едет в аэропорт, — продолжал Алесио. — Я позвонил тебе, как только он ушел.

Только потому, что было необходимо успокоиться и узнать подробности, Стефано умерил свой гнев.

— Расскажи, о чем он говорил.

Сукин сын! Они все умрут. Все до единого.

— Что больше не останется с тобой. Не может из-за того, что ты запланировал. Сказал, что летит в Сиэтл, чтобы стать правой рукой настоящего босса семьи. Спрашивал, хочу ли я отправиться с ним. «Пойдем на сторону победителя», — он сказал.

Настоящего босса? *Страна победителя?* У Стефано даже заболела сонная артерия от мощного прилива крови к голове. Резким движением мужчина скинул ноутбук со стола и отправил его в стену мощным ударом. Принтер оказался следующим. А затем и монитор с видеонаблюдением.

Винсент *Гребаный* Романи оказался двуличной подлой сволочью. Змея на груди, сукин сын! Стефано отвернулся от Алесио, практически видя, как уважение в глазах мальчика растаяло, словно дым. Моретти едва не выворачивало от унижения и стыда за чудовищное предательство.

Ничтожество! Ублюдок! Слепой и тупой чертов мудак!

Именно так отныне людям стоит его описывать.

О, этот длинноволосый придурок будет мечтать, чтобы холодный смертельный взгляд никогда не наткнулся на него. К тому времени, как Стефано закончит с Винсентом Романи, тот превратится в безногое тело на дне Гудзона.

Гребаный Габриэль.

Этот сукин сын снова его уделал. Полностью. Жестоко. Унизил его. В этот раз проник в его организацию через Винсента, *своего* парня.

Гребаный ад. Сколько информации о происходящем в семье Винсент передал за эти годы? Сколько планов Стефано теперь известны Габриэлю?

Все. Потому что он доверял этому слизню достаточно, чтобы позволять совать свой нос повсюду, где тому захочется.

Босс повернулся к Алесио.

— Собери Браунсвиллскую группировку, и вели быть здесь через час. Скажи им, что мы уезжаем из города на день-два. — Стефано пересек комнату и помедлил, положив ладонь на дверную ручку. — Подготовь их к кровавой бойне на Западном Побережье, — велел он перед выходом.

Это был последний раз, когда брат обошел его.

Ева. Винсент. Александр Тарасов. Джексон Триско и Куан Мао, просто потому, что они окажутся на их пути. Он надеялся, что и Максим Киров, еще один русский ублюдок. А потом Габриэль.

В таком порядке они умрут.

Стефано вылетел из клуба и впервые на своей памяти сам сел за руль «Навигатора». Он вырвал из кармана телефон и связался с Фурио. Пришло время расплаты для тех, кто нанес ему оскорбление.

Поджав ноги, Ева сидела в большом кресле. Сквозь огромное окно в гостиную лился утренний свет. Боже, она была так морально истощена. С той минуты, как проснулась, девочка пыталась поменять негативный настрой мыслей об отце.

И преуспела в этом.

Услышав, как открылась дверь спальни, Ева подняла взгляд на вошедшего Габриэля. Волосы все еще были влажными после душа и сияли чернее воронова крыла. На нем была черная рубашка на выпуск с небрежно закатанными на три четверти рукавами. Поноженные джинсы и черные кожаные ботинки завершали повседневный утренний наряд.

Он выглядел так же аппетитно, как и всегда.

Проклятие.

Он остановился возле дивана, оставив приличное расстояние между ними, и Ева застыла, борясь с влечением к нему и стягивая потуже края халата. Габриэль это заметил. Ева не стала одеваться, потому что очень боялась его разбудить.

Прошедшей ночью они спали рядом. Когда Ева проснулась утром у него на руках, то ненадолго забыла, что случилось что-то плохое. Все было как в прошлое утро, после того, как они занимались любовью.

«Может, ты можешь снова вернуться к тому моменту? — предложил внутренний голос. — Если бы ты только могла его простить. Его извинения казались предельно искренними».

А потом она подумала о матери и ее романтической связи с бандитом. И чем это закончилось.

На сердце потяжелело.

Сегодня она спит на диване.

— Доброе утро, милая. — О, этот голос, глубокий и волнующий. — Ты хорошо спала?

Его взгляд был таким обжигающим, удивительно, что ее глупое коварное тело не растеклось лужицей.

Девушка кивнула, а в животе заурчало, разрушив момент.

— Прости. — Она прикрыла живот ладонью, и щеки зарделись. — Голодная.

— Мне знакомо это чувство, — сухо бросил он через плечо, уходя к двери.
Что он имел в виду? Что хотел позавтракать?

Как только он повернулся к ней спиной, Ева быстро прошмыгнула в спальню и открыла один из двух своих чемоданов. Утром они уже ожидали возле кровати. Ева скинула халат на спинку, быстро скользнула в нижнее белье и сунула ноги в песочного цвета леггинсы. Натянула через голову свободный белый топ и оставила волосы распущенными, но перед выходом надела на запястье резинку.

Или он имел в виду, что изголодался по ней?

После того как мужчина видел ее истерику прошлой ночью, она в этом сомневалась.

Габриэль стоял в дверном проеме кухни и пожирал Еву взглядом, с каждым шагом заставляя чувствовать себя все более неуютно.

— Перестань так смотреть на меня, — выдохнула она, приблизившись, нервы натягивались все сильнее и сильнее.

Габриэль лишь слегка улыбнулся и пододвинул для нее стул возле стола.

Девушка села, подогнув одну ногу под себя, и вдохнула дразнящий аромат кофе, бекона и яиц. Рот наполнился слюной. Габриэль сел справа во главе стола, а Ева подняла кувшин с кофе и разлила дымящийся напиток по чашкам. Добавила себе сливки, пока Габриэль снимал крышки с тарелок.

— Ешь, — велел он, не глядя на девушку и беря в руки вилку.

— Серьезно, *босс*? — проворчала она, тоже беря вилку. — Я думала, мне дозволено только нюхать.

— Ты болтливее, чем я думал.

Она наклонила голову и выразительно посмотрела на него, но промолчала. Слишком увлеклась, наслаждаясь копченым ароматом бекона. На самом деле.

— Можем вернуться к разговору о Василии? — спросил он.

Сердце Евы непроизвольно дрогнуло при имени отца. Мужчины, которого она всегда ненавидела. Которого всегда считала эгоистичным и безответственным богатеньким плейбоем. Но вместо этого он пожертвовал собственным счастьем и семьей ради того, чтобы уберечь их от бесспорно опасного мира, в котором жил. Какой человек способен на такой благородный и болезненный поступок?

Твой донор спермы.

Стыд за прежнее ужасное мнение о нем заставил прикусить губу. Но в итоге все оказалось напрасным. Потому что ее мать лишили жизни те же люди, от которых Василий Тарасов старался их уберечь. Члены русской группировки конкурентов.

Она была дочерью главаря русской мафии.

Девушка оказалась на грани истерики. Но разве можно было ее винить? За последние двадцать четыре часа она потеряла девственность, начала работать на новой работе, обнаружила, что подарила невинность своему боссу, подверглась нападению в собственном доме, оказалась пленницей и узнала, что ее отец — глава русских бандитов.

Покачав головой от невозможности всего происходящего, она сделала что-то предельно нормальное — выпила кофе. Возможно, будет полезным поговорить об этом. Видит Бог, она сама со всем не справится.

— Не знаю, поймешь ли ты, — призналась Ева, накалывая кусок яичницы. Пожевала и проглотила его.

Габриэля удивился, что она не стала спорить. Он положил недоеденный кусочек тоста на край тарелки.

— А ты попробуй.

— Я ненавижу его. — Она съежилась и опустила взгляд на апельсин, служивший украшением блюда. *Мило*. Очень утонченно. — То есть, раньше ненавидела. На протяжении многих лет, за то, что бросил нас. Он казался таким безответственным и эгоистичным.

Она изо всех сил сжала салфетку.

— Мама рассказывала только о том, что любила его. Когда я была младше, задавала ей вопросы, но она сразу менялась. Заставала на месте, словно вот-вот сломается, если пошевелится. Свет в глазах гас, а голос становился безжизненным. Создавалось впечатление, что жизнь покидала ее. Нечего и говорить, я перестала спрашивать.

Она наколола еще яичницы, но пришлось макнуть в апельсиновый сок, чтобы проглотить ее. В горле пересохло. Ева отложила прибор.

— Когда я стала достаточно взрослой, чтобы осознать происходящее, то поняла: отец разрушил ей жизнь своим уходом. Разумеется, мама жила, прекрасно заботилась обо мне, обустроила замечательный дом. Но сама по себе? — Ева покачала головой. — Большая часть ее умерла. Это основная причина, почему я отказываюсь сближаться с кем-то. Не хочу, чтобы со мной случилось подобное.

Но сейчас она очень боялась, что это может произойти.

Стены вокруг ее сердца треснули при виде сочувствия, наполнившего глаза Габриэля. Он протянул руку и сжал ее пальцы.

— Не хочу проявить неуважение к боли твоей матери, милая, но что насчет тебя?

Боже, как приятно было чувствовать свою руку в его.

— Я всегда думала, что он ушел из-за меня, — честно ответила Ева. — Считала, что своим рождением все испортила, и задумывалась, не жалела ли мама о моем появлении. Смотрела ли она когда-нибудь на меня с мыслью о том, как бы сложилась ее жизнь без меня? Если бы мой отец остался. Было ли меня достаточно для нее?

Ева осознала, что крутит кольцо Габриэля на большом пальце. Ноказалось, он не обращал внимание, и девушка продолжила:

— Знаю, во мне говорит скорбь. Так сказал психолог в университете. Еще он говорил, что сомнения по поводу сделанных мною решений за последние несколько лет пройдут. Потому что, на самом деле, мне бы хотелось остаться в Сиэтле и вообще не ехать в Нью-Йорк. Тогда я бы не упустила столько времени вместе с ней. Кто же знал, что у нас нет в распоряжении всей жизни.

— Ева...

— Знаю. — Она махнула рукой и избегала встречаться глазами. — Но если бы я была там, то мы могли вдвоем провести тот день в другом месте, и она бы не попала в аварию. — Конечно, теперь Ева знала, что это был не несчастный случай. И, учитывая новые факты, вероятно, она бы тоже умерла в тот день.

— Или ты могла бы быть на учебе, на работе или с Никой, и это все равно бы произошло. — Разумно. Ева подняла взгляд, и Габриэль поймал его. — И Василий не уходил из-за тебя. Он ушел ради тебя. Потому что считал, что тем самым обеспечит вашу безопасность.

Она проглотила ком в горле и сморгнула слезы.

— Достаточно раз услышать, как он говорит о тебе, чтобы доказать его любовь. Гордость в голосе. Выражение его глаз. — Он наклонился. — Ты меня слышишь?

Она кивнула и почувствовала, как разбитая часть сердца, принадлежавшая отцу, начала излечиваться.

— Он заслуживает огромного уважения за такую жертву. — Габриэль горько усмехнулся, мягко кружка большим пальцем по ее ладони. — Это должно быть в твоей крови, потому что Алек сделал то же самое год назад — закончил длительные отношения с любовью всей своей жизни, чтобы оградить ее от крыс в группировке Василия. Парень до сих пор страдает. — У Евы перехватило дыхание от всплеска эмоций в зеленых глубинах его глаз. Мог ли мужчина, который так любит своих друзей, быть плохим?

— Но главное тут, черт побери, то, что ты стала подарком для Василия и Кэтрин. И вопреки тому, что сейчас сказала мне, ты никогда не убедишь меня, что твоё существование не спасло жизнь твоей маме. Не допускаю ни единого сомнения, что ты подарила ей удовольствие и уют, особенно учитывая всю силу твоей любви к ней, больше, нежели смог бы любой другой мужчина. Даже твой отец.

Ева сплела с Габриэлем пальцы и впервые искренне улыбнулась ему с тех пор, как он солгал ей, что является ее боссом. Она достаточно знала его, чтобы понимать: Габриэль не будет так эмоционально разговаривать, если слова неискренни. А те добрые слова, которые он только что произнес... Ева почувствовала, как ее оборона рушится.

— Спасибо, Габриэль. Предполагаю, разговор об этом все же был хорошей идеей, — признала девушка.

— Разумеется, — самонадеянно подтвердил он.

— Мне нужно работать над тем, чтобы думать об отце как о хорошем человеке, а не безвольном засранце, коим считала его все эти годы.

— Ты справишься. Потому что он один из лучших людей, которых я знаю. Он берегает тех, кого любит, и снисходителен к их ошибкам. А еще он мужчина, который не боится это показать. Смузает всех тем, что легко привязывается к людям.

Ева откинулась на стуле.

— Как?

— Расцеловывает наши красные рожи при каждой встрече. — Габриэль криво улыбнулся, словно изображая то, о чем говорил, и налил себе кофе. Задержал кувшин над ее чашкой, Ева кивнула. — В качестве оправдания называет это русским обычаем. У Винсента с этим намного сложнее: его семья — полная противоположность семьи Алека в вопросе выражения чувств. Так же, как и моя. Поэтому твой отец превращает встречу с Ви в гораздо более шумную и длительную церемонию, нежели с нами. У него плохое чувство юмора, он великодушен, но не распространяется об этом. Его поддержка в некоторых вопросах всегда анонимна. В прошлом году он финансировал какую-то реконструкцию в родном городе Ногинске, пригороде Москвы. И отказался афишировать имя. С помощью Максима перевел деньги через засекреченный счет, чтобы удостовериться, что до него не дойдут никакие благодарности.

В голосе Габриэля ясно звучали привязанность и уважение, и, хоть это было глупо, чувство обиды заставило ее наморщить нос.

— Прости, но буду эгоистичной, я ревную, что ты так хорошо его знаешь, — произнесла она, отпивая новую порцию кофе.

— Ох, милая... — Он потянулся и нежно дернул прядь волос. — У тебя еще будет шанс. Думаю, больше всего на свете он хочет, чтобы ты присутствовала в его жизни. И не

думай, что ему дали возможность узнать меня. Лишь раз или два Алек приглашал нас с Винсентом провести вместе время. После этого мы заявлялись туда по собственному желанию. Все лучше, чем у нас дома.

— Почему?

Он пожал плечами, поднялся и направился в гостиную, вернулся с телефоном и положил рядом с тарелкой. Экраном вниз. Всегда экраном вниз.

— Стариk Винсента был никем, кроме как пустословом, который оставил Винсента по большей части самого воспитывать младшую сестру, — насмешливо ответил он, садясь обратно. — Ви, черт возьми, было всего двенадцать. А в моем случае, Стефано никогда не скрывал, что не любил меня, по неизвестным до сих пор причинам. Даже когда мы были детьми, он всегда смотрел на меня как на... — Габриэль на секунду задумался и пожал плечами. Его колено коснулось ее под столом. Ева не пошевелилась, он тоже. — Как будто ненавидел меня до глубины души. Мне понятно, почему это происходит сейчас, но тогда все было бессмысленно. Кстати, ты четвертая мишень в его игре «око за око». Он уже отнял жизни у трех женщин, с которыми я связался.

Ева поставила чашку и изо всех сил постаралась не показать, как ее разозлила мысль о Габриэле с другими женщинами. О том, что он спал с ними. С тремя! Так же, как с ней. Девушка стиснула зубы. *Он*, разумеется, не был один.

Хватит, Ева. Несмотря ни на что, не смотря на опасность и ложь, ты привязалась к нему. Ревность. Ты не можешь себе этого позволить.

— В любом случае, — продолжал он, не замечая ее внутренний конфликт. — Суть в том, что брат сделал жизнь дома ужасной, и я искал любую возможность оказаться где-нибудь еще. И не только он, еще мой отец. «Моя ответственность» — только об этом я и слышал. — Его губы скривились. — Ни один чих не обходился без его вопроса, так ли должен веси себя Дон. Он неустанно твердил, что я рожден и учился исключительно для того, чтобы возглавлять нашу организацию.

Симпатия и сострадание к мальчику отмели прочь ее намерения продолжать злиться.

Сострадание к мальчику... теперь мужчине.

Он совершил страшные вещи. Ева все еще не знала, может ли доверять ему. И уж конечно точно не знала, может ли стать частью его жизни после всего произошедшего с ней. И того, что случилось с ее родителями.

Но, не смотря на это, она искренне верила, что Габриэль никогда не причинит ей вреда. Что он по-своему всегда в первую очередь заботился о ее интересах.

Они оба были плодами собственных семей.

Девушка осторожно протянула руку и положила ладонь ему на щеку, ощутив покалывание щетины. И прежде чем могла одуматься, наклонилась над столом и поцеловала Габриэля в губы.

Да.

Вот оно. Вот то, чего он так ждал. В чем нуждался.

В ощущении губ Евы, таких мягких, она так сладко потянулась к нему, что его тело мгновенно отреагировало. Он успокоил свое желание, принимая то чувство, которое заменило его. Покой. Снова касаться ее.

Она забралась в его душу. И это было гораздо больше, нежели простое физическое влечение. Больше, чем страсть. Господи, больше, чем то желание защитить, которое она вызывала в нем.

Это необходимо прекратить. В его жизни не было места для любви. Он бы заявил о том, что девушка должна оставаться рядом даже после того, как закончатся неприятности со Стефано, но знал: Ева не принадлежала его миру.

Если Василий вообще сохранит ему жизнь после того, как узнает, что Габриэль переспал с его дочерью.

Он знал, что должен сейчас отстраниться. Ева начала прощать его за ложь. За удержание в неволе ради ее же безопасности. Но вместо того, чтобы отклониться, его губы раздвинулись, мягко углубляя поцелуй.

Резкий удар в дверь номера заставил Еву отдернуться.

— Стучат, — прошептала она с улыбкой.

— Сейчас я настучу. Кто бы там ни был, — пообещал Габриэль.

Она рассмеялась.

Он был серьезен.

Еще один стук.

— Ты кого-нибудь ждешь? — от внезапного испуга голос девушки прозвучал выше.

Он вздохнул. Она не заслужила этого дерьяма.

— Должно быть, Алек. Или Куан.

Не обратив внимание на то, как сжались ее губы, он повел Еву к дивану и слегка толкнул. Мужчина осудил себя за то, что рука задержалась на бедре чуть дольше необходимого, и пошел открывать обломщику кайфа.

Алек стоял в синей рубашке навыпуск, засунув руки в передние карманы джинсов. Стучавшим оказался Куан, он стоял посреди коридора так же в джинсах, но грудь облегало серое худи. Сзади стоял Миша, в одежде больше подходящей для офиса. Габриэль заскрежетал зубами от насмешливого выражения на их лицах, кулаки чесались врезать кому-нибудь в ухо.

— Как вовремя. — Светло-голубые глаза Алека осмотрели его с ног до головы. — Что, никаких отпечатков пощечин?

— Ни царапины, — заметил Куан.

— Что вам двоим нужно?

— Она в порядке? — спросил Алек.

Габриэль со вздохом отступил назад.

— Сами посмотрите.

Они вошли в номер, Габриэль же захлопнул дверь перед ухмылявшимся Мишем и последовал за парнями, чтобы полюбоваться на его красавицу. Но как только он заметил ее выражение, то сразу понял, что-то не так. Голова девушки была немного наклонена в сторону, взгляд сапфировых глаз отяжелел, когда она раскинула руки на спинке дивана и скрестила ноги, покачивая голыми ступнями.

— Привет, мальчики, — произнесла она с наигранной жизнерадостностью. — Пришли поглязеть? Мне жаль, но вы зря приехали. Сегодня никакого шоу не будет.

Похоже, прошлой ночью, я выложилась на полную. Ой, погодите. Все верно. Вы были там. Все видели, — жестко произнесла она, улыбка сползла с лица и девушка смерила их таким взглядом, что даже *ему* стало неуютно. Ева встала. — Желаете, чтобы я вышла из комнаты, и вы могли наедине обсудить пленницу?

К чему она клонит?

— Ты не пленница, милая. Они и так дергово себя чувствуют из-за произошедшего, поэтому давай оставим это.

— Так и должно быть. У кого-нибудь из вас есть девушка? — Она указала на парней.

Мужчины покачали головами.

— Удивительно, — пробормотала она. А потом добавила. — На самом деле удивительно, учитывая, как вы оба выглядите. Ну да ладно, предполагаю, что у вас есть матери.

Отрицательный ответ.

Она выдохнула.

— О. Я сожалею о вашей утрате. Но, послушайте, у каждого из вас в жизни была женщина. Или мужчина?

Габриэль усмехнулся и покачал головой, когда она вопросительно повернулась к нему.

— Хорошо. Значит женщина. Может быть, сестра?

Куан поднял руку, словно на уроке в школе.

— Есть одна.

— Ты, — обратилась она к Алеку, — у тебя была девушка. Длительная влюблённость. Верно?

Лицо Алека посерело. Он явно подумал о Саше. Куан, должно быть, подумал о Джии, своей младшей сестре, живущей в Ванкувере.

— А теперь представьте, что кто-то удерживает ее в заложницах. Представьте, она кричит и плачет, умоляет других в комнате помочь, потому что испугана и запуталась в происходящем. А теперь представьте, что эти возможные спасители поворачиваются к ней спиной.

Напуганный взглядом Евы на прошлую ночь, Габриэль хотел подойти к ней, но решил, что ему вряд ли будут рады.

— Они не могли тебе помочь, даже если бы и хотели, — произнес он.

— Почему?

— Потому что не могут меня ослушаться.

Девушка вскинула брови.

— Почему нет? Разве вы не друзья? Друзьям можно не соглашаться друг с другом.

— Помимо того, что Куан и Алек мои друзья, они так же работают на меня.

Она кивнула, но все еще не выглядела успокоенной его объяснением.

— Точно. Я забыла. А Алек?

— Я отвратно себя чувствую после произошедшего прошлой ночью, — начал он. И бросил взгляд на Габриэля. — Она знает?

Габриэль покачал головой.

— Скажи ей.

Его друг снова повернулся к Еве и шагнул вперед, выглядя неуверенным, что было нехарактерно для него.

— Я твой двоюродный брат.

Глава 16

— Подожди. *Двоюродный брат?*

Ева поднесла ладонь ко рту, глаза округлились от радости. Разумеется. Фамилия Алека Тарасов, как и у отца. Как она не свела эти факты вместе? Честно говоря, девушка была так шокирована теми бомбами, которые Габриэль сбросил на нее прошлой ночью, что даже не думала, с кем связалась. Но это...

Горло перехватило от эмоций.

Семья. Ева думала, что этого больше не будет до замужества и детей. Но за последние двенадцать часов выяснилось, что у нее есть отец и брат.

Алек сделал еще один осторожный шаг вперед. Девушка шагнула навстречу, но не остановилась, пока не оказалась прямо перед ним. Ева взгляделась в черты лица в поисках сходства и решила, что заметила сходство с собой в глазах парня.

— Bay. Семья, — прошептала она, в голосе сквозило изумление. Но ей было все равно. Ева *была* изумлена. Все еще не уверенная в своих чувствах, девушка обвила руками прекрасный мужской торс и заключила брата в теплые, нежные объятия. И почувствовала, как он медленно обхватил ее и крепко обнял в ответ.

Спустя мгновение Ева отстранилась, покидая личное пространство Алека, и жалко улыбнулась.

— Прости, если смутила тебя. Просто я всегда мечтала о родственниках... любых, правда. Старой капризной тетушке было бы достаточно. Но получила тебя — и это очень... очень здорово.

Ее тронуло, как задергалось его горло, словно парень тоже был взволнован. Алек бросил косой взгляд на Габриэля.

— Ты позабочишься о ней или я убью тебя, — тихо произнес он, вызвав мурашки по телу Евы.

— Аминь, — пробормотал Куан, отворачиваясь от компании. Достав телефон, он отошел в дальний угол комнаты.

Ева шутливо толкнула Алека в плечо.

— Вспомни это в следующий раз, когда я буду просить о помощи, — сказала девушка с прохладной улыбкой, не удержавшись от подкола. — Мне плевать, кто твой босс. Или деловой партнер. Или лучший друг. Семья предполагает поддержку и связь.

Ему хватило приличия выглядеть смущенным. Она подмигнула, давая знать, что по большому счету шутит.

Ева глубоко вздохнула, осмысливая случившееся. Теперь у нее есть отец, не просто донор спермы, а *отец*, и двоюродный брат. Семья, которую она надеялась еще узнать, когда они остановят Стефано Моретти.

Девушка оглянулась на Габриэля, в груди распустилась непрошенная тоска.

Будет ли действительно достаточно отца и двоюродного брата?

Габриэль любезно «позволил» Еве поехать домой на остров Мерсер, проконтролировать, как его «люди» возьмут необходимые вещи. Не важно, что ей и так

нужно самой там быть и говорить, что именно важно и надо упаковать, а что можно оставить в доме.

Сначала девушка отказалась, когда Габриэль сообщил, что хочет упаковать вещи в ее доме. Потом мужчина уточнил, что это ради контроля, а не опустошения дома. И если Стефано решит спалить его дотла в качестве сообщения для Габриэля, то все важное и памятное для нее будет уничтожено.

Он прав. С этим домом связано много воспоминаний о маме. Будь Ева проклята, если допустит утрату драгоценных памяти вещей из-за того, что Габриэль не слишком ладит с братом.

У нее до сих пор в голове не укладывалось, как кто-то мог разрушить ее дом, черт побери. Ради *сообщения*. Единственная вендетта, в которую она вовлекалась, была устроена Калебом против мужа Ники. Но это и близко несравнимо с игрой, затеянной Габриэлем и его друзьями-бандитами.

Кто захочет так жить?

Габриэль. Твой отец. Твой двоюродный брат.

Она задалась вопросом, был ли выбор у ее матери?

Когда «Эскейлайд» въехал в ее квартал, мысли вернулись к отцу. Каким человеком он был? Опасен ли? Страшен?

Ева предполагала, что да. Даже Габриэль, мистер «Я здесь главный», отзывался о нем с уважением.

Девушка посмотрела вперед, когда машина свернула на нужную улицу. Напротив дома припарковался незнакомый автомобиль. Ева кивнула в его сторону.

— Кто-то из твоих парней? Габриэль?

— Нет.

Ева схватилась за подлокотник, удерживаемая на месте ремнем безопасности, когда Габриэль резко затормозил. Звук отстегивающихся на заднем сиденье Куана и Алека казался громким в напряженной тишине.

— Без Ника мы лишились глаз.

— Ты знаешь моего соседа? — удивленно спросила Ева.

Габриэль не изменился в лице, но что-то промелькнуло в его взгляде.

— Он работал на мою семью около двенадцати лет, прежде чем отец предложил ему это место. Ник согласился. Ему велели не спускать глаз с симпатичной блондинки и косить газон, быть постоянно рядом.

«Симпатичная блондинка» — это мама.

— Где он сейчас? Может это машина ребят, которые приехали паковать вещи? — с надеждой заметила Ева.

Губы Габриэля скривились.

— Они в четверти часа отсюда. Едут с грузовиком из Медоубрука. — Он проигнорировал вопрос о Нике. Ева постаралась не думать, что это значит. Уволил ли он старика по каким-то причинам?

— Давайте не будем строить предположения, детки, — бросил сзади Алек.

— Не хочу рисковать. — Габриэль потянулся к бардачку и вытащил из-под бумаг маленький пистолет.

Годами видя ассортимент оружия Калеба, Ева не стоило нервничать сейчас. Но вышло наоборот. Потому что в этот раз оружие не собирались использовать для практики на стрельбище. Оно предназначалось для ее защиты.

Габриэль проверил магазин и патронник. Затем бросил на приборную панель маленькую черную пушку и вытащил большую из-за спины. Проверил и ее. И засунул обратно за пояс, пряча под футболкой. Ева продолжала глазеть на мужчину, когда тот приподнял левую штанину, показывая прикрепленный к лодыжке нож. Расстегнул держатель.

— А дальше вытащишь пушку, привязанную к бедру? Или оставим это, когда останемся одни? — Она приподняла бровь при взрыве хохота от Алека и Куана. Осознав двусмысленность фразы, девушка смутилась и почувствовала, как загорелось лицо.

Она не собиралась озвучивать мысли при виде оружия Габриэля, но, святое деръмо, ситуация становилась слишком реальной. Это происходило на самом деле. С ней. С ними. Судя по совсем не детской подготовке, которую Ева наблюдала, брат Габриэля и его люди *действительно* были настолько опасны, как предупреждали прошлой ночью.

— Пушку, да?

Ее взгляд переключился с оружия на удивленное лицо Габриэля.

— Как будто для тебя это новость, — пробормотала она, в голове все еще кипели мысли.

Этот вид опасности был именно тем, который сподвиг отца оставить ее и маму. Василий попытался дать им мирную безопасную жизнь, пусть и без него. Он надеялся, что они никогда не узнают страх и беспомощность, которую сейчас чувствовала Ева.

Внезапно сердце девушки наполнилось прощением и благодарностью мужчине, который отдал огромную часть собственного счастья ради их защиты, лишившись права на счастливую жизнь с любимыми.

Она быстро поняла, что все ее меры предосторожности были курам на смех. Расти в такой обстановке было бы адом.

К слову сказать, последние двадцать четыре часа дали ей возможность увидеть, каким было детство Габриэля. Ни один ребенок не заслуживает жить в мире смертельных опасностей и кровной мести.

— Я хочу встретиться с отцом, Габриэль. Ты устроишь это?

Ее просьба, кажется, застала его врасплох.

— Куда делась Ева? — позвал он, проведя пальцем по ее лбу. — И, да. Я с радостью все устрою.

Она кивнула.

— Хорошо. Что будем теперь делать?

— Выясним, кто здесь. — Он бросил взгляд на дом, и вместо обычного Габриэля возник холодный безэмоциональный мужчина, который вчера делился историей ее жизни. Он был жестким, смертельным и не знающим пощады.

Боже, он пугал.

— Слушай, — его лицо смягчились, когда он заметил, что Ева изучает его, — работающие на Стефано парни, не колеблясь, воспользуются любыми способами ради своего дела.

— Кажется, я это поняла, пока ты полировал свои железки, — сухо произнесла Ева.

— Ты когда-нибудь пользовалась оружием, милая?

— Да. — Она вытерла влажную ладонь о штаны и протянула руку.

— Что ты подразумеваешь под «да»? — бросил Габриэль.

Она закатила глаза.

— Обманщик Калеб брал меня с Никой на стрельбища в старшей школе.

— Зачем?

Она улыбнулась, вспомнив, как Калеб пытался показать им, как правильно держать оружие, и качал головой на их нервный смех.

— Думаю, изначально для нашего развлечения, а позже сказал, хочет, чтобы мы могли защитить себя.

У Габриэля дергалась мышца в районе челюсти, пока он засовывал ключи в карман, но мужчина промолчал, так как все вышли из внедорожника. Прежде чем Ева закрыла дверь, ее талию обхватила сильная рука. Девушка тоже приобняла Габриэля, боясь за его безопасность. А если что-то случится с ним? Или с Куаном? Или с Алеком? Девушка никогда себе не простит, если кто-то из них будет ранен или *умрет* из-за нее. Конечно, она взбесилась прошлой ночью, когда они удерживали ее в плену. Но злиться и желать чьей-то смерти — две разные вещи.

Она сжала Габриэля со всей силой, желая, чтобы удача была на их стороне. На кончике языка возникла фраза: «*Будь осторожен*», когда Ева почувствовала прикосновение стали — запястье скользнуло по засунутому за пояс оружию. Он отстранился и вложил ей в ладонь маленький пистолет.

И происходящее стало еще реальнее, чем минуты назад.

Там, куда они шли, не было никакого стрельбища и, определенно, не будет ничего забавного.

Ради всего святого. Габриэль поверить не мог, что дал Еве грабаное оружие, и тем более, что она знает, как им пользоваться.

Пейн. Этот придурок. Даже не смотря на то, что парень поступил разумно, он все равно оставался придурком.

Сжимая длинные, женственные пальцы Евы вокруг холодного металла, он прорычал:

— Не бойся им воспользоваться. — Повернувшись к Алеку и Куану добавил: — Задний двор примыкает к большому лесному участку. Думаю, где-то в акр. Мы направимся туда.

По венам бежал адреналин, добавляя зрению остроты, когда мужчина перевел взгляд на Еву. Проклятье, она была прекрасна при свете дня.

— Ты останешься в стороне, пока я не приду за тобой. Поняла? — После ее быстрого уверенного кивка, он схватил девушку за руку и оттащил от «Эскалейда», чтобы закрыть дверь. Повел по пустынной дороге, парни следовали по бокам.

Достигнув устрашающее безмолвного леса, они двинулись насквозь, пока не оказались за домом Евы. Удерживая девушку за плечо, Габриэль крепко поцеловал ее в губы и заставил опуститься в заросли влажного папоротника.

— Оставайся здесь, — скомандовал он, велев себе проигнорировать беспокойство и страх, светившиеся в этих сапфировых глазах. — Ты с ней, — добавил он, указывая на Куана.

— С ней останется ее брат. Я с тобой.

Габриэль стиснул зубы. Только этого сейчас не хватало.

— Куан...

— Мой объект — ты. — Взгляд азиата смущал. — Моя работа прикрывать твою спину, не смотря ни на что. И именно это я буду делать. Так что или ты всадишь мне пуллю, чтобы я остался здесь, или продолжим цирк.

— Все нормально, — вставил Алек. — Закончим на этом. Мы с Евой посидим тут вдвоем, перемоем тебе косточки, пока ты не будешь слышать.

Чувствуя себя в меньшинстве и более чем впечатленный твердой поддержкой Куана, Габриэль указал на азиата.

— Если со мной что-то случится, ты возвращаешься, и *вы оба* увозите ее отсюда к чертовой матери.

Ева ахнула. Алек кивнул.

— Ты не слышал ничего из того, что я только что сказал? — Куан пробормотал.

И они ушли.

Габриэль бесшумно добрался до дальней стороны лужайки, колени согнуты, пистолет дулом вниз вдоль бедра, предохранитель снят. Достигнув боковой стороны дома, он прильнул к грубой каменной кладке и прислушался. С кухни Евы доносился гул мужского голоса. Без промедлений Габриэль запрыгнул на заднее крыльцо и двинулся к двери, оставаясь ниже уровня окна. Куан жестом указал, что обойдет дом, чтобы отрезать путь к побегу через передний вход.

Очистив разум от беспокойства за девушку, ждавшую среди деревьев, Габриэль выпрямился и выбил дверь, сорвав ее с петель.

Он ворвался в дом и нацелил пушку на первого увиденного мудака, но вдруг услышал истошный женский крик, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки.

— Ника, пригнись!

Приготовившись спустить курок, Габриэль одновременно сопоставил стоявшего перед ним парня и имя, которое тот выкрикнул.

Ника.

Отпустив поток ругательств, услышав которые его мать кинулась бы за мылом, мужчина отвел руку в сторону.

— Сукин сын, Пейн! — заорал он. — Какого хрена ты тут делаешь? — Он снова вернулся предохранитель на пушке.

— Господи Боже, Моретти. Ты определенно знаешь, как эффектно заявиться, — бросил в ответ байкер, тоже опуская оружие.

Резко отвернувшись, чтобы не врезать засранцу рукояткой пистолета, Габриэль увидел Куана, ворвавшегося с центрального входа, как только тот услышал крик Ники. Он опустил свой глок, а Габриэль засунул пушку за пояс штанов, пытаясь переварить тот факт, что чуть не всадил пуллю в лоб Пейна на глазах у его ни в чем не повинной сестры.

Этого, как он знал, Ева *никогда* ему не простит.

Он тяжело прошагал обратно сквозь выбитую дверь и направился по покрытой росой траве. Должно быть, Ева видела это, потому что выскоцила из-за деревьев и чуть не набросилась на него.

— Ты в порядке? — девушка сдавленно прошептала, сжав Габриэля в смертельных объятиях.

— Это было быстро даже для тебя, — произнес Алек, подходя к ним. — Куану отстрелили яйца? Мне показалось, я слышал сопрано.

Габриэль покачал головой.

— Ты в порядке? — повторила Ева дрожащим голосом.

— Эй. — Он приподнял ее за подбородок, заставив посмотреть в глаза. — Эй. Я в порядке. Все хорошо. — Ну, не совсем, потому что сейчас им нужно идти в дом. Где был Пейн. Следуя непреодолимому инстинкту, Габриэль поцеловал девушку в объятиях так, словно больше никогда не получит такую возможность.

— Что это было? — спросила Ева, когда он наконец отстранился.

— Пометил территорию, — проинформировал ее Алек, направляясь к стоявшему на крыльце Куану.

— Ради душевного спокойствия, — тихо добавил Габриэль, прежде чем прижать девушку к боку и пойти к дому. Он заметил, как она нахмурилась. — Машина принадлежит не людям Стефano.

— А чья тогда?

— Сама посмотри. — Они поднялись через две ступеньки на крыльцо, прошли сквозь то, что напоминало дверной проем, но Ева даже не моргнула. Алек, Куан, Пейн и Ника ждали их на кухне.

Когда Ника обняла опешившую Еву, Габриэль смутно заметил, как вздрогнула рыженькая на ответные объятия.

— Что ты здесь делаешь? — Глаза девушки округлились, когда она увидела блокотившегося на столешницу байкера. — Калеб?

— Он прилетел утром, — объяснила Ника, медленно освобождаясь из рук Евы, чуть поморщившись. Этого, кажется, никто не заметил. — Когда я не смогла до тебя дозвониться, и ты не перезвонила ему, как обещала, мы приехали удостовериться, что ты в порядке. Ответа не было, и мы вошли сами. Я думала, мы обнаружим вас прикованными наручниками к кровати, выясняющими, кто куда спрятал ключи. Милый засос, кстати. Выглядит свежим. — Она подняла ладонь, чтобы дать пять.

Габриэлю.

Тот с ухмылкой хлопнул ее по руке. Она ему нравилась, черт побери.

— Ника!

Хором воскликнули Калеб и Ева. Ее голос был полон смущения. А его смеха.

— Очень умно. — Ева поцеловала подругу в лоб, а затем повернулась к брату.

Но Пейн смотрел на Габриэля, и тот не мог не одобрить то, как байкер без извинений оглядывал его. Это, конечно, хорошим его не делало, но приятно видеть человека с внутренним стержнем.

Внезапно в голове проиграл грабаный рингтон, который тот записал на телефон Евы, и на корню пресек зарождавшуюся мужскую дружбу. Он предостерегающе прищурился. Это *его* территория, которая включает женщину... теперь отошедшую от него. К тому, что вероятно может стать соперничеством. *Дерьмо*. Габриэль выпрямился и приготовился к худшему.

Ева, которая до этого каждый раз при имени Калеба выглядела так, словно проглотила уксус, теперь шла прямо в ждущие руки ублюдка. Принимая чересчур личные объятия, в которых Пейн прижался к ней всем своим мощным телом. Габриэль заставил себя отвернуться, притворившись, что перемещает поудобнее пушку за поясом. В то время как на самом деле хотел бы вернуться на пару минут назад и выпустить мудаку пулю в лоб.

Разумеется, она простит байкеру часть его лжи.

Габриэль снова обратил на них внимание, когда услышал тихий всхлип Евы, и чуть не лопнул от напряжения, что должен стоять и наблюдать, как парень обхватил ее лицо ладонями и утирал пальцами слезы.

Это была *его* работа!

Куан толкнул его в бок с неодобрительным выражением лица.

— Выдохни, мужик. Они дружат уже много лет.

— Эй, — тихо произнес Пейн Еве. — Ты чего?

Она снова всхлипнула.

— Хоть я и не разговариваю с тобой из-за того, что ты обманщик, я все равно рада тебя видеть. — Байкер убрал ладони с ее лица, что было хорошо, но потом нежно обхватили за плечи. *Не хорошо*.

— Наконец-то узнала правду, да? Довольно много времени заняло, — усмехнулся Пейн.

— Не смешно, Калеб. Как ты мог мне врать? — Девушка кончиками пальцев пробежалась по его фингалу. — Что случилось?

Калеб опустил ладонь и бросил взгляд на Габриэля.

— Поцелуй от Мрачного Жнеца.

Габриэль нахмурился. Винсент наградил парня правым хуком? *Хорошо*.

— Что ж, он сделал это за меня, — сухо произнесла Ева. — Осел. — Габриэль словно в замедленной съемке наблюдал, как она подняла руку и игриво провела ею по лицу Пейна. Нежная ладонь коснулась широкого лба, закрытых глаз, прямого носа и... губ другого мужчины. При виде его вполне заслуженного фингала Ева выглядела обеспокоенной.

— Не имел права рассказывать, Присс. — Пейн улыбнулся и изобразил бешеный удар по лицу.

Габриэль отвернулся, прежде чем побледнел, и обратился к рыжеволосой девушке.

— Прошу прощения, что напугали. Мы думали, ты в другом месте.

— Калеб немного рассказал мне о происходящем, так что я в курсе. Спасибо, Габриэль, за все, что ты делаешь для Евы. — Она потянулась и обняла его, но когда он в ответ приобнял ее за спину, тело Ники напряглось. Он быстро отступил. Девушке определенно не нравилось, когда ее касались.

— Тебе не нужно благодарить. Мне доставило удовольствие защищать ее.

— Ей тоже, — шутливо заметил Куан. Он стоял спиной к ним и смотрел в окно кухни.

Габриэль усмехнулся, когда Ева начала увлеченно посвящать Пейна в свою новообретенную семью. Ее двоюродному брату уделили большую порцию внимания, так как сейчас тот находился в комнате.

— Подожди. Твой *отец*? — Глаза Ники округлились от удивления. Она обернулась и оглядела Алека, вероятно, ища семейное сходство. — С ума сойти. Мы только позавчера виделись, и ты ничего из этого не знала?

— Все выяснилось прошлой ночью.

— Кто разбил окно в прихожей? — спросил Пейн.

— Фурио.

— Прости, что не ответила на твой звонок тогда, — Ника говорила это Еве, но повернулась к Габриэлю, метнув взгляд на брата, когда тот ругнулся. — Кто такой Фурио?

— Слушайте, — произнес Габриэль, — сейчас не время все это выяснять. Поехали в отель. Вы, девочки, сможете выпить и все обсудить. С минуты на минуту здесь будут мои ребята. — Он глянул на дверь. — Чтобы кое-что отремонтировать и забрать часть вещей Евы. Когда они приедут, мы уйдем.

Алек хлопнул Пейна по плечу.

— Мой дядя ценит все, что ты делал для его дочери, пока она жила в Нью-Йорке. Мы все ценим, — добавил он, многозначительно посмотрев в сторону Габриэля.

Уголки губ байкера приподнялись, придавая ему высокомерное выражение.

— Да ладно. Это было легко. Я нянчил обеих, когда они еще бегали с косичками и брекетами.

В голосе байкера сквозила чистая невинная привязанность, заставляя Габриэля устыдиться собственных грязных мыслей. Было ясно, что парень видит в Еве вторую младшую сестру.

Но ему было нужно удостовериться.

Не говоря ни слова, он схватил Еву за запястье и потащил из кухни по коридору, остановившись только у основания лестницы. Приподнял ее за талию и поставил на первую ступеньку, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. Ему необходимо все прояснить. Дать мозгу чертов перерыв.

— Между вами с Пейном когда-нибудь что-то было?

Она смутилась и нахмурилась.

— Что-нибудь?.. — А потом начала смеяться. Над Габриэлем. Словно тот был идиотом.

Ее смех все не утихал, и он рявкнул:

— Это был простой вопрос, ничего необычного, черт побери.

— Если бы ты знал нашу историю, ты бы тоже смеялся над таким глупым вопросом. Он мне как брат.

Узел в его груди расслабился.

— И, — продолжила она, — в первую очередь, ты сам знаешь, что я была только с тобой. Так почему спрашиваешь об этом?

— Потому что я ревную как черт из-за того, как близко ты была с ним, — открыто признался Габриэль, не заботясь, как будет выглядеть в ее глазах. Он наклонился к ее уху.

— Больше не касайся его лица. Для этого нет ни единой причины и, уверен, что у меня мозг взорвется от необходимости наблюдать такое.

Она успокоилась.

— Это всего лишь нечто, что мы всегда делаем, когда беспокоимся друг о друге. Это не означает...

— Найди другое *нечто*. Которое не включает его руки на тебе. Или твои на нем. — На какой-то момент Габриэль усомнился, поцелуют его или пошлют.

— Мы друзья, очень хорошие друзья. То, что он говорит, правда. Калеб всегда стоял за нашими с Никой спинами. Я помню, как они приехали навестить меня, когда я впервые оказалась в Нью-Йорке. Ночь мы проводили не дома, и Калеб услышал, как пара парней в баре сказали, что собираются подсыпать мне что-то в выпивку, чтобы они смогли... не важно. — Она ткнула пальцем в сторону кухни, где остался байкер. — Он остановил их, Габриэль. Ты хоть имеешь представление, что могли сделать со мной те ублюдки? Но Калеб их остановил. *Грубо*, — подчеркнула она.

Черт. Он был обязан парню больше, чем считал раньше.

— Но я понимаю, куда ты клонишь. Я бы чувствовала то же самое на твоем месте. Наверное, — быстро добавила она в конце.

Это его удивило.

— Правда? — Она тоже ревновала его?

— Не хочу признавать это, но да. Мысль о тебе с другой женщиной очень... сводит меня с ума. Знание того, что ты спал со столькими женщинами, заставляет желать... даже думать не хочу об этом.

Так, так. Ему нравилась эта сторона девушки. Но это не значит, что он обнаружил сторону, которая ему *не* нравилась. Хотя фурии, стремящейся выцарапать ему глаза, он предпочитал умоляющую в постели Еву.

— С чего ты взяла, что других было так уж много?

Она вскинула бровь.

Усмехнувшись, он провел ладонями по ее бедрам. Конечно, у него была изрядная доля партнерш, но по сравнению, например, с Максимом, он оказывался невиннее Евы.

Обещание брата убить каждую, с кем Габриэль сблизится, несколько изменило постельную статистику за последние пять лет.

Стремясь закрыть тему, Габриэль провел губами по ее губам. Слегка. Только что она была близка к признанию, что тоже хочет его. Простила ли она его? Он не знал.

Но это было началом. Последующее их времяпрепровождение могло оказаться немного приятнее, чем он предполагал.

Размяв шею, Габриэль переплел их пальцы и потянул Еву обратно на кухню. Они едва вошли, как байкер знаком велел выйти обратно. Габриэль подтолкнул Еву к Нике и подошел к Пейну.

Калеб стоял с суровым видом напротив входа, скрестив руки на груди.

— Прошлой ночью твой брат заявился ко мне в квартиру и махал перед носом фотографией Ники.

Дерьмо продолжается.

— Я понял. Встретимся в отеле. Мы придумаем план. — Он оглядел пространство вокруг. — Я не могу здесь расслабиться.

«И не должен», — подумал он, возвращаясь на кухню.

До тех пор, пока Ева и Ника не окажутся в безопасности от Стефано.

Глава 17

— Подъезжай к парадному входу. Гараж больше не кажется хорошей идеей, — произнес Габриэль спустя час, когда они прибыли в «Кроун Джевел». Куан с Алеком сидели спереди, а Ева и Габриэль сзади.

После приезда «грузчиков», чтобы упаковать выбранные Евой вещи и несколько предметов мебели, Ника и Калеб покинули дом на, судя по всему, арендованном автомобиле Калеба, так как Ева не узнала эту машину. Грузчики так слаженно работали, что закончили за полчаса, да и девушка практически ничего не взяла. Только значимые вещи.

Конец света не наступит, если разобьется кофейный столик или обеденная посуда.

Габриэль помог ей выбраться из внедорожника, выражение его лица было суровым и нечитаемым. Проходя через вращающиеся двери в вестибюль, Еве хотелось повернуться и проверить, нет ли у нее на спине черно-белой мишени.

Она чувствовала себя именно так.

— Гейб.

Появился Джак и перекрыл им путь. С его появлением Куан взмахнул двумя пальцами и удалился. Смена караула.

— Фурио? — спросил у Джака Габриэль.

— Пока ничего. — С приближением к лифту напряжение усилилось, Джак легко переключился на роль телохранителя: неподвижный и собранный, взгляд настороженный. — Жнец объявился около получаса назад. Он наверху.

Лицо Габриэля озарилось мальчишеской улыбкой.

— Ты знал, что он приедет? — спросил мужчина у Алека.

— Винсент хоть *кому-нибудь* сообщает о своем приезде?

— Жнец и Ви — один и тот же человек, верно? — поинтересовалась Ева, когда они вошли в кабину лифта и начали подъем. Девушка чуть приблизилась к Габриэлю, уступая место говорящей на французском паре.

Габриэль положил ладонь Еве на бедро и прижал к себе. Не обязательно освобождать столько пространства, но она не будет возражать. Ей нравились его прикосновения, когда она не была его заложницей. Которой сейчас не являлась. После утренней поездки домой девушка была счастлива находиться здесь, скрываясь от окружающей их опасности.

— Ага. Это Винсент. — Габриэль слегка наклонил голову, как в их первую поездку. — Мы все займем дом в Олд Уэстбери, так что можешь поприветствовать своих новых соседей.

Что? Она нахмурила брови, когда двери открылись, выпуская туристов на двадцать третьем этаже. *Соседей?*

Она не соглашалась никуда ехать. По факту, прошлой ночью она отказалась от работы в «ТарМор».

Необъяснимое возбуждение, смешанное с паникой, лишило ее возможности дышать.

Ты не можешь поехать с ним, Ева!

Нет. Конечно, она не может. А если он заберет ее в Нью-Йорк, то только чтобы защитить от собственного брата.

Но не об этом речь.

Каково это, быть с Габриэлем не только как предмет договоренности его и отца? Не только из-за явного притяжения, которое они чувствовали друг к другу?

Просыпаться рядом с его прекрасным лицом каждое утро, проводить ленивые выходные в его постели. Спать рядом каждую ночь. Перед глазами появилась картинка, как они валяются с попкорном перед телевизором и спорят о том, что смотреть, как она выбирает спортивный канал, чтобы порадовать Габриэля, и получает за свою щедрость массаж ног.

Хватит! Никакого счастливого конца здесь не будет. Он бандит, а ты... ты...

Девушка, следовавшая по стопам матери.

Она вздрогнула и ощутила, как Габриэль сжал ее покрепче. Ева знала, что он наблюдал за ней, хотя и не отрывал глаз от пола. Ей хотелось спросить о его планах в Нью-Йорке, но она не могла. Не перед его друзьями.

Ева вернулась к безопасной светской беседе.

— Находишь совместное проживание слишком тесным?

Алек пожал плечами.

— У нас территория больше десяти тысяч квадратных футов. Жизнь вместе избавляет от необходимости в одиночку содержать дом. Макс, которого ты должна научиться игнорировать, если хочется мира и покоя, — гений в вопросе держать нежелательных гостей подальше от дома. Винсент — прекрасный повар, когда наш домоуправляющий Самнанг позволяет ему готовить. А твой мужчина решает наши финансовые вопросы. Делает нас всех богатыми, — добавил он с кривой улыбкой, выходя из открывшихся на верхнем этаже дверей лифта. Еве запомнилось звание «твой мужчина», которым ее двоюродный брат окрестил Габриэля.

Джак остановился переговорить с двумя людьми по бокам лифта, пока Ева, Габриэль и Алек продолжили путь.

— Не волнуйся, Ева, — добродушно произнес Алек. — Дом достаточно большой, так что, если не захочешь, тебе не обязательно видеть наши отвратительные рожи.

— Звучит заманчиво, — ответила девушка, хотя не намеревалась жить в доме Габриэля.

Они миновали еще двух мужчин, расставленных вдоль коридора. Черт, начинало казаться, что она на съемочной площадке, настолько не реально все было. После обмена приветствиями, Габриэль вставил ключ-карту в дверь.

Придержал ее, пока Ева вошла в прихожую. Девушка вздрогнула и резко остановилась, хотя и знала, что человек из квартиры Калеба на днях будет здесь. Она забыла, каким устрашающим объектом был Винсент. Ладони Габриэля успокаивающие легли ей на плечи, пока она таращилась на впечатляющую фигуру, медленно поднимавшуюся с дивана.

На Винсенте был черный кожаный плащ, ниспадавший с широких плеч до лодыжек. Должно быть, сшит на заказ, чтобы так идеально подходить его крупному телу. Под плащом обтягивающая черная футболка демонстрировала мощный пресс, а на длинных ногах красовались потертые джинсы. На нем были такие же массивные байкерские ботинки, какие все время носил Калеб. Вкупе с этими густыми черными

волосами и темным угрожающим взглядом, уставившимся на них... Ева внезапно поняла, почему они называли его Жнецом.

Ника будет в восторге от его волос.

Подруга всегда ненавидела яркий цвет собственной роскошной гривы и постоянно замечала, как Еве повезло родиться с «нормальным» цветом волос.

Алек обошел их с Габриэлем и встретился с Винсентом в середине комнаты. Они стукнулись кулаками, а затем заключили друг друга в крепкие мужские объятия.

Кажется, Ева оказалась в мире великанов. Эти парни были просто огромными.

— Ты специально отбираешь себе таких больших друзей? — поинтересовалась она у Габриэля.

— Трудно запугивать людей, когда приходится смотреть на них снизу вверх.

Вот чем занимались все эти мужчины. Запугивали людей. Все они.

Там, в ее доме, она наблюдала, как Габриэль проверял оружие. Вид его действий доказывал, что он проделывал это столько раз, что и не сосчитать.

Может ли она быть с кем-то, кто носит пушку с той же легкостью, с какой она мобильный телефон? Может ли она простить ложь? Простила ли она его уже?

И что значит для ее будущего, если да?

— Какого черта ты тут делаешь, брат? Не думал, что твоя цепь настолько длинная.

— Алек послал Винсенту насмешливую улыбку.

— Цепь сорвалась. — Кулаком он любовно и должно быть болезненно стукнул Алека по груди.

По прищуренным глазам Алека, Габриэль понял, что они думают об одном и том же.

— Что ты подразумевал под сорванной цепью? — Алек опередил его, задав вопрос первым.

— Позже, — ответил Винсент.

Габриэль прижал Еву к боку и улыбнулся тому ощущению, которое зарождалось в груди каждый раз, как они соприкасались.

— Как дела, брат? — Их ладони одновременно потянулись друг к другу для рукопожатия. — Смотрю и думаю, что сам дьявол наложит в штаны при виде тебя. — Он крепко обнял Габриэля, выбивая воздух из легких.

Отстранившись, Ви вежливо кивнул Еве.

— Ты как, держишься, мелкая?

Ее пальцы игрались с кончиками волос, касавшихся ребер.

— Теперь уже лучше, когда я знаю о происходящем.

— Ага. Прости за тот случай. Не мог ничего больше сделать, чтобы успокоить тебя.

— Разумеется, нет, — ответила она, улыбнувшись одной из своих улыбок. — Учитывая сложные обстоятельства, спасибо за попытку.

Их окружил благородный аромат кожи, когда Винсент потянулся и приподнял подбородок девушки, повернув ее лицо из стороны в сторону.

— Че-е-ерт. Ты прямо как твой стариk, только красивее. — Он отпустил ее, и настала очередь Габриэля сделать увесистый толчок в грудь Винсента перед тем, как тот присоединился к Алеку на диване.

Только почему оценивающий взгляд Винсента на Еву не задевал так, как взгляды других мужчин? Он предполагал, что разгадка в доверии.

Прежде чем Габриэль определился, в дверь забарабанили.

Винсент взглянул на часы.

— Как быстро.

Брови Габриэля вопросительно поползли вверх.

— Это не может быть Максим, — продолжил Винсент. — Наверное, Пейн. Вряд ли Макс будет стучать.

— А зачем ему приезжать? И откуда ты знаешь, что я сказал Пейну приехать?

— Потому что просто знал.

Губы Габриэля сжались. Парень все так же любил по-детски простые ответы. Хуже трехлетки.

Кивнув Джаку на немой вопрос открыть дверь, Габриэль подтолкнул Еву в сторону кресла возле камина, а сам занял место рядом с ней, когда в комнату вошли Джак и Пейн.

— Просвети нас, Ви, — снова попробовал получить ответы Габриэль.

Вместо того чтобы рассказать детали, Винсент поднялся на ноги.

— Пейн, рад, что ты смог это сделать.

— Ага. Живу только ради твоего удовольствия, придурок. Нравится мой макияж?

Атмосфера в замершей комнате сгустилась. Габриэль медленно повернул голову, взглядом интересуясь у байкера «ты спятил?» и устроился поудобнее, чтобы лучше видеть, когда начнется представление.

Ви ни при каких условиях не позволит Калебу так с собой разговаривать.

Но Винсент ухмылялся.

— Прости, брат, — искренне произнес мужчина. — Поддерживал амплуа, ты же знаешь. Ты проводил сестру? Она в порядке?

Успокоившись, Габриэль их прервал.

— Расскажи, что произошло. Ты сказал, Стефано приехал к тебе домой и размахивал фотографией Ники?

— Ее-то он и оставил тогда у тебя на столе? Фотографию твоей сестры? — спросил Винсент с отвращением. — Меня это очень интересовало.

— Ты был с ним? — спросил Габриэль.

Ви кивнул.

— Он сказал, что пойдет туда, если придется, — произнес Калеб, имея в виду фотографию Ники. Ева при этом нервно забарабанила пальцами.

— Я думал, он оставит идею использовать ее после нашего разговора. — Габриэль потянулся и жестом остановил нервирующую дробь. — Мне жаль, что ее втянули во все это, Пейн. Кстати, где она? — Он думал, что девочки захотят побывать вместе.

— Ника написала, что ей нужно домой, — ответила Ева с явной досадой в голосе.

Пейн пересек комнату и присел перед ней на корточки, колени при этом громко хрустнули. Он говорил тихо и его слова предназначались только для нее.

— Я слышал, как ее мудак вопил по поводу ее ухода утром, поэтому она поехала домой, чтобы утихомирить его. Ника дерзково себя чувствовала. Просила извиниться. —

Парень усмехнулся. — Дословно: «Скажи, что я очень, очень извиняюсь, Калеб. Очень извиняюсь».

Ева улыбнулась и накрыла его кулак на своей ноге, пальцы пробежались по изношенному кожаному ремешку на его запястье.

— Спасибо, Калеб. И я тоже очень сожалею, что вы во все это втянуты.

— Эй, — он подождал, пока она обратит на него внимание и продолжил: — ты не можешь контролировать все, что сейчас происходит, а потому тебе не за что извиняться. Это не твоя вина.

Ева кивнула, и байкер слегка стукнул ее кулаком по коленке, прежде чем выпрямиться.

Габриэль радовался, что прояснил ситуацию с Евой и Пейном. Иначе он бы пинком выгнал этого ублюдка в коридор при виде такой интимной сцены.

Он верил, что их близость была платонической, но ему все равно это не нравилось. Габриэль посмотрел на Джака.

— Отправь четверку к дому Ники.

— Там уже двое наших ребят, — сообщил Пейн.

— Моих тоже, — добавил Винсент, что-то печатая в телефоне. — Я отправил двоих, когда Стефано впервые упомянул о ней.

Ну, разумеется. *Хороший парень*.

— Еще не повредит. Адрес? — Байкер назвал, и Габриэль повернулся к Джаку. — Раз там еще другие, тогда поедут двое. А вообще, хочу, чтобы Токс покомандовал. Сообщи ему, что я даю свободу действий ради ее безопасности. И, конечно, это не обязательно, но скажи, чтобы он оставался в тени. Люди Стефано не глупы. Вы вдвоем, должно быть, захотите сообщить вашим парням, что их ждут, — сказал он Винсенту и Пейну. Байкер кивнул.

Винсент помахал телефоном.

— Сделано.

Джак подошел к Габриэлю.

— Свобода действий? — тихо спросил он. — Без обид, но мы говорим о Токсе.

Как будто Габриэлю нужно было напоминать, что их новенький — племянник одного из ветеранов — был химиком до глубины души и любил экспериментировать со всякой хренью, которую создавал в своей лаборатории. Парень действительно был талантлив от Бога, защитил докторскую по химии в Университете Торонто, где учился на факультете молекулярной генетики. Во всяком случае, Габриэль бы не удивился, встретить он однажды в дверях лаборатории самого Невероятного Халка.

— Свобода. Действий, — повторил он.

— Дерьмо воплощается в реальность, — пробормотал Джак, отходя с телефоном возле уха.

Пейн обратился к Винсенту:

— У нас есть еще планы на сегодня или я могу вернуться к Нике? Мне будет гораздо спокойнее самому присматривать за ней.

Лицо Жнеца приняло любопытное выражение.

— Почему у меня такое чувство, что в ее случае тебя беспокоит отнюдь не Стефано?

Он пробежался пальцами по коротким волосам. Быстро обменявшиеся взглядами с Евой, Пейн грубо ответил:

— Посмотрим. Скоро узнаю.

Какого черта. Габриэль заметил, как Ева начала нервно постукивать ноготками. Он слегка пожал ее плечо. В груди потеплело, когда она накрыла его ладонь своей и переплела пальцы. Она не отпустила его.

— Дай знать, если понадобится любая помощь, — произнес Винсент.

Со стороны Ви это не было странным предложением, особенно учитывая, как он потерял собственную сестру.

— Спасибо, — ответил байкер с отрывистым кивком, — но я не хочу распространяться об этом, если что-то выяснится.

Габриэль снова вытащил свой телефон и отправил сообщение с данными Ники, прося полную информацию: судимость, если была, банковские счета, посещения больниц, кредиты. Удивительно, как с помощью малейшей информации можно собрать все кусочки воедино. Если рыжая попала в какую-то беду, ей нет никакого смысла справляться с этим в одиночку. Через пару секунд пришел ответ:

«Хорошо».

«И Кевина Ноллана. То же самое».

«Понял. Скоро увидимся».

Винсент хлопнул его по плечу.

— У тебя есть внизу комната, где мы сможем встретиться завтра для раннего ланча?

Габриэль взглянул на Еву и отметил, как побледнела ее кожа при этом разговоре. Она боялась за себя и подругу. Вся эта ситуация была для нее совершенно чуждой. И, хотя девушка изо всех сил старалась держаться, это было уже слишком.

Для одного дня достаточно.

— Забронирую малую комнату для переговоров, — ответил он. Так много всего нужно решать. Его снедало нетерпение. Если бы прошлой ночью не случилось все это дерзко, он бы слетал в Нью-Йорк, разобрался с братом и все бы уже закончилось.

— Хорошо. Выдвигаемся. — Винсент дал знак Пейну и Алеку следовать за ним. Троє кивнули Еве в знак прощания и исчезли.

Взгляды встретились и не отпускали друг друга пару секунд, пока Ева не разорвала контакт.

— Не знаю как твой, — она поднялась, чтобы взять пульт от телевизора с маленького столика возле дивана, — но мой мозг хочет отдохнуть. Хочешь со мной повалиться?

У нее что-то было на уме, и она пыталась это скрыть.

— Не отказался бы. Сейчас забронирую на завтра комнату — я весь твой.

Габриэль закончил дела и через несколько минут вернулся к девушке. Ева кусала губы, и он прикоснулся к ним.

— Поговори со мной.

Уголком глаза он видел, как Джак тихо направился в студию за столовой.

Может, теперь она заговорит.

Глава 18

Ева окинула взглядом окаменевшее от напряжения тело Габриэля. Очень не хотелось усугублять ситуацию, но она была вынуждена спросить:

— Отправить Калеба в Нью-Йорк и, правда, было единственным выходом?

Его взгляд стал ледяным. Габриэль промолчал, изучая лицо девушки в поисках бог весть чего.

— Логично отправить уже знакомого тебе, а не чужого человека. Я знал, что его постоянное присутствие не вызовет подозрений. Хотя, если бы знал, что Алесио начнет к тебе подлизываться, тогда бы необходимость привлекать Пейна отпала.

Ева разинула рот.

— Ты знаешь Алесио? — Один из ее друзей по учебе. Она встретила легкомысленного плейбоя всего за пару месяцев до выпуска. Он встречался, точнее спал, с одной из ее соседок, а после расставания, оставшись друзьями, постоянно ошивался вокруг.

— Он мой младший двоюродный брат.

— Серьезно? И стал моим другом по твоей просьбе?

— Есть такая штука, совпадение называется. Вот это одно из них. — Габриэль усмехнулся. — Он не мальчик по вызову, Ева. Я не заставлял его трахать твою соседку только для того, чтобы следить за тобой, если ты это подразумевала.

Ее щеки вспыхнули.

— Судя по звукам из комнаты Тайлы, не думаю, что там происходило принуждение, — пробормотала она и вернулась к теме. — Мне плохо при мысли, что ты вынуждаешь Калеба бросить жизнь в Сиэтле, только чтобы присматривать за мной. Он нужен Нике здесь.

Ему хватило такта выглядеть смущенным.

— Я не знал об этом. Хотя, честно говоря, Калеб упоминал, что Векс с нетерпением ждет его возвращения в Нью-Йорк, поэтому не *все* из-за тебя. На его решение повлияли и другие факторы. И я удостоверился, что его ничего не привязывает. — Он погладил ее по руке, и по коже побежали мурашки. — Если бы у него была жена или ребенок, я бы последовал плану Б.

— План Б?

— Отчислить тебя из университета и отправить домой.

У Евы от шока отвисла челюсть.

— *Что?* — Она отпрянула, увеличивая дистанцию. — Как это *возможно*?

Габриэль подошел к ней, отводя волосы с плеча и проводя по ним пальцами.

— Это было бы просто, — начал он, глядя на пряди меж пальцев, — но я знал, что ты надрывалась, чтобы поступить туда. Серьезно, это был бы самый крайний вариант.

— Но это Колумбийский Университет, — надавила Ева, словно он был не в курсе.

Габриэль усмехнулся.

— Я сказал, что вариант был крайним.

Какие же связи у него есть? И если он обладает таким влиянием, то на что тогда способен ее отец?

Какого черта она даже *думает* о том, чтобы остаться с этим человеком?

— Если ради твоей безопасности придется запереть тебя в подземелье у черта на куличиках, то именно там ты сейчас и окажешься. И имей в виду, я буду там вместе с тобой, — добавил он.

В его глазах загорелось пламя, и ее тело отозвалось.

Ева понятия не имела, куда все может зайти. Но тело не считалось с деталями. Она хотела его. Была одержима им. Каждый раз, как мужчина оказывался в десяти шагах от нее, единственной мыслью было прикоснуться к нему. Ева боролась с этим желанием. Но, как правило, проигрывала.

Опасность. Интрига. Шанс, что история матери повторится и с ней. Целый новый мир, в который ее посвятили. И все это связано с Габриэлем.

Ева едва могла ясно мыслить, когда он был рядом.

Глядя на него, пульс ускорялся. Настолько несправедливо прекрасный. Настолько привлекательный. Физически этому было практически невозможно противиться.

Но она так же чувствовала что-то к нему.

Взгляд опустился на его горло. Она пришла к выводу, что может доверить этому мужчине свою жизнь, но может ли доверить сердце?

Не стоит, Ева. Возьми все, что можешь от ситуации, и уходи, когда придет время.

Его пальцы дотронулись до обнаженной линии спины под краем футболки, посыпая новую волну мурашек.

— Почему ты переживаешь о Пейне?

Она пожала плечами.

— Я беспокоюсь о Нике. Последние несколько месяцев, когда мы вдвоем с ее братом жили в Нью-Йорке... похоже, для нее были очень тяжелыми.

От прикосновений кожу обожгло жаром.

— Знаю, что они бы хотели, чтобы ты была в безопасности.

— Верно. — Так и было. Знай они о происходящем, тогда бы Ника совершенно не возражала против присутствия Калеба в Нью-Йорке.

— Ты хорошо держалась сегодня, — внезапно произнес Габриэль. — Вынесла все с необычайным мужеством, правда. Я очень впечатлен. Наверное, это гены.

Она должна была рассмеяться над неумелой похвалой, но гордость подтолкнула подняться и поклониться. Последние несколько дней оказались трудными, но, пережив смерть матери, она чувствовала, что способна выдержать что угодно.

Ева все еще помнила страстную речь Габриэля во время утреннего завтрака.

Зарывшись пальцами в его мягкие волосы, девушка оставила долгий поцелуй на шее. Боже, она обожала свежий вкус его кожи.

Закрыв глаза, она могла почти забыть все произошедшее. Могла представить, что это все еще первая ночь, которую они проводят вместе. Казалось, прошли годы. Она отчаянно скучала по этому.

Девушка подняла руки, чтобы обнять его за шею и поддаться моменту, пусть даже все снова закончится тем, что она окажется обнаженной в его постели, но зазвонил телефон. Ева отпрянула прежде, чем Габриэль заметил ее движение.

Он достал телефон и пролистал сообщение.

— Маркус, — отозвался он, имея в виду мистера «GQ», которого Ева вчера утром встретила в офисе. Габриэль рассказывал ей, что тот был единственным исполнительным

вице-президентом «ТарМор». Господи, и это тоже происходило, словно столетия назад. — Слава Богу, что у «ТарМор» есть такой человек, — добавил он, отвечая на сообщение.

— Маркус тоже в семейном бизнесе? — Ева выгнула бровь, поддерживая вежливый разговор, хотя это было последнее, что бы ей хотелось с ним делать.

Габриэль улыбнулся.

— Не моей семьи. У него собственная группировка в Нью-Йорке. И его брат Люциан управляет ей как сам дьявол. Но Маркус на сто процентов в законе. — Его телефон снова зазвонил.

Проглотив разочарование из-за того, что их в очередной раз прервали, она отошла и произнесла:

— Работай. Я все равно собиралась в душ. — *В холодный*. Она взглянула на рельеф мышц Габриэля, и сердце забилось чаще. *Нет, в ледяной*.

Он нажал «Отправить» и засунул телефон в карман. В поднятом на нее взгляде полыхал огонь. Воздух наэлектризовался.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — неуверенно произнесла Ева.

Габриэль схватил ее за руку и потащил в ванную.

— Душ звучит идеально. Давай сэкономим воду.

— Ох, подожди. — Ева уперлась пятками в пол.

Он остановился и поморщился, оглянувшись назад.

— Черт. Прости. — Габриэль придвигнулся, склонил голову, и промурлыкал: — Я тебя даже не поуговаривал поцелуями. Прости, милая. — Его рот накрыл ее губы, и девушка чуть не закричала.

Да! Да! Да!

Она не хотела думать ни о киллерах с гангстерами, ни об угрозах и семье. Ни об отце, ни о матери, ни о двоюродном брате. На самом деле, она вообще не хотела думать.

И Габриэль мог дать ей это.

Она тихо застонала, когда их языки сплелись вместе, принимая, даря и дразня.

Но Ева как-то нашла в себе силы отстраниться.

— Что такое?

— Мне нужно взять кое-что в сумочке. — Кое-что важное, учитывая, что явно грядет фантастический секс с уголовным преступником из жестокой криминальной семьи.

Ей хотелось рассмеяться над тем, как глупо это все еще звучало для нее.

Но не засмеялась, потому что это оказалось не глупее того, что однажды ночью у них уже был крышесносный *незащищенный* секс.

Коротко кивнув, Габриэль отвел ее к столику возле входа и схватил маленькую кожаную сумочку. Сунул ее в руки девушке и мягко повел через спальню в ванную. Ева постаралась не улыбнуться. Он был таким настойчивым. Или в данном случае настырным, предположила она.

Когда они оказались в красиво обставленной ванной, он щелкнул выключателем, вопросительно посмотрел на нее и приглушил свет, увидев, как девушка вздрогнула.

— Лучше?

Она кивнула.

— Было слишком ярко. На секунду подумала, что сейчас меня будут допрашивать.

Габриэль рассмеялся, громко и свободно. И от этого стал казаться лет на десять моложе.

— Мне нравится твой смех, — произнесла Ева, касаясь его подбородка и скользя ладонью ниже. — Ты такой серьезный.

— Ответственность. Голова всегда забита. От меня зависят очень много людей.

— Возможно, ты обретешь покой после того, как все разрешится с твоим братом, и я перестану быть твоей заботой.

Он наклонился и нежно поцеловал ее, в глазах цвета мха сверкало чувство собственничества.

— Ты единственная даришь мне покой, — выдохнул он ей в губы.

Сердце дрогнуло, и внутри расцвело счастье. Как, черт побери, она собирается беречь свои чувства от этого мужчины?

Девушка кинула сумочку на тумбу и порылась в боковом кармане.

— Что это? — поинтересовался Габриэль, когда Ева вытащила шуршащую упаковку. — А. Теперь вижу.

Она задержала дыхание и бросила взгляд в зеркало, чтобы оценить его реакцию, щеки зарделись.

— Мы должны были использовать их с самого начала. Но... — Ева пожала плечами, не сильно заботясь о возможной беременности на фоне других вещей, потому что на протяжении нескольких лет принимала противозачаточные для регулировки цикла. Хотя... — Из-за всего происходящего мой график приема таблеток несколько пострадал.

На его лице промелькнула уязвимость, но так быстро, что Ева решила, будто ей показалось. И что-то еще. Но потом обычное выражение вернулось и, казалось, все было нормально. Его руки обхватили ее, и Габриэль повернул Еву к себе лицом.

— Я понял. — Он откинул волосы с ее шеи и запечатлел поцелуй на чувствительном местечке за ушком, толкнув назад, пока спина не прижалась к стене рядом с двойной раковиной. От приглушенного света светильника половина лица Габриэля оказалась в тени, добавляя ему таинственности. — Я прошу прощения за то, что забыл про эту часть в первый раз. Никогда еще не был столь безответственным, — мягко подметил он. — Судя по выбранному мной пути, я никогда не заслужу твоего доверия, верно?

У Евы внутри все сжалось. Услышав эти слова, девушка осознала их ошибочность. Она уже доверяла ему. Свою жизнь и даже больше. Хотя он лгал ей. И какой же идиоткой она выглядела из-за этого? Как могла так легко все простить? Он врал ей, черт побери!

Но также пришел на помощь. Поставил ради нее на кон свою жизнь и жизни друзей. И Ева не могла больше это игнорировать. Боже, она так запуталась!

Мысли о сексе что-то делали с ее логикой.

— Тебе есть над чем поработать, — пробормотала она. Но доверие было таким хрупким. Однажды разбитое, могло ли оно когда-нибудь вновь быть склеено?

И потом, посмотри, как быстро она простила Калеба.

«Но Калеб заботился о тебе», — оправдывался внутренний голос

«Возможно, Габриэль тоже», — возразил другой голос.

— Раз мне есть, над чем работать, тогда я предпочитаю начать, — прошептал он со слабой улыбкой и притянул девушку к себе.

Спустя мгновение он прижался к ней всем телом так, что кожу обдало жаром. Его язык овладел ртом, сбивая дыхание и вызывая желание внизу живота, от чего трусики становились влажными. Ох, он был прекрасен. Так чертовски хорош, что упаковка выпала из рук и приземлилась на пол.

Ну и пусты. Потому что есть другие вещи, которые бы Еве хотелось сделать пальцами, раз они освободились.

Нужно срочно раздеться. Сейчас же.

Руки Евы метнулись к пуговице на его штанах, дрожа от спешки. Габриэль прикрыл глаза, его дыхание сбилось. Мужчина едва сдерживался. *Черт.* Ему хотелось быть с девушкой, наслаждаться ее сладкой податливостью.

Ева нетерпеливо захныкала, и Габриэль накинулся на ее рот. Намотал на кулаки темные пряди и крепко прижал девушку к стене, громко застонав, когда ее язык скользнул в его рот, напряженный от желания. Габриэль отпустил волосы и провел ладонями вниз, обхватывая ее упругую задницу и поднимая на руки.

Член пульсировал, требуя разрядки, когда ее длинные ноги обвились вокруг его талии.

— Ева...

— Не останавливайся, — выдохнула она.

Он поставил ее на пол и сдернул леггинсы вместе с трусиками. И в ту же секунду быстро стянул с себя футболку, пока Ева делала то же самое. Отпихнул ботинки, а девушка расстегнула разноцветный лифчик. Она медленно спустила бретельки по рукам и уронила белье на пол, совершенно не осознавая, насколько эротично сейчас выглядела. Быстро избавившись от брюк, Габриэль уставился на ее обнаженные формы.

Такую красоту невозможно описать словами.

— Поторопись...

Ее хриплый голос едва не заставил его упасть на колени. Габриэль выступил из кольца одежды и снова прижал девушку спиной к стене, ладони тут же обхватили полную грудь, а большие пальцы скользнули по соскам. *Проклятие,* Габриэль не знал, что заводит его больше: ее мягкость и податливость в его руках или то, как она выглядела, изогнувшись и откинув голову назад от удовольствия.

— Так... охрененно... прекрасна... — простонал он, сдерживая свое нетерпение. Габриэль перекатил соски меж пальцев, наслаждаясь ощущением от впившихся в его плечи острых ноготков.

Ева поймала его взгляд, и тело заныло от открытого и возбужденного выражения ее лица. А потом пальцы еще сильнее сжали его и притянули ближе. Он отпустил грудь и снова обхватил ее задницу, прикусывая плечо, впиваясь пальцами в нежную плоть. Не в силах устоять, Габриэль скользнул ладонью меж ее ног.

— Ох... черт. — Она истекала соками. Вошел сначала одним пальцем, а затем двумя, обожая ее отчаянные стоны. — Такая готовая. Для меня.

Ее спина призывно изогнулась, грудь прижалась к его груди. Бедра закружили под пальцами, и Габриэлю хотелось овладеть ею прямо здесь, возле этой чертовой стены.

— Боже, да, — горячо простонала Ева.

Габриэль наклонился и подобрал оброненную ею упаковку. Быстро разорвав пакетик, раскатал презерватив по всей своей длине. А потом схватил девушку под бедра и поднял.

Ее пальцы впились в его влажные от пота плечи, а ноги снова обвились вокруг талии. Габриэль переместился и вошел во влажную глубину, заставляя обоих застонать от блаженства. Он медленно задвигался, наслаждаясь ощущением ее упругого тела.

Боже, мозг все еще пытался переварить тот факт, что она согласилась на это. На самом деле, он благодарил Господа за то, что Ева все еще хотела его. Габриэль не был достоин ее нежного сердца. Или ее восхитительного пламенного духа.

И в особенности не заслуживал прощения, борьба с которым светилась в ее глазах при каждом взгляде.

На мгновение он растворился в ней, погружаясь снова и снова. Изогнувшись, Габриэль обхватил ее сосок губами и поиграл языком. Внутренние мышцы Евы в ответ сжались, едва не доведя его до оргазма.

— Такая... узкая, — пробормотал он.

— Может... *о, Боже*... потому что ты... такой большой... — выдохнула она, вонзая ногти в плечи.

Ева задвигала бедрами, и ее лицо озарилось таким экстазом, что у Габриэля перехватило дыхание. Когда она сделала это снова, он заскрежетал зубами, вынужденный сильнее бороться за контроль.

Ему нравилось, что она была раскована в своей страсти. Габриэль поцелуями проложил дорожку по горлу и накрыл ртом губы девушки, синхронизируя движения языка и члена. Он почувствовал, как напряглось и отяжелело ее тело. Она выгибалась навстречу его толчкам.

— Вот так, милая. Бери, что тебе нужно. Бери все. — Ее дыхание оборвалось вскриком, и мышцы влагалища обхватили его, утаскивая за собой волной оргазма.

Оргазм практически парализовал Еву. В следующее мгновение Габриэль застонал, и его тело содрогнулось от разрядки. Повернулся и осторожно опустил девушку на тумбочку, все еще держа в своих объятиях.

— Я сделал тебе больно, малышка? — Он нежно поцеловал ее в ключицу, обжигая кожу.

Ева поцеловала его в ответ.

— Совсем нет. Со мной все хорошо.

Хорошо было преуменьшением. Она оказалась практически пьяна от удовольствия.

— Теперь мы можем разделить душ?

Точно. Душ. Ева осторожно опустила дрожащие ноги на холодную плитку, пока Габриэль включал воду, и незаметно любовалась его телом. Девушка уставилась на открывшийся ей совершенный вид.

— Bay, — прошептала она, разглядывая очень красивую татуировку на спине. Распятый на старинном кресте ангел. Его расправленные крылья касались плеч мужчины, а кончики перьев спускались по ребрам к талии.

Габриэль оглянулся.

— Что? — спросил он.

— Твоя脊на.

— Что с ней?

— Татуировка, Габриэль. Она прекрасна. Поверить не могу, что не видела ее в ту ночь.

— Мы были заняты другими вещами.

Верно.

Мужчина развернулся к ней лицом, прежде чем она успела поднять взгляд, и застал Еву, разглядывающей длинные мускулистые ноги и отменную задницу. На его лице расплылась медленная мужественная улыбка, и он подтянул девушку под струю воды.

— Нравится то, что видишь?

Какой же он высокомерный.

— Может быть, — подразнила она. Но Габриэль не купился. Просто усмехнулся. Когда вода полилась по их телам, Ева снова развернула его, чтобы посмотреть на спину, наслаждаясь игрой мускулов под кончиками ее пальцев, обводивших контуры крыльев ангела. — Это что-нибудь для тебя значит? Она такая красивая.

— Просто ангел, охраняющий мою спину. Винсент зовет ее Софией.

— Кто такая София?

— Его сестра. Маленькая пташка попалась в ловушку проституции вместе с бог знает сколькими другими девочками, которых удерживали с помощью наркотической зависимости. Винсент опознал ее тело во время очередного ночного посещения морга почти год назад. Ей было всего шестнадцать.

Грудь Евы наполнилась ужасом и сочувствием от боли и сдерживаемого гнева в голосе Габриэля.

— О Господи. Это ужасно.

— Она была потерянным сокровищем. Именно она дала мне это. — Габриэль приподнял черный кулон, висевший на шее. — У Винсента тоже такой есть. Этот жест был ее способом сказать, что бы мы ни совершили, она и Бог простят нас. — Он намотал на палец мокрую прядь волос Евы. — Ви навсегда изменился с того трагического года. Хотя, кто бы смог остаться прежним? В его глазах именно он упустил ее. Он заботился о ней с восьми лет, как только мог. Обвинять себя за... вообще за все это, полный отстой, ведь он не мог находиться с ней ежесекундно все дни напролет. — По его телу прошла волна напряжения. — Винсент был со мной, когда ее поймали, поэтому, думаю, мне стоит заткнуться, потому что чертовски тяжело не чувствовать ответственность.

Это в какой-то мере объясняло его решимость держать ее в безопасности, не смотря на сопротивление Евы его методам. Чем больше она узнавала Габриэля, тем больше понимала, что им движет. Почему он делает то, что делает.

Девушка потянулась к нему и обняла, прижимаясь щекой к спине под струями воды.

— Мне так жаль всех вас, Габриэль. Бедный Винсент. — Она отстранилась и прикоснулась к печальному лицу ангела. — Мне нравится София, и я рада, что она присматривает за твоей спиной.

Ева взяла мочалку и намочила ее.

— А я собираюсь твою спину *помыть*. — Улыбнувшись на его тихий смешок, девушка провела намыленной мочалкой по коже, представляя, каково будет делиться такими интимными моментами каждый день. Каждую ночь доползать до кровати удовлетворенными и счастливыми.

Думал ли Габриэль о том же?

Oх, прекрати, Ева.

Она немедленно оборвала эти мысли. Совершенно не хотела так далеко загадывать. Насколько надо быть мазохистской, чтобы обнадеживать себя возможностью возвращения ее чувств? Чувств, которым не было названия, но которые определенно присутствовали.

Не имело никакого значения, что его брат хотел убить ее. Не важно, что мужчина хранил огромные, способные изменить жизнь, тайны. Не важно, что Габриэль делал в прошлом. Ничего из этого не меняло ее чувств. Если быть абсолютно честной, то она почувствовала к нему что-то, как только увидела, и это что-то, несмотря на все «против», росло.

И до чертиков пугало.

Глава 19

Стефано оглядел засоренный коттедж и скривился в отвращении. В свете позднего утра, а точнее того, что пропускали тяжелые тучи, виднелись выцветшие стены и криво висевшие дешевые картины. Покрытый драным линолеумом пол скрипел и прогибался под каждым шагом. И последнее, что бы хотелось сделать Стефано, это примостить свою задницу на вшивый диван посреди комнаты.

Выбирая из двух зол меньшее, он уселся на один из колченогих стульев возле полуразрушенного стола. По крайней мере, ничто не могло забраться в винил и отложить там яйца. Лучше не думать об этом.

Он взглянул на Фурио, чья рука была в гипсе.

— Теперь на тебя работает только эффект неожиданности. — Стефано помолчал, задавшись вопросом, знает ли Габриэль, что он прилетел в маленький частный аэропорт и сейчас находится меньше чем в пятидесяти милях от Евы и его команды, которая вскоре умрет. Мысленно добавив в список близнецов Беркман, — кто-то же должен ответить за травму Фурио — продолжил: — Отправляйся в ее дом...

— Сомневаюсь, что она все еще там, — покачав головой, отозвался Фурио. — Вероятно, лучше попытать удачу в отеле. Ты так не думаешь?

— Верно. Если бы Стефано спал с Евой, он бы определенно тоже не хотел, чтобы девушка находилась не под боком. Его брат не исключение.

— Хорошо. Тогда в отель. Дождись, когда они разделятся, и забери ее. Привези прямо ко мне. Если кто-то встанет на пути — убей его. Но только не Габриэля. Его оставь. — Брат должен жить со всем этим, иначе какой смысл? — Выруби его, если придется, но не убивай. Позвони мне, как только она будет у тебя. И удостоверься, чтобы девушка была цела. Нетронутой, — предостерег он, поймав взгляд Фурио исподлобья.

Подчиненный кивнул и вышел. Вытащив телефон, Стефано нажал на кнопку.

— Тебе не понравится, босс, — послышался голос в трубке. Поставленный им возле «Кроун Джевел» человек предпочитал не разбрасываться бессмысленными прелюдиями в разговоре.

— Что такое?

— Один из парней только что сообщил, что в полночь в нашу сторону вылетел Максим Киров.

Ему действительно это не понравилось. Чем больше русских они уберут, тем лучше. И тем меньше останется желающих отомстить. Стефано отодвинул мысли о начинавшейся войне со смертельно опасной мафиозной группировкой на задворки сознания. Он разберется с этим позже.

— Винсент не объявился? — спросил он. Его это еще не могло смириться с тем, как эта сволочь ему отплатила.

Стоило послушать интуицию несколько лет назад, которая подсказывала, что близкие отношения Винсента и его брата были не из тех, что так просто исчезнут после побега Габриэля. Стефано подозревал, что у Жнеца уйдут годы, чтобы сработать. Но ублюдок делал все, о чем его просили, и это доказывало его преданность.

Ага. Такие слова, как *преданность* и *честь*, очевидно, больше не существовали в их мире.

От смущенного покашливания в ответ рука на телефоне сжалась.

— Э... нет. Больше Жнеца никто не видел.

— Я хочу, чтобы его нашли. Скажи всем искать тщательнее.

— Будет сделано.

Закончив звонок, Стефано снова сунул телефон в карман. Поднял взгляд на вальяжно зашедшего в комнату Алесио. В свои двадцать лет ребенок достаточно смахивал на Габриэля, чтобы каждый раз вызывать дрожь своим сходством. Но Алесио был лучше. По крайней мере, *это* он знал без тени сомнений.

Мужчина кивнул в знак признательности за протянутый стаканчик из «Старбакса».

— Он даже еще теплый.

Стефано отпил остывающий капучино.

— Какие дела вынуждают нас находиться в этой дыре? — спросил Алесио. — Я думал, что мы остановимся в Сиэтле.

— Мы здесь, чтобы немного развлечься с новой девушкой Гейба.

Парень повернулся и направился к дивану.

— У Габриэля есть женщина? На этой штуке сидеть не опасно? — подозрительно спросил он.

Видимо, мысль о ползущих по заднице гадах тоже вызвала у него чесотку. Он пнул носком ботинка стул перед Стефано.

— Безопаснее.

— Круто. Так значит, у Габриэля появилась женщина? Какого черта ей тут делать? Она какая-нибудь бродяжка?

— И близко не угадал. — Стефано помедлил. — На самом деле, вы в одно время учились в Колумбийском университете. Она окончила его в этом месяце.

Алесио ухмыльнулся.

— Как она выглядит? Может, я ее трахнул.

Стефано расхохотался и покачал головой.

— Если бы ты трахнул Еву Джейкобс, то не смог бы избавиться от стояка. Она из тех девушек, с которыми, переспав однажды, не расстаешься.

— Возможно. Так почему она здесь?

— Пока еще не здесь, но очень скоро будет. Фурио только что поехал за ней.

— Фурио? Чокнутый ублюдок, — проворчал Алесио, прикрывая рукой зевок. — Значит, мы ее похитим. А если на пути встанут другие? Скольких мы готовы убрать?

Стефано сделал еще один глоток кофе.

— Вместе с Габриэлем Джексон Триско и Куан Мао, но уверен, Фурио в курсе, что не стоит их недооценивать. Александр Тараков тоже ошивается рядом последние пару недель. Сюда летит Максим Киров, но надеюсь, что Ева будет у нас еще до того, как он приземлится. — Ему нравилось это преимущество. — Так что, предполагаю, будет Гейб, Тараков и телохранители. И небольшая группа последователей. Они не создадут особых проблем, заржавели уже.

Молодой человек поднял руки и потянулся, захрустев позвонками.

— Черт. Нужно больше спать, — пробормотал он. — С этими русскими будет нелегко, особенно с Кировым, если он появится. Я слышал, что он как чертова машина. Значит, ты все-таки решил заняться Гейбом, да? Его не было достаточно долго, чтобы не сильно расстроиться, если он вдруг попадет под перекрестный огонь. — Алесио поводил плечами, словно уже натягивал на голову одеяло.

Отсутствие энтузиазма начинало раздражать Стефано. Расхваливание способностей Кирова положение не улучшило.

— Хочешь вздрогнуть, парень? — бросил он.

У Алесио закрывались глаза.

— Хорошая идея. Я собираюсь завалиться под деревом, — ответил он, медленно поднявшись и зашагав по засранному полу. — Снаружи вполне неплохо. Мне не очень хочется ютиться на этом. — Он указал на диван. — Не думаю, что мои дамы оценят появление в доме блох или прочего дерьяма. — Он остановился, задержав руку на дверной ручке, и оглянулся через плечо. — Без меня не начинайте, — произнес парень, тонко улыбнувшись, его глаза потемнели. — Я буду отдохнувшим к тому времени, как начнется веселье.

К приходу Винсента Габриэль с Евой уже стояли возле большого круглого стола в комнате для переговоров. Гейб бросил попытки достучаться до Алека и признал, что его усилия за последний год оказались тщетными. Парню недоставало его девушки, как жизненно важного органа, и это сильно беспокоило. Габриэлю не нравилось видеть своих друзей в таком состоянии. У Алека была возможность обеспечить безопасность своей женщине, но идиот не хотел ею воспользоваться. Придурок.

Обменявшиеся приветствиями, все опустились на стулья, и Габриэль как хозяин предложил сухое красное, тут же отклоненное Винсентом. Слишком рано для подобного дерьяма.

Все смотрели на открывшуюся дверь.

Джексон Триско появился с видом обладателя титула UFC в легком весе, устрашающий и гордый. Хорошо, что он снова был с ними. Судя по его выражению лица, парень не особо развлекался заграницей. Но иметь в команде морского котика в отставке? Замечательно, черт побери.

За Джаком проследовал Куан Мао, и Винсент подозрительно сощурил глаза при виде чужака. Ну и что, что азиат с Габриэлем больше четырех лет? Винсент плохо знал парня, а потому тот оставался для него чужим. И чтобы окончательно быть принятным в их круг, ему придется еще себя доказать. Максим хорошо покопался по каналам, чтобы дать упретому русскому пару предостережений, а также добыл поразительную историю азиата. Он был дисциплинирован до крайности. Заработал Року Дан или шестой Дан и титул Самурая, что для его возраста, черт побери, было крайне впечатляющее. Винсент дал бы ему чуть больше или чуть меньше его собственных тридцати трех.

Но Куан все равно оставался чужаком. Потому что так было заведено у Винсента. Никому не доверять, пока они не докажут, что достойны доверия.

Следом появился Пейн и прошел по комнате, кивая присутствующим и открыто улыбнувшись Еве. Ответный кивок Габриэля был резким.

— Еще не разговаривала сегодня с Никой, Присс? — спросил байкер, занимая место в паре стульев от дочери Василия.

Присс? Прозвище?

— Нет. А ты?

— Я хотел подобрать ее по дороге от друзей, но она настояла, именно настояла, что приедет сама.

— Она приедет?

— Ага. Просила пригласить ее, — произнес он, кивая головой в сторону Винсента. Тот кивнул в ответ забавному байкеру, признавая его таланты. — Раз уж она теперь вовлечена в это.

Винсент подметил, как напряглось тело Габриэля во время этого короткого диалога. Он ревновал. Впервые для этого засранца. *Смеино*.

— Мне хреново от мысли о роли Ники во всем происходящем, Пейн, — не колеблясь, отозвался Гейб.

Байкер пожал плечами.

— Это ничего не меняет, но я признателен за беспокойство. Учитывая ту кучу дерьма, с которой ей приходится иметь дело, это ей не нужно.

Винсент опустил глаза, в голове снова маякнулся его внутренний радар. Что, черт побери, происходит с сестрой? И если Пейн так беспокоился, то почему не попросит помощи? Когда дело касалось слабого пола, — и да, он прекрасно понимал, что любая женщина при этой фразе надавала бы ему по ушам, — они все равно нуждались в защите. Простая истина заключалась в том, что большинство женщин не обладает физическими данными, чтобы противостоять мужчине, те, как правило, больше и сильнее, чем они, и обычно более неуравновешенные.

— У тебя не больше контроля над действиями своего брата, чем у меня, Габриэль.

Все внимание переключилось на единственную девушку в комнате, когда она публично освободила их друга от вины. Все давно знали, что он не виноват. В этот момент Винсент почувствовал симпатию к девушке, и не только он, судя по выражению лица Габриэля, когда тот склонил голову в ее сторону.

Голос Евы был мягким, но уверенным, когда она взглянула на Пейна и добавила:

— Как и контролировать действия сестры, Калеб. И не важно, как сильно тебе это не нравится.

Байкер выглядел мрачно, но проявлял уважение, а приподнятая бровь указывала на то, что он заметил попытку Евы оправдать Габриэля.

— Ага. Я понял. Свобода — иногда хреновая штука.

— Так и есть, — пробормотала Ева, поправляя лежавшие перед ней столовые приборы. Ее движения были рассеянными, словно она не осознавала, что делает. Девушка поправила и приборы Габриэля, выровняв тарелки по нижнему краю. А потом откинулась на спинку и многозначительно вздохнула. Странная.

Звук вновь открывшейся двери опять заставил всех повернуть головы, чтобы увидеть второго русского в их тесном кругу, вошедшего так, словно весь мир принадлежал ему одному. Максим Киров оказался огромным накачанным парнем, похожим на танк, большую часть его тела покрывали татуировки. Только второй чертов русский мог знать, что они означают. Это было нормально, криминальная история Макса скрывалась под костюмом-тройкой, который Габриэлю казался чертовски неудобным, хотя и стоил, вероятно, больше, чем его байк. Парень появился на сцене со своими серебристыми глазами. В купе с бритой головой и идеальной черной бородкой он выглядел устрашающе.

При приближении Максима Габриэль поднялся.

«Два больших мальчика одновременно», — подумал Винсент при виде благоговейного страха Евы перед гигантами.

— Ты становишься настоящей занозой в заднице, брат мой, — прорычал Киров, чернила на шее задвигались во время разговора. — Ты мне должен. — Его огромная ладонь сгребла Габриэля за затылок и притянула к себе для двух громких поцелуев в обе щеки, дабы показать, что он прощает Гейба за то, что его оторвали от неведомых дел. — Василий будет здесь через пару часов.

— Что? — Ева ахнула и вскочила на ноги. — Едет мой отец?

Как и следовало ожидать, Максим, чье поведение не отличалось от непоседливой обезьянки, немедленно отвлекся. Он сдвинулся в сторону, убирая Габриэля с дороги, чтобы нависнуть над девушкой, не скрывая явно оценивающего взгляда.

— Ну наконец-то, во плоти.

Ева вскинула бровь, словно ее не смущало и не пугало такое разглядывание. Это сделало ее похожей на Василия.

— Ты имел в виду моего отца? Он приедет сюда? Сегодня? — спросила она.

— Да. — Максим взял ее ладонь и поднес к губам. — Большая честь для меня познакомиться с тобой, Ева. Учитывая, что ты дочь главаря, я теперь в твоем распоряжении, что бы ты ни пожелала. И я имею в виду... *абсолютно* все, сладкая.

Винсент вздохнул. Чертов Киров и его необходимость вечно баламутить воду.

— Уверен, что *твой друг* позаботится о ее нуждах, Киров, — с нажимом произнес Пейн. — Поэтому отвали.

— Калеб, — предупредила Ева.

— Что? Он не должен так вести себя с девушкой старого друга, Присс, пусть это и только слова, черт побери. Это очень грубое неуважение.

Не будь парень так далеко, Винсент дал бы ему «пять».

— Именно так ты и заработал фингал, механик? — поинтересовался Макс.

— Сядь, Макс, — прорычал Габриэль, указывая на другую сторону стола. — Там.

Не спуская с байкера совершенно бессовестных серебряных глаз, Максим пробормотал:

— Прости, но думаю, мне будет гораздо удобнее здесь. Непредсказуемый сценарий. — Он выдвинул стул между Евой и Калебом.

Прежде чем он смог сесть, *гребаный детский сад*, Винсент вскочил на ноги, не приветствуя идею, что кому-то всадят столовый нож в солнную артерию.

— Фингалы это моя работа, Киров, — буркнул он. — А теперь остынь, черт побери. — Ногой пнул стул рядом с собой. — Пристраивай свою задницу, пока я сам не сделал это за тебя.

Еще раз бросив косой, наполненный юмором взгляд на Габриэля, а затем на байкера, как бы говоря, что не оценил дерзость, Макс обошел всех кругом и опустился на указанный стул.

— Так хорошо, папа?

Винсент сел и наградил его толчком локтя под ребра.

Габриэль выдвинул Еве стул и подождал, пока она сядет, прежде чем занять собственное место. Он наклонился, вероятно, чтобы извиниться. Ева посмотрела на него, ее большие голубые глаза светились, пока она слушала. *Проклятье*. Неужели эта маленькая дива приручила разъяренного одинокого зверя?

«Похоже на то, раз она оказалась достаточно смелой, не позволив повлиять на себя всему этому дерму со Стефано», — подумал Винсент, когда она кивнула и накрыла ладонь Габриэля своей.

Губы изогнулись в чуждой Винсенту улыбке. В их работе было крайне мало поводов для улыбок, и случались они редко. Снова взглянув на Еву, он понадеялся, что она знает, во что ввязывается. И еще больше надеялся, что она никуда не денется. Потому что Габриэль заслуживал херову тучу счастья. Его растили как доблестного солдата, не более. Альберт Моретти был холодным и безжалостным по отношению к подчиненным, включая собственного сына. И потом, он был связан с таким мстительным придурком, как его брат Стефано; нет хуже человека, который хотел, чтобы окружающие страдали так же, как он. Таким был Стефано Моретти, и Винсент понял это давным-давно. Идеальный пример того, что несчастье любит компанию.

Так что да, Габриэль заслужил немного улыбок.

Винсент поднял свой стакан и заметил, что Максим слишком усиленно трет бровь. Появившаяся было насмешливая улыбка, исчезла, ее место заняла зависть, когда он неприкрыто изучал их друга.

Ха. Парень хочет остепениться? Интересно. Он такого не предвидел.

Винсент бросил взгляд на Алека, опрокинувшего второй стакан красного. Боже правый, еще даже двенадцати не было.

Черт. Его буквально душили все *чувства* в комнате, хорошие и плохие.

Он резко отодвинул стул, вставая, и кинулся к двери, словно кислотой жгло пятки.

— Скоро вернусь, — бросил Винсент в пустоту.

Ботинки отстукивали дробь, пока он шел по коридору и через роскошный холл «Кроун Джевел», плащ, как бы защищая, обвивался вокруг лодыжек. Винсент игнорировал ставшие привычными взгляды, вызванные его видом и размером. *Идиоты.* Будет ли стадо баранов чувствовать себя в меньшей опасности, надень он очки в роговой оправе и рубашку в клеточку? «Вероятно», — мрачно подумал он, достигнув тротуара и жадно набрав полные легкие теплого солнечного воздуха. Винсент свернул налево и прошел пару шагов, когда из-за облаков выглянуло солнце и пригрело кожу плаща, тут же отздавшись знакомым уютным ароматом. Яркое пятно пересекло улицу, и мужчина повернул голову. Разве погода в Сиэтле обычно не дождливая? Габриэль достаточно злился и ныл по этому поводу.

Мысли Винсента заметались и улетучились, а легкие забыли о своей жизненно важной функции. *Святое дермо.* Теперь он понял, почему огненное светило выглянуло пошалить. Оно нашло свою земную ипостась в виде изящной девушки с невероятной копной огненно рыжих волос, сверкающих как бриллианты в лучах солнца.

Девушка захлопнула дверь черной «Тойоты», и его сердце помчалось вскачь, когда она перешла улицу и двинулась с манящей грацией, при виде которой пантера умерла бы от зависти. На ней была надета серебристая струящаяся рубашка. Облегающая черная юбка показывала достаточно, чтобы понять, — ноги просто фантастические. С плеч на спину ниспадал длинный черный шелковый шарф, развевавшийся в районе бедер при каждом шаге. Горячий прилив крови устремился в сторону паха. Шокируя.

Такого не может быть. Тем более в двадцати шагах от него.

Взгляд пополз вверх, и низ живота дрогнул при виде густых прядей, струящихся по спине до самой талии. Господи, сколько же тут оттенков? Когда девушка подошла ближе, Винсент легко разглядел богатый каштановый, сверкающий золотой и огненно-рыжий.

Она подняла глаза, и их взгляды встретились. Винсента словно пригвоздило к месту, ее глаза были такого изысканного изумрудного цвета, словно два сверкающих драгоценных камня, которые широко распахнулись от шока, когда девушка споткнулась. Ему пришлось обхватить ее за тонкую талию, чтобы остановить от падения к его ногам.

— Ох!

«Оу, бедняжка, придется изображать героя», — подумал он, притягивая ее к себе. Она была такой приятной на ощупь, черт возьми. Очень, очень, приятной. И так прекрасно пахла, что у него все сжалось в груди. Винсент поступил необдуманно.

Он усилил хватку и приник к этим восхитительным волнистым волосам, глубоко вдыхая ее аромат. Такое чувство, что она купалась... в апельсиновом соке. Свежевыжатом апельсиновом соке и солнечном жасмине. Ее точеная фигурка слегка обмякла в его руках, и Винсент подавил стон.

— Господи боже, — выдохнул он.

Девушка довольно резко отпрянула. И поморщилась. От своей реакции или его? Он не был уверен. И хотя отчаянно хотелось прижать ее обратно и выяснить причину невольного движения, Винсент заставил себя опустить руку и отступить. Она вздернула подбородок, встретила его взгляд и... бах! Прямо в хлебальник. Как сказал персонаж в старом мультике.

— Простите, — произнесла она. Голос тоже был музыкальным, для Винсента он звучал словно известная на весь мир симфония. — Обычно я не такая неловкая.

Ее глаза продолжали излучать свет, но теперь стали настороженными, с намеком на грусть, вызывая у Винсента желание развеять ее печали. Это же просто смешно, или нет?

— Просто я... испугалась... — Она быстрым движением посильнее затянула шарф вокруг плеч, снова поморщившись. Не синяки ли он заметил на шелковистой коже?

Винсент нахмурился при мысли, что ей причинили боль, и что она вполне могла закончить фразу «потому что ты так плялися».

— Ничего страшного. Будьте осторожнее. — Его короткий приказ завершился капитуляцией, когда он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Винсент миновал вращающиеся двери отеля, едва не сбив маленькую азиатскую парочку, отскочившую от него, словно от ожившего гребаного Годзиллы. Но что за черт? Почему он так взбесен? *Возьми себя в руки, Романи. Какая нафиг разница, что ты напугал одного земного ангела точно так же, как и всех остальных? Считай это плюсом. Прямо сейчас последнее, что тебе нужно, это подобное отвлечение, да еще и в таком обличье.*

Верно.

Смотря как демон на всех, кто осмеливался встретиться с ним взглядом, вместо того, чтобы опустить голову и скрыться, он пробирался к задней части отеля, всю дорогу очищая мысли. Винсент заметил мужчину в костюме, поигрывающего бокалом с темной жидкостью и льдом, и внезапно захотел присоединиться к Алеку в его путешествии в Бухляндию.

На выходе из лобби Винсент осознал, что за его спиной стучат каблучки. Не просто случайная походка праздно шатающихся посетительниц, а уверенные целенаправленные шаги.

Она не могла следовать за ним.

Замедлив темп, он не торопясь прошел мимо оживленной столовой, в нос ударили соблазнительный аромат свежих морепродуктов и идеально приготовленного стейка,

отчего в животе заурчало. Он свернулся вправо и направился по весьма кстати безлюдному коридору.

Стук каблучков следовал за ним.

Толкнув дверь, ведущую к обширному помещению с множеством переговорных комнат, расположенных полуокружением, Винсент остановился и развернулся, держа открытой тяжелую стеклянную дверь, словно слуга.

— В первый раз не удовлетворили своего любопытства?

Ее идеальные брови, темнее волос на пару тонов, нахмурились, и ослепительная рыженькая замерла в нескольких футах от него. «Могла ли быть такая очаровашка реальной?», — удивился он. Девушка посмотрела ему за спину, и, видимо, в этой прекрасной головке пронеслись ругательства. Ей пришлось бы пройти сквозь него, чтобы войти.

— Тебе тут что-нибудь нужно, рыжая?

Ее зеленые глаза вспыхнули. От его вопроса? Или прозвища? Он не знал и не думал об этом. Слишком увлекся наблюдением за сменой эмоций на прекрасном лице. Сначала она была напугана, через секунду насторожена, а теперь начала... злиться?

— Не от вас, — холодно ответила она. — Простите, мне нужно пройти.

Не от него. Еще один удар в грудь.

— Отойдите.

Ее симпатичный ротик дернулся. Словно она стиснула зубы. Винсенту хотелось улыбнуться.

— Вы стоите у меня на пути.

Ага. Зубы сжаты. Даже во время разговора.

— Где-то пожар, рыженькая?

— Не твоё дело, темненький.

Не будь он столь увлечен, упустил бы вспышку в ее слегка расширившихся глазах. Словно ответ для нее самой оказался неожиданностью. Она медленно выдохнула и, кажется, расслабилась, плечи уже не выглядели такими напряженными. А затем губы изогнулись, и Винсент подумал, что еще никогда не был настолько очарован обычной девушкой.

— Тебе стоит поучиться манерам, — огорошила его очаровашка, явно забавляясь. Видимо, эффект от его внешнего вида уже прошел. Испуг на лице давно исчез. Теперь было лишь раздражение и что-то странно напоминающее удовольствие. — И потом, — продолжила она, — может быть, ты думаешь, что твой вид дает тебе право играть роль хулигана. Что у тебя, кстати, очень хорошо получается. Предполагаю, что ты не часто привлекался за это, да? — И хотя ей приходилось запрокидывать голову, чтобы удержать взгляд, казалось, что она смотрит на него сверху вниз.

«Не роняй челюсть, — приказала его гордость. — И ради всех святых, прикрой глаза, пока они не выкатились из твоей проклятой башки».

— Как тебя зовут? — Неужели он серьезно собирался оставить все как есть после того, как ему словесно надрали задницу?

Ага. Именно так.

Он расслабился возле двери, скрестив руки на груди, и чуть не ухмыльнулся от удовольствия, когда девушка взглядела за его движениями. *Мило.* Его собственные глаза застыли на том, как она облизнула губы. Кончик языка оставил влажный след, который Винсенту хотелось попробовать.

Внезапно, их взгляды столкнулись, и они оба осознали, что пляются: он на ее губы, она на его тело.

Девушка переключила внимание на плащ.

— Это натуральная кожа. Хочешь потрогать? — Да, он может быть самым лучшим из мудаков. Ну и пусть. По какой-то причине ему хотелось ее немного встряхнуть. Каким должен быть характер у девушки с подобным цветом волос? Очаровательный румянец разлился по ее шее и щекам.

— Думаю, обойдусь. — Несмотря на видимую реакцию, ее ровный, скучающий голос подпортил кайф.

Но разве этот мудак в нем не воспрял, как хищник перед добычей?

— Твое имя. — Она оглядела пустой коридор. — Что с ним? — Его губы дрогнули.
— Ты мне его не назвала.

— Нет. А должна?

Винсент прикусил щеку, чтобы сдержать улыбку и не выдать тот факт, что он наслаждался собой. Он позволил тишине повиснуть на минуту и просто впитывал ее образ. Винсент нашел наилучший способ выводить людей на разговор. Говорить как можно меньше. Нет ничего лучше затянувшейся тишины, чтобы заставить нервничать. Но она просто стояла, словно выплененная самим Фидием, платя той же монетой. Очень хорошо.

— Ты больше не кажешься напуганной, рыженькая, — прокомментировал он, не обращая внимания, что заговорил первый. Изумрудные глаза сузились при этом слове. Бинго, больная тема.

И хорошо. Его любопытство не отразилось в голосе.

О, он его слышал, но она вряд ли.

Девушка усмехнулась и снова огляделась. Что она ищет?

— Бояться тебя? — ответила она. — Умоляю...

Веселье тут же закончилось. Винсент стиснул зубы. Он ненавидел ложь. Страстно.

— Ты же не собираешься утверждать, что в этих глазах не мелькал только что страх. Не так ли?

Нечто похожее на тревогу мелькнуло на ее лице, прежде чем девушка справилась с ней.

— Разве?

Хитрая.

— Потому что это глупо. — Его голос стал еще тверже. — Поверь, я могу распознать это выражение.

— Что ж, ты и должен. Учитывая твой вид.

Судя по ее лицу, девушка смущалась от своих слов точно так же, как и он. *Уф, ну ладно.* Она подняла руку, *такая грациозная, может, она танцовщица*, чтобы взглянуть на сверкавшие серебряные часы на запястье. Он *отвлекает ее от чего-то? Дерьмо.*

— Тебя где-то ждут? Может быть, опаздываешь на встречу? — Она безразлично пожала плечами, и Винсента внезапно охватило неконтролируемое желание разбить ее невозмутимость на осколки. — Как давно ты тут работаешь?

Уф. Заткнись. Ты, отвратительный придурок.

От смущения на ее гладком лбу залегла морщинка.

— Прости?

— Как долго. Ты. Работаешь. Здесь? — Он оттолкнулся от двери, и та с мягким скрипом закрылась, оставляя их в тихом коридоре. — У тебя почасовая или фиксированная ставка? Есть постоянная комната наверху, или твои мужчины снимают их для свиданий? — Оказавшись рядом, Винсент вынужден был сжать кулаки, чтобы не поддастся желанию погладить безупречную кожу элегантной шеи. Была ли она такой нежной, как выглядела? — Можешь отменить следующую встречу, чтобы я мог подняться сейчас с тобой наверх и заставить тебя кричать?

Винсент наблюдал, как что-то дикое промелькнуло в ее взгляде при последнем вопросе; мягкие розовые губы приоткрылись от судорожного вдоха. Но потом все поглотил гнев. И Винсент стал свидетелем темперамента, о котором догадывался.

Девушка вспыхнула от обжигающей ярости, при виде которой он не смог сдержать улыбки. Ожидая дальнейшего, он легко перехватил метнувшуюся к его лицу ладонь и повернулся боком, когда услышал шорох юбки, встречая удар острой коленки бедром вместо паха, куда она прямиком и целилась. Разочарованно зарычав, девушка подняла вторую руку — на этот раз сжатую в кулак? *Дерьмо!* Он чуть не расхохотался. Удовольствие от ее действий не мешало ему удерживать запястья в легкой, но уверененной хватке.

— Ты большой... ты... *грязный мальчишка!* Что? Я задела твои чувства, когда согласилась с тобой по поводу твоей внешности? И ты предположил, что я проститутка? Серьезно? Почему? Потому что привлекательно выгляжу и на каблуках днем? Серьезно? Ты хоть понимаешь вообще, каким неудачником себя выставил, предложив меня снять? *Убери от меня руки!* — потребовала она, наверное, только теперь осознав, что он продолжал держать ее. Удивленно заморгав, когда он немедленно последовал ее приказу, и нерешительно отступив назад. Не успела она сделать и пару шагов, ее спина вновь прижалась к стене.

— Я не прав? — спросил он, внутренне поражаясь, как точна была ее тирада. Раздраженный от того, как хорошо она его читала. — Моя вина. И ты права. Когда я вижу такую женщину, как ты, движущуюся так, словно все здесь принадлежит ей, но мне известно, что это не так... — Он приблизился, наслаждаясь ее едва уловимым дыханием и тем, как она подняла взгляд от его груди на лицо. — Она одна... — Сократив оставшуюся дистанцию так, что мог теперь разглядеть чарующие золотые искорки ее глаз. *Проклятие.* Он утонул в этом волшебном аромате. Его голос смягчился, неосознанно. — Привлекательно выглядишь? Да брось, рыжая. Ты выглядишь так, словно создана для того, чтобы лежать под мужчиной. И ты это знаешь. — Не *любым* мужчиной. Тем мужчиной, который стоит перед тобой. Он склонил голову, все еще не касаясь ее, и глубоко вдохнул, окаменев на мгновение.

Быстрый подъем и опускание ее груди говорило ему, что она взволнована, и когда он склонился, чтобы коснуться губами ее виска, с его губ сорвалось нечто необдуманное:

— Я приношу свои извинения.

Что за...

Винсент все еще пытался выразить словами, что на него нашло, когда почувствовал робкое касание ее неуверенных пальцев на талии. Его взгляд замкнулся на ней, мысли разбежались. Она прикоснулась к нему. Добровольно. Надо пользоваться возможностью, пока она есть.

— Я... я хочу ощутить твой вкус. — *Черт.* Его обычно грубый голос сел.

Едва не подкосились колени, когда она приподняла голову, словно приглашая, но в то же время не уверенная в своем желании. Он начал действовать, не способный ждать ее согласия, и мягко прикоснулся к ее губам. Тихий звук напротив его губ чуть не заставил поглотить ее всю, но Винсент обуздал себя. Он совершенно не хотел снова напугать ее.

Ни за что.

Он вжал ладонь в стену возле ее головы. Для поддержки? О нет, совсем нет. Еще один подходящий случай прикоснуться к шелковой коже ее длинной шеи. *Такая нежная. Как дорогой шелк.* Не то чтобы он знал, каков на ощупь дорогой шелк. Но, наверное, приятный. Несомненно.

Когда он большим пальцем приподнял подбородок девушки, ее губы разомкнулись. Одно проникновение в ее рот для счастья. Всего одно.

Мир Винсента покачнулся, и тело вслед за ним от сладкого вкуса, когда его язык глубоко проник в нее. Он услышал скрип кожи на талии и понял, что она сжала в кулак ткань его плаща. Для Винсента этот звук оказался музыкой для ушей. Но *потом* робкий ответ ее языка и рычание, зародившееся глубоко в его груди, чуть не напугало. Тело немедленно накрыло ее, полностью прижав к стене, ощущая мягкость ее груди, плоский живот, запомнившая изгиб ее бедер, стройность ног. Святое дерьмо, она *идеальна*. Она подходит к нему и-де-аль-но.

Он подался бедрами вперед, дрожа от предвкушения...

Сзади отворилась дверь, пропуская группку болтающих женщин, которых ему хотелось прибить на месте. Каждую, черт побери, за то, что они посмели прервать нечто настолько умопомрачительное. *Дерьмо!* Он оторвался от девушки, уже ставшей наркотиком, но остался на месте, скрывая из вида. Ее тихий эротичный вздох и каждое быстрое движение груди под ним едва не подтолкнули Винсента продолжить начатое, но он сдержался. Вместо этого попытался унять собственное рваное дыхание. Он задыхался как питбуль от проклятого поцелуя.

— О Боже. Что я делаю.

Слова были такими тихими, Винсент понял, она говорила их себе, но все равно нахмурился. Они заставили его почувствовать себя плохо. Он наклонился и прижался губами к ее макушке.

— Все хорошо, малышка, — тихо пробормотал он, наслаждаясь ощущением близости. — Они не могли тебя видеть.

Девушка отстранилась, насколько это было возможно, назад и подняла на него взгляд, поразив выражением дикого ужаса на лице. По крайней мере, явно не он стал причиной этого, учитывая, что она все еще держала в смертельной хватке его плащ, не давая ни единой возможности от нее отодвинуться. Хотя он и не собирался. Так что это было? Почему она выглядела так, словно ждала, что кто-то появится в коридоре и всадит пулю ей в грудь?

— Эй, — его голос был нежен, когда он провел пальцем по линии ее подбородка, — все хорошо. — Боже, ему хотелось стереть это выражение с ее лица.

Она прикрыла веки, прерывая его, и потрясла головой, делая пару глубоких вдохов.

— Мне нужно идти.

Винсент нахмурился от ощущения, которое вызвали ее слова где-то в груди. Ему не хотелось ее отпускать. Он хотел отвести ее наверх в номер и... поговорить? Че-е-ерт. Выяснить ее имя. Кем она работает? Где живет? Когда сможет снова ее увидеть? И да, разумеется, ему хотелось трахать ее до потери пульса.

— Мне нужно идти, — чуть громче повторила она, пальцы отпустили кожу.

Последняя пара любопытных глаз только что скрылась за углом, и у Винсента не оставалось причин ее удерживать. *Проклятие*.

— Тогда иди, — отчеканил он, не двигаясь. Она посмотрела ему в глаза с явным сожалением, и ему дико захотелось узнать ее историю. Вместо этого он убрал руку, освобождая ей путь. — *Иди*. Пока я не передумал.

Ее черты напряглись от его рявканья, вызвав желание улыбнуться, несмотря на недовольство. Она явно не любила выполнять приказы. Но отошла. А он не стал смотреть, как она уходит. Почему-то не мог. Просто стоял, где был, руки на стене, голова опущена.

Пока не услышал:

— На случай, если ты действительно считал, что я тебя преследовала... Это не так.

Она отвернулась, но Винсент успел поймать озорной блеск ее глаз. Девушка прошла в двери, которые он держал ранее открытыми, и двинулась с кошачьей грацией по огромному пустынному пространству.

Желудок Винсента сжался, словно от удара тока, когда он увидел, как его рыженькая потянула ручку той самой двери, куда следовал он сам.

Глава 20

В переговорной появились два официанта с нагруженными подносами, что стало сигналом для всех вновь занять свои места. Но стоило Габриэлю развернуть салфетку, как Винсент бросил на русском:

— Смотри куда-нибудь еще.

Прекратив раскладывать ткань на коленях, он увидел, как Максим пожирал Нику глазами, словно та сидела обнаженной. Что требовало некоторых усилий, потому что для прекрасного июньского дня на ней было слишком много одежды. Девушка буквально вся обернулась в шелк. Хотя Габриэль ко всему сейчас относился с подозрением, а потому, возможно, искал проблемы там, где их не было. В конце концов, на Винсенте этот его чертов кожаный плащ, ради всего святого.

— Что с тобой сегодня, папаша?

Габриэль нахмурился, когда Винсент повернулся к Максу. Он все еще не перешел на английский, по-видимому, чтобы девочки и Пейн не могли его понять, и Габриэль прислушался.

— Держись нахрен подальше от девчонки. С нее и без твоего вялого члена достаточно. — Винсент владел русским так же свободно, как и Макс.

Габриэль перехватил озадаченный взгляд Алека. Что *это* было?

Между двумя мужчинами влез официант и поставил на стол тарелки с лососем в укропном соусе, тушеными овощами и цветным рисом.

— Подыскиваешь новый объект недвижимости на рынке, Ви? — усмехнулся Макс, беря вилку и начиная есть.

Габриэль по-английски обратился к предполагаемой собственности:

— Ника, вчера ты уже видела Алека. — Он указал через стол вилкой. — Компания клоунов вон там — это Максим Киров и Винсент Романи.

Ника ответила Максу признательным кивком и блеском в глазах. Но когда взгляд переместился на Ви, улыбка испарилась, ее как ветром сдуло.

— Мы уже встретились снаружи, — коротко ответила она, не поднимая взгляда и тоже беря вилку.

Стол погрузился в молчание. Раз уж Габриэль был хозяином, он счел необходимым спросить:

— Где?

Ника вскинула голову и обменялась с Винсентом долгим взглядом, ясно дававшим понять, что встреча была не самой лучшей.

— На входе, — ответил Винсент и со злостью повернулся к Пейну. — В следующий раз настоишь, чтобы сопровождать ее. Стефано достаточно одной возможности. Лишь одной.

— Учитывая тот факт, что она отказалась...

Возражение байкера резко оборвали:

— Именно это я и имел в виду, говоря *настоять*. Ответ «нет» не принимается. Ты вообще не должен был давать ей выбор, — добавил Ви, разворачивая салфетку со столовыми приборами.

— Эм, прошу прощения, — сквозь зубы процедила Ника. — *Она* в этой комнате.

Винсент застыл и оторвал темный взгляд от своей тарелки, пригвоздив девушку к стулу.

— Ага. Я знаю.

Габриэль откинулся на стуле и заметил, как Макс перевел взгляд с Винсента на Нику и обратно, словно ждал, что они запрыгнут на стол и начнут выяснять отношения на глазах у всех. И не мог винить его в этом. *Проклятье*. Произнеси Винсент эти три слова чуть громче, и все в комнате уже бы перестреляли друг друга.

Пришло время сменить тему.

— Итак, парни, — произнес он, переводя взгляд с Алека на Макса и наконец на Винсента. — Давайте поговорим.

Винсент заговорил первым:

— Стефано знает, на чьей я стороне. И он скоро появится. Если уже не ошивается рядом.

У них не было времени.

— Каков его план? — Габриэль заставил себя есть во время разговора.

Винсент последовал его примеру.

— Я недавно звонил одному из парней, и тот сказал, что они направляются к охотниччьему домику возле... — Он взглянул на Максима.

— Энумкло. Небольшое местечко на востоке Такомы, — разъяснил мистер Айтишник, который, естественно, уже все разведал.

— Это не там, где ты охотился на оленей, Калеб? — спросила Ева, гоняя еду по тарелке.

Байкер кивнул.

— Подходит. На языке коренных американцев «Салиш Энумкло» переводится как «злые духи». Там кругом сплошной лес и тонны уединенных охотничьих домиков.

— Ты случайно не знаешь, насколько далеко место от нас? — выдавил Габриэль, которому не понравилась картина, возникшая в голове после слов Пейна.

— Около сорока пяти миль. Где-то час, — предположил Макс, стучая большим пальцем по экрану телефона, и свободной рукой орудуя вилкой.

Пейн согласно кивнул, и в этот момент у Габриэля зазвонил телефон. Частный номер.

— Слушаю.

— Он здесь. Приземлился утром в маленьком аэропорту в местечке под названием Энумкло.

Подтверждение опасений накрыло, словно сигнал тревоги, что сделал его Люциан Фейн. Забыв про еду, Габриэль немедленно встал и отошел в угол, игнорируя посеревшие лица парней.

— Ты начинаешь меня удивлять, Люциан, — коротко произнес он. — Откуда столько информации?

— Я был по делам в Лос-Анджелесе и только что закончил, так что еду к тебе. У твоего брата с собой полный комплект. По-видимому, те проклятые наемники из Браунсвилля, — произнес могущественный румын с сильным отвращением. — Он наверняка знает, что их ряды сильно сократятся, если притащит всех сюда, потому и набрал новичков. Ну, или я надеюсь, что он так думает. Пока мы разговариваем, за отелем следят, поэтому я бы посоветовал тщательно проверить территорию, хотя, и уверен, что ты это уже сделал. Фурио все еще кружит вокруг, в надежде самостоятельно найти

девушку. Не допускай этого. — Мышцы Габриэля так напряглись, что он практически почувствовал боль. — Слышал, что Романи объявился, и я предполагаю, что он наконец вернулся к своим?

Снова информация.

— У тебя впечатляющие осведомители, — заметил Габриэль. Он оглянулся на обеспокоенную Еву, его мозг продолжал лихорадочно работать. — Говоришь, едешь ко мне? — Он снова отвернулся к стене. — И да, Винсент здесь. — Если Люциан не в курсе.

— Я рад. Когда кусочки начинают складываться воедино, все становится легче. Скоро буду в Сиэтле. Решил, ты можешь оценить, что кто-то еще сделает за тебя кровавую работу, если придется. Тебе или кому-то из твоих парней нет нужды жить с этим. А мне, ты знаешь, плевать.

Почему-то Габриэль не поверил браваде о безразличии к убийствам, но было не время выяснять этот вопрос. Или про какие кусочки Люциан имел в виду.

— Проведи остаток дня со своей женой, Габриэль, и постарайся не слишком переживать. Мы со всем разберемся, когда я приеду.

— Люциан?

— Да?

— Спасибо, брат. Я ценю предупреждение больше, чем ты думаешь.

— Тебе не нужно благодарить. Я просто делаю то, что правильно. — Щелчок.

Габриэль засунул телефон в карман, чувствуя более сильную связь с семьей Романи, чем раньше. Он повернулся к компании и сел на место, прервав вялый разговор за столом.

Заставив себя не обращать внимания на нетерпеливый хмурый взгляд Евы, Габриэль пересказал разговор с Люцианом, снова оставляя девочек и Пейна в неведении, так как говорил на русском. Закончив, отправил сообщения с переводом Джаку и Куану, давая им возможность подготовиться к худшему. И таким же способом получил ответы, хотя парни и сидели прямо напротив.

Джак: Постараемся. Давай покончим с этим.

Куан: Услышал и в первый раз, но спасибо за повторение. Кстати, ты должен мне отпуск.

Высокомерная задница. Похоже, вместе с китайским, немецким и французским, он как губка впитал и русский язык. Что весьма кстати, так как он собирался долго быть рядом.

— Кто-нибудь хочет объяснить? — проворчал Пейн, намазывая булку маслом. Прежде чем положить нож рядом с тарелкой, он повертел его меж пальцев, словно собирался искать в батоне золото.

— Я тебя позже просвещу, — ответил Винсент, когда все промолчали. Он тоже взглянул на Джака и пальцем обвел круг в воздухе, отправляя на разведку, словно Люциан ему лично озвучил указание. Или просто был так же крут, как и румын. Джак немедленно вышел.

Задумавшись, Габриэль поймал выбившуюся прядь волос Евы и начал играться с ней, наматывая на палец и отпуская. Снова и снова. Накручивая на палец... отпуская... накручивая... отпуская... накрутить... отпустить...

— Ладно. — Ева так резко подала голос, что *он* подпрыгнул. Это ему нужно говорить, ради всего святого. У всех нервы натянуты до предела. Он поцеловал ее в висок и взглядом велел Максу продолжать.

— Не думаю, что нам это необходимо. — Он *знал*, что все равно это сделают. — Но я хочу, чтобы вы выяснили побольше про Энум...

— Население чуть больше десяти тысяч, — прервал его Максим, делясь информацией, о необходимости которой знать не мог. — Есть аэропорт, но еле живой, маленькое отделение полиции и крошечная больница. — Он поднял взгляд и перешел на родной язык. — И, как хотел сказать механик, это идеальное место, когда хочется уединения. Стефано может раствориться с ней в том лесу, и никто ничего не услышит и не увидит.

— Парни, вы можете перестать это делать? — устало попросила Ева. — Мне начинает казаться, что вы говорите что-то страшнее того, что есть на самом деле. Давайте на английском. Или испанском. Можно даже немного на французском. Я их знаю.

Максим пожал плечами.

— Прости, сладкая, привычка. И я лишь сказал, что согласен с ним. Нам, вероятно, не понадобится эта информация, потому что мы разберемся со всем отсюда.

Габриэль медленно выдохнул, мозг лихорадочно работал.

— Самолет наготове? — спросил он у Алека.

— Конечно.

— Хорошо. Тогда мы все ночью отправляемся домой. Оставим команду разобраться со Стефано, и к утру будем в Нью-Йорке.

Ева выглядела шокированной от изменений в планах. Ника была встревожена и начала паниковать. Пейн стал подозрительным.

А все остальные — нет.

Потому что Максим, Винсент, Алек и Куан знали достаточно, чтобы не верить подобной хрени. Хотя в ней и была *доля* правды.

И он только что решил, что Ева и Ника *должны* ехать на восток под присмотром и охраной байкеров. Но Габриэль с парнями останутся, чтобы покончить со всем раз и навсегда.

Габриэль закрыл за собой дверь номера, озадаченный явной потребностью Евы касаться его. Девушка сжимала его пальцы, когда они покидали переговорную комнату. Рассеянно поймала руку при разговоре с Никой. Мягко барабанила ноготками по костяшкам, пока ждали лифт. Переплела пальцы, идя по коридору, и не отпустила, даже когда обнимала Нику. Рыжая девушка нервничала и скрылась в соседнем номере вместе с братом и Винсентом.

Это была полная противоположность той ярости, которую Ева выказалась пару ночей назад, и он возбудился, хотя и знал в глубине души, что так не может продолжаться. Он видел, как вся история со Стефано повлияла на нее. Но так же видел, как она пережила это. Как адаптировалась. Становилась сильнее прямо у него на глазах.

Нет никаких сомнений, что она откажется от подобной жизни, будь у нее выбор.

Но даже если согласится, позволит ли он ей? Вчера он бы сказал «нет». Но теперь? Он не был уверен. Потому что все изменилось. Ревность к ее отношениям с байкером открыла ему глаза на тот факт, что Ева не просто красивое лицо и тело. Смешно, но здесь были замешаны чувства. Он увидел девушку со всех сторон. Видел, какой она была внутри. И ему нравилось.

Габриэль бросил ключ-карту и высвободил руку, чтобы первым войти в гостиную. Она хоть понимала, что делает?

— Почему Ника так упорно противится поездке в Нью-Йорк?

Когда в лифте он озвучил решение о поездке девушек в клубный дом в Нью-Йорке, Ника отказывалась, словно от этого зависела ее жизнь. Им придется сильно потрудиться, чтобы убедить ее хотя бы остаться на ночь в отеле.

Ева издала нервный смешок.

— Вероятно, потому что Кевин слетел с катушек. Ему не нравится, когда она выходит в магазин, и еще меньше понравится путешествие через страну.

Они оба замолчали.

Габриэль посмотрел на нее с тоской такой силы, о которой и не подозревал. Ее отец скоро будет здесь, и кто знает, как это отразится на них? Его время с ней, нравится ему или нет, ограничено. И когда все закончится, придется дорого заплатить за это.

Боже, он не хотел отпускать ее.

Ева наклонила голову, словно чувствовала его взволнованность. Но это невозможно. Он и сам не осознавал, насколько всепоглощающим окажется чувство при мысли потерять ее. Но, тем не менее, это неизбежно.

Мужчина пересек комнату, не говоря ни слова, поднял девушку на руки и понес в спальню.

— Габриэль?

— Ты нужна мне. Прямо сейчас. — Он ногой захлопнул дверь и добрался до кровати. Но не опустил Еву, а просто смотрел на нее, отчаянно желая, чтобы ей передались его чувства.

В ее глазах светилось исступление, но кончики пальцев, словно дуновение ветерка, пробежались по его щеке и линии подбородка.

— Да, — прошептала она, обхватив ладонями его лицо и притягивая к себе для поцелуя. — Прямо сейчас, — выдохнула напротив его губ.

Он поставил ее на ноги, и они принялись раздевать друг друга. Огонь в глазах, касание губ, ласкающие руки повсюду. Но в какой-то момент Габриэль остановился, ошеломленный потрясающей обнаженной красавицей, дрожащей от желания. Волосы разметались по плечам, ниспадая вниз и исчезая за спиной, упругое смуглое тело, великолепная грудь, аккуратный пупок. И сапфировые глаза, наполненные такой же тоской, как и у него.

И, господи-боже, прямо сейчас он желал обладать ею. Взять от нее все, что хотел. Всеми возможными способами. Он раздел ее и уложил на спину, накрывая своим телом, жадно целуя. Прижался, наслаждаясь ощущением податливого тела под собой.

— Не могу насытиться тобой, — прорычал он.

— Знаю. — Ева тяжело дышала, двигаясь под ним, ее пальцы провели по лицу, шее и зарылись в волосы.

Габриэль снова вжался в нее бедрами, а член оказался прямо у жаркого входа. Она вскрикнула от вызванного близостью ощущения.

— Я хочу быть в тебе, милая, — хрипело прошептал он, проложив дорожку поцелуев по шелковистой шее и прикусив нежную кожу плеча.

— О боже, Габриэль.

Он продолжил спускаться ниже, обхватив одну грудь ладонью и целуя вторую, языком и зубами вызывая столь любимый им утробный звук. Девушка хрипело застонала в ответ.

— Прямо сейчас, — он потерся об нее, головка члена раздвинула влажные складочки. — Там, где был только я. — Острые, чисто мужские ощущения пронзили его, когда Ева заерзала под ним в попытке прижаться сильнее, ногти царапали спину.

— Да, — шептала она, извиваясь, ее голодный взгляд вторил его.

И это чертовски бы лъстило, не прячься за жаждущими глазами страх.

— Сейчас. Пожалуйста.

Он быстро отстранился и схватил из ящика тумбочки презерватив. Габриэль обещал быть ответственным, а значит, будет, черт побери. Хотя рядом с ней было совершенно невозможно здраво мыслить. Надев защиту, он вернулся и снова прижался к ней.

Ее бедра рванулись навстречу. Ноги обхватили его за талию. Габриэль, не в силах устоять, схватил основание члена и скользнул внутрь, медленно проникая в жар ее тела.

Они вдвоем издали нетерпеливые стоны, когда он начал двигаться, но этого все еще было недостаточно. Габриэль схватил Еву за руки и перевернул их, насаживая девушку на себя, чтобы хорошо видеть происходящее. Ему нужно было не только ощущать, но и смотреть.

Чувства нахлынули на него при виде девушки, которая, замерев лишь на миг от новой позы, снова приноровилась к ритму так, что у мужчины перехватило дыхание. Она сжимала руки на его животе, впиваясь ногтями при каждом толчке, принимая его в жар своего естества. Такая горячая, влажная и узкая. Габриэль прикрыл глаза. Напряжение ее стройных бедер при подъеме и вид исчезающего внутри нее блестящего от влаги члена завораживали.

А от вида упругой груди и словно моливших о внимании сосков кружилась голова. И он потянулся к ним, наслаждаясь тихими стонами, которые Ева издавала при прикосновении.

Она задвигалась быстрее, резче. Вдруг внутренние мышцы сжались вокруг члена, ее спина красиво изогнулась, и тихий стон чистого удовольствия стал последней каплей для самообладания Габриэля. Этот звук стрелой пронесся по позвоночнику, заставляя бедра вторить сбившемуся на волнах ее оргазма ритму.

— Так чертовски красива, — прохрипел он.

Едва соображая, что делает, потерявшись в застившем разум эротическом тумане, Габриэль перевернул их, оказавшись сверху. Она раздвинула ноги еще шире, открываясь навстречу его движениям. Он смотрел, как соединялись их тела, как ее голова откидывалась назад, обнажая уязвимую линию горла, ее пальцы крепко сжимали одеяло, а на прекрасном лице читалась новая волна удовольствия.

Затем он приподнял ее голову, их взгляды встретились, и связь между ними стала сильнее, чем Габриэль когда-либо чувствовал.

От ее вида и издаваемых звуков, запахаекса и ощущения узкой киски по позвоночнику вновь пронесся разряд удовольствия. Габриэль держался как можно

дольше, но теперь был вынужден сдаться. Потеряв контроль, он испытал самый мощный оргазм в своей жизни.

Понадобилось время, чтобы сознание вернулось к нему, и он тихо пробормотал извинения за то, что мог причинить ей боль.

— Ты был на высоте, глупыш, — уверила она его слабым голосом. Ее ладони погладили плечи и опустились по спине. Девушка поцеловала его в шею.

Приподнявшись на локтях, он закусил щеку, когда из-за этого движения выскользнул из нее. Ева покусывала губы, взгляд был сонным.

На полу зазвонил телефон, напоминая жужжание бормашины в кабинете стоматолога.

— Вечно занятая пчелка, — промурлыкала она, поцеловала в губы и выскользнула из-под него. Собрала одежду, ее движения были вялыми. Он потянулся и взял телефон, когда девушка исчезла в ванной. Взглянул на номер — Маркус.

Габриэлю было тяжко найти в себе силы переключиться на работу. Наконец он сказал Маркусу, что сейчас придет к нему. Но стоило одеться и выйти в гостиную, как громкий стук сотряс дверь.

Несмотря на только что испытанный оргазм, у Габриэля появилось очень плохое предчувствие. Не желая больше гадать, он посмотрел в дверной глазок.

Перед мысленным взором в песочных часах упали последние песчинки.

Безжалостные синие глаза Василия Тарасова смотрели прямо на него.

Глава 21

Габриэль без колебаний открыл другу дверь, радуясь, что тот вернулся из России живым и на первый взгляд невредимым, но и немного нервничая, думая о том, что будет дальше. Василий пришел один, но Дмитрий и Арон, несомненно, тоже находились в отеле.

— Габриэль.

— Василий.

Его притянули для обычного приветствия: похлопали по спине и поцеловали в обе щеки. Но жест был слабым, другим. Габриэль винил в этом себя — его эгоизм испортил отношения с Василием. Но, возможно, приветствие было иным потому, что Василий понял, что произошло.

Они отстранились друг от друга, смущение тяжким грузом сдавило грудь. Особенno когда осознал, что они сейчас занимались с Евой сексом. Хотя нет. Это не был секс. Между ними происходило нечто совершенно другое. Нечто, о чем он подумает позже. Хорошенько подумает.

Сейчас же нужно сосредоточиться на том, как, черт побери, выйти сухим из воды и не начать метаться, словно возбужденный подросток.

Ему не дали возможности.

— Где она? — резко спросил Василий.

Быстро оправившись, Габриэль указал за спину в сторону ванной.

— Там.

— Ты очень занятой человек, — мягко заметил Василий, входя в номер, но его тон словно царапал кожу. — Должен быть. Раз я не слышал ничего от тебя.

Габриэль сделал вдох, надеясь, что не последний, и закрыл входную дверь перед выстроившимися в коридоре охранниками. Повернувшись, наткнулся на острый взгляд русского, который стоял, скрестив на груди мощные руки.

Ладно, теперь он чувствовал себя как семилетка. И... ох, к черту это чувство. Он стиснул зубы, не желая быть трусом.

— Я вынужден просить у тебя прощения, Василий. Потому что...

Покрытая татуировками рука сделала знак замолчать, и Габриэль в некотором роде был рад этому. В конце концов, какие его слова могли отсрочить медленную, мучительную смерть? Он не хотел, чтобы Ева вышла и увидела, как он истекает кровью.

— Я просил тебя присматривать за ней. И уверен, что имел в виду делать это только до тех пор, пока сам не смогу вернуться к этому занятию.

Ага. Он знал. Габриэль открыл рот, чтобы произнести... извинения? Нет. Оправдание? Не совсем. Разве такое возможно? Он хотел Еву и взял ее. Он бы не смог оставить ее, даже если бы попытался, но не знал, как все объяснить ее отцу. Это было гораздо больше обычновенной похоти. Он, несомненно, заботился о ней, ему нравилось быть рядом, проводить вместе время, заставлять смеяться и обнимать, когда она плакала. Но счастливый конец был не для них, не с постоянным рвением к мести его брата. Не говоря уже о самом образе жизни Габриэля. Его мир сожрет Еву заживо.

Или нет?

Но Василий воспримет только кольцо на безымянном пальце дочери, не меньше.
Черт. Ева заслуживает только это.

Но мог ли он дать ей такую гарантию? До сих пор подвергал ее опасности, лишил возможности жить свободно и без страха, да и вообще ввел в мир, где таких нежных и добрых созданий, как она, не существовало. И ей предстояло выживать.

И все же она преуспела. Кажется, девушка обрела себя. Как Габриэль и сказал ей, она прекрасноправлялась, не прилагая видимых усилий. Разве не так? Или это лишь его надежды.

Василий издал нетерпеливый звук.

— Раз уж ты влез не в свое дело, почему бы мне на тебя все и не оставить. Но пойди и приведи мою дочь, пока ты сам себе не навредил. Мы обсудим это недоразумение позже. — Василий прошел в гостиную.

Габриэль нахмурился, скуча нервно подергивалась. Он не привык, чтобы его так отшивали, и не важно, что это сделал Василий, у него были причины на него злиться. Но он стерпел, так как заслуживал гораздо худшего.

И знал, что *худшее* не за горами, вскоре придется разгребать дермо из-за Стефано.

Вытерев лицо, Ева прислонилась к тумбочке и взглянула на отражение в зеркале, отмечая горящие глаза и покрасневшие щеки. С тяжелым сердцем она медленно повесила пушистое белое полотенце и аккуратно разгладила на себе одежду.

Это невероятно. Габриэль невероятен. То, что она почувствовала к нему... невероятно.

Но девушка вдруг осознала, что лучше бы между ними ничего не случилось. Потому что это было похоже на прощание.

Она словно обезумела. Но ничего не могла поделать. Утренняя встреча вселила страх за собственную жизнь. За жизнь друзей. Габриэля. Ей было необходимо находиться рядом. Чувствовать его. Держаться за него. Она была в *отчаянии*. И хотела быть с ним.

Что, если это будет прощание, и она никогда больше не получит шанса? Что, если...
Хватит.

Она усмирила поднимавшуюся панику. *Стоп.* Нет никакого повода. Последнее время она слишком много себя накручивала.

Вернувшись к настоящему, Ева зашевелилась, когда в проеме возник Габриэль. Его широкие плечи загородили выход. Девушка прищурилась, заметив на прекрасном лице смесь странного напряжения и нежности.

— Что случилось?

— Выходи. — Он приобнял ее за талию и крепко прижал к себе на мгновение, уткнувшись лицом в волосы. Ее собственные руки обвили его шею, и девушка насладилась коротким моментом близости. Габриэль был таким сильным и уверенным. С едва заметным усилием он отстранился и за руку вывел Еву из ванной.

— Что происходит? Ты заставляешь меня нервничать.

Он продолжал идти, не глядя на нее.

— Не переживай.

Ну, хорошо. Если он сказал, что ей не стоит переживать, то может это пришла Ника. *Ну и пусть*. Отвлечься не помешает. Ей хотелось узнать, что произошло между ней и Винсентом. Потому что явно что-то было. Это отвлечет ее разум от всего остального.

Вот только гостем оказалась не Ника, а высокий, хорошо сложенный мужчина. Он стоял у окна, руки за спиной, и смотрел на нее. Одет небрежно, но элегантно, во все черное. Волосы такие же темные, как и у нее, такая же смуглая кожа. Глаза глубокого синего цвета.

Как у нее.

Он выступил вперед.

— Твой отец не мог больше ждать вашей встречи, милая.

У Евы перехватило дыхание. И хотя она прекрасно понимала по внешнему виду, кто перед ней, произнесенная вслух правда все равно шокировала. Краем глаза девушка заметила, как Габриэль отступил в спальню, оставляя их наедине. Внезапно она поняла, от кого унаследовала рост и внешность. Василий Тарасов был большим и привлекательным мужчиной.

Это ее отец.

Глаза тут же обожгло, и ничего нельзя было с этим поделать. Масса эмоций нахлынула на нее. Первыми оказались гнев и боль из-за того, что он бросил их, из-за его решения она была лишена общения с ним. И еще больший гнев за то, как повлияло его отсутствие на жизнь матери.

Но за ними следовало прощение и зарождавшаяся любовь. Признательность за то, что он бросил собственную семью ради их безопасности. За последние дни Ева воочию увидела, какой могла стать жизнь, если бы отец остался. А потому полнее оценила его решение. И вдруг еще большая признательность буквально захлестнула с головой.

Потому что он подарил ей Габриэля. Воспоминания, которыми она будет дорожить до конца своих дней.

Знает ли он об их связи? Думает ли хуже о ней из-за этого? *O боже*. Мог ли ее отец знать, что она спала с его другом?

«Пожалуйста, не позволяй ему узнать», — взмолилась Ева.

Девушка постаралась сосредоточиться, сердце бешено застучало в груди, когда Василий сжал ее руки в своих теплых грубых ладонях.

— Здравствуй, дорогая.

Два простых слова, но наполненных такой нежностью и надеждой, что сразу очистили разум. Изгнали *все* сомнения. Не осталось ничего, кроме ее и отца.

— Здравствуй, папа, — прошептала Ева, голос дрогнул. Он был так же шокирован от этого слова, как и она.

Василий хрипло прокашлялся.

— Я так сожалею о случившемся, Эванджелина. Я сделал все возможное, чтобы уберечь вас с мамой. Ее смерть... — эмоции сдавили ему горло, и Ева поняла, он действительно любил ее мать, Габриэль прав, — стала огромной ошибкой и трагедией, которую я не в силах исправить.

Ева сжала его руку, и он замолчал.

— Не надо, — произнесла она дрожащим голосом. — Ты поступал, как считал правильным. Я... начинаю понимать твои поступки, хоть ты и оставил нас.

Василий моргнул и выругался, вызвав улыбку на губах девушки, потому что Габриэль делал так же. Отец поднял руку и провел пальцами по ее щеке. Ева, не удержавшись, прильнула к ней.

— Боже, ты так похожа на маму, когда улыбаешься.

Его прерывающийся голос был наполнен знакомой агонией, тяжелой виной и ответственностью, услышав которые Ева не смогла сдержать хлынувшие потоком слезы. Внезапно отец притянул девушку к широкой груди, и она горько разрыдалась, оплакивая их общее горе и потерю, с которой жила мама. Столько лет они были лишены возможности подобного утешения.

Утешения, которое только отец мог дать своей дочери.

— Мне так жаль, что ее отобрали у тебя, Эванджелина. Я знаю, из-за меня она была единственным близким человеком. И из-за меня ты осталась одна. Этого не должно было случиться. — Он отстранился. — Пожалуйста, впусти меня в свою жизнь. Больше всего на свете мне хочется узнать тебя. Помогать всеми возможными способами. Обещаю, я все сделаю, чтобы оградить тебя от... моего мира. Чтобы ты могла жить в безопасности, насколько это возможно.

Дрожащей рукой Ева вытерла слезу с шершавой щеки отца.

— Пожалуйста, — в горле засаднило. — Я тоже этого хочу.

Василий глубоко вздохнул и на мгновение задумался.

— Должен признать, это оказалось намного проще, чем я ожидал.

Ева взяла себя в руки, но не отвела взгляд, запоминая черты отца.

— У меня было мало времени обо всем подумать. Но Габриэль очень помог в этом. Знаешь, он буквально боготворит тебя. — На лице отца появилось странное выражение, которое заставило Еву пожалеть об упоминании Габриэля. Она не знала, как он относится к ситуации со Стефано. И знает ли о ней вообще. Василий ничего не ответил, и Ева продолжала разглядывать его.

Боже, он *совсем* не лысый, как предполагала. Не удивительно, что мама после него не смотрела в сторону других мужчин. «Какая жалость», — подумала Ева, снова чувствуя злость. Девушка попыталась успокоиться.

— Как мне называть тебя? — Может, он не захочет, чтобы взрослая женщина обращалась к нему как ребенок.

— Все зависит от тебя. Что бы ты ни выбрала, я всегда отзовусь.

Глаза вновь обожгло, но Ева сморгнула слезы, гнев затмила зарождающаяся любовь.

— Хорошо, — прошептала девушка, чувствуя себя одновременно неловко и так, словно знала его лучше, чем на самом деле. — Но не обещаю, что будет легко. Уверена, в ближайшее время могу свернуть тебе шею, пока буду разрываться между обидой и смирением. — Она прокашлялась и криво улыбнулась. — Просто будь осторожен.

Уголки губ Василия дернулись.

— Понял, — в голосе просквозил юмор.

Ева улыбнулась еще шире и с трепетом увидела, как улыбка отца преобразила его лицо.

«Какой красивый мужчина», — подумала она, впитывая первый настоящий «момент» с отцом.

Василий поднял глаза при звуке шагов Габриэля.

— Она очень похожа на меня, — произнес Василий.

Гейб тихо фыркнул.

— Даже не представляешь.

Зазвонил телефон, и отец, нетерпеливо вздохнув, с виноватым видом вытащил его из кармана.

— Мы сейчас не можем игнорировать звонки, — объяснил он. — Извините.

Василий прижал трубку к уху и отошел к столу, суроно бросив Габриэлю:

— Когда освобожусь, хочу услышать о ссадине на ее лице.

Ева поджала губы. Она, конечно, привыкла за время знакомства с Габриэлем, что разговоры прерывались в самое неподходящее время. Но ей все еще это не нравилось.

Габриэль подошел со спины и нежно приобнял за плечи.

— Видишь? Переживать не о чем.

Она кивнула, отчаянно желая откинуться назад и расслабиться в его объятиях. Но девушка запретила себе это, решив, что лучше сосредоточиться на отце, человеке, которого никогда не хотела знать.

Ева слушала и наблюдала, как Василий говорит с кем-то по телефону на незнакомом языке, и решила непременно его выучить.

Ее уже достаточно долго держали в неведении.

Глава 22

— Меня интересует, что произошло.

Ева примостилась на краешке темно-шоколадного кожаного дивана и нетерпеливо постукивала пальчиками. Теперь, когда тема встречи с отцом была исчерпана, вернулось беспокойство. Ева навострила ушки, прислушиваясь к каждому звуку тяжелых шагов в коридоре, а взгляд постоянно метался к двери нового номера, меньшего, чем прежний. Обычно его занимал Винсент, приезжая в Сиэтл.

— Чувствуешь запах кожи? — рассеянно спросила Ника, которая сидела напротив и осторожно принюхивалась. — Я чувствую.

— Наверное, от Калеба, — предположила Ева, радуясь, что подруга хотя бы перестала спрашивать, когда ее отпустят домой.

Они сидели вместе уже больше часа. Габриэль привел Еву сюда, чтобы обсудить с остальными план действий. Калеб взбесился, его вновь оставили в роли няньки, но успокоился, когда Ева попросила рассказать, что он знает о Габриэле и его друзьях. Байкер это сделал, смакуя подробности, ибо знал много. Чем больше Ева узнавала, тем меньше ее пугали русские и итальянские группы мужчин, сновавших по коридору. Конечно, невозможно игнорировать, кем они являлись и на что были способны, но теперь страх обернулся уважением.

После рассказа сложилось впечатление, что все эти группировки, включая мотоклуб «Обсидиановые Дьяволы», были обычными фирмами. Более жесткими, но смысл не менялся. Единственным отличием русских, итальянских, байкерских или других семей от прочих официальных организаций или директоров огромных мировых фирм было то, что криминальные группировки спекулировали открыто и без зазрения совести. А «уважаемые» организации нет. Но занимались одними и теми же вещами.

Ева не одобряла жестокие аспекты бизнеса, но ей придется смириться с их темной стороной. По крайней мере, они несли ответственность за свое дело, а это то, что девушка уважала.

— Винсент меня поцеловал.

Ева вздернула голову и округлила на подругу глаза. Ей показалось, что она только что попала в другое измерение.

— Что ты сказала?

Ника взглянула на брата, который в другом конце комнаты откупоривал составленные в баре бутылки и принюхивался, решая, что бы выпить. При этом бормотал про «обыкновенное грабаное пиво».

Он не услышал заявление Ники.

Подруга развернулась и наклонилась вперед.

— Винсент поцеловал меня внизу перед тем, как я пришла к вам, — повторила она шепотом. Она выглядела так, словно не решила, огорчена или взволнована.

— Как... Что... Ты... Но... Что произошло? — Наконец справилась с собой Ева. Темный, угрожающий, называемый Жнецом — Мрачным чокнутым Жнецом! — поцеловал Нику? — В смысле, в губы? — уточнила Ева, чтобы удостовериться, что поняла правильно.

— В губы, с языком, прижаввшись ко мне всем мощным телом.

Ева только рот открыла, закрыла, снова открыла, но звук все равно не шел. Наверное, со стороны она сильно смахивала на рыбу.

— Я увидела его на улице и чуть не умерла. Он прекрасен, не находишь? — Ника продолжала говорить быстрым шепотом, а взгляд то и дело перебегал на брата, в страхе, что тот услышит. — Когда впервые его заметила, он неправильно истолковал мой взгляд и оскорбился. И, как великовозрастный ребенок, чтобы насолить мне, предположил, что я проститутка. Ну, кто так делает? — Она покачала головой и скривила рожицу. — Но потом он извинился и прижал меня к стене. Ева... Я так испугалась, что из ниоткуда как всегда возникнет Кевин.

Эта фраза словно ударом Дайсона стерла улыбку с лица Евы. Но к этому они еще вернутся.

— Он решил, что ты проститутка? — протянула Ева.

Ника покала плечами.

— Спросил, можно ли отвести меня наверх и заставить кричать, — почти пропищала она.

— Святое дермо, — выдохнула Ева.

«Винсент?» — снова подумала она.

— Он был хорош?

Винсент?

В изумрудных глазах Ники плескались страх и желание.

— Не то слово, — молча, одними губами проговорила она и снова взглянула на Калеба. Тот наконец-то определился и вылил что-то темное поверх льда.

— Девочки, хотите что-нибудь? Я и половины из этого дерма не знаю, но вот это вроде довольно неплохое.

Девушки хором выпалили:

— Нет, спасибо. — И посмотрели друг на друга. Что это значит? Ника замужем. За мудаком — верно. Но все же замужем. И она не из тех девушек, которые игнорируют это, если только...

Ева напомнила себе, что обещала не комментировать брак подруги.

— Могу я у тебя кое-что спросить? — быстро произнесла она, пока Калеб закупоривал бутылку.

Ника кивнула.

— Ты любишь Кевина?

Лучшая подруга скривила губы в полном отвращении.

— Я ненавижу его больше, чем болезнь, забравшую моих родителей.

У Евы вновь отвисла челюсть, но тут рядом на диван плюхнулся Калеб. В его бокале постукивал лед. *Правда! Наконец-то!*

Но ничего не могла теперь с этим поделать, потому что Ника смотрела диким взглядом, потрясенная своим признанием. Взгляд метался между Евой и братом, губы сжались. Ника почти незаметно покачала головой, но с таким напряжением, что казалось, ее шея сейчас сломается.

У Евы зазвонил телефон.

— Мой рингтон был круче, чем эта жалкая хрень, — отозвался Калеб. — Ты не собираешься ответить? — он передал ей телефон.

Она выхватила трубку онемевшими пальцами, пребывая все еще в шоке от слов Ники. Почему остается с Кевином, если ненавидит его? У нее проблемы с деньгами? Этот ублюдок насилино удерживает ее? Но как?

Что еще он делает против ее воли?

Встревоженная, Ева провела пальцем по экрану, даже не взглянув на него. Как только закончит звонок, найдет способ вывести Калеба из номера и поговорить с Никой наедине. Подруге придется объяснить, что она имела в виду.

— Алло?

— Встань и выйди, если с тобой рядом кто-то есть. Не показывай, что узнала мой голос, или я нажму на детонатор, и номер твоего любовника разлетится к чертям.

Сердце подскочило в груди с силой товарного поезда.

Фурио. Ее взломщик с ирокезом.

— Скажи «хорошо, папа», — прошипел он. — Скажи!

— Х-хорошо, папа. — Она отвела взгляд от нахмутившейся Ники и встала с дивана. Сделала пару шагов на ватных ногах.

— Взрывное устройство, достаточно сильное, чтобы снести весь верхний этаж отеля, пять минут назад установили в номере Габриэля, котенок. Если не сделаешь, как говорю, я нажму на кнопку, и все рядом с ним умрут. Ты поняла?

— Я тебе не верю, — прошептала Ева, стараясь сдержать участившееся дыхание и молясь, чтобы он блефовал.

— Тогда ты глупее, чем я думал. Ты сейчас играешь с большими мальчиками, котенок. Думаешь, что смерть лишней парочки парней для нас что-то значит? — Он зло рассмеялся. — Твоему учителю стоит повторить урок, потому что ты ничего не поняла. Все сводится к тому, чтобы убить или быть убитым. Поэтому я выбираю убить. Гейба, Куана, Алека, Винсента, Кирова... твоего *папочку*. Кто еще умрет из-за твоей наивности?

Ее отец только недавно приехал. Фурио не мог этого знать, если только он не говорил правду.

О, Господи. Ева почувствовала приступ тошноты.

— И не утруждайся бежать по коридору, чтобы проверить. Я узнаю. Не думай, что я не наблюдаю за тобой с подругой и байкером.

Волосы на затылке зашевелились. Он видит их? Как?

Не важно. Он не блефует. Он взорвет их без лишних сомнений.

— Хорошо. Ч-что ты хочешь?

— Скажи «где мне тебя встретить, папа?» и говори громче, чем этот чертов шепот.

— Г-где мне тебя встретить, папа? — выдавила она с усилием, внутри все вибрировало от страха.

— Давай, котенок. Ты можешь лучше. Соберись и меньше эмоций на лице, потому что, полагаю, народ уже в сборе, и их жизнь в твоих руках. Кто бы ни был рядом с твоим мужчиной, шансов выжить у них не много, если сработает взрывчатка.

Ее отец. Габриэль. Вся их команда. Калеб и Ника.

Еву накрыло ужасом, с ног до головы окатило холодом. Но она выпрямила спину, подавив желание сжаться, и прокашлялась.

— Я думала ты за соседней дверью, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Ева поняла, что у нее нет выбора, кроме как подчиниться. Ни единого другого варианта.

— Уже лучше. Значит, котенок, которого трахает Гейб, оказался дочерью Василия Тарасова. Я достал себе русскую принцессу, — захотел он. — Кто бы мог подумать, черт побери?

Еву сотрясла дрожь.

— Скажи байкеру, что папа хочет тебя видеть. Иди к складу в конце коридора на противоположной стороне бальной залы на первом этаже. Поняла?

— Да. — Как бы добраться туда, чтобы Калеб не увязлся за ней? Нике теперь определенно нужен брат, и Ева не может подвергать его опасности. Калеб не имеет к этому никакого отношения.

— Ева?

— Да.

— Мне же не нужно говорить тебе, что не стоит ничего выкидывать, верно? Тащи свою милую задницу поскорее вниз вместе с дружком байкером, или я убью твоего мужчину и всех, кто рядом.

Щелчок.

О боже. Быстро собравшись, стараясь выглядеть как можно нормальней, Ева повернулась к друзьям и поймала на себе их заинтересованные взгляды.

— Эм... отец хочет видеть меня внизу, — тихо произнесла она, засовывая телефон в карман и не встречаясь с ними глазами. У нее нет ни денег, ни кошелька.

Там, куда ты идешь, они не понадобятся.

Кровь застыла в венах, но Ева прогнала эту мысль прочь.

— Сказал, чтобы ты проводил меня, Калеб.

Брат с сестрой поднялись.

— Нет! Нет, Ника, ты оставайся здесь. — *Не кричи!* — Я скоро вернусь. Он хотел видеть меня одну. — Боже, она все испортит.

— Почему?

— Не знаю, — Ева выдавила смешок. — Все еще не понимаю, зачем людям в такой толпе соблюдать секретность. Но я сразу вернусь. — Она обняла подругу так сильно, что Ника вскрикнула, словно от удара.

— Ох, Ева! Какого черта?

— Прости, прости, — пробормотала Ева, отпуская ее и отворачиваясь, пока Ника ничего не заподозрила. — Вся эта ситуация с отцом до сих пор немного пугает меня. Просто я... Извини.

Она пошла к двери, Калеб следил за ней. В коридоре стоял Арон. Их познакомили ранее, он был охранником ее отца.

— Это я, малыш, — произнес Арон с сильным русским акцентом, заметив, что напугал ее до чертиков. Он поднялся со стула и навис над ней, черты его лица были суровыми и резкими.

Черт. Как им пройти мимо него? И мимо остальных охранников в коридоре?

— Эм... — *Думай, Ева!*

— Привет, брат. — Калеб пожал охраннику руку. — Старик Евы хочет видеть ее внизу. Пойдешь с нами?

Арон кивнул.

— Да. Василий вышел из комнаты несколько минут назад. — Жестом попросил ближайшего охранника занять его пост и махнул вперед Еве с Калебом.

Калеб подтолкнул ее, и они ушли. *Черт.* Отец покинул номер Габриэля? Что ей сказать, если они догонят его в вестибюле?

Что делать, если там появится Габриэль и поймет, что она пытается уйти?

Когда это произойдет, тогда и будем переживать.

Ева прибавила шаг.

— С тобой все в порядке, Присс? — тихо спросил Калеб, ускоряясь, чтобы не отстать. — Твой старик кажется неплохим парнем. Не думаю, что стоит беспокоиться.

— Так и есть. — Боже, у нее даже не будет шанса узнать его! — Я, ох... просто не знаю, зачем он хочет видеть меня без Габриэля, вот и все. Думаешь, попытается меня предостеречь? — она выдавила еще один смешок, больше похожий на всхлип. — Надеюсь, он не считает, что имеет право диктовать мне, что делать, когда мы только встретились.

У него не будет шанса дать ей хотя бы один родительский совет.

Ева снова проигнорировала эту мысль и вдруг кое-что осознала. Она дочь Василия Тарасова. Опасного мафиози, возглавлявшего русскую криминальную семью.

Ева провела достаточно времени, плача и скуля как ребенок, потерявший родителей в торговом центре.

И в этот момент Ева расправила плечи. Она вздернула подбородок, слезы в глазах тут же высохли.

Возможно, ей придется уступить требованиям Фурио, но она не будет при этом плакской.

Ради отца и Габриэля. И ради себя. Она выше этого.

Несмотря на то что внутри царил хаос, ибо ей хватало ума бояться предстоящего, Ева продолжала идти к лифту, насчитав по пути тринадцать охранников.

Габриэль убьет ее. Сердце заныло от адской боли. Габриэль больше никогда не сможет ничего с ней сделать. Потому что прямо сейчас она едет вниз, навстречу своей неминуемой смерти. У Стефано на нее планы... в которые живой она не входит. «Ей больше никогда не увидеть Габриэля», — практически в истерике вновь подумала Ева. Больше никогда не прикоснуться к нему, не поговорить, не посмеяться вместе, не любить его.

Погодите. *Любить?*

Господи, да. Она любила его. Была отчаянно влюблена в него.

Зная, через что прошли ее родители, Ева не думала, что когда-нибудь позволит себе влюбиться. Считала, что надежно упрятала эту способность. Так и было. До Габриэля. Каким-то образом он пробил ее защиту. Смертельно опасный, возможно, будущий босс мафии, он на кусочки разбил стены вокруг сердца и завладел телом и душой.

Ева подавила безумный смешок. Она как ее мать. История повторяется. То, чего и боялась.

Но теперь это не важно. Ничто не затмит ее чувств к Габриэлю.

— Я люблю его, Калеб, — прошептала она, схватив руку друга и сжав ее так, что Калеб поморщился.

— Эй, расслабься, Присс, — усмехнулся он. — Кого ты любишь? Своего старика?

— Нет. Да, — Она покачала головой и отвела взгляд от мелькнувшего в глазах Калеба подозрения. — Габриэля. Я люблю его. Сильно. И люблю своего отца. И тебя, и Нику, — Ева издала очередной сдавленный смешок и отпустила руку друга, чтобы тот не почувствовал дрожь. — Просто хотела сказать это.

Боже, если не выбраться из лифта как можно скорее, то она превратится в Халка в этой зеркальной коробке.

— Ева, думаю, нам стоит вернуться наверх. Папа может сам к тебе прийти.

— Нет. Прости. — Ей нужно лучше стараться. Фурио убьет Габриэля, отца и всех в номере, если она не справится.

— Прости, — снова произнесла она, улыбаясь Калебу. — Я так нервничаю. Не обращай внимание. Думаю, мне стоило согласиться выпить. — *Заткнись, Ева.* — Но, учитывая, как я переношу алкоголь, станет только в сто раз хуже. Я бы скорее всего залила слезами тебе всю футболку. — *Заткнись, Ева.* — Но тогда ты, возможно, отпустишь меня.

ЗАТКНИСЬ, ЕВА!

Она закусила губу и уставилась на циферблат, отсчитывавший последние десять этажей. Прозвучал сигнал, и лифт открылся в вестибюле. Они вышли и повернули направо. Как Еве добраться до склада без спутников?

Внимание привлекла дверь в дамскую комнату, вызвавшая смутное воспоминание о той ночи на благотворительной встрече, о туалете с двойным входом. Спереди и сзади. Можно ли надеяться, что все дамские комнаты в «Кроун Джевел» были одинаковыми?

— Знаешь что? Перед баром мне стоит ополоснуть лицо и взять себя в руки. Дай мне секунду, ладно? — Но не успела она коснуться двери, как сильная ладонь схватила ее за руку. Ева подняла глаза на мужчину, который был лучшей частью ее жизни с тринадцати лет.

— Заходишь, умываешься и сразу возвращаешься. Ни с кем не разговаривай, — приказал Калеб. — Задержишься, и я надеру твою тощую задницу. Поняла меня, Присс?

«Прошу, пусть Габриэль или ее отец не сделают Калебу ничего плохого за то, что он упустил ее», — взмолилась она. Или Арону. Потому что, если все пойдет по плану, они ее потеряют.

Ева остановилась и кивнула. Ничего не поделаешь.

— Скоро вернусь. — Она как всегда выдернула руку и бросила на него нетерпеливый взгляд, прежде чем исчезнуть за дверью. Ева жадно оглядела помещение и чуть не упала в обморок от облегчения, заметив второй вход на другой стороне.

Она побежала к нему и выскочила в коридор. Не оглядываясь, как можно быстрее направилась к светящемуся значку выхода в конце коридора.

Толкнула тяжелые стальные двери и сломя голову ворвалась в тускло освещенное помещение, пропахшее выхлопом старой машины. Кто-то схватил ее еще до того, как сзади захлопнулась дверь.

— Я всегда удивляюсь, какие же вы, женщины, блядь, доверчивые.

Ева взглянула в черные дьявольские глаза Фурио.

— И под «доверчивыми» я имею в виду глупых, — прорычал он.

— Просто оставь в покое Габриэля и моего отца. Не трогай их. Прошу, — взмолилась она.

— Как я могу их тронуть? Они наверху, а мы внизу.

— Но взрывчатка, которую... — Она посмотрела на его ладони. В них не было ничего, кроме ее руки и гипса на предплечье.

Ублюдок. Сукин сын. Он обманул ее. У него просто была информация, что Ева с Никой и Калебом в другом номере и что приехал отец. Фурио использовал ее страх за

друзей и любимого человека, чтобы заставить думать, что прийти к нему — ее единственный выход.

Ярость переборола страх. Ева в любом случае умрет, поэтому можно умереть хотя бы как дочь своего отца.

— Пошел нахуй, ублюдок! — Ева плонула ему в лицо и, прежде чем он среагировал, вырвала руку, и ударила кулаком прямо в челюсть. Удар отбросил его назад, и Ева рванула к выходу. Но Фурио опередил ее и захлопнул дверь прямо перед лицом. Дернул назад и так сильно впечатал в стену, что Ева услышала, как вывернулось плечо. Он прижался к ней сзади, Ева закричала.

— Прежде чем я тебя прикончу, мы повеселимся, котенок

Рывком он развернул ее, и Ева успела лишь краем глаза заметить движение, прежде чем боль пронзила щеку и затылок.

Еву поглотила темнота.

Габриэль вышагивал перед камином, вертя головой, чтобы хоть как-то облегчить напряжение в шее. *Черт*. Он хотел пойти за Евой. Хотел, чтобы она была с ним. Сидела в уголке и привычно следила за ним взглядом.

— Мы отвезем девочек с Пейном в аэропорт, а потом поедем в Энумкло. Все просто.

Гейб взглянул на Максима. Ничего не было «просто». Где, черт побери, Василий? Он уже должен был вернуться. Ушел вниз проверить с Дмитрием отель, потому что больше никому не доверял.

Габриэль взглянул на Винсента, который стоял спиной и вглядывался в почти черное небо. Парень уже час не отходил от окна.

Чувствуя себя как на иголках, Габриэль наконец поддался желанию и написал Еве сообщение.

«Все хорошо?»

Он чувствовал себя идиотом, нажимая «отправить» и ожидая услышать сигнал телефона, который был за соседней чертовой дверью.

Габриэль снова хрустнул шеей и принялся ждать.

— Почему Василий не взял ее с собой? — спросил Макс. — Он мог бы поехать с Дмитрием и байкером, пока мы бы разобрались с тем домиком.

Чертову мистеру Организатору вечеринок следует заткнуться хотя бы на минуту.

— Василий хочет нам что-то сообщить. Ты до этого не слушал? Ты что, не здесь, черт побери? — огрызнулся Габриэль, в голове снова возник тот тревожный разговор. Василий сообщил, что собирается убить Стефано так, что враги дважды подумают, прежде чем снова попробовать забрать у него близких.

Чертов брат должен был умереть сегодня ночью, но, несмотря на все, Габриэлю это не нравилось.

И почему Ева не отвечает на сообщение? Простого «да» было бы достаточно.

— Должно быть, я задремал, придурок, потому что не спал около сорока восьми часов, прикрывая твою неблагодарную задницу.

Подняв глаза от телефона, Габриэль посмотрел на длинный средний палец Макса.

Гейб потянулся и хлопнул ладонью по огромному плечу парня.

— Прости, брат. Я чувствую... черт. Не знаю. Что-то заставляет меня...

Входная дверь с грохотом распахнулась, и в номер влетели Василий, Дмитрий, Арон и за ними Пейн.

Максим с Алеком вскочили на ноги, Винсент весь подобрался, Куан вытащил пистолет, а Габриэль приготовился к худшему.

Василий посмотрел ему в глаза, лицо было темным от ярости, и произнес:

— Она ушла.

Глава 23

Что он имел в виду?

Она не могла уйти. Ева дала обещание остаться под защитой Габриэля. Она бы не посмела оставить их, черт побери. Не тогда, когда ставки так высоки. Проклятие, на кону ее жизнь!

— Что случилось?

Все замерли и уставились на него. Он и сам оглядел себя. Его ли это голос?

— Заставишь меня спросить еще, и я кого-то прикончу, — прорычал Габриэль, внутри все сжалось. — Где она?

Вперед вышел байкер.

— Кто-то позвонил ей. Она сказала, что это отец, что он хочет видеть ее внизу. Он считает, — Калеб кивнул в сторону Василия, — это Фурио.

Василий прошел по комнате чеканным, четким шагом — признак того, что кто-то сейчас умрет. Покровитель Габриэля всегда словно впадал в транс, когда планировал грязное убийство.

— Он, должно быть, шантажировал ее. Велел спуститься вниз, иначе бы навредил тебе, или мне, или ее друзьям. — Василий покачал головой, сильно задумавшись. — Она зашла в дамскую комнату, пока Арон и Калеб ждали снаружи, и исчезла через второй вход.

— Ева не пошла бы на это, если бы Фурио не использовал против нее что-то серьезное, — предположил Калеб.

— Отправь Джака за видео с камер безопасности, — рявкнул Куану Габриэль и схватил из ящика стола запасные патроны.

— Он уже их просматривает, — заверил его Куан.

— Алек, позвони нашему парню в аэропорт Сиэтл/Такома. Я вчера просил два вертолета на крышу. Калеб?

Байкер шагнул к нему.

— Да?

Как бы сильно не хотелось убить парня за случившееся, Гейб знал, это не было ни его ошибкой, ни АRONA. Как же он сейчас ненавидел эту тварь под названием «свободная воля», богом данное право воротить все, что только в голову взбредет. Да и если, несмотря на усилия Габриэля, все пойдет не так, за дело возьмется чувство вины. Байкер до самой смерти будет страдать.

Габриэль взглянул в потемневшие глаза Калеба.

— Она взяла телефон с собой?

— Да. В заднем кармане.

Габриэль кивнул, а затем вытащил свой телефон и набрал Еву. Прослушал автоответчик и заговорил. Точнее попытался. Но так сильно сжал зубы, что почти не мог произнести ни звука. Он поводил головой, ослабляя напряжение, и прорычал:

— Позвони мне, как только получишь это сообщение. Оставь свою наивную и доверчивую или благородную и самоотверженную задницу где-нибудь в безопасном месте и не уходи оттуда. Я приду, и тебе лучше надеяться, что я успокоюсь, когда найду тебя.

Он не мог отмахнуться от чувства, что Ева придумала звонок от Василия, чтобы самой уйти от сложившейся ситуации. Габриэль уже понял, что Ева не из тех, кто будет играться со спусковым крючком семейной вражды, которая ее не касалась.

Но, боже, он надеялся, что именно так она и поступила. По крайней мере, Ева тогда одна.

Или, может, с нее уже хватит его, поэтому она сбежала при первой же возможности. Гейб с трудом сглотнул, не желая развивать эту болезненную мысль.

Он аккуратно положил телефон обратно в карман, хотя хотел разбить его на мелкие кусочки. Если сломать телефон, Ева не сможет с ним связаться.

— В лифте она вела себя... че-е-ерт. Я знал, что-то случилось. Но она сказала, что это просто стресс, и я ей поверил. — Пейн запустил пальцы в волосы и наконец выпалил: — Она сказала, что любит тебя.

С этими словами жизнь Габриэля оборвалась.

— Я спросил, почему она сказала это мне. Теперь думаю, что она хотела, чтобы я передал тебе на случай...

Поистине беспомощная боль взорвалась в груди, делая уязвимым. Как одинокую утку перед целым отрядом стрелков.

Она любит тебя.

После всего, что он сделал, она его любила.

И она ушла. Звонок не был подстроен. Ее признание это доказывало.

Габриэль схватил со стола стационарный телефон, оторвал шнур и швырнул аппарат в ближайшую стену. Грохот посыпавшихся обломков едва ли заглушил снедавшее его бессилие.

Он поиском глазами Максима.

— Позвони, если что-то узнаешь, — сказал тот кому-то по телефону и отключился.

— Проверь каждую операцию по кредитной карте на ее имя. И лучше бы ты мог их отслеживать. Если она сама ушла, то я хочу, чтобы все отели в радиусе сотни миль светились, как гребаное солнце, при ее появлении.

Макс подошел к нему.

— Уже сделано, брат. Если она воспользуется картой, мы ее найдем. — Он ободряюще похлопал Габриэля по спине. — Если Ева одна, то мы быстро найдем ее.

— Она не взяла кошелек, — вмешался Калеб, кивнув на сумочку на кофейном столике и лежавший рядом тонкий кошелек. Ева выложила его, чтобы Куан мог взять паспортные данные для регистрации и не терять время в аэропорту.

— Я знаю, что она помнит наизусть номер одной из своих кредиток, — рявкнул Габриэль. Схватил тяжелую хрустальную вазу с цветами и запустил через всю комнату прямо в телевизор над камином. Звук разбитого стекла и закоротившего от воды электричества принес больше удовлетворения, чем брошенный в стену телефон, но не намного. — Почему, черт возьми, она не пришла ко мне, когда ей позвонили? Или ты, — заорал он на Пейна, — какого черта Ева не сообщила тебе, что произошло? — Господи! У него было такое чувство, словно его окатили кипящей смолой.

Василий сидел на подлокотнике кресла, и его мрачный, страдающий вид усиливали боль Габриэля чувством вины за то, что не уберег его дочь. Если Василия разозлили отношения Габриэля и Евы, то нечего и говорить, что будет после такого.

— Потому что, Габриэль, — произнес он медленно, — ее не растили так, как нас. Фурио шантажировал ее нашей безопасностью. По крайней мере, я бы так поступил. Он

угрожал нам, придумал правдоподобную историю, добавив фактов, о которых она наверняка спрашивала, и как только Ева решила, что слышит правду, сделала, как он хотел. — Обычно непробиваемая броня Василия дала трещину. Он прикрыл глаза и закончил шепотом: — Отправилась прямо в его чертову ловушку.

В номер заявился Джак с ноутбуком под мышкой и бросил:

— А ну валите сюда. — Словно высеченный из камня, спецназовец подошел к столу и поставил на него ноутбук. Шрам особенно выделялся на побледневшем лице. — Сразу после звонка Куана я просмотрел все записи с камер безопасности.

Джак нажал на «плей», и все опасливо склонились над монитором.

Тусклый свет лампы выхватил проскользнувшую во мрак помещения фигуру Евы в черных леггинсах и зеленой футболке. Внутри Габриэля все сжалось при виде нее и мужчины, возникшего у нее за спиной.

— Фурио, этот сукин сын, — прорычал Винсент, когда ублюдок с ирокезом схватил Еву за руку. Они обменялись парой фраз, на лице Евы явно отразились сначала страх, а потом облегчение. И вдруг она с ненавистью плонула Фурио в лицо и хорошенько врезала кулаком в челюсть, шокировав придурка. Ева кинулась к выходу, но Фурио опередил ее, с силой отдернув к цементной стене. Девушка ударила плечом.

Василий выругался себе под нос.

— Нет! — Габриэль дернулся вперед, словно мог что-то сделать, когда Фурио отвел руку и со всей силы ударил невинную красавицу по лицу. Ева запрокинула голову, ударившись об стену, и без сознания упала прямо в руки ублюдка. Фурио втащил ее на заднее сиденье черного внедорожника и уехал, как только закрылась дверь... оставив на бетонном полу два безжизненных тела.

— Уехали, — произнес Джак, голос помрачнел при виде еще двух трупов.

В груди Габриэля заклубилась темная ледяная ярость, сердце неистово билось. В это мгновение уважаемый бизнесмен Габриэль Мур прекратил свое существование. Его место занял Габриэль Моретти.

Он превратился в главаря, которым не думал, что когда-нибудь станет. Габриэль встал спиной к окну, эмоции отключились, паника отошла в сторону, а страх рассеялся. Словно ничего этого и не было. Затем встретился со светлым взглядом Алека.

— Выясни, сколько еще ждать вертолеты. — Повернулся к Винсенту. — Хочу, чтобы ты связался со всеми, кто может знать местоположение Стефано. Сейчас же.

— Не уверен, что они послушаются приказов...

— Мне плевать, в чем ты уверен, Романи. Звони по своему чертовому телефону и говори им, что главе этой семьи нужна такая информация. И мне срать, можешь хоть угрожать всем их близким вплоть до детей, мне нужна эта чертова лачуга! Если не скажут, то могут составлять завещание. Донеси это до них и побыстрее.

— Габриэль?

Он посмотрел на Василия, заметив приподнятую бровь, и уже зная, что это значит.

— Если я заявлю права на место главы семьи, и это поможет вернуть Еву и оградить ее от повторения, — уверенность ясно звучала в его заявлении, — тогда это именно то, что я собираюсь сделать.

В комнате прозвучал одобрительный гомон.

— Хорошо, — произнес Василий убийственным тоном, — потому что я собственоручно разорву твоего гребаного брата на куски за то, что он сделает с моей дочерью. Я бы устроил настоящий Апокалипсис этой ночью, но моя команда в Нью-Йорке

и России, а значит, ресурсы ограничены. Поэтому ты должен сделать все возможное. Этого ублюдка нужно убрать. Прямо сейчас. Любым способом. — Он помолчал мгновение, голос стал еще беспощаднее: — И тебе лучше с этим справиться, Габриэль.

В этом они были солидарны. Потому что если Габриэль не спасет Еву, больше не будет смысла жить.

И не только потому, что начнется война между Моретти и Тарасовыми, которая может закончиться плохо.

А потому, что он не мог потерять Еву.

Раздался звонок телефона, и Габриэль схватил его.

— Ева? — рявкнул он, отчаянно желая, чтобы это была она.

— Похоже, ты упустил ее, Габриэль.

Стефано. Кровь застыла.

— Слушай меня, кусок дерьяма. Тронешь хоть волосинку на ее голове, и моя месть будет такой, какая тебе и не снилась. Я сделаю так, что все, что ты делал со мной на протяжении этих лет, покажется вечеринкой с друзьями. Когда найду тебя, Стефано, а я найду, то сделаю такие вещи, о которых еще долго будут го... — Габриэль оборвал свою угрозу, услышав на заднем фоне в телефоне приглушенные голоса.

— Звонил Фурио. Сказал, что в двадцати минутах езды, за ним никакого хвоста.

Похоже, кто-то в команде Стефано небрежен, и наверняка поплатится за это. Разглашение такой информации во время телефонного разговора босса было абсолютным преступлением в криминальном мире.

Двадцать минут. Габриэль посмотрел на часы. Должны быть в Энумкло. Таймер включен.

Габриэль отключился, брат был для него мертв, теперь осталось лишь сожаление, что позволил прожить Стефано столько времени. Гейб был в бешенстве на себя, что еще раньше не понял, что нет надежды на примирение с братом.

И Ева заплатит за его заблуждение. Самый важный в его жизни человек в двадцати минутах от ада, о существовании которого даже не подозревала до встречи с Габриэлем.

— Отсекай чувства, когда дело касается твоих женщин, мой мальчик. Они лишь помешают тебе сделать то, что должно. Чем тверже ты будешь здесь, — он указал на грудь, — тем легче станешь здесь. — Он постучал по виску и улыбнулся холодной бесчувственной улыбкой — визитной карточкой Дона.

Никогда еще Габриэль не жалел, что не прислушивался к советам отца.

Стефано остановился в темном лесу, больше дюжины человек слонялись вокруг, курили, болтали всякую ерунду, некоторые озирались, словно ожидали, что сам Мрачный Жнец выплынет из-за деревьев и украдет их души.

Хотя, двуличный ублюдок наверняка уже в пути.

Стефано потянулся и стер с лица хмурое выражение. Но справиться с ощущением пустоты в груди было не так просто. Как и с постоянно звеневшей в голове речью младшего брата.

— ... все, что ты делал со мной на протяжении этих лет...

Почему эта фраза продолжает прокручиваться в мыслях, как старая пластинка? И эмоции, сквозившие в гневном голосе Габриэля? Полное и абсолютное опустошение. Господи Иисусе.

Деревья осветились фарами, и Стефано повернул голову в сторону подъезжавшего по лесной дороге внедорожника.

В голове снова прозвучала агония в голосе Габриэля, от которой в груди разливалась боль, Стефано ничего не мог с этим поделать. Он совершенно не понимал того, что услышал.

Но чувствовал. В глубине души.

Грусть и гнев после того, как Адриану убили пять лет назад, не имели ничего общего с тем, что сейчас переживал Габриэль. И это еще Ева в порядке. Такая мощная реакция брата была вызвана только домыслами, что с ней может случиться.

Было ошибкой думать, что Габриэль причинит ей вред, как остальным. Очевидно, у его брата и в мыслях подобного не было, когда дело касалось этой девушки.

За все годы, которые Стефано преследовал Габриэля за грехи его отца, тот никогда не мстил в ответ. Он всегда подставлял другую щеку.

До этого момента.

Благодаря угрозе прекрасной невинной пешке, которую Фурио сейчас нес к нему, Стефано наконец достучался до впечатляющей, непоколебимой верности Габриэля.

Стефано стиснул зубы, встретив злой, торжествующий взгляд Фурио. Почему парень такой довольный? По его виду можно подумать, что сам черт Джимми Хоффа у него в руках.

Стефано попытался абстрагироваться, пока наблюдал за входящим в домик Фурио с Евой на руках. Он медленно стал осознавать, понимание наконец пробилось сквозь тяжелую пелену враждебности и обиды, окутывавшую Стефано большую часть его жизни.

Почему сейчас?

Он дважды разговаривал с Габриэлем на неделе, а до этого почти пять лет и двумя словами не перекинулся и внезапно размяк?

Почему?

Из-за раскаяния? Сожаления о своих поступках, о том, что он сделал с детством Габриэля... Его психолог был прав, что это когда-нибудь случится?

«Я не хочу тебя расстраивать, Стефано. Но однажды ты поймешь, что заставлял страдать своего брата только из-за того, что страдал сам. Это не редкость, когда ребенок хочет поделиться своим несчастьем, чтобы не быть одному».

Губы насмешливо изогнулись при воспоминании о ее полном симпатии взгляде. Что она, черт побери, знала о том, какие у него были причины так поступать? Отыгрываться на брате.

«Многое», — прошептал голос на краю сознания. Потому что она единственная, кому ты это рассказывал.

Габриэля раздирало нетерпение. Теперь у них были координаты хижины, благодаря звонку Винсента парню, которого он сам завербовал в лагерь Моретти. По счастливой

случайности в момент звонка парень стоял в лесу возле домика и спрашивал нужду. Квентин, больше известный как Ку-тип, был частью группировки Стефано, которую тот привел за собой в Энумкло. Очевидно, Винсент уже знал об этом, но не удосужился рассказать. Ублюдок.

— Не хотел давать тебе надежду, пока он действительно туда не доехал, — оправдывался Винсент. — Ты бы взбесился, скажи я тебе, что он там, а потом выяснится, что он не уезжал из Сиэтла.

Тоже верно, но все же.

Габриэль снова посмотрел на часы. Где, черт побери, вертолеты?

В руках завибрировал телефон, снова неопределенный номер. И почему он уже даже не смотрит на экран?

— Слушаю.

— Моретти.

— Люциан?

— Они доехали до хижины, — румына было очень плохо слышно из-за грохота вертолетных лопастей на заднем плане. — У меня есть человек, который может удостовериться, что Стефано не убил ее, но не более того. Иначе он себя выдаст и сам лишится жизни.

Габриэль ухватился за спасательный круг.

— Мне насрать на его жизнь, Фейн! Прикажи ему вытащить ее нахрен оттуда!

— Не могу этого сделать. Я только что приземлился на твою крышу. Тащи свою задницу наверх, я долго ждать не буду. И, эй.

Габриэль уже выскочил за дверь, и все бросились следом. Он снова приложил телефон к уху.

— Что?

— Ты говорил с Василием? Я слышал, что он едет...

— Он здесь.

Прозвучал тихий сочувственный смешок.

Они поднялись на крышу и увидели два дорогих блестящих вертолета. Габриэль пригнулся под лопастями и направился к тому, где сидел Люциан. Темноволосый тиран открыл дверь «Сикорского», впуская Габриэля, Василия и Винсента. Максим, Алек, Куан и еще один парень залезли во вторую вертушку. Остальные уже выехали на место.

— Пошел! — рявкнул Габриэль, даже не закрыв дверь.

Люциан захлопнул ее и постучал по креслу пилота, давая знак взлетать.

— Мы вовремя доберемся до твоей дочери, Дон, — сказал он Василию. Люциан кивнул Винсенту и обратил свой охряный взгляд на Габриэля. — В двух милях от домика есть поляна. Пара «Хаммеров» ждут там, чтобы отвезти нас по проселочной дороге. У меня остались еще два, и они уже заняли позиции по периметру. Жаль, что мой транспорт оказался быстрее твоего. Не сомневаюсь, что ты бы оказался в том лесу без прикрытия, пока мы разговаривали.

Конечно. Но, с другой стороны, его людей было вполне достаточно.

И хотя сейчас, вероятно, он переступит черту, но Габриэлю нужно было спросить:

— Как ты так хорошо все организовал, Фейн? — Они взмыли в небо, и крыша отеля пропала внизу.

— Не люблю, когда вещи не имеют смысла, — ответил Люциан, усаживаясь на место, — а управление твоей семьей как раз такой случай. Поэтому я следил за происходившим.

Что ж, больше ясности его ответ не добавил, но в тот момент Габриэлю было не до уточнений.

Его внимание привлекла татуировка в виде воющего волка на плече Винсента. Парня не должно быть здесь. Стефано без сомнения уже назначил награду за его голову. Но Габриэль вскоре положит этому конец. — Ви? Ты не должен...

Кулак сильно стукнул его по колену. Самое ощутимое молчаливое «заткнись».

— Не волнуйся обо мне, брат. Все будет хорошо.

Повернувшись к Дону, Габриэль снова вернулся к насущной проблеме: уничтожить как можно больше ублюдков на пути к главной цели.

Его брату и этому сукиному сыну с ирокезом.

Глава 24

К Еве постепенно возвращалось сознание, а с ним и боль. Сильная боль. Воздух вокруг был затхлым и душным.

Послыпался приглушенный гул многочисленных мужских голосов. Ева с усилием попыталась открыть глаза, но тут же захотела погрузиться обратно в темное неведение, когда в памяти медленно всплыли последние события. На сколько же она отключилась?

Они ее поймали. И, судя по предыдущим событиям, грядущее ей не понравится.

Но несмотря на постоянный страх в течение всей недели, Ева почувствовала облегчение. Радость, что все закончилось. Они поймали ее, а значит, отстанут от Ники и Калеба, отца с его людьми, кузена, Винсента и Максима. И Габриэля.

Ева слишком поздно поняла, что полюбила его.

— Пожалуйста, Калеб, скажи ему, — прошептала она сквозь пересохшее горло.

Потому что сама уже никогда не сможет этого сделать. Ее убьют.

Девушка лежала в углу ободранного дивана с плоской подушкой за спиной. Оглядевшись, увидела скромную обстановку: покрытый пылью и крошками столик прямо перед ней и колченогий стул с другой стороны дивана. На стенах была лишь облупившаяся краска и несколько криво висевших выцветших картин с рычащими волками и испуганными оленями. Справа располагалась крошащая кухня с шатким, дешевым кухонным уголком, плитой и холодильником, которые выглядели так, словно отмучились еще несколько десятилетий назад.

Это определенно был охотничий домик, о котором упоминал Винсент.

Ева пошевелилась и чуть снова не потеряла сознание от боли. В висках пульсировало, а плечо безумно болело. Фурио хорошо приложил ее к стене. Но плевок в лицо и удар в челюсть того стоили.

В дверь постучали. Ева осторожно повернула больную голову на звук и заметила Фурио, ухмылявшегося ей со стула, на котором сидел, закинув ноги на стену. Если он здесь, то кто за дверью?

Ева попыталась скрыть шок при виде Алесио. Кузен Габриэля, которого она знала по учебе! Ева попыталась собраться с мыслями: стоит ли скрывать факт, что они знакомы?

Ее внезапная радость наткнулась на пустое, безэмоциональное выражение его обычно улыбающегося лица. Он отвел взгляд. Боже, если бы Ева плохо знала Алесио, то решила бы, что они раньше никогда не встречались. Вспыхнувшая искорка оптимизма тут же погасла. Габриэль, должно быть, ошибся на его счет. Алесио здесь не ради помощи. Он на стороне Стефano.

А потом появился и сам Моретти.

Алесио остался у двери, а Стефано вытащил из-под стола стул и уселся перед Евой. Он закинул ногу на ногу и небрежно положил руки на колени. В дорогом костюме мужчина выглядел так, словно предстояло приятное свидание. Господи, как же она его ненавидела.

— Во-первых, прости, что не могу предложить тебе что-нибудь от боли, которую, предполагаю, ты чувствуешь. Ты стонала, даже будучи без сознания, — объяснил он и

добавил, бросив хмурый взгляд на Фурио: — Я не ожидал, что возникнет необходимость в лекарствах.

Ева застыла, смущенная извинениями и заботой Стефano.

— Твоему состоянию нет оправдания. Ты согласен со мной, Фурио? Поэтому, если я могу что-нибудь сделать для тебя, пока мы ждем, пожалуйста, дай мне знать.

Он сейчас серьезно? Внезапная дружелюбность была настолько неуместной, что пугала. Наверное, Фурио ударил ее сильнее, чем ей казалось, потому что она явно растерялась.

— Не бойся, Ева, — усмехнулся Стефano без капли юмора, — Габриэль боится за двоих. Довольно странно, что это не повлияло на меня так, как я предполагал.

Она покачала сотрясенной головой и подавила крик, когда снова пошевелила плечом. Святой Боже! Она стиснула зубы от волны боли и не удивилась выступившим на лбу каплям пота.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — призналась Ева хриплым голосом. — Ты не собираешься меня убивать? Или заставить меня подольше страдать — часть сценария?

Девушка отпрянула, коря себя за несдержанность, когда Стефano поднялся, в два шага оказавшись рядом, его лицо внезапно помрачнело. Он оттянул ворот ее футболки и осмотрел плечо. Ева попыталась отмахнуться от его руки, но выругалась.

— Черт побери! — рявкнул он, свирепо глядя на Фурио. — Ты, нахрен, вывернул ей плечо. Ева, тебе нужно расслабиться.

— Нет, не надо, — в ужасе пролепетала она. Он собирается вправить ей вывих? Трогать ее руку? Ту, которая и так огнем горит? — Можешь просто убить меня?

Стефano проигнорировал ее и махнул Алесио.

— Держи ее. Здесь и здесь. Крепко, — добавил он, указав на талию и здоровое плечо.

— Пожалуйста, Стефano, — ей было плевать, что она умоляла, — просто оставь. Это...

Они проигнорировали ее просьбы, и Алесио сделал, как ему велели, держал крепко, пока Стефano взял за запястье и вывернул руку в странное положение.

— Черт, хватит, Стефano! — закричала она, захлебываясь от боли.

— Не отключайся, — пробормотал он, обхватил плечо и сдвинул его, прежде чем медленно вернуть руку на место. Ева взвыла от тошнотворного хлопка и как только подумала, что сейчас потеряет сознание, почувствовала внезапное облегчение.

— Встало на место? — спросил он.

Ева моргнула.

— Да, — выдохнула девушка. Первый нормальный вдох с момента, как она очнулась. Неуверенно взглянула на его удовлетворенное лицо. — Спасибо. Это... Боже, мне намного лучше.

Алесио отпустил ее и молча отошел, пока брат Габриэля снова подсунул под спину подушку.

Ева подозрительно нахмурилась.

— Откуда ты знал, что надо делать?

Стефano одарил ее насмешливым взглядом.

— Большинство из нас знает пару вещей, как оказать первую помощь в полевых условиях. Мне уже дважды приходилось это делать. Случай был немного другой, но

результат тот же. Облегчение. Тебе стоит приложить к плечу лед, как только появится такая возможность.

Они серьезно сейчас это обсуждают? Должна ли она сделать это до или после того, как он убьет ее?

— Непременно, — буркнула она. — Обязательно попрошу святого Петра дать мне лед, как только окажусь перед воротами рая.

Подняв руку, Стефано осторожно провел пальцем по ушибленной щеке и покачал головой. Ева отпрянула от чужого и совершенно нежеланного прикосновения.

— Я искренне сожалею о случившемся, Ева. — Он опустил руку и вернулся на стул.

Ева попыталась осмыслить такой неожиданный поворот. Это не тот Стефано, которого описывал Габриэль во время рассказа о своей жизни. Ева медленно спустила ноги на пол и выпрямилась, чтобы не чувствовать себя такой уязвимой.

Она дочь Василия Тарасова, черт побери, и не может показать слабость перед этими бандитами.

Прочистив пересохшее горло, Ева спросила:

— Что ты имел в виду, когда сказал «пока мы ждем»? Ждем что?

— Габриэля. — Она подняла брови и округлила глаза. — Что? Не думала, что он придет за тобой? Ты его не знаешь? Парень пойдет на все ради защиты тех, кто ему дорог. Почему, как ты думаешь, он не убрал меня? — Он указал на нее пальцем. — У меня сложилось впечатление, что Габриэль соберет целую армию, чтобы добраться до тебя.

Погодите. Что?

— Такое ощущение, что ты уважаешь его за это. — Слабо. Но Ева не знала, что еще сказать.

— Так и есть.

— Но при этом ненавидишь его.

Стефано опустил взгляд на колени, но Ева успела заметить вспышку смущения в глубине его глаз.

— Возможно. Возможно, нет.

— Не знаю, как это понимать.

Стефано повернулся и знаком указал Фурио и Алесио на дверь.

Фурио встал, недовольный, что его попросили уйти.

— Ты, нахрен, серьезно?

Выражение лица Стефано изменилось, и Ева увидела, каким пугающим он мог стать, если ему перечить.

— Я сказал.

Насупившись, Фурио вышел в открытую Алесио дверь. Алесио последовал за ним.

— Теперь ты собираешься меня убить? — поинтересовалась Ева, чтобы заполнить повисшую в комнате тишину.

— Нет.

— Собираешься объяснить, что подразумевал под «Возможно, да, возможно, нет»?

Уголок рта Стефано дрогнул от ее настойчивости.

— Ты так же допрашивала моего брата?

Тоска по Габриэлю сдавила горло.

— Временами.

Стефано замолчал, и Ева попыталась собраться. Он хотел что-то сказать ей, но сам себя остановил. Прямые вопросы не сработают, поэтому Ева попробовала другую тактику. Решила сделать разговор более личным.

Она мысленно вернулась к одному из уроков Калеба по самообороне.

«Похитители видят в жертве объект, а не живого человека. Поэтому, если тебя когда-нибудь похитят, делай все, чтобы выставить себя личностью, показать свои чувства. Кем-то с прошлым, семьей. Воплощением жизни. Есть надежда, что это отсрочит, а может, и предотвратит планы этих ублюдков».

От попытки хуже не будет.

Ева прокашлялась.

— Я могу понять ненависть к родственникам. Я годами ненавидела своего отца, считая, что он предал нас с мамой. Были дни, когда только ненависть заставляла меня вставать по утрам с постели. Чтобы доказать, что он мне не нужен.

Стефано кивнул.

— Понимаю.

Ева отметила, каким потрепанным выглядел человек, сидевший перед ней. Несмотря на элегантный костюм, Стефано казался почти... поверженным. Всего на несколько лет старше Габриэля, он выглядел намного взрослеем. Уставшим.

— Когда я узнала, кто мой отец, — продолжила она, — поняла, почему он ушел от нас. Все было совсем не так, как я думала. Абсолютно. Я так сильно ошибалась. Совершенно неправильно судила о ситуации. Можешь себе такое представить?

Он пошевелился, откидываясь на стуле.

— Как ни странно, могу. Я и Габриэль, мы... черт. — Стефано выглядел таким же озадаченным, как и Ева. Прокашлявшись, осторожно продолжил: — Возможно, я был не справедлив к своему брату в детстве.

Ева была потрясена до глубины души. Он казался... искренним. Как и Фурио, когда сказал, что собирается взорвать «Кроун Джевел».

Лучше не быть такой доверчивой, Ева. Вот что привело тебя сюда.

— Зачем ты это сделал? — осторожно поинтересовалась она.

Стефано повел плечом.

— Потому что устал от того, что каждый божий день мне в пример ставили Габриэля. Идеальный Габриэль. Любимчик отца. Любимый всеми. Возможно, потому что мне приходилось иметь дело с дерзом, которое не должно касаться детей моего возраста. Возможно, я заставлял Габриэля страдать только потому, что сам был несчастным. — Он снова покачал головой, на скуле подергивалась жилка. — Мой единственный шанс убраться от этой проклятой семьи, шанс начать новую жизнь на своих условиях, без постоянно попрекавшего меня Альберта Моретти.

— Взрыв, — прошептала Ева. Она вспомнила страх, который почувствовала, когда Фурио угрожал убить Габриэля. Ужас от того, что могла стать причиной его смерти. Она сама испытала то, что Стефано чувствовал все эти годы, хотя и не хотела признаваться в этом.

— Да. Тот чертов взрыв. — Он встал и принял мерить шагами комнату, ероша волосы. — Габриэль даже не спросил ничего о задании отца, — продолжал Стефано замученным голосом, — просто сделал и наплевал на последствия.

Наполнившись нежелательной симпатией, Ева грустно покачала головой. Ей стоило ненавидеть этого человека. И частично ненавидела за то, через что им пришлось пройти из-за него. Но еще она понимала его горе. Разочарование. Предательство.

Злился ли Стефано, не желая мириться со смертью его девушки? Так же, как и Ева после гибели мамы. Продолжает ли злиться только потому, что от этого чувствует себя лучше? Так же, как она. Молился ли, утопая в своем горе, о возможности провести еще один день с Адрианой, чтобы наконец смириться с ее уходом? Ведь у Евы все то же самое.

— Твой брат тоже был юнцом, Стефано, — произнесла она, словно была старше своих двадцати четырех лет. — И мы все должны учиться на своих ошибках. Обычно, такие уроки жестоки.

Он замолчал и посмотрел на Еву, эмоции бурлили в его глазах.

— Ты должна была стать моей местью за смерть Адрианы. Моим способом заставить брата страдать так же, как я. И это сработало. Я позвонил ему после того, как тебя забрали, и услышал неприкрытый страх в голосе, когда он осознал, что потерял тебя. Гнев. Отчаяние. Беспомощность. — Стефано сел, уперся локтями в колени и опустил голову, теперь Ева не могла больше видеть выражение его лица. — Впервые в жизни я услышал агонию в голосе Габриэля. Из-за того, что мог с тобой сделать.

Между ними повисло натянутое молчание.

— И? — не выдержала Ева, больше не в силах выносить молчание.

— И я не почувствовал того удовлетворения, какого ожидал, — признался он честно.

Ей не нравилось слышать, что Габриэль страдал из-за нее. Ненавистное чувство. Из-за этого щемило сердце. Но сейчас нельзя об этом думать. Что-то происходило между ней и Стефано. Он разговаривал с ней. Открывал душу. Наконец логически оценил действия своего брата, что должен был сделать еще много лет назад.

Возможно, это последний шанс закончить опасную вендетту, не пролив больше крови.

«И я снова смогу увидеть Габриэля!», — кричало сердце.

Или это было последние признания Стефано перед тем, как он даст Фурио добро делать с ней все, что захочется.

— Я знаю, что для тебя это тяжело, — произнесла она, по коже внезапно пробежал озноб.

Стефано смерил ее хмурым взглядом.

Ева несколько раз видела подобный взгляд у Габриэля. И чуть не закатила по привычке глаза. Но потом вспомнила, что сейчас стоит вопрос жизни и смерти.

— Это не лицемерие, — поспешно добавила она, — я серьезно. Не знаю, в курсе ли ты, но моя мама, которую я любила больше всех на свете, была убита из-за каких-то счетов с моим отцом. Думаешь, я не знаю, каково это, когда твой мир рушится из-за семейных разборок? Знаю. Но в глубине души так же понимаю, что отец не виноват. Он не отдавал приказ убить мою маму. Никогда бы не сделал этого. Но те люди мертвы из-за того, что они убили ее. И если быть полностью честной, то не думаю, что с Габриэлем будет по-другому. Твой отец единственный, кого тебе стоило винить все эти годы.

Стефано поднял голову и задумчиво посмотрел на нее. Ева моргнула. Его глаза. Они... изменились. Она вспомнила, когда впервые встретила Стефано в квартире Калеба. Самым пугающим в его облике был пустой бездушный взгляд. Теперь он был не таким.

Теперь он стал... человеческим.

— Габриэль открыл тебе всю свою жизнь, да? Даже ее непривлекательную сторону?

Ева пожала плечами.

— Было достаточно трудно скрыть это, я превратилась в ходячую мишень. За что, кстати, спасибо, — добавила она сухо. Ему хватило приличия выглядеть смущенным.

— Мой брат был марионеткой своего отца. Вот почему он так дико раздражал меня. Его отец собирался передать бразды правления кукле. Тому, кто не отдает приказы, а принимает их, Дон не может таким быть. А я всегда находился рядом.

Ева подумала о собственной злости длиной в двадцать четыре года, она во многом обвиняла отца. Пыталась быть идеальной, чтобы мама продолжала любить ее. Конечно, войну среди мафии не начинала и не убивала людей, но, похоже, у всех свои проблемы.

Ева фыркнула совсем не по-женски.

— Кажется, нам обоим стоит оставить проблемы детства и отцов в прошлом.

К огромному удивлению, Стефано улыбнулся.

— Может и так. — Улыбка сделала его на годы моложе.

Что-то щелкнуло в мозгу.

— Подожди. Ты только что сказал его отец, не ваш?

Стефано вновь нахмурился.

— Этот желчный, властолюбивый ублюдок не был мне родным. Альберт Моретти женился на нашей матери, когда она обнаружила, что беременна от другого мужчины, и пообещал вырастить меня как своего ребенка. Мне даже восьми еще не было, когда он дал мне понять, какую честь оказывает, позволяя быть частью «его» семьи.

Гребаный. Чертов. Ад.

Должно быть, это дермо годами давило Стефано на плечи. Ева не видела другой причины того, что он сейчас все это высказал ей. Но как бы ни было интересно слушать, ей так же хотелось, чтобы Стефано заткнулся. Ему придется убить ее после таких признаний!

— Это ужасно. Мне жаль, Стефано, — произнесла она, злясь на себя, что сильнее прониклась симпатией к мужчине, который сам признался, что делал детство Габриэля отнюдь не сладким. Когда настроение изменится, вернется ли дьявол-Стефано?

По крайней мере, Фурио и Алесио точно вернутся.

Они тихо вошли в комнату, когда Стефано кивнул в ответ на нагло вздернутую бровь Фурио. У Евы все сжалось внутри, но она отказывалась показывать страх. Вместо этого сконцентрировалась на брате Габриэля и той информационной бомбе, которую он сбросил на нее.

Определенно, путь к пониманию причин чужих поступков оказался долгим. Как ребенок мог не взбелениться, когда ему постоянно напоминали, что он чужой?

— Я только сегодня встретилась с собственным отцом, — призналась она, — поэтому могу понять тебя. Ты видел его? Своего настоящего отца?

— Я не мог. Мама сказала, что он умер, когда я был маленьким, — последовал небрежный ответ. — Ты сказала, что росла без отца. Ты нашла его?

— Нет. Нас свел Габриэль.

Стефано замер и встретился с ней взглядом.

— Объясни.

— Ну, мой отец занимается тем же... бизнесом? — Ева пожала плечами. — Что и ты. И он попросил Габриэля присмотреть за мной, пока его самого не будет в стране. Ему

нужно было кое с чем разобраться. — Стоит ли ей так открыто говорить об их бизнесе, даже если Стефано принадлежит к этому же миру? Ева не была уверена, а потому оставила недосказанность, почувствовав удовлетворение от опасливого взгляда Стефано.

— Кто твой отец, Ева?

— Василий Тарасов, — произнесла она с явной гордостью в голосе.

Алесио, который стоял, прислонившись к двери, издал шокированный возглас. Фурио же сидел молча, ибо, судя по его словам, когда он поймал ее, уже знал.

А Стефано так смачно выругался, что Габриэль бы гордился им.

— Наконец-то! Вот тот кусочек, которого не хватало для полной картины. — В его глазах промелькнуло уважение, но тут же сменилось беспокойством. — Я покойник, черт побери.

Ева все еще сомневалась, не принимал ли он ее за дурочку.

— Могу я тебя кое о чем попросить?

Он бросил на нее сдержаный взгляд.

— Естественно. Ты и так уже из меня вытянула больше, чем мой мозгоправ. Если она узнает, то будет в бешенстве. — Но его лицо тут же закрылось, став угрюмым, словно Стефано только что вспомнил что-то плохое.

Ева нахмурила брови, он ей показался таким нормальным в этот момент. Просто парень запутался, как и все они. Ему так же приходилось иметь дело с дерзкими моментами прошлого и настоящего. Просто зашел чуть дальше в игре мести, в которой другие обычно ограничиваются лишь размышлением на эту тему.

— Те женщины, которые умерли, — произнесла она, возвращаясь к теме. — Габриэль говорил мне о троих. Если ты отступишься сейчас, значит, они отдали свои жизни ни за что. Ты зря убил их. Заставил страдать их семьи ради...

— Это он тебе так сказал? Что я убил их? Чертов парень. Он убил их. Или выставил их убитыми, чтобы прикрыть свою задницу. На мой взгляд, это уже слишком, но убийства на его совести, а не на моей.

— Ложь, — уверенно выпалила Ева.

— Верь во что хочешь.

— Я никогда не поверю, что Габриэль сможет забрать жизни у трех невинных женщин после того, как сблизится с ними. Зачем ему это делать?

— Убить их, прежде чем я доберусь до них, потому что я пообещал убить каждую, с кем он трахается? Черт меня подери, я не знаю. Тебе стоит спросить у него.

Он встал и потянулся, как делают люди, когда напряжение становится невыносимым. Еве хотелось сделать так же, но плечо все еще болело, хоть и было вставлено на место. Кроме того, если бы она и пошевелилась, то чтобы выцарапать Стефано глаза за упоминание о том, что Габриэль трахал других женщин. И после этого убил их.

— Я не жду, что кто-то вроде тебя поймет наш мир, Ева, — снисходительно произнес Стефано. — Просто знай, что чаще всего мы делаем то, что необходимо, и неважно, насколько нам это не нравится. Однако нужно не пересекать линию. Она становится размытой, когда то, что раньше тревожило, больше не имеет для тебя смысла. Вот тогда нужно сделать шаг назад. Попытаться снова отыскать свою душу. — Он сел на место. — Гейб знал это. Поэтому ушел. И сделал это очень умно и вовремя.

— Если ты так переживал, почему не сделал то же самое? — возразила Ева. Габриэль с друзьями не были в курсе всей истории, связанной с этим испорченным мужчиной. Даже близко.

Но если бы эти дубы вместо объявления войны по любому поводу сначала разговаривали друг с другом, то узнали бы.

Ева помассировала виски в надежде избавиться от гула в голове. Должно быть, Стефано чувствовал нечто похожее, потому что у него был усталый вид.

— Если мой брат или твой чертов отец, — со слабым смешком произнес он, — не всадят мне пулю в голову в течение часа, я попробую заняться самоанализом, о котором все говорят. — Еще один невеселый смешок. — И, если подумать, я должен поблагодарить за это девушку Габриэля, которую собирался убить.

Ева едва успела осмыслить сказанное, когда подскочила от тревожного возгласа Алесио. Она тут же вскочила на ноги и оглянулась в тот момент, когда кузен Габриэля набросился на Фурио. Но придурак с ирокезом двигался слишком быстро и увернулся от удара. Он так сильно приложился локтем к затылку Алесио, что Ева явно услышала хруст. Юноша мешком свалился на пол.

Не уверенная в том, что происходит, она посмотрела на СтефANO. Он так и сидел на колченогом стуле, но его ладонь была прижата к груди, сквозь пальцы сочилась кровь.

— О, господи, — прошептала девушка и кинулась к нему. Но прежде чем смогла дотянуться, ее схватили за волосы и с силой дернули назад, кидая на грязный диван. Фурио навис над ней, дьявольски ухмыльнулся и снова повернулся к СтефANO.

— Как меня угораздило работать на такого бесхребетного идиота? — зарычал он, вдавив дуло пистолета СтефANO под подбородок. — Услышанный мной разговор просто обескураживает. Какая утрата, — усмехнулся он, — и это после всей моей тяжелой работы. Думаешь, у Гейба хватило духу пришить тех трех телок, которых он трахал? Это был я. Он думал на тебя, а ты на него. Прекрасно. Игра продолжалась. — Фурио вдавливал пушку, пока СтефANO не закашлялся. — Ты был прав тогда, когда сказал, что он не заслуживает эту женщину. Какого черта все изменилось?

СтефANO слабо кашлянул, его кожа бледнела с пугающей скоростью, а кровь капала с руки, разлетаясь малиновыми брызгами по грязному полу.

— Ты серьезно считаешь, что я собираюсь спустить смерть Адрианы только из-за того, что ты, блядь, смягчился к Габриэлю? И к ней? — Фурио махнул пистолетом в сторону Евы. — Какого черта, Стеф? Да, мы просто трахали Адриану, а не в семью играли, но все же.

У СтефANO округлились глаза.

— Ты?.. — выдавил он.

— Ага, — произнес Фурио с довольной ухмылкой, — я тоже был там. Иногда буквально через несколько минут после того, как ты с ней заканчивал.

Фурио сильным ударом гипса отправил тяжело раненного мужчину на пол. СтефANO неподвижно замер у стены, за ним протянулась дорожка крови.

— Нет, — прошептала Ева, в голове все помутилось. Фурио убил тех девушек? А еще крутил роман с девушкой СтефANO, которая погибла во время взрыва? Он виноват во всем этом?

— Откуда у тебя, блядь, способность все портить? — заорал он на нее. — Если бы ты закрыла свой чертов рот, они бы поубивали друг друга в считанные минуты, и я бы стал главным!

— Я... ох... я... — она заикалась, пытаясь придумать что-нибудь, чтобы успокоить Фурио. Но его маниакальная ярость была всеобъемлющей.

— Наконец-то, наконец-то! Настало время этой семье заплатить за все, что они у меня забрали, — прошипел он, сжимая пальцы вокруг ее горла. — Адриана была моей, а Гейб сделал больше, чем просто убил ее. Он уничтожил наш шанс объединиться с большими мальчиками. Дочь с папашей хотели связать семью с Моретти, поэтому Адриана изо всех сил работала киской. В итоге мы бы убрали Стефа и встали бы во главе семьи, я и Адриана. Это было бы легко!

У Евы летели искры из глаз, пока она отчаянно впивалась ногтями в его руки, цепляясь за остатки сознания. Одному Богу известно, что он сделает с ней, пока она будет в отключке.

— Похоже, ей стоило выбрать Гейба, — продолжил Фурио, немного успокоившись. — Кто же знал, что Стефano даже Моретти не был? Несчастный неудачник. — Он рассмеялся, оскалив зубы перед ее помутневшим взглядом. — Хотя, это уже не важно, потому что Гейб и его папаша все равно нас поимели. Я уже уладил часть дела, а теперь закончу работу, как только твой любовник будет здесь. Немного позже, чем я надеялся, но какая разница. Конечный результат тот же. — Фурио посмотрел на дверь. — Было бы здорово, если бы братья Моретти сами друг друга поубивали, как и предполагалось изначально, ну да ладно. Я все еще могу обернуть все это дерзкое представление, устроенное Стефано, в свою пользу. А потом взгляну на группировку и стану лучше их всех.

Как только Ева ощутила, что проваливается в темноту, Фурио отпустил ее и грубо толкнул, оставив ловить ртом воздух.

— А теперь, учитывая, что заставила меня попотеть ради места под солнцем, ты мне должна, и я собираюсь насладиться расплатой. Снова и снова, пока больше не сможешь выносить. Пока не начнешь умолять прикончить тебя. — Он положил пистолет на стол, дулом в ее сторону. — Готова, котенок? — Фурио гротескно потянулся через штаны вставший член.

— Габриэль придет за тобой, ублюдок, — яростно бросила Ева, пересохшее горло выдавило лишь шепот. Она молилась, чтобы это было правдой. — Надеюсь, он отправит тебя в ад, где тебе самое место.

Фурио ударил кулаком по поврежденной щеке. Но не успела Ева прийти в себя, как холодная сталь ножа коснулась ключицы.

Господи, нет. Прошу, не дай этому случиться.

— Когда появится твой мужчина, то найдет использованную маленькую принцессу, — прохрипел Фурио, разрезая футбольку.

И в этот момент раздался оглушительный грохот.

Глава 25

— Отойди от нее, Фурио!

Габриэль быстро проверил, что Ева жива, и снова переключился на больного ублюдка, приставившего нож к его красавице. Краем глаза заметил на полу брата, замершего в луже собственной крови.

Хотелось голыми руками разорвать Фурио на части. Но этот гребаный блеск металла возле горла Евы отогнал жажду убивать на задний план.

Нужно забрать девушку от непредсказуемого ублюдка, нависшего над ней.

— Ты появляешься снова и снова, Фурио. Как отвратительная заразная болезнь. Заболев однажды, уже никогда не избавишься, — говоря все это, Габриэль медленно отступил назад и чуть развернулся, чтобы достать спрятанный за поясом кинжал. Его навыки ничуть не ухудшились за прошедшие годы. Он это знал. Но все равно боялся. Не мог ждать, стоит Фурио схватить пушку со стола, и все будет кончено.

Очень плохо, что парни были втянуты в перестрелку снаружи, иначе, никаких сомнений, один из них уже бы нажал на курок и проделал дырку в тупой голове Фурио.

Как и ожидалось, Фурио пошевелился, готовясь дотянуться до глока. Ответ Габриэля был молниеносным. Кинжал пронесся так быстро, что ублюдок не заметил его, пока острие не впилось в плечо по самую рукоятку. На лице отразилось удивление, когда руку отбросило назад, а нож вылетел из ладони, но Габриэль был уже рядом. Схватив Фурио, он ударом лба сломал ему нос.

Габриэль выдернул кинжал, надеясь, что кровь хлынет потоком, и ударил локтем в висок. Голова парня резко дернулась в сторону.

Сзади раздался рваный вздох Евы. Она тянулась к пистолету.

— Не трогай, — рявкнул Габриэль.

Ее рука почти коснулась металла.

— Не трогай!

От крика Ева дернулась и подняла глаза в полном замешательстве, пистолет упал на пол.

Габриэль не позволит ей взять на себя вину за убийство.

— Не отвлекайся на меня! — закричала она.

И не зря. Их перепалка стоила ему сильного удара в челюсть, от которого сотрясся мозг, и искры посыпались из глаз.

— Знаешь, я собирался ее трахнуть, Габриэль, — дразнил Фурио, — собирался погружать свой член в сладкую маленькую киску, пока она будет истекать кровью. Прямо как Элли. И Мелиssa. И Джордан.

Нарисованная Фурио картина ужасала и одновременно вызывала ярость.

Пришло время убить ублюдка. Сейчас.

Гнев буквально застил глаза Габриэля, едва позволяя видеть. Гейб бросился на психопата и впечатал в стену, придавив пальцами кровоточившее плечо. Вопль из глотки Фурио стал последним звуком в его жизни. Габриэль со всей мощью ударил по лицу, обхватил толстую шею и резко рванул в сторону, удивившись, что голова не оторвалась. Покончив, бросил безжизненное тело на пол.

Повернулся и увидел Еву, склонившуюся над Стефано. Перешагнул через труп и двинулся к ней. В комнату влетели Василий с Алеком, а за ними остальные парни.

Ева бросилась в объятия Габриэля.

— Мне жаль. Боже, мне так жаль, — шептала она снова и снова. — Я не должна была уходить. Должна была рассказать тебе...

— Ш-ш-ш. Не важно. Теперь все уже не важно. Ты в безопасности и...

Но она продолжала причитать:

— Прости. Он говорил, что установил бомбу и может убить тебя и отца. Я не могла этого допустить. Не могла. Я умру, если с тобой что-нибудь случится.

— Господи, малышка, — прошептал Габриэль, горло сдавило.

Вблизи особенно выделялись ушибы и кровоточивший порез на лице, на шее краснели следы пальцев и ранка от ножа. Габриэль мучительно застонал, из-за чего парни за спиной замялись.

Внезапно большая рука легла на волосы Евы, и Габриэль предупреждающе зарычал. Но потом увидел, кому эта рука принадлежала.

— Расслабься, — тихо пробормотал Василий, ласково поглаживая дочь. — Это всего лишь я. — Господи боже, — прошептал он, целуя Еву в макушку и стягивая обрывки ее футболки. — Что я натворил, родная?

— Ничего, — ответил за нее Габриэль. — Это моя вина. — Он знал, что виноват. И принимал это.

Василий вздохнул, беря себя в руки.

— Юрий, иди сюда, осмотри ее.

Вперед вышел Юрий Давыденко, личный врач Василия. Габриэль давно его не видел, но сукин сын оставался таким же красавчиком, каким он его знал, когда жил в Нью-Йорке. Юрий спокойно вышел вперед и опустился рядом на колени, поставив на пол черную аптечку.

Ева вздернула голову, хлопая ресницами в попытке сфокусировать взгляд.

— Стефано, — произнесла она, голос надломился. Она попыталась повернуться, но Габриэль крепко удерживал ее на месте. — Надо помочь ему.

— Ева, мы должны осмотреть сначала тебя...

— Нет. Пока... — голос осекся, и она покачала головой, прижав пальцы к вискам. Ева подняла затуманенный взгляд, умоляя: — Пожалуйста, Габриэль. Осмотрите брата. — Не дождавшись ответа, Ева повысила голос: — Ну же! — Она огляделась и уперлась взглядом в Юрия. — Помоги ему! — внезапно приказала она, как истинная дочь своего отца.

Выругавшись на русском, Юрий схватил аптечку и придинулся к Стефано, пока Габриэль и все присутствовавшие гадали, что, черт побери, происходит.

— Пульс редкий, — бросил через плечо Юрий.

— Спаси его! — требовала Ева.

— Милая, тебе нужно успокоиться.

— Он не убивал тех женщин! Это Фурио, — хрипло прошептала она, взгляд был стеклянным и рассеянным. — Он не собирался навредить мне. Нет! Он не тот, кем ты его считаешь. Ты сам поймешь, когда услышишь правду. Я обещаю! Ты не понимаешь, что произошло... Эй!

Максим ввел шприц Еве в руку, и на этот раз Гейб был рад инициативе парня. Острая игла успела высокользнути до того, как Ева хлопнула по руке.

— Не надо! Вы не знаете... не знает... — она пыталась продолжить. — Это не вся история... Он был всего лишь ребенком... Не дьяволом... Я хочу его... Габриэль...

Она хочет Стефано? Какого черта?

— Что со мной? — пробормотала Ева.

— Расслабься, малышка, — напряженно произнес Габриэль, готовясь удержать ее от падения. — Просто успокойся.

— Но Стефано... — невнятно пробормотала она, — не... тв... бр...

Габриэль поймал ее, когда она упала в обморок, глаза округлились от шока. Не желая оставлять девушку на загаженном полу, он отнес ее обратно на диван, который выглядел не намного лучше. Бережно придерживая раненую руку, осторожно положил.

— Она права лишь наполовину. Вы братья наполовину.

Гейб поднял голову и посмотрел на встревоженного Люциана, стоявшего у ног Стефано.

— Объясни, — потребовал он.

— Много лет назад мой отец рассказывал, что Альберт Моретти как-то признался ему: жена уже была беременной, когда они поженились. Стефано было около трех лет, когда состоялся этот разговор. Твой отец тогда сказал, что уже жалеет об обещании вырастить ублюдка как своего собственного сына. — Он поднял ладони. — Его слова. Повидимому, с твоим появлением для Стефано все стало еще хуже. Мой отец говорил, что ему жалко ребенка, но еще больше он сочувствовал юноше, в которого тот превратился, и которому ни на минуту не давали забыть о его происхождении. Это не оправдывает и половины того дерьяма, которое Стефано наворотил, но, по крайней мере, теперь можно понять его поведение.

Габриэль моргнул, опустил взгляд на человека, лежавшего на полу и сражавшегося за жизнь.

Но сражался ли он?

Едва осознавая услышанное, Гейб наблюдал, как Миша пришел на помощь Юрию, устанавливая капельницу брату, которого теперь Габриэль видел только как отвергнутого ребенка.

Василий в измождении потер лицо.

— Это многое объясняет. Еще одна причина, чтобы ненавидеть Альберта Моретти.

— Почему ты никогда не рассказывал мне? — спросил у Люциана Габриэль.

— Если бы я всем партнерам рассказывал хотя бы половину того дерьяма, которое знаю, у меня бы врагов было больше, чем у самого дьявола. — Румын обвел всех твердым взглядом. — Уверен, большинство из вас согласится, что некоторые истории разглашать не стоит. — Он вернулся к Габриэлю. — Изменило бы это хоть что-нибудь, узнай ты до сегодняшнего дня?

Размышление заняло всего секунду.

— Черт. Я не знаю, — честно ответил он, желая быть уверенным. Но кто знает?

— Я сильно сомневаюсь, брат. Так же, как и я, ты понимаешь, что все должно идти своим чередом. Ты не сможешь насилием сделать вывод о ситуации только потому, что устал от нее. Так не бывает. Правда, босс? — Он подмигнул, и Габриэль раздраженно скривил губы.

— Жаль, что мы не в клинике или хотя бы не в самолете, — пробормотал Юрий. Его акцент звучал сильнее, чем у Василия, но английский был идеальным. Как и волосы.

— Сделай все возможное, пока мы отвезем ее домой. — Василий отбросил волосы со лба Евы и на мгновение прижался щекой к ее щеке, прежде чем отойти.

Габриэль встрепенулся.

— Что ты имел в виду под «домом»? — требовательно спросил он, поднимаясь на ноги, пока Юрий фонариком проверял реакцию зрачков Евы.

— Мы придерживаемся плана и отсюда везем ее прямиком в аэропорт. Отправимся ко мне в Олд-Уэстбери, где она и останется. Дома, — надавил Василий, встречаясь с ним взглядом. — И если ты собираешься мне перечить, Моретти, я так ее напугаю, что она больше не захочет тебя видеть. Понял?

Ублюдок.

Ева ему не позволит, ведь так? Калеб сказал, что она любит его, но это было до того, как Фурио превратил ее в боксерскую грушу. Перед тем как чуть не изнасиловал. И до того, как у нее на глазах застрелили человека.

Будет ли она так же любить Габриэля, когда очнется? Захочет ли иметь с ним хоть что-то общее после этого?

Боже, он молился, чтобы это было так.

Винсент опустился на пассажирское сиденье «Хаммера». Теперь, когда увеличивающий энергию адреналин иссяк, тело почти не слушалось.

Святое дермо. Что за ночь? Он позволил глазам закрыться. Хотя зачистка дома, безусловно, помогла снять значительную часть напряжения. Напряжения, которого он не должен был ощущать.

Винсент отогнал мысли о соблазнительном аромате апельсинов и жасмина и захватывающих дух осенних оттенках, вернувшись к хаосу охотничьей хижины. Потребовалась грандиозная уборка. Максим, чертов, Киров был животным. Хвала Господу, что он на их стороне. А Василий? Святое дермо. Не удивительно, что он до сих пор главарь. Даже вечно спокойный Алек исполнил прекрасный мрачный танец смерти. Люциан Файн? Серьезный. Угрожающий. Беспощадный. Джак? Не удивительно, что он в личной охране Гейба. Парень был смертельно опасен. Еще здесь были Арон и Миша, новый парень с женским именем. Достаточно сказать, что он зарекомендовал себя, и теперь Винсент понимал, почему никто не отпускал шуточки по поводу его женоподобного прозвища. И наконец Куан. Жестокий. Холодный. Дикий. Парень в своей стихии.

И, без ложной скромности, Винсент сказал бы, что тоже сработал не хуже, убрав двоих ушлепков, шатавшихся на заднем дворе. Черт. Они стали бы неприятным сюрпризом, учитывая, что у них были полуавтоматические винтовки.

Винсент мысленно проиграл в памяти момент, когда Габриэль набросился на Фурио, не на Стефано, как они предполагали, увидев происходившее в грязном окне хижины. Гордость согревала изнутри. Просто невероятно. Их парень мог бы запросто стать чемпионом на арене, выбери он такую судьбу. Запросто. Он был нереально крут.

Но образ Евы тут же отрезвил. Лицо изранено, одежда порвана. Черт. В мире нет ничего, что бы быстрее пробуждало желание убивать, чем насилие над слабым полом. Слава богу, они подоспели вовремя.

Винсент удобнее устроился в кожаном кресле и коротко помолился о человеке, лежавшем без сознания на заднем сиденье машины. История Люциана прояснила некоторые вещи. У Стефano было тяжелое детство.

Но оно таким было у большинства из них. Особенно у Максима. Да его прошлое вообще полный отстой. Но посмотрите на него. Он же не портит жизнь всем окружающим.

«Только их с Габриэлем и Алеком, потому что им приходилось жить с этой занозой в заднице», — подумал Винсент, скривив губы.

Но юмор улетучился, когда Ви открыл глаза и увидел проносившиеся в лучах фар стволы деревьев. Предстоящие месяцы обещают быть интересными. Насыщенными. И, наверняка, опасными.

Появится новый босс.

Габриэль займет место во главе семьи. Наконец-то. И Винсент станет его правой рукой, будет делать все возможное, чтобы все прошло гладко.

Но не все обрадуются новым порядкам. Некоторые взбунтуются. И Винсент будет рядом, чтобы угомонить их. Особенно тех, кто думал продолжить подпольный бизнес, который он с Габриэлем отсеивал втайне от Стефano. Больше никаких тайн. Отныне гнусные сделки допускаться не будут. Не стоит и говорить, что они пресекутся, стоит только Габриэлю открыть отчеты.

И Винсент. Не мог. Черт побери. Дождаться.

Полет до Нью-Йорка оказался сущим адом для Габриэля. После всего произошедшего эмоции буквально выплескивались из него. В одну минуту он таял от облегчения, что Ева рядом, цела и невредима. А в следующую — накрывало убеждение, что он должен отослать любимую для ее же блага.

Но основной вопрос был: что она хотела сделать?

Вот что мучило его.

Он склонил голову к спящей в соседнем кресле девушке и провел пальцами сквозь ее расчесанные волосы. Габриэлю доставило огромное удовольствие самому водить щеткой по этим прядям цвета оникса. Что-то сжалось в груди. То, что начиналось с всепоглощающего желания красивой женщины, стало глубже и переросло в нечто невозможное.

Еще в вертолете, под моросящим дождем, он молился не опоздать и знал, что любит ее. Понял внезапно и без сомнений.

И, если верить Пейну, она тоже любила его. Но ей еще предстоит повторить это. Ведь по факту, она выпалила это в страхе перед вероятной смертью.

Габриэль все еще не верил, что она отдала себя в руки Фурио, чтобы спасти всех остальных. Нуждаясь в ее близости, он очень аккуратно, чтобы не потревожить перевязанную руку, придинул Еву и положил ее голову себе на грудь. А потом наклонился и зарылся носом в шелковое золото, вдыхая медовый аромат. Дьявол, он ненавидел ожидание. Особенно в подобном случае, когда от этого зависело его счастье. Габриэль зажмурился и вновь проиграл в памяти момент, когда сообщил Пейну, что Нике больше ничего не угрожает и можно отвезти ее домой. Парень не слишком обрадовался

последнему, но явно почувствовал облегчение, что Ева в безопасности, и ей больше ничего не угрожает. Брат с сестрой оба переживали о ранениях подруги, и Габриэль пообещал позвонить завтра и все рассказать.

А потом возник образ Винсента, угрюмого и тихого с тех пор, как они покинули Адскую хижину. Точнее, еще более тихого и мрачного, чем обычно. Парень проигнорировал предложение Габриэля лететь обратно с Максом. Куану, казалось, было все равно, он кивнул и сел в вертолет, пока Винсент из штанов выпрыгивал, настаивая оставаться с Габриэлем.

Парни пожимали руки, обнимались, хлопали друг друга по спине со всей силы, а потом вместе поднялись по лестнице в самолет.

— Уже жалеешь об этом?

Габриэль поднял взгляд на наблюдавшего за ним Василия.

— Пока нет, — честно ответил он, немного стесняясь лежать с его дочерью на груди, пока Винсент спал на сиденье в соседнем ряду.

— Я думаю, что ты, по крайней мере, подсознательно позволял так долго продолжаться этой истории со Стефано, потому что знал: тебе придется занять его место.

Габриэль не ответил. Вместо этого он чувствовал, как грудь Евы медленно поднимается и опускается в мерном, уютном ритме под его рукой.

Заскрипела кожа, когда Василий устроился в кресле и закинул ногу на колено.

— У тебя не будет никаких проблем с возвращением, Габриэль. Если именно это тебя тревожит. Возглавлять семью, тот же бизнес, а уж это ты отлично умеешь. Если нужна рука помощи, то попроси меня. Понял?

Габриэль кивнул, благодарный предложению, но не уверенный, что нуждается в нем. Он знал, в каком направлении двигаться.

— Я задолжал тебе гораздо больше, чем извинения, Василий. Я подвел тебя во всем. Проявил неуважение, — его слова были пропитаны стыдом, Габриэль произнес то, что, надеялся, немного оправдает его. — Я люблю ее. И, хотя более чем уверен, что ты откажешься просить ее руки. Я хочу, чтобы она стала моей женой.

Лицо Василия озарилось нежностью. Это случалось не часто, разве что когда один из его ребят приводил показать ему своих детей.

— Мы знакомы долгое время, Габриэль, и ты знаешь, я уважаю и люблю тебя, как брата. Это еще одна причина, почему хочу, чтобы моя дочь была именно под твоей защитой. Что ж, я надеялся, что она тебе понравится. Решил, что если Ева кого-то выберет в спутники, это должен быть надежный человек, которому доверяю.

Габриэль шокировано замер.

— То есть ты хочешь, чтобы мы были вместе?

На губах заиграла смущенная улыбка.

— Да. Именно. Разумеется, все должно быть официально. — Он рассмеялся. — Я выбрал тебя, несмотря на угрозы Стефано, вот почему я виноват в том, что произошло в той хижине. Поэтому, думаю, справедливо избавить тебя от страданий и дать свое благословение. Я с гордостью приму тебя в семью, если на таково будет желание Евы.

Встретив умный взгляд синих глаз, в груди Габриэля потеплело от чувства любви к этому человеку. И ко всем своим людям. Они в очередной раз доказали преданность, стоя за его спиной и не задавая вопросов. Но переживания о будущем превратились в очередную тревогу. Габриэль коснулся губами макушки любимой женщины.

— Поверить не могу, что спрашиваю тебя об этом, но как ты со всем этим миришься? Я считал, что изначально основной задачей было удержать ее подальше от нашего мира.

— Невозможно. Особенно, если сказанное байкером о любви к тебе было правдой. — Василий вздохнул. — Мы такие, какие есть. И Ева моя дочь. Которая вскоре станет твоей женой, если захочет. И, кстати, ты при первой возможности расскажешь ей о своем новом месте. Как бы временами мне была ненавистна наша жизнь, но другой она не будет. Ты пытался. И что из этого получилось?

Габриэль проглотил насмешку, думая о заурядном бизнесмене, которым так никогда и не стал. Даже спустя пять лет. Примет ли Ева его в качестве главы семьи? Или это все испортит?

— После всего, через что ей пришлось пройти...

— Думаю, есть одна вещь, которую не учли ни я, ни ты: Ева вольна сама выбирать. Фурио добрался до нее в доме матери, потому что она самовольно покинула твой кабинет. Не переживай, откуда я это узнал, — добавил он, когда Габриэль дернулся головой. — И потом, прошлой ночью. Она сама приняла решение, и пусть оно оказалось неправильным, даже ты не смог удержать ее от предпочтения наших жизней своей. Как всегда говорит Винсент: невозможно контролировать все, верно? Как бы сильно нам ни хотелось.

Габриэль знал, что Василий прав, но ему это не нравилось. Не нравилась идея, что Ева может сделать неправильный выбор. Но он понимал, что она никогда не останется, если он будет все решать за нее. Ей необходима независимость.

Габриэль сдержанно улыбнулся, подумав о неизбежных стычках, которые им предстоят. Но тут же страх, сильное беспокойство снова сдавили грудь. Не будет никаких споров, если она решит уйти. Габриэль сомневался, чтобы Ева когда-нибудь мечтала выйти замуж за криминального босса.

— Как насчет случившегося с ее мамой? Ты лучше других знаешь, какой опасности подвергаются наши близкие, Василий.

— Знаешь, сколько раз за последние месяцы я сожалел о решении оставить их? — произнес Василий. — Я думаю, нет, и знаю, что сделал неправильный выбор. Будь я там, рядом с ними, Кэтрин была бы жива, потому что я бы смог предотвратить ее смерть. И после такого фиаско могу с уверенностью сказать: Ева не останется без твоего присмотра даже для того, чтобы успеть ушибить ногу, уже молчу о чем-то более серьезном. И не забывай, у меня все еще большая власть в руках. Некоторые люди будут более чем счастливы оставить мою дочь одну. С этого момента мой ребенок и ваши дети будут под надежной защитой.

Его дети. Господи, ему так сильно этого хотелось, что щемило в груди.

Нужно убедить Еву, что ради этого стоит рискнуть.

— Просто помни — это бизнес, брат. Да, всегда будет присутствовать часть, когда придется вмешаться и испачкать руки, — продолжил он, сев на место и потянувшись, — но ничего не изменится. Просто ты об этом не услышишь. В конце концов, вне зависимости от твоей роли, если ты имеешь дело с большими деньгами и жадными людьми, это всегда будет приводить к жестоким последствиям. Бандит или бизнесмен. Одинаково.

Габриэль кивнул, потому что Василий был прав.

— Понадобится время, чтобы отсеять лишних, — вслух подумал он, — и я не жду с нетерпением урока, кому можно доверять, а кому нет.

— К сожалению, всегда есть вероятность обнаружить гнилое зерно в своей команде. Как ты считаешь, откуда Байковы узнали про Кэтрин? Буду признателен, если ты продолжишь держать ухо востро. Я до сих пор не прижал крысу.

Остальное осталось недосказанным. Пока не найдут предателя, Ева и Василий в опасности.

Глава 26

Три дня спустя Габриэль, слегка сжимая пальцы Евы, вел девушку по широким каменным ступеням. Толкнув плечом тяжелую входную дверь, он вошел в просторный холл их с парнями общего дома. Слава богу, сейчас рядом не было никого, кроме Куана, но и тот уже помахал им и отправился по своим делам на кухню.

— Куда пошел Куан?

Гейб поджал губы от тревожного вопроса Евы.

— Ему нужно поесть, — ответил он резким голосом, — в той стороне кухня. После я проведу для тебя экскурсию.

— После чего?

— Есть небольшой разговор. Но ты уже об этом знаешь.

— Хорошо. Тогда начнем с того, почему мы сюда приехали.

Это она тоже знала. Должна была. И поэтому нервничала.

Ее время уклоняться от разговора, избегать его, закончилось.

Последние три дня они провели в доме ее отца, залечивая, слава богу, несерьезные раны. Синяки постепенно пропадали, а то, что Стефано вправил ей плечо, по словам Юрия, избавило девушку от возможных последствий травмы в будущем. Так что, похоже, теперь Габриэль был обязан своему брату. Отвратно, что он не мог его отблагодарить. Очнувшись, серьезно раненный идиот покинул дом Василия, никому не сказав ни слова. И все, включая Габриэля, не были уверены, как следует поступить дальше. Возможно, дать ему время полностью осознать перемены в душе, а потом найти и вернуть домой.

— Ну?

Она была вся в белом: сандалии, кружевной топ и воздушная юбка в пол. Длинные прямые волосы и множество браслетов завершали образ в стиле бохо. В этой одежде можно было легко представить ее обнаженной.

Единственное, что выбивалось из общей картины, повязка на руке, синяки на шее и под глазом, заживающие порезы...

Габриэль отвернулся. Господи Иисусе. Неужели он и правда привел ее в свой дом и пытается убедить остаться? Он вошел в ее комнату в доме отца, вытащил Еву из постели и отнес в машину. Увез, не сообщив ни единой душе.

Хотя, учитывая, что Максим установил у Василия такую же систему безопасности, как и у Габриэля, не было ни единого шанса, что отец Евы не узнает, где находится его дочь. Габриэль был уверен, очень скоро последует звонок.

В отражении зеркала он наблюдал, как ее взгляд блуждал по дому, отмечая двадцатифутовый потолок, сверкающую люстру и со вкусом подобранный декор. Мебель из красного дерева была отполирована до блеска, медового цвета мраморный пол сверкал чистотой. Габриэль заметил мотоциклетный шлем Винсента, и небрежно брошенный футбольный мяч под столом у дальней стены.

Дом выглядел богатым, но при этом обжитым и уютным. Габриэль знал, что Еве здесь понравится, если она даст ему шанс. Он повернулся и протянул руку.

— Проходи. Прошу тебя, — добавил в последнюю минуту, стоять у входа было невыносимо. — Хотя бы так, чтобы я мог закрыть эту чертову дверь. Никто тебя не укусит.

Бау. Он само терпение.

Габриэль резко вздохнул и собирался уже извиниться, когда увидел ее улыбку. Ева встретилась с ним взглядом и впервые за три дня не отвела глаз.

Вложила ладонь в его руку, позволила ввести себя внутрь и закрыть дверь.

— Твой дом прекрасен, Габриэль, — произнесла она с раздражающей формальностью.

«Наш дом», — хотел поправить он, но не стал.

— Спасибо.

Он быстро провел ее через гостиную и вывел через французские двери на задний двор. Возможно, спокойный звук фильтра бассейна поможет ей расслабиться.

— Сядь. — Он указал на шесть стульев, окружавших стеклянный столик в прованском стиле.

— Эм, все в порядке, — ответила она, встав за одним из стульев и положив ладони на его спинку, взгляд задержался на бассейне. — Выглядит заманчиво.

— Можем потом поплавать, — небрежно произнес он. *Если ты не разрушишь мою жизнь в следующие несколько минут.* — А сейчас я хочу кое-что у тебя спросить. И хочу, чтобы ты была честна со мной.

— Я всегда честна с тобой, Габриэль, — уверенно ответила Ева. — Это у тебя проблемы с искренностью. — И черт бы его побрал, если он сейчас не чувствовал себя монстром.

Но он продолжил:

— Калеб передал, что ты что-то говорила ему в лифте.

Ева настороженно взглянула на него из-под длинных, пушистых ресниц. А потом отвернулась и забарабанила пальчиками по спинке.

— Мы серьезно это обсуждаем?

Габриэль улыбнулся при виде ее маленькой привычки. Нервничала.

— Да. Серьезно.

— Хорошо. Тогда слушай. — Он чуть не рассмеялся, когда она расправила плечи, словно готовясь к бою. Черт возьми, она была прелестна. — Должна сказать, что с двенадцати или тринадцати лет я знала, как повлиял уход отца на маму, но об этом ты уже слышал. Поэтому уже больше десяти лет я избегала глубоких чувств ко всем, кроме моей маленькой троицы близких. — Ее мать, Ника и Калеб. Он понимал это. — До тебя. Ты буквально насиливо ворвался в душу, и, похоже, теперь я не смогу тебя вырвать оттуда. И хотя сейчас мне еще сложнее, чем предполагала, облечь свои чувства в слова, я честно скажу, твое неожиданное появление в моей жизни изменило... все. — Она сделала пару шагов назад и осторожно коснулась растения на столе, вероятно, проверяя, настоящее ли оно. Настоящее.

Габриэль не шевелился.

— Как можно сказать, что за такое короткое время знакомства ты стал моим миром, и при этом не приходить в ужас от мысли, что это для тебя слишком? Карьера, о которой я так сильно мечтала, вдруг отошла на второй план. — Она жестом указала на них. — Мы. Вот что стало моей целью.

Ева неуверенно подняла взгляд.

— Меня пугает, что ты так сильно мне нужен. Даже после всего произошедшего. Твоя жизнь жестока и ужасно пугает. Но, по-видимому, даже последнего

светопреставления не достаточно, чтобы что-то изменить. Я знаю, что ты согласился возглавить семью. Поэтому уверена, отношения со мной, скорее всего, последнее...

— Ты знала об этом? — резко перебил он ее.

Ева посмотрела на него одним из тех взглядов, от которых он чувствовал себя палачом.

— Я ранена, но не оглохла, Габриэль. Никто ничего не говорил мне прямо, но в течение нескольких дней я постоянно слышала перешептывания в доме отца. — Она помолчала. — И еще я запомнила несколько фраз на русском. Самые простые. Но их достаточно.

Габриэль не должен был, но удивился. Проклятие, он был поражен. Она слишком умна.

— И ты нормально отнеслась к моей новой работе? — с усилием выдавил он, его жизнь зависела от ответа.

— Я люблю тебя, — просто ответила Ева. — Поэтому да, я найду способ смириться. Но, как уже говорила, я понимаю, что с твоей новой ролью отношения со мной станут большой обузой.

— Ты что, смеешься надо мной? — Он поверить не мог, что она это сказала. Только что сделала ему подарок, о котором он мог только мечтать, и боялась, что он ее не захочет?

— Нет. Конечно, нет. — Она стиснула зубы, глаза потемнели. — Посмотри, какие проблемы произошли из-за меня с твоим братом и моим отцом. Похоже, это я эгоистка, а не ты. — Она отмахнулась от удивленного выражения на лице Габриэля и принялась поправлять стулья. — Да. Я слышала, ты спрашивал у Алека, как он отпустил свою девушку. И ты ошибся, сказав, что в нашей крови есть что-то, позволяющее принести жертву, потому что я не смогу отпустить тебя. Чтобы однажды услышать, как отец обсуждает с Алеком твою новую пассию? Слушать их болтовню о том, какую милую свадьбу вы сыграете? Или присутствовать на ужине в честь того, что у тебя с твоей отвратительной женой родился ребенок?

Она повернулась к нему лицом, ревность делала ее самой сексуальной девушкой в мире.

— Я не вынесу этого, Габриэль. Ты нужен мне. И если это делает меня эгоисткой, то пусть так и будет. Я буду эгоисткой. Но, по крайней мере, счастливой эгоисткой.

Ева глубоко вздохнула, вроде немного успокоившись, но потом снова забаранила ноготками.

— Ну вот, опять. Я раскрыла тебе свою темную сокровенную тайну. Почему бы и тебе не поделиться хотя бы одной?

Он подошел к ней и улыбнулся, услышав в ее словах намек на их первую встречу.

— Ни для кого не секрет, кроме тебя, милая, что я влюблен. Я так безумно люблю тебя, что... Черт, рискну показаться слабаком, но меня пугает то, какую огромную власть ты надо мной имеешь.

Ева округлила глаза, ее защита пала, обнажив уязвимость, от которой перехватывало дыхание.

— Правда? — выдохнула она.

Он закатил глаза и уставился на нее.

— Если ты собираешься жить в нашем мире, а отныне я не дам тебе другого шанса, то стоит внимательнее относиться к тому, что происходит вокруг. Я люблю тебя, милая.

Очень. А теперь избавь меня от мучений и скажи «да». Прямо сейчас. Скажи, что станешь моей женой. — Он провел ладонью по ее шее и плечам, так нежно, пробуждая искры, которые никогда не исчезнут между ними.

Габриэль родился в своей семье и рос, не имея другого выбора. Если бы не жертва ее отца, для Евы все происходившее не было бы необычным. Габриэль не выбирал свое прошлое, но именно оно сделало его тем человеком, каким он стал.

И несмотря ни на что, она полюбила его.

— Мой мужчина такой требовательный, — мягко произнесла она, приподнимаясь на носочках, чтобы ласково поцеловать его. — Ты должен был спросить, а не приказывать выйти за тебя замуж.

— Ты выйдешь за меня? — тут же исправился он, прижимая Еву к себе.

— Нет ничего желаннее, чем стать твоей женой, Габриэль. — Она обвила его шею.

— Да, конечно, я выйду за тебя замуж.

Габриэль шумно выдохнул, облегчение оказалось практически болезненным.

— Слава Богу, — ошеломленно прошептал он и запечатлел самый чувственный поцелуй на ее губах, делясь нежностью и любовью, заставляя Еву дрожать в его объятиях. Когда он, наконец, отпустил ее, выражение победителя на его лице вызвало у Евы веселый смех.

— Ты уверен, что твои друзья одобрят? Не решат, что мы совершили ошибку? Что если мой отец...

— Все уже в курсе, милая, — пробормотал он охрипшим голосом. Он провел пальцами по ее волосам, — даже твой пapa.

— Как?

Он пожал плечами и потянул шею, как делал, когда чувствовал перенапряжение.

— Парни меня знают. Они знают, что я хотел тебя. И я попросил твоей руки у отца, когда мы летели в самолете из Сиэтла.

— Так вы оба знали все эти три дня, и только сейчас ты соизволил спросить меня? — воскликнула она и шутливо стукнула его по руке. Габриэль рассмеялся и притянул ее для очередного поцелуя. Ева прильнула к нему, ее тело чувственно прижалось, сводя с ума, но Габриэль все же нашел в себе силы отстраниться.

— Тебе нужен отдых. Ты еще до конца не оправилась.

Она нахмурилась, явно недовольная его словами. Но понимала, что он прав.

— Ладно. Пойду, лягу, — сделала пару шагов, а потом оглянулась через плечо, — но только если ты пойдешь со мной.

Он ухмыльнулся.

— Милая, это само собой разумеется. Другого места мне и не надо. Никогда.

Эпилог

Позже, вечером, сидя напротив дочери в огромной гостиной дома Габриэля и его ребят, Василий чувствовал переполнявшую его гордость. Даже в побитом состоянии его ребенок был самым красивым созданием на Земле.

На входе появились три хозяина, и Василий перевел на них взгляд. Куан сделал то же самое, сидя на kortochkaх возле двери, а потом снова вернулся к своему занятию: хмуры брови и быстро шевеля губами, азиат что-то читал с iPad.

Отсалютовав двумя пальцами, Алек и Макс принялись шумно играть в бильярд. Габриэль приветственно кивнул, но, казалось, больше не замечал никого, кроме свернувшейся в углу дивана девушки.

И еще большая гордость охватила Василия при виде того, как Габриэль осторожно придинул Еву к себе, усевшись рядом. Она довольно вздохнула и опустила темную головку на подставленное плечо.

— Хотите пышную свадьбу или тихую и семейную? — спросил он, продолжая начатый с Евой разговор, не заботясь, что прерывает их идиллию своим любопытством. Его дочь посмотрела в сторону, не поднимая головы.

— Определенно тихую и семейную. Пусть лучше кто-нибудь другой станет объектом внимания.

Со стороны французских дверей раздался тихий смех. Там, глядя в ночь, стоял Винсент.

— Ага, а то ты такая мелкая и неприметная, — не поворачиваясь, произнес он. Василий усмехнулся, но тут же посерезнел. Он заметил, как изменился Винсент за те дни, что они вернулись из Сиэтла. Парень дико раздражался на всех, кроме Евы, к которой относился с теплотой и симпатией. Впервые со смерти Софии. На ночное небо он смотрел чаще, чем кому-либо в глаза. Он даже угрожал Максу в ту ночь, когда вечный подстрекатель отправлялся на работу. Не без причины, как позже узнал Василий, но когда было по-другому?

Он должен следить за ними.

— Скромную свадьбу легче спланировать, учитывая ограниченное время.

Он нахмурился.

— Ограниченнное время?

Ева вздернула бровь.

— За кого я выхожу замуж, папочка? — спросила она, словно этот вопрос сам был ответом. Так и есть.

А еще, хоть Василий и неделю слышал свое прозвище, все равно не переставал удивляться. Кто бы мог подумать, что он и его ребенок так быстро и легко сблизятся? Поразительно.

— Как насчет внуков? Думаешь, мне рановато в сорок три становиться дедушкой?

«Слишком много хочу?» — подумал он, улыбнувшись при виде румянца Евы. Он только обрел дочь, а уже требовал внуков. Василий смотрел, как она застенчиво улыбалась своему мужчине, и выражение ее лица было таким знакомым, что от эмоций сжималось горло. Кэтрин смотрела так на него бесконечное количество раз. Отражение родителей в дочери поражало и одновременно утешало.

Василий переключил внимание на Габриэля и почувствовал гордость за то, что итальянцу хватило наглости заявить права на любимую женщину, как не смог в свое время он.

— Внуки? Давайте сменим тему, — застонала Ева, — а то у Максима сейчас фантазия разыграется. Я его знаю.

Василий поднялся и отвел, наконец, взгляд от влюбленных. А затем, усмехаясь вместе с Габриэлем и Винсентом, направился к бару выпить. Он соединил вместе влюбленную пару.

Наконец-то в его жизни появилось то, чем он мог гордиться.